OB
1916-49

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТОМЕНЬ

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ.

05
2.61

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. Тюмень

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія IV)

П—39

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

ПУШКИНСКАЯ ВЪ ТЮМЕНИ. ГОРОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА

СОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА № 1 г. Тюмень

№ 4. Апрѣль. 1916.

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бульваръ, Путинковскій переулокъ., д. 3.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. **Е. Н. Водовозова.** Къ свѣту. (Изъ жизни людей 60 гг.). 1
2. **Е. А. Штакеншнейдеръ.** Изъ дневниковъ 1861—1870 гг. 44
3. **С. В. Ковалевская.** Письма 1868 г. (Съ портретомъ). 77
4. **В. Н. Смѣльскій.** Священная Дружина. (Изъ дневника ея члена). 95
5. **П. А. Кропоткинъ.** Поправка къ дневнику В. Смѣльскаго. . . . 111
6. **В. Евгеньевъ.** Н. Некрасовъ и люди 40-хъ годовъ. 113
7. **В. П. Науменко.** Кіевская сатира 50 лѣтъ назадъ. 140
8. **Массонъ.** Мемуары о Россіи. Пер. *В. Степановой*. 157
9. **Н. И. Карѣевъ.** Польская медаль въ память Апухтина. 172
10. **В. И. Семевскій.** Петрашевцы. Кружокъ Кашкина. 174
11. **Г. А. Лопатинъ.** Къ разсказамъ о П. Л. Лавровѣ 193
12. **Н. І. Шатиловъ.** Изъ недавняго прошлаго. 205

13. **ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.** 226

I. **Г. И. Шрейдеръ.** Папа, Бисмаркъ и Вильгельмъ. 226

II. **К. Ѳ. Тіандеръ.** Нѣсколько чертъ изъ жизни Лео Мекелина. 235

III. **В. М. Фишеръ.** Къ замѣткѣ проф. Г. В. Вульфа: «Послѣдніе мѣсяцы въ Варшавскомъ университетѣ». 239

14. **КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ** 242

В. Водовозовъ. Россія, Царьградъ и проливы. — **Вл. Пичета.** А. А. Корниловъ. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX в. **Н. Василенко.** К. В. Харламповичъ. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь.

Стр.

Н. Пиксановъ. Сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова. **М. Клевенскій,** Русскіе Пропилеи. Т. 3. **В. Міяковскій,** Бесѣды. Сб. О-ва Ист. Лит. въ Москвѣ. **В. Фишеръ,** Ивановъ-Разумникъ. Сочиненія. Т. V. **В. Фриче,** Вернонъ Ли. Италія. Театръ и музыка. **В. Бузескулъ,** Максъ Вундтъ. Греческое міровоззрѣніе. **В. Потемкинъ,** Корнилль. Пророки 242

15. **Письма въ редакцію** 271

16. **Объявленія.** 273

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

Къ свѣту.

(Изъ жизни людей шестидесятыхъ годовъ).

I.

Какъ-то осенью, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, въ мою квартиру позвонили. Когда я открыла дверь, на порогѣ передо мной стояла молодая, красивая дѣвушка съ нѣжнымъ, здоровымъ румянцемъ на щекахъ, съ густыми каштановыми волнистыми волосами, съ темно-карими глазами. Это была моя подруга по институту, Антонина Николаевна Садовская [1]). Только что мы успѣли расцѣловаться, какъ кто-то опять дернулъ за колокольчикъ. Оказалось, что два дворника втаскивали ея чемоданы, узлы и картонки. Чрезвычайно смущаясь, густо краснѣя и помогая разставлять свои вещи, Тоня конфузливо бросала мнѣ:

— Представь, вѣдь я, наконецъ, совсѣмъ удрала отъ своихъ старухъ! Бога ради не сердись на меня! Я такъ безцеремонно нагрянула къ тебѣ... Даже не предупредила. Мнѣ вѣдь больше некуда дѣваться! Позволь провести у тебя хотя сутки. А завтра мы вмѣстѣ поищемъ для меня какое-нибудь пристанище.

Хотя разрывъ молодого поколѣнія со старымъ былъ самою характерною чертою шестидесятыхъ годовъ, и мнѣ то и дѣло приходилось быть свидѣтельницею того, какъ молодежь обоего пола уходила изъ-подъ родительскаго крова даже тамъ, гдѣ дѣтей страстно любили и гдѣ они въ свою очередь были привязаны къ родному гнѣзду, но все же я была чрезвычайно поражена «бѣгствомъ» Тони,—такъ оно мало соотвѣтствовало ея характеру.

Исторію ея дошкольной жизни мнѣ отчасти разсказывала она сама, но еще лучше я познакомилась съ нею изъ писемъ ея опекуна. Она лишилась матери въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.

---

[1]) Нѣкоторыя лица въ этомъ очеркѣ названы вымышленными именами, а писатели выступаютъ подъ своими настоящими фамиліями.

Ея отецъ былъ учителемъ математики въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Воронежа. Оставшись вдовцомъ съ двухлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ и имѣя въ городѣ свой собственный деревянный домъ, Садовскій прежде всего переселилъ къ себѣ своего закадычнаго друга еще по университету, холостяка Муравскаго, учителя литературы въ томъ же заведеніи, въ которомъ служилъ и самъ Садовскій. Оба пріятеля страстно привязались къ маленькой дѣвочкѣ, оба чрезвычайно любили возиться съ нею, внимательно слѣдили за ея воспитаніемъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ Муравскій занимался ею еще болѣе чѣмъ родной отецъ, который хворалъ очень часто и подолгу.

Въ то время знаніе иностранныхъ языковъ считалось первымъ условіемъ хорошаго воспитанія, и воспитатели Тони нанимали для нея иностранокъ, а когда пришло время учить, сами стали ея учителями.

Садовскій умеръ, когда его дочери было лѣтъ шесть. Онъ оставилъ завѣщаніе, по которому опекуномъ дочери, полнымъ распорядителемъ ея судьбы и имущества былъ назначенъ крестный отецъ Тони, Муравскій. Умирая Садовскій просилъ своего друга вести воспитаніе Тони въ такомъ же духѣ, какъ оно было поставлено при немъ, и тратить на него пятитысячный капиталъ, который онъ оставилъ въ его распоряженіе; когда дѣвочкѣ исполнится девять лѣтъ, Муравскій долженъ былъ опредѣлить ее въ институтъ, даже если она не попадетъ въ него по баллотировкѣ. Въ такомъ случаѣ ему предписывалось продать домъ и вырученныя деньги вносить за ея воспитаніе.

Опекунъ исполнилъ болѣе чѣмъ добросовѣстно желаніе своего пріятеля. Онъ не тронулъ капитала Тони, а домашнее воспитаніе давалъ ей на собственныя средства, заработанныя имъ самимъ, присоединяя къ этому и проценты съ ея небольшого капитала. Когда дѣвочкѣ исполнилось девять лѣтъ, онъ отправился съ нею въ Петербургъ. Не желая лишать свою крестницу родственныхъ привязанностей и заранѣе скорбя о томъ, что въ институтѣ ее ждетъ одиночество, если ее никто не будетъ навѣщать, онъ поѣхалъ познакомиться съ ея родными тетками, сестрами матери Тони, двумя престарѣлыми дѣвицами Алтаевыми. Сестры не могли пробудить въ немъ симпатіи своимъ авторитетнымъ, наставительнымъ тономъ и высказываемыми ими сентенціями въ духѣ Домостроя. Очень огорчили онѣ его и тѣмъ, что не проявили никакихъ родственныхъ чувствъ къ своей племянницѣ. Онѣ заявили опекуну, что дѣвушка только и можетъ проникнуться правилами нравственности при воспитаніи въ монастырской школѣ. Если Муравскій послѣдуетъ ихъ совѣту, онѣ возьмутъ племянницу

на свое попеченіе, и судьба ея впослѣдствіи будетъ вполнѣ обезпечена. Принуждать ее сдѣлаться монахинею онѣ не намѣрены, но если она сама почувствуетъ призваніе къ монашеской жизни, она навсегда поступитъ въ монастырь, а не пожелаетъ—будетъ жить съ ними, съ своими родными тетками. Получивъ воспитаніе въ монастырской школѣ, дѣвушка, по ихъ мнѣнію, избѣжитъ житейскаго соблазна, и онѣ, ея тетки, уже позаботятся о ея дальнѣйшей судьбѣ. Опекунъ отказался отъ этого предложенія, ссылаясь на свое обѣщаніе, данное умирающему другу, опредѣлить сироту въ институтъ.

— Въ такомъ случаѣ мы умываемъ руки,—отвѣчали старыя дѣвы, холодно распростились съ нимъ и съ своею племянницею. На просьбу Муравскаго посѣщать дѣвочку въ институтѣ онѣ отвѣчали неопредѣленно, и за все время воспитанія Тони ни разу не поинтересовались ею, не отвѣтили даже ни на одно изъ ея поздравительныхъ писемъ, которыя она, по требованію крестнаго, писала имъ въ первые годы своей институтской жизни, ни разу не навѣстили ея и никого не присылали къ ней. Только Муравскій лѣтомъ, разъ въ два года, когда онъ освобождался отъ учительскихъ обязанностей, на двѣ, на три недѣли пріѣзжалъ въ Петербургъ. Тогда онъ аккуратно являлся въ пріемные дни къ своей крестницѣ.

Въ противоположность громадному большинству экспансивныхъ институтокъ, Тоня была если не скрытною, то весьма замкнутою особою и совершенно индифферентно относилась ко всѣмъ окружающимъ, какъ къ властямъ предержащимъ, такъ и къ товаркамъ. Она ни съ кѣмъ особенно не сближалась, никому не выказывала ни привязанности, ни антипатіи. Классныхъ дамъ она не грубила, но и не была у нихъ въ фаворѣ: онѣ скорѣе не долюбливали ея, такъ какъ она по институтской терминологіи не подлизывалась къ нимъ и не дружила съ тѣми изъ подругъ, которыя пользовались ихъ благосклонностью. Причиною нерасположенія начальства къ дѣвочкѣ, совсѣмъ не дерзкой, было также и ея упрямство. Когда ее наказывали (въ младшемъ классѣ института наказанія сыпались на головы воспитанницъ, какъ изъ рога изобилія), не было той силы, которая могла бы принудить ее попросить прощенія. Это ставило въ крайне неловкое положеніе классныхъ дамъ. Инстинкты влекли Тоню скорѣе къ порядочнымъ, чѣмъ къ дурнымъ подругамъ, которыхъ она сторонилась, но дѣлала она это для нихъ менѣе оскорбительно, чѣмъ кто бы то ни было изъ насъ, выказывавшихъ имъ всегда ненависть, презрѣніе и выкидывавшихъ относительно ихъ злыя продѣлки. Не будучи ни съ кѣмъ изъ подругъ ни въ особенно

дружелюбныхъ; ни во враждебныхъ отношеніяхъ, Тоня относительно товарокъ никогда не заклеймила себя ни предательствомъ, ни малѣйшимъ двусмысленнымъ поступкомъ съ точки зрѣнія школьной этики.

Когда въ институтѣ начались реформы знаменитаго Ушинскаго, и бо́льшая часть взрослыхъ воспитанницъ жадно набросилась на чтеніе, она тоже почитывала, но безъ особеннаго увлеченія, ни съ кѣмъ не дѣлясь своими мыслями насчетъ прочитаннаго. Однажды, уже незадолго до нашего выпуска изъ института, увидавъ ее за чтеніемъ произведенія одного изъ классиковъ, я спросила ее: «Неужели и оно не растопитъ ее, «нашу ледяную глыбу»,—это было прозвище, которое мы дали Тонѣ. Она подняла голову отъ книги и съ минуту смотрѣла на меня молча.

— А ты приходишь отъ всего или въ восторгъ, или въ отчаяніе, кого-нибудь ненавидишь и проклинаешь или превозносишь до небесъ. Всегда бурлишь, всегда кипишь! Объясни мнѣ, какъ ты вся не выкипишь?

Тоня вообще очень рѣдко высказывала свои мысли и мнѣнія, никогда не говорила о своемъ желаніи начать послѣ выхода изъ института самостоятельную трудовую жизнь, о чемъ мы и вслухъ, и про себя горячо мечтали съ тѣхъ поръ, какъ въ нашихъ стѣнахъ, замуравленныхъ отъ всего живого, появился Ушинскій съ приглашенными имъ новыми учителями. Тѣмъ не менѣе она была очень неглупою дѣвушкой; такою ее считали учителя и мы, ея подруги, судя по ея отвѣтамъ и сочиненіямъ.

— А мнѣ было бы очень интересно знать,—сказала я ей вмѣсто отвѣта,—если бы ты хотя разъ искренно назвала мнѣ причину, которая заставляетъ тебя ко всему и ко всѣмъ относиться такъ безразлично холодно? Почему ты никого не любишь? Какъ это выходитъ такъ, что рѣшительно ничто не волнуетъ тебя, ничто не трогаетъ?

— Ты очень ошибаешься. Меня трогаетъ, но только одинъ человѣкъ въ мірѣ—мой крестный. Онъ одинъ меня любитъ, только онъ одинъ на свѣтѣ интересуется мною, и я одного его люблю. А здѣсь для меня рѣшительно все и всѣ безразличны. Ты въ такомъ восторгѣ отъ теперешняго преподаванія и возможности чтенія хорошихъ произведеній... Да, конечно, наша институтская жизнь теперь интереснѣе прежняго. Но я вѣдь не изъ воспламеняющихся: вѣроятно нуженъ огромный костеръ или горячее солнце, чтобы растопить такую «ледяную глыбу», какъ я.

Она доказала впослѣдствіи, что правильно охарактеризовала себя въ то время. Ея индифферентизмъ долго поддерживался отчасти природною холодностью ея темперамента и какою-то пре-

ПЕНКОВСКАЯ
ВЪ ТЮМЕНИ. 9
ГОРОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ждевременною разсудительностью, но также и [illegible] зическимъ развитіемъ, при которомъ кровь спокойно переливается въ жилахъ, организмъ еще не получилъ толчка, мозгъ не началъ еще работать надъ разрѣшеніемъ жизненныхъ проблемъ, а сердце молчитъ.

По окончаніи институтскаго образованія Тоня рѣшила остаться пепиньеркой, т. е. пройти спеціальный педагогическій классъ въ томъ же институтѣ. Молодыя дѣвушки этого класса имѣли уже право выѣзжать въ извѣстные дни. И вотъ въ это-то время Тоня иногда посѣщала мой домъ, изрѣдка театръ, но чаще всего оставалась въ институтѣ, не пользуясь даже своими свободными днями. Ни разу не была она и у тетокъ, — такъ оскорбило ее ихъ невниманіе къ ней.

Хотя во время ея двухлѣтняго пребыванія въ спеціальномъ классѣ мой домъ былъ единственнымъ, который Тоня изрѣдка посѣщала, хотя она съ бо́льшею сердечностью относилась ко мнѣ, чѣмъ прежде, но я не считала ее особенно близкою для себя прежде всего потому, что мы совершенно расходились съ нею во взглядахъ на многіе вопросы, чрезвычайно дорогіе для меня. Проживъ наиболѣе острый періодъ зари нашего обновленія въ институтѣ и оставляя его только иногда, и то на нѣсколько часовъ, она, конечно, не могла бы даже и при желаніи броситься въ водоворотъ кипучей жизни шестидесятыхъ годовъ. Но у нея и не могло быть подобнаго стремленія: далеко не всѣ идеи того времени были ей по душѣ, а къ опрощенію жизни, ко многимъ обычаямъ, нравамъ и одеждѣ нигилистовъ она относилась съ болѣе горячимъ порицаніемъ, чѣмъ это даже свойственно было ея натурѣ. Она считала всенеобходимымъ для дѣвушки хорошія манеры и красивую одежду. Сама она имѣла видъ свѣтской барышни, прекрасно воспитанной и одѣтой хотя очень просто, но всегда изящно и съ большимъ вкусомъ. При этомъ она постоянно высказывала сожалѣніе, что ея ограниченныя матеріальныя средства не дозволяютъ ей гораздо больше тратить на свой туалетъ, а у меня и у людей мнѣ близкихъ задачи и стремленія были совсѣмъ иного характера.

Разъ она встрѣтила у меня прехорошенькую молодую дѣвушку съ обстриженными волосами и въ гладкомъ черномъ платьѣ, не украшенномъ никакою отдѣлкой.

— А, это значитъ тоже нигилистка?—сказала Тоня, когда гостья ушла.—Надѣла на себя монашеское облаченіе, по-мальчишески остригла волосы и воображаетъ, что она героиня!

— Она и есть настоящая героиня! Исключительно своимъ трудомъ—уроками музыки и языковъ, разрисовкой красками вѣе-

ровъ и экрановъ—она содержитъ больную мать, двухъ маленькихъ племянницъ,—дочерей покойной сестры, и себя. Мало того, она еще умудряется давать два даровыхъ урока въ недѣлю въ той школѣ, гдѣ и я преподаю.

— Не умалила бы своихъ добродѣтелей, если бы немного расцвѣтила свой монашескій туалетъ хотя бы какимъ-нибудь цвѣтнымъ бантикомъ: вѣдь цѣна ленты какой-нибудь четвертакъ.

— Вѣроятно, и четвертакъ для нея большой расчетъ. Ей, съ утра до ночи занятой серьезной работой и заботой, некогда думать объ украшеніяхъ. Мнѣ кажется только тотъ заслуживаетъ порицанія за свою болѣе чѣмъ скромную одежду, кто прибѣгаетъ къ опрощенію исключительно для выставки своихъ прогрессивныхъ идей, во всѣхъ же другихъ случаяхъ это не минусъ, а плюсъ.

Когда Тоня увидала меня въ первый разъ послѣ того, какъ я отрѣзала свою косу, она посмотрѣла на это съ неменьшимъ ужасомъ, какъ если бы я собственными руками отрѣзала себѣ уши или носъ.

— Какъ могла ты, какъ рѣшилась обезобразить себя? Ты представлялась мнѣ всегда самостоятельнымъ человѣкомъ, и вдругъ рабски слѣдуешь этой уродливой нигилистической модѣ!

Я ей указывала на то, что мои изъ ряду вонъ густые и непослушные волосы не только заставляли меня тратить на нихъ много времени, но я такъ-таки и не научилась самостоятельно причесываться, всегда имѣла растрепанный видъ, что меня страшно смущало. Но мои оправданія казались ей плохо мотивированными, и она находила мой поступокъ крайне глупымъ и унизительнымъ для женскаго достоинства. Это не мѣшало ей съ добротою и превеликимъ вниманіемъ заботиться о моемъ туалетѣ: она доставала мои платья изъ шкаповъ и старалась, если только была возможность, украсить ихъ какими-нибудь кружевцами, бантиками или ленточками, и когда я не мѣшала ей это дѣлать, она болѣе снисходительно относилась, какъ она называла, къ моимъ «нигилистическимъ замашкамъ и повадкамъ».

Когда Тоня кончила педагогическій курсъ въ институтѣ, къ ней пріѣхалъ ея опекунъ, и она объявила ему, что не желаетъ болѣе съ нимъ разставаться, просила его увезти ее съ собою въ Воронежъ и найти ей уроки въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи этого города. Хотя онъ самъ желалъ поселиться съ обожаемою имъ крестницею, но боялся, что это сожительство вдвоемъ съ молодою дѣвушкою можетъ повредить ея репутаціи; онъ чистосердечно высказалъ ей это, а также, что онъ находится въ большомъ затрудненіи, куда ему дѣть ее, такъ какъ она не желала

гувернантствовать, дозволить же ей жить одной въ Петербургѣ онъ считаетъ опаснымъ. Преслѣдуемый этою заботою, онъ извѣстилъ Алтаевыхъ, что желаетъ показать имъ ихъ родную племянницу, уже взрослую дѣвушку. Онъ неожиданно получилъ отъ нихъ весьма любезное приглашеніе и вмѣстѣ съ крестницею былъ принятъ чрезвычайно радушно. Тетки упросили племянницу погостить у нихъ нѣсколько дней.

Когда по ихъ просьбѣ Тоня написала нѣсколько дѣловыхъ писемъ и исполнила кое-какія порученія, онѣ стали уговаривать ее совсѣмъ остаться жить у нихъ. Онѣ уже немощныя старухи, жаловались онѣ, часто похварываютъ, зрѣніе у нихъ слабѣетъ,—вотъ Тоня и была бы ихъ помощницею, заботилась бы о нихъ во время ихъ частыхъ болѣзней, иногда почитала бы имъ кое-что, съѣздила бы кое-куда по ихъ дѣламъ,—вѣдь такой трудъ не обременителенъ. А имъ такъ бы хотѣлось имѣть въ своемъ домѣ близкаго человѣка: имъ невозможно обходиться теперь безъ чужой помощи. Пробовали онѣ для этого брать молодыхъ дѣвушекъ, но всѣ онѣ оказывались «вертихвостками и никчемными». Нечего и говорить, добавляли онѣ, что родныя тетки не обидятъ свою племянницу и сироту: она будетъ у нихъ вполнѣ обезпечена, можетъ выбрать для себя комнату, а если пожелаетъ, то двѣ и три,—вѣдь квартира у нихъ въ собственномъ домѣ и весьма просторная.

Опекуну старухи сепаратно говорили о томъ, что если онѣ поладятъ съ племянницею, то она послѣ ихъ смерти получитъ половину ихъ состоянія, а другую половину онѣ завѣщаютъ на благотворительныя дѣла и на поминъ души. Муравскому же, вслѣдствіе случайнаго знакомства съ довѣреннымъ по ихъ дѣламъ, только что сдѣлалось извѣстнымъ, что у Алтаевыхъ огромное состояніе: подъ Москвою большое помѣстье, въ государственномъ банкѣ солидный капиталъ на храненіи и собственный домъ на Сергіевской. Довѣренный по ихъ дѣламъ не скрылъ отъ Муравскаго и того, что обѣ сестры—большія ханжи и порядочныя скряги. Да и самъ Муравскій хотя не зналъ ихъ близко, но только по тому, что онъ видѣлъ и слышалъ, не обманывалъ ни себя, ни Тоню, что ея жизнь у старыхъ дѣвъ не можетъ быть особенно привлекательною для молодой дѣвушки. Однако увѣренность въ томъ, что красивая, умная и разсудительная Тоня въ концѣ-концовъ непремѣнно покоритъ сердца своихъ тетокъ и пробудитъ въ нихъ запоздалую материнскую любовь, а также надежда, что она впослѣдствіи будетъ богатою наслѣдницею, настолько соблазнили Муравскаго, что онъ уговорилъ крестницу остаться у тетокъ, не спросивъ ихъ даже о томъ, будутъ ли онѣ что-нибудь давать ей на туалетъ и карманные расходы.

Жизнь Тони у Алтаевыхъ оказалась несравненно болѣе непріятною, чѣмъ предполагали она сама и ея опекунъ. На нее сразу взвалили массу порученій, хлопотъ и дѣлъ, для исполненія которыхъ ей то и дѣло приходилось разъѣзжать по всему Петербургу. Каждую свободную минуту она должна была читать теткамъ житія святыхъ, писать письма подъ диктовку или самостоятельно набрасывать ихъ, а также подсчитывать расходы и доходы по имѣнію и дому. Старухи точно боялись оставить Тоню безъ дѣла хотя на минуту. Онѣ напередъ говорили ей: сдѣлаешь это, начинай то-то. Когда изрѣдка все было исполнено, и казалось, что Тоня можетъ отправиться въ свою комнату, старухи просили ее вышить «хотя маленькій букетикъ» по канвѣ ковра, который онѣ по обѣту должны были преподнести въ ту или другую церковь. Каждое воскресенье, каждый большой праздникъ и наканунѣ ихъ она должна была сопровождать тетокъ въ церковь. По воскресеньямъ старухи давали обѣдъ знакомымъ духовнымъ лицамъ, и такой день приносилъ Тонѣ особенно много хлопотъ.

Все это терпѣла, скрѣпя сердце, молодая дѣвушка, но ее совершенно выводило изъ себя требованіе тетокъ, чтобы она, исполняя свою обязанность разливать чай, все время присутствовала при бесѣдахъ съ ними монаховъ и монахинь, какихъ-то подозрительныхъ проходимцевъ подъ видомъ странниковъ и странницъ съ Аѳона и сборщиковъ на построеніе храма, которые то и дѣло заходили къ нимъ по вечерамъ. Старухи съ интересомъ слушали ихъ розсказни о чудотворныхъ иконахъ и о странствіяхъ по святымъ мѣстамъ и находили ихъ очень назидательными для такой молодой дѣвушки, какъ Тоня.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ жизни у тетокъ, Тоня, одурѣвъ отъ постылой жизни, просила ихъ разрѣшить ей съѣздить въ театръ, но онѣ рѣзко отказали ей, объясняя свой отказъ тѣмъ, что при поступленіи къ нимъ она не предупредила ихъ о своей любви къ театральнымъ зрѣлищамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могутъ только погубить нравственность дѣвушки; къ тому же имъ и не съ кѣмъ отпускать ее, а такой дѣвушкѣ, какъ она, неприлично выѣзжать одной. На ея возраженіе, что она цѣлыми днями разъѣзжаетъ одна по ихъ порученіямъ, онѣ отвѣчали, что это совсѣмъ другое,—тогда каждый видитъ, что она занята своимъ дѣломъ, а въ театрѣ мужчины, возбужденные безнравственными современными пьесами, только и думаютъ о томъ, какъ бы прицѣпиться къ дѣвушкѣ и наговорить ей всякихъ пошлыхъ комплиментовъ.

Тоня написала крестному, что жизнь у тетокъ для нея несравненно тяжелѣе той, которую она вела въ педагогическомъ классѣ

института: тогда она, хотя изрѣдка, могла выѣзжать въ театръ и куда ей хотѣлось. Крестный думалъ, что тетки будутъ наряжать ее какъ куколку, а онѣ то и дѣло упрекаютъ ее за ея туалеты, слишкомъ элегантные для сироты и бѣдной дѣвушки. Скупы онѣ до невѣроятности: для ничтожной поправки въ домѣ онѣ разсылаютъ дворниковъ во всѣ концы города, чтобы найти столяра или слесаря на гривенникъ дешевле. Съ поваромъ каждый день происходитъ баталія за дорого заплаченную морковь или рѣпу. Она не получаетъ ни копейки вознагражденія за свой безпокойный трудъ, а между тѣмъ ей необходимы деньги, чтобы покупать себѣ то башмаки, то перчатки. Онѣ не дозволяютъ ей, помимо своихъ порученій, никуда выѣзжать; она такъ завалена ихъ дѣлами, что даже не имѣетъ возможности что-нибудь прочесть для себя.

Это письмо привело въ негодованіе Муравскаго: онъ не щадилъ собственныхъ средствъ, чтобы только не трогать маленькій капиталъ своей крестницы, а теперь онъ долженъ высылать по крайней мѣрѣ рублей двадцать пять на ея карманные расходы. Поразило его и то, что она ведетъ такую подневольную, замкнутую жизнь.

Онъ требовалъ, чтобы Тоня немедленно выговорила для себя опредѣленное время для выѣзда и для своего собственнаго чтенія, чтобы она прямо и смѣло заявила имъ, что онъ, ея опекунъ, немедленно возьметъ ее къ себѣ и найдетъ ей уроки на сорокъ—пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, и даже въ такомъ случаѣ она будетъ занята не болѣе, какъ до пяти-шести часовъ вечера. Онъ думаетъ, писалъ онъ, что этихъ угрозъ достаточно будетъ для того, чтобы привести старухъ въ христіанскую вѣру, что эти ханжи и скряги побоятся лишиться въ ея лицѣ даровой компаньонки-экономки. Но тѣмъ не менѣе онъ просилъ Тоню, если только у нея хватитъ терпѣнія, не порывать съ ними окончательно: «Твои тетки обѣщали мнѣ обезпечить тебя въ будущемъ, а я могу такъ мало сдѣлать для тебя!»

Какъ-то вечеромъ Алтаевы, не дождавшись посѣщенія любимаго монаха Варсонофія, обѣщавшаго къ нимъ зайти, позвали къ себѣ Тоню для чтенія. Она отвѣчала, что явится черезъ нѣсколько минутъ, наскоро одѣлась, вошла къ нимъ въ пальто и шляпѣ и заявила, что ей сегодня некогда читать,—она рѣшила посѣтить подругу и ночевать у нея.

Алтаевы были такъ поражены этимъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что даже растерялись въ первую минуту. Но когда даръ слова къ нимъ вернулся, то одна, то другая изъ нихъ начала выкрикивать:

— Какъ ты смѣешь такъ разговаривать съ нами! Мы не знаемъ твоей подруги! Ты не можешь насъ такъ опозорить!

— Если вы находите мое поведеніе предосудительнымъ, вы можете сказать мнѣ объ этомъ завтра. Въ такомъ случаѣ я немедленно телеграфирую опекуну, чтобы онъ пріѣхалъ за мною и поселюсь у него. Кстати теперь рождественскіе праздники, и онъ свободенъ отъ занятій.

Она повернулась, чтобы уйти, а вслѣдъ ей старухи продолжали кричать:

«Какъ, ты собираешься поселиться съ холостымъ человѣкомъ? Да отъ тебя отвернется рѣшительно все общество!»

Когда Тоня послѣ полугода жизни у Алтаевыхъ въ первый разъ пріѣхала къ намъ, я нашла ее похудѣвшею и поблѣднѣвшею.

II.

Тоня, будучи пепиньеркой, бывала у насъ только по воскресеньямъ, да и то крайне рѣдко. Въ первый разъ она пріѣхала къ намъ на журфиксъ во вторникъ, какъ разъ въ такое время, когда у насъ, благодаря праздникамъ, должно было собраться особенно многолюдное общество.

И вотъ черезъ часъ-другой всѣ наши комнаты были переполнены преимущественно молодежью обоего пола, но былъ кое-кто и изъ литераторовъ, а также и нашъ бывшій инспекторъ въ Смольномъ монастырѣ К. Д. Ушинскій, знакомыя дамы и между ними нѣсколько моихъ подругъ. Сѣли за чайный столъ: собравшіеся мало-по-малу все болѣе оживлялись. Здѣсь и тамъ сообщали новости городскія и провинціальныя, послышались смѣхъ, остроты, шутки, споръ. Наконецъ, гости сами бросились выносить въ кухню самоваръ и посуду, сдвигали стулья и столы въ комнату подлѣ, и такимъ образомъ выгадывалось болѣе мѣста. Раздалось дружное хоровое пѣніе. Выступали и солисты, и куплетисты, и импровизаторы, произносившіе рѣчи, въ комическомъ видѣ изображая нѣкоторыя событія изъ современной дѣйствительности, или стихи экспромтомъ, правда, нерѣдко сочиненные заранѣе. Но когда начались танцы, тутъ уже веселье достигло своего апогея. Танцы играли на фортепьяно два студента въ четыре руки, а подлѣ нихъ сгруппировались аккомпаньяторы—молодые люди съ балалайками.

Ко мнѣ подсѣла Тоня, вся раскраснѣвшаяся отъ танцевъ, съ блиставшими отъ удовольствія глазами. Наклоняясь ко мнѣ, она заговорила:

— До чего у васъ весело! Счастливая, счастливая! Посмотри...

даже Ушинскій танцуетъ кадриль! Правда, онъ только расхаживаетъ, но его обычной суровой серьезности точно и не бывало. Господи! хохочетъ! Ну, этого я уже не могла себѣ представить!— Въ эту минуту ее кто-то потащилъ за руку и поставилъ въ кругъ танцующихъ.

Я присѣла въ уголокъ къ маленькому столику, чтобы поболтать съ Евгеніею Карловною Гайдебуровою, которая пила чай, такъ какъ она только что пришла. Вдругъ ко мнѣ опять подбѣжала Тоня, и когда я отрекомендовала ее моей сосѣдкѣ, она проговорила, обращаясь къ ней:

— Простите, что я утащу ее отъ васъ. Тамъ такъ интересно!

— Берите, берите... Я сію минуту покончу съ чаемъ и сама явлюсь къ вамъ.

— Знаешь, вотъ тутъ,—объясняла мнѣ Тоня, указывая на небольшой кружокъ молодежи, сидѣвшей сгруппировавшись въ маленькой комнатѣ,—идетъ игра въ загадки и разгадки. Тотъ, кто не сумѣлъ разгадать, долженъ, по присужденію окружающихъ, разсказать что-нибудь изъ прошлаго, но именно такое, въ чемъ ему трудно сознаться.

Хотя послѣ первыхъ лѣтъ шестидесятыхъ годовъ обычай безъ утайки говорить въ глаза окружающимъ все, что только придетъ въ голову, сталъ ослабѣвать, но пока онъ еще держался: грубость нигилизма уже сглаживалась, но его основа осталась. Я очень боялась, что до ушей щепетильной Тони, никогда не бывавшей въ такой безцеремонной компаніи, дойдетъ что-нибудь, что ей не понравится или будетъ ее шокировать. Когда мы очутились въ этой группѣ, очередь разсказать о своихъ прегрѣшеніяхъ оказалась за Заринымъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ 26, съ симпатичнымъ лицомъ, на которомъ оспа оставила замѣтные слѣды. «Будьте же добросовѣстны», кричали ему со всѣхъ сторонъ: «чистосердечно разскажите о вашихъ грѣхахъ молодости!»

— Не можете же вы требовать отъ меня, господа, чтобы я передъ всей честной компаніей взялъ да и открылъ крѣпко-накрѣпко замкнутый сундукъ со всѣми моими прегрѣшеніями? Мнѣ самому до смерти совѣстно вспоминать о многомъ.—«Такъ вытягивайте изъ него что-нибудь комичное!»—«Почему же только комичное? Можно и трагическое».—«Во всякомъ случаѣ, Зариnъ, вы не имѣете права уклоняться отъ нашего условія».

— Пусть будетъ по-вашему. Я разскажу то, о чемъ до сихъ поръ не могу вспомнить безъ краски стыда. Такъ вотъ: мнѣ стукнулъ уже 22-й годъ, я только что перешелъ на третій курсъ юридическаго факультета и, долженъ сказать безъ хвастовства,

былъ изъ серьезно занимающихся юношей. Несмотря на это, у меня была скверная привычка отправляться вечеромъ послѣ занятій, а то и ночью, шляться по улицамъ и приставать къ одиноко идущимъ женщинамъ. Мнѣ очень нравилось такое времяпрепровожденіе, и я находилъ, что это нисколько не предосудительно, даже полезно, какъ отдыхъ послѣ усидчивыхъ занятій. И зачастую, по вечерамъ или ночью, я провожалъ то одну, то другую молодую особу, пока та не исчезала изъ моихъ глазъ или не начинала во все горло звать городового. Тогда уже я со всѣхъ ногъ бросался въ какой-нибудь переулокъ. Эта скверная привычка оставалась у меня даже и послѣ того, когда однажды ночью я увидалъ небольшого роста худенькую, прехуденькую дѣвушку, скорѣе даже подростка, которая боязливо пробиралась по улицѣ, держа въ одной рукѣ портфельчикъ, вѣроятно, съ «musique». Еще пока я шелъ сзади нея, и мои шаги гулко раздавались по тротуару, я замѣтилъ, что она вся дрожитъ, какъ осиновый листъ. Но ея страхъ и трепетъ ничуть не устыдили меня. Вдругъ она сразу побѣжала, но я слѣдовалъ за нею крупными шагами и скоро догналъ ее, поравнялся съ нею и положилъ руку на ея талію. Она еще пуще затрепетала, отбивалась, какъ пойманная птичка, слезливо всхлипывая, произносила какія-то безсвязныя слова, а я еще крѣпче притянулъ ее къ себѣ, и она безъ звука (вѣрно отъ страха у нея сдѣлались спазмы въ горлѣ) почти упала на мою руку. Но въ ту же минуту съ шумомъ раскрылся ярко освѣщенный парадный подъѣздъ дома, мимо котораго мы съ нею проходили. Оттуда на улицу вышло нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Схваченная и облапленная мною дѣвочка точно сразу очнулась и, какъ мышка, юркнула въ открытый подъѣздъ. Волей-неволей я побрелъ домой, но долженъ сознаться, что и послѣ своего возвращенія я не почувствовалъ ни стыда, ни угрызенія совѣсти. Стою одинъ въ своей комнатѣ и хохочу, какъ дуракъ,— такъ мнѣ было смѣшно вспоминать тотъ моментъ, когда трепещущую дѣвочку я ощущалъ на своей рукѣ, когда мнѣ чудилось, что я слышу біеніе ея сердца. Эта позорная привычка, вѣроятно, довольно основательно срослась бы съ моею душою, если бы не одинъ случай...

— Однако, вы должно быть порядочный мер...—вдругъ гнѣвно выкрикнулъ одинъ изъ студентовъ, но присутствующіе не дали ему кончить и съ негодованіемъ набросились на него: «Да вѣдь это же подло: принудить человѣка говорить о томъ, что ему тяжело вспоминать, а затѣмъ его же поносить!...»

— Я обѣщалъ разсказать и докончу. Пусть уже послѣ этого броситъ въ меня камнемъ тотъ, кто считаетъ себя безгрѣшнымъ въ подобныхъ дѣлахъ.

Всѣ сразу стихли.

— Такъ вотъ что нужно было, чтобы я, наконецъ, опомнился и оцѣнилъ по достоинству свои похожденія. Однажды, въ поздній осенній вечеръ, навстрѣчу мнѣ шла высокая женщина. Она поравнялась со мною, и на хорошо освѣщенной улицѣ я разсмотрѣлъ ея умное, красивое лицо, смѣлое выраженіе ея прекрасныхъ глазъ. Когда она прошла мимо меня, я сейчасъ же пошелъ за нею. Молча прошли мы нѣсколько минутъ, и я сталъ все ближе подходить къ ней. Она тотчасъ остановилась и бросила мнѣ нѣсколько словъ, въ которыхъ не было слышно ни волненія, ни конфузливости: «Не такъ близко! Слышишь *ты*?» Хотя меня поразили ея высокомѣрныя слова на «ты», точно окрикъ на лакея, который, несмотря на свое низкое соціальное положеніе, осмѣливается близко подойти къ высокопоставленной особѣ, но они не пробудили во мнѣ надлежащаго сознанія, а въ первую минуту даже еще болѣе подзадорили меня. Я смѣло поравнялся съ нею и началъ нести обычную околесицу: «Почему вы запрещаете приближаться къ вамъ? Для меня чѣмъ ближе, тѣмъ несравненно пріятнѣе»... и другую чушь.

Она шла молча, не замедляя и не ускоряя шага, но когда я выболталъ все, что у меня было на языкѣ, она, не останавливаясь, внимательно посмотрѣла на меня и, продолжая итти, заговорила съ презрѣніемъ: «Ты, видимо, порядочный-таки пошлякъ и шалопай. Вмѣсто того, чтобы учиться или вести съ умными товарищами серьезную бесѣду, ты путаешься по улицамъ и тратишь свою жизнь на приставаніе къ женщинамъ. Къ тому же ты еще и идіотъ! «Хочу ближе... для меня это несравненно пріятнѣе...»,— (это она меня передразнивала), а подумалъ ли ты, болванъ, что близость такого урода, какъ ты, всего изрытаго оспой, должна приводить въ ужасъ каждую женщину?» Эти слова, какъ громомъ, поразили меня: они ужаснули, оскорбили, унизили меня до послѣдней степени. Я бросился бы бѣжать безъ оглядки въ ту же секунду, но точно окаменѣлъ,—прямо-таки не могъ сдвинуться съ мѣста. Остановилась и моя обличительница и, точно замѣтивъ потрясающее впечатлѣніе, произведенное на меня ея словами, вдругъ проговорила уже мягче:

— Ну, слава Богу! Въ какомъ-то уголкѣ *вашей* души есть еще стыдъ! Смотрите же (она только тутъ обратилась ко мнѣ на «вы»), не потеряйте его въ вашихъ авантюрахъ, а то онѣ, вѣрьте честному слову, сдѣлаютъ изъ васъ форменнаго негодяя.—И она быстро двинулась впередъ.

Я тоже почувствовалъ, наконецъ, возможность повернуть назадъ. Я возвратился домой, какъ жалкая, побитая собаченка,

совершенно изничтоженный и опозоренный. Помню, что когда я, не раздѣваясь, бросился на постель, я спрашивалъ себя, могло ли быть для человѣка что-нибудь еще болѣе позорно-унизительное сравнительно съ тѣмъ, что было мнѣ только что сказано? Если бы на меня кто-нибудь ни съ того, ни съ сего вылилъ громадный ушатъ грязныхъ помоевъ, это было бы, пожалуй, еще хуже? «Ничуть», тутъ же отвѣчалъ я самъ себѣ: «это было бы только случайною непріятностью, а ея слова ошельмовали меня за мое дѣйствительно позорное поведеніе. Однако, было бы еще хуже», раздумывалъ я, «если бы она дала мнѣ пощечину и плюнула бы въ глаза». И опять я отвѣчалъ самъ себѣ, что она имѣла на это полное нравственное право, и что ея обращеніе со мною, всѣ ея слова не менѣе истерзали мою душу, чѣмъ плевокъ и пощечина. «Однимъ словомъ, господа», кончилъ Заринъ свое повѣствованіе, «съ тѣхъ поръ я совершенно излечился отъ своей позорной слабости».

— Господинъ Заринъ!—вскакивая съ своего мѣста и протягивая руку молодому человѣку, воскликнулъ господинъ средняго роста, съ одухотворенной, въ высшей степени интересной физіономіей, чрезвычайно худощавый, съ проницательно карими, лихорадочно блестѣвшими глазами: это былъ Ушинскій.—Не осуждать васъ должны мы, а выразить вамъ свою глубочайшую признательность. Очень многіе дѣлаютъ и въ зрѣломъ возрастѣ еще похуже того, что вы продѣлывали въ юности, но едва ли у многихъ хватитъ мужества такъ чистосердечно изложить позорную страницу своего прошлаго. Такая откровенность несомнѣнно имѣетъ громадное моральное значеніе.

— Васъ навѣрно и это не проняло? А сколько бы вы могли разсказать про себя такого,—сказала я пану Шершневскому.

Это былъ человѣкъ небольшого роста, некрасивый, лѣтъ за 35, съ неинтеллигентнымъ, точно хронически припухшимъ лицомъ. Его всѣ называли паномъ Шершневскимъ: онъ былъ полякъ, но хотя зналъ польскій языкъ, говорилъ на немъ крайне плохо. Это былъ весьма неинтересный субъектъ, какъ-то особенно глупо ухаживавшій за всѣми нестарыми женщинами и дѣвушками и назойливо пристававшій къ нимъ. Но даже и тѣ изъ нихъ, которыя имѣли нѣкоторую склонность къ флирту, не только конфузились, но страшно злились за подобную дерзость съ его стороны и безцеремонно гнали его прочь отъ себя.

— А вамъ, конечно,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—понравилось это всенародное покаяніе уже потому, что его одобряетъ вашъ богоподобный Ушинскій. Разъ онъ дѣлаетъ это, вы растеривасте

всѣ ваши принципы, забываете, что никому не должно быть дѣла до личной жизни ближняго.

— Вы по обыкновенію все перепутываете и сваливаете въ одну кучу,—но въ эту минуту меня схватила за руку Тоня, и мы подсѣли съ нею къ Ушинскому.

— Разскажите-ка, Антонина Николаевна, какъ вы поживаете? Вѣдь я нѣсколько лѣтъ васъ не видѣлъ. Что хорошенькаго подѣлываете?

— Вотъ ужъ рѣшительно ничего хорошаго,—отвѣчала Тоня совершенно искренно,—и она въ нѣсколькихъ словахъ обрисовала свою несложную и совсѣмъ несовременную жизнь у старыхъ тетокъ. Въ ея изображеніи можно было удивляться только тому, что такая неглупая дѣвушка, ученица знаменитаго Ушинскаго, могла быть совершенно лишена стремленія къ живой дѣятельности. Но у нея никогда не было ни малѣйшаго поползновенія представлять себя лучше, чѣмъ она была въ дѣйствительности.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Ушинскій,—даже какъ-то трудно представить себѣ жизнь, менѣе подходящую для здоровой, молодой дѣвушки.

— Но, Боже мой, Константинъ Дмитріевичъ! Гдѣ же мнѣ жить, если не у тетокъ? Матерьяльныхъ средствъ у меня нѣтъ; если бы я даже и нашла какіе-нибудь уроки, что очень трудно, то взять комнату у незнакомыхъ людей мнѣ не позволитъ опекунъ, да я и сама побоялась бы жить съ чужими. Къ тому же на тѣ гроши, которые нынче зарабатываютъ женщины, трудно устроиться даже весьма скромно.

— А вы не иначе согласитесь работать, какъ сразу получивъ мѣсто съ хорошимъ окладомъ? Всѣмъ честнымъ людямъ приходится вначалѣ бороться съ нуждою, лишеніями и препятствіями. Жизнь безъ борьбы дѣлаетъ человѣка никуда негодною размазнею, немыслима для того, кто желаетъ выработать въ себѣ настоящую работоспособность и пріобрѣсти надлежащія знанія.

Но тутъ мнѣ пришлось отправиться въ импровизированную столовую, устроенную, какъ обыкновенно, руками той же молодежи. Это была настолько маленькая комната, что большой столъ нельзя было даже окружить стульями.

Когда я начала разставлять закуску, ко мнѣ подошелъ Николай Александровичъ Маньковичъ, молодой человѣкъ лѣтъ 27-ми, красивый блондинъ высокаго роста, года два тому назадъ кончившій университетскій курсъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился онъ ко мнѣ,—какъ фамилія вашей подруги? Я сегодня встрѣтился съ нею у васъ

въ первый разъ. Вѣдь вашихъ фиксовъ я ни разу не пропустилъ въ этотъ сезонъ.

— А что, она вамъ понравилась?

— О, да, даже очень и очень! Чудесная дѣвушка: красивая, граціозная, безъ тѣни жеманства, кокетства и рисовки... А это такая рѣдкость! Я все слышалъ, что она разсказывала о себѣ Ушинскому. Неужели она такъ же внезапно исчезнетъ, какъ появилась? Увы, увы, неужели же она промелькнетъ для меня, «какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты?»

— Теперь не время разговаривать: мнѣ нужно разставлять закуски. А вотъ вашъ отзывъ я непремѣнно передамъ ей, когда всѣ разойдутся.—И я двинулась на другой конецъ стола.

— Я вамъ помогу,—не отставалъ онъ отъ меня, хватая посуду.—Видите ли что?—онъ остановился и конфузливо теребилъ свою бѣлокурую бородку, все не рѣшаясь что-то сказать. Наконецъ, расхохотавшись какъ-то искусственно, онъ проговорилъ скороговоркой:—Ужъ если вы хотите сплетничать, такъ сплетничайте сейчасъ, сію минуту, а я затѣмъ приглашу ее на мазурку.

— Несчастный! Вы не осмѣливаетесь самостоятельно сказать даже комплиментъ?

— Разъ это ваша подруга, значитъ она современная особа... Скажи-ка кому-нибудь изъ васъ комплиментъ, сейчасъ поставите на одну линію съ паномъ Шершневскимъ.

— Ну, вамъ не грозитъ эта опасность! Отъ Адама и до настоящей минуты каждая дѣвушка не прочь выслушать комплиментъ, если онъ не очень плоскій.

Но тутъ кухарка внесла остальныя закуски, и я сказала Маньковичу, что мазурка будетъ послѣ ужина, а теперь нужно звать гостей въ эту комнату и предупредить ихъ, что здѣсь негдѣ сѣсть.

— Господа! Ужинъ накрытъ «à la fourchette»—зычно провозглашалъ онъ шутливымъ тономъ, какъ бы желая придать что-то болѣе торжественное закускѣ, которая у всѣхъ нашихъ знакомыхъ въ это время была крайне скромною.—Господа, извольте направляться въ эту комнату. За недостаткомъ мѣста для черезчуръ многолюднаго собранія въ этомъ миломъ нашему сердцу и гостепріимномъ домѣ, пусть каждый возьметъ, что ему по вкусу, и уходитъ въ другія комнаты.—Его слова были покрыты шумными рукоплесканіями. Еще многіе подходили къ закусочному столу, когда изъ другой комнаты послышались голоса, требующіе, чтобы Е. К. Гайдебурова спѣла что-нибудь. То была женщина лѣтъ 23-хъ, средняго роста, очень просто одѣтая, съ бѣлокурыми, прямыми, коротко остриженными, какъ у многихъ въ то время,

волосами, съ чрезвычайно симпатичными и подвижными чертами лица. Она съ необыкновеннымъ юморомъ и экспрессіею пѣла комическія пѣсенки и дуэты.

«Куманекъ, побывай у меня,

Душа-радость побывай у меня...»

Раздался ея небольшой, но пріятный и звучный сопрано; она выражала свое пожеланіе заискивающимъ, сантиментальнымъ голосомъ и лукаво блестѣвшими глазами. Ей громкимъ баритономъ отвѣчалъ студентъ, точно сдерживая свой грубый голосъ и желая придать ему нѣжность. Это пѣніе было настоящимъ сценическимъ представленіемъ. Всѣ покатывались со смѣху, и, когда оно окончилось, публика потребовала повторенія. Затѣмъ слѣдовали различные танцы и, наконецъ, мазурка съ разнообразными фигурами и съ разудалымъ подъемомъ, во время которой то здѣсь, то тамъ мелькала пара танцующихъ—Маньковича съ Тонею.

Когда всѣ разошлись, Тоня потянула меня въ комнату, гдѣ ей была приготовлена постель.

— Ну, теперь я уже намозолю вамъ глаза! Буквально каждый вторникъ буду являться! Такое задушевное веселье! Господи, а я-то вѣдь чуть совсѣмъ не прозѣвала его! И какъ странно: вѣдь цѣлый вечеръ мы только бѣсились, школьничали, пѣли, а меня точно окрылило какою-то отвагой. Честное слово,—никакого страха не чувствую передъ завтрашнимъ объясненіемъ съ тетками.

— Тоня, милая, вѣдь въ такомъ случаѣ тебѣ скоро и совсѣмъ не захочется жить у нихъ. Какъ Ушинскій, такъ и всѣ наши будутъ безпрестанно стыдить тебя, что ты живешь съ этими ханжами, проводишь жизнь такъ безполезно и скучно, какъ столѣтняя старуха.

— Это все же лучше, чѣмъ гувернантство.

— Наоборотъ, ты въ гувернанткахъ была бы болѣе независимою: могла бы каждый вечеръ читать не только житія святыхъ, но и выѣзжать, куда бы захотѣла.

— Какіе вы всѣ странные: Ушинскій, ты и другіе, съ которыми мнѣ приходилось говорить, вы воображаете, что человѣкъ рѣшительно все можетъ сдѣлать съ собою, что только онъ пожелаетъ. А если у меня такой темпераментъ, что меня не воспламеняютъ даже самыя чудныя идеи! А если я окажусь неспособной къ самостоятельной жизни? Если я не могу долѣе учиться, если мнѣ до тошноты надоѣли книги? Нѣтъ, нѣтъ, надъ этимъ нужно сильно призадуматься, прежде чѣмъ рѣшиться порвать съ моими тетушками! Я всегда думаю: какъ бы не прогадать, какъ бы не было бы хуже отъ перемѣны?

III.

Когда Тоня пріѣхала ко мнѣ въ слѣдующій вторникъ, она разсказала, какъ послѣ своего возвращенія отъ насъ она прямо заявила теткамъ, что, если онѣ желаютъ, чтобъ она оставалась въ ихъ домѣ, она не будетъ сидѣть у нихъ безвыѣздно. Она поставила непремѣннымъ условіемъ — пользоваться каждый вечеръ полною, безконтрольною свободою.

На этотъ разъ старухи совсѣмъ не кричали на нее, онѣ видимо, были даже смущены. Вѣроятно, онѣ нашли для себя невыгоднымъ порывать съ даровою экономкою и чтицею.—«Вѣдь мы не хотѣли только, чтобы ты выѣзжала одна. Все, что мы говорили, мы нашли нужнымъ сказать для твоей же пользы. И чего тебѣ не хватаетъ у насъ? Кажется, ты вполнѣ обезпечена?»

— Если бы крестный не посылалъ мнѣ 25-ти рублей въ мѣсяцъ, я не могла бы купить себѣ даже башмаковъ. Я порядочно знаю иностранные языки и всегда могу получить мѣсто рублей на 40 въ мѣсяцъ и еще выговорить вечера для выѣздовъ и для собственнаго чтенія.

Алтаевы, видимо, не ожидали, что Тонѣ можетъ притти въ голову такая простая мысль о получкѣ довольно изряднаго вознагражденія за свой трудъ, и кончили тѣмъ, что огорченно проговорили:—«Обо всемъ этомъ нужно подумать... Тебѣ, вѣроятно, не говорилъ твой опекунъ, что, если бы мы съ тобою поладили, мы бы по завѣщанію оставили тебѣ половину нашего состоянія. Имѣй въ виду, что другихъ родственниковъ у насъ нѣтъ, и намъ было бы очень пріятно сдѣлать наслѣдницею нашу родную племянницу-сироту».

— Но я ни за какія богатства не соглашусь сидѣть у васъ, какъ въ тюрьмѣ.

Въ первое же воскресенье послѣ церковной службы одна изъ тетокъ преподнесла Тонѣ брошку изъ своихъ старинныхъ вещей, а другая—такой же древній браслетъ. Это было единственнымъ вознагражденіемъ за прошлые и будущіе труды племянницы.

— Мы такъ рѣшили: дѣлай, что хочешь по вечерамъ, только не оставляй насъ, немощныхъ старухъ. Мы такъ привыкли къ тебѣ. Ты у насъ скучаешь, и въ этомъ виноватъ твой опекунъ. Если бы онъ согласился отдать намъ тебя, когда ты была еще ребенкомъ, мы опредѣлили бы тебя въ монастырскую школу, и ты не рвалась бы такъ къ пустой свѣтской жизни. Ты бы сумѣла оцѣнить общество духовныхъ лицъ, которое насъ окружаетъ. Уже не говоря о многихъ священникахъ, людей большого ума и премудрости, но даже монахи-странники, посѣщающіе нашъ домъ,..

возьмемъ для примѣра хотя отца Варсонофія,—могутъ очень много сообщить интереснаго для тебя... Но тебя все тянетъ къ суетѣ мірской.

Всю вторую половину зимняго сезона Тоня оставалась у Алтаевыхъ. Несравненно менѣе страдая теперь отъ жизни у нихъ, она аккуратно являлась къ намъ каждый вторникъ. Не по лѣтамъ осторожная, благоразумная и вдумчивая, она, видимо, желала самостоятельно присмотрѣться къ тому, какъ сложится ея теперешняя жизнь у тетокъ. Ей совсѣмъ не хотѣлось, чтобы кто-нибудь со стороны толкалъ ее на немедленный разрывъ съ ними.

Какъ-то въ одинъ изъ понедѣльниковъ пришелся большой праздникъ. Тоня, вся сіяющая, пріѣхала къ намъ гостить на три дня. Я встрѣтила ее извѣстіемъ, что сегодня назначена вечеринка у М-скихъ,—они очень просили насъ пріѣхать съ нею.

— Вотъ-то счастье: два вечера сряду проведу интересно!— съ восторгомъ воскликнула Тоня, схватила меня за талію, и мы пустились вальсировать.

Странная метаморфоза происходила съ этою дѣвушкою: она дѣлалась все болѣе оживленною, полюбила удовольствія и развлеченія, все болѣе интересовалась всѣми, кто окружалъ насъ. Между прочимъ, она очень смѣшила насъ тѣмъ, что обо всемъ, что ее интересовало или удивляло, она спрашивала объясненія у нѣсколькихъ лицъ. Это была особаго рода система—узнавать мнѣніе многихъ лицъ объ одномъ и томъ же.

Дѣло было въ концѣ марта: снѣгъ стаялъ уже давно, но вечеръ былъ очень холодный. Тоня одѣла свое красивое черное бархатное пальто и такую же шляпу: все на ней сидѣло всегда прекрасно и очень шло къ ней. Мы весело собирались на вечеринку, не предчувствуя, что эта поѣздка окончится такъ печально для Тони и произведетъ на нее подавляюще-тяжелое впечатлѣніе.

Въ виду того, что воспитанницы закрытыхъ институтовъ надолго, а то и на всю жизнь оставались большими трусихами, я предложила Тонѣ ѣхать съ моимъ мужемъ, Василіемъ Ивановичемъ, но она возразила, что я никогда по вечерамъ не выѣзжаю одна, а ей уже давно приходится быть самостоятельной въ этомъ отношеніи. Она просила насъ только, чтобы мы ѣхали впереди: мы оба люди близорукіе, она сама будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ея извозчикъ не отставалъ отъ нашего. Мы ѣхали съ угла Ивановской и Кабинетской, гдѣ мы тогда жили, на Петербургскую сторону къ нашимъ знакомымъ, и намъ приходилось проѣзжать, какъ по многолюднымъ, такъ и по малолюднымъ улицамъ. Мы пріѣхали совершенно благополучно и на вопросъ хозяевъ, а что

же Антонина Николаевна, отвѣчали, что она сейчасъ явится. Насъ усадили за чайный столъ, но ея все не было, и я рѣшила, что она заѣхала въ кондитерскую купить конфектъ дѣтямъ нашихъ знакомыхъ, можетъ быть, кстати, зашла и въ перчаточный магазинъ. Однако, прошло болѣе часу, а она все не пріѣзжала, и я заявила Василію Ивановичу, что мы немедленно должны возвратиться домой. Мы не нашли извозчика, и намъ долго пришлось итти пѣшкомъ.

Какъ только няня открыла дверь, она сообщила намъ, что съ барышнею случилось какое-то несчастье, что она возвратилась домой съ какимъ-то офицеромъ, который только что ушелъ отъ насъ. Когда я вбѣжала въ столовую, Тоня сидѣла облокотившись на столъ руками и опустивъ на нихъ свою голову. Она подняла свое распухшее отъ слезъ лицо, но не могла произнести ни слова. Только грудь ея судорожно подымалась; наконецъ, она выпила воды и разсказала намъ о только что случившемся съ нею, но говорила безсвязно и сбивчиво, а минутами снова начинала волноваться и плакать.

Дѣло было вотъ въ чемъ: ея извозчикъ на одной изъ улицъ вдругъ поѣхалъ медленнѣе, можетъ быть оттого, что сразу проходило нѣсколько пѣшеходовъ, а можетъ быть потому, что онъ заранѣе кое съ кѣмъ объ этомъ условился. Тоня, замѣтивъ, что наша пролетка скрылась изъ виду, закричала: «да поѣзжай же скорѣе!» Въ ту же минуту двое молодыхъ людей, весьма прилично одѣтыхъ въ штатское, вскочили въ ея пролетку, сѣли по обѣ стороны Тони, и такъ сжали ее, что она волею-неволею очутилась у нихъ на колѣняхъ. Одинъ изъ нихъ схватилъ ее за талію, другою рукою зажавъ ей ротъ, его компаньонъ началъ ее не то обнимать, не то обшаривать и разстегивать пуговицы ея пальто,— вѣроятно, все это было одновременно. Кричать она не могла и только толкала ихъ локтями. Въ ту же минуту, по ихъ приказанію, извощикъ круто свернулъ въ какой-то переулокъ. Вдругъ тотъ, который зажималъ ей ротъ, вздрогнулъ и опустилъ руку. Она увидала, что къ ея пролеткѣ быстро подходитъ какой-то офицеръ. Тоня хрипло вскрикнула; офицеръ стоялъ уже подлѣ и закричалъ извощику: «стой!» Тотъ моментально остановилъ лошадь. Все это произошло въ одну-двѣ минуты. И Тоня, вздохнувъ свободнѣе, закричала, что было мочи: «Спасите, спасите!»

Предпріимчивые молодые люди, выпрыгнувъ изъ пролетки, не могли никуда улизнуть. Городовой и кучка прохожихъ, моментально вынырнувшая точно изъ земли, окружили пролетку. Офицеръ закричалъ городовому, чтобы онъ звалъ другихъ на помощь и чтобы ихъ всѣхъ вели въ участокъ для составленія про-

токола. Оба негодяя, перебивая другъ друга, оправдывались: «Помилуйте, г. поручикъ, это гулящая дѣвка Машка! У кого угодно спросите, всѣ ее знаютъ. Мы съ нею гуляли въ трактирѣ, она сама напросилась, чтобы свезти ее въ танцклассъ...».—«Отчего же она кричала? Отчего происходила борьба?»—спрашивалъ офицеръ.—«Очень просто: надрызгалась, ну и куражится!»

Когда ихъ привели въ участокъ, офицеръ замѣтилъ, что этихъ негодяевъ здѣсь прекрасно знаютъ и что они дѣлаютъ кой-кому изъ полицейскихъ какіе-то знаки глазами.

Тонинъ спаситель добросовѣстно изложилъ полицейскому приставу происшествіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, и добавилъ, что объясненія господъ штатскихъ, крикъ жертвы и ея борьба съ ними совсѣмъ не подтверждаютъ ихъ показаній: молодая особа имѣетъ видъ вполнѣ порядочной дѣвушки изъ общества, и она совершенно трезвая. Но негодяи настаивали на своемъ, все время называя ее «гулящею дѣвкою Машкой», въ доказательство чего ссылались на то, что она уже на извозчикѣ начала раздѣваться, чтобы имъ свободнѣе было дѣлать съ нею, что вздумается. Тоня съ удивленіемъ взглянула на свое пальто и только тутъ замѣтила, что оно было разстегнуто, а она шла такимъ образомъ по улицамъ и не чувствовала холода. Когда очередь дошла до нея и приставъ спросилъ объ ея имени, фамиліи и мѣстѣ жительства, она отвѣчала, что постоянно живетъ у своихъ тетокъ Алтаевыхъ. Она не успѣла еще сказать ему, что въ данное время гоститъ у насъ и что мы вмѣстѣ съ нею отправлялись на вечеринку къ знакомымъ, какъ полицейскій приставъ съ удивленіемъ спросилъ ее: «У какихъ Алтаевыхъ? У двухъ богомольныхъ барышенъ-сестеръ, имѣющихъ собственный домъ на Сергіевской? Я бывалъ у нихъ по дѣламъ и припоминаю даже, что однажды видѣлъ васъ у нихъ. Больше не требуется никакихъ показаній съ вашей стороны, а съ ними (онъ указалъ на двухъ молодыхъ людей) я дѣло покончу и безъ васъ. Можете итти,—вы совершенно свободны, сударыня».

— Мнѣ кажется, вы сильно испуганы,—обратился офицеръ къ Тонѣ, когда они вышли на улицу.—Не сочтите назойливостью съ моей стороны, если я предложу васъ проводить.

Тоня согласилась на это съ благодарностью, и онъ довезъ ее до нашего дома. Этою новою услугою офицеръ еще болѣе выигралъ въ ея мнѣніи. Когда они были у двери нашей квартиры, онъ началъ съ нею прощаться. Въ виду того, что Тоня отъ волненія молчала всю дорогу, а между тѣмъ она находила необходимымъ кое-о-чемъ спросить его по поводу случившагося, она сама предложила офицеру войти къ ней на нѣсколько минутъ. Какъ только

она сняла пальто, она указала ему на золотую цѣпочку, которая блестѣла, прицѣпившись къ складкамъ ея лифа, а часовъ какъ не бывало. Вотъ почему ея пальто оказалось разстегнутымъ: ясно, что нападеніе на нее было устроено съ цѣлью грабежа.

Усадивъ офицера въ столовой, она высказала ему, что очень безпокоится насчетъ своего показанія: когда она сказала въ участкѣ, что живетъ у Алтаевыхъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, приставъ перебилъ ее вопросомъ и не далъ сказать ему, что въ данную минуту она гоститъ здѣсь, у своей подруги. Она боится, чтобы не вышло какого-нибудь недоразумѣнія. Не желаетъ она также и того, чтобы имя ея трепалось въ газетахъ при описаніи этого происшествія.

Офицеръ предложилъ свои услуги: онъ сейчасъ же отправится къ полицейскому приставу предупредить его объ этомъ и думаетъ, что дѣло будетъ улажено согласно ея желанію.

На другой день съ разсыльнымъ Тоня получила письмо отъ офицера, въ которомъ онъ, при обращеніи къ ней по всѣмъ правиламъ вѣжливости, упоминалъ о своихъ переговорахъ въ участкѣ и извѣщалъ ее, что все устроилось такъ, какъ она того желала. Затѣмъ стояла его подпись: Александръ Ермолаевъ.

На эту записку Тоня посмотрѣла, какъ на актъ высшей порядочности со стороны офицера: онъ не навязывался на знакомство, не желалъ пользоваться своимъ положеніемъ защитника и спасителя молодой дѣвушки, и она за это была ему безконечно благодарна. Его письмо доказывало также, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ успокоить ее хотя письменно.

Какъ во весь вечеръ злополучнаго происшествія, когда мы до разсвѣта обсуждали его, такъ и на другой день, когда Тоня уже успокоилась, она нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ, что-нибудь въ такомъ родѣ: «Какъ ужасна участь одинокой дѣвушки!»

Однако, черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого она, казалось, совсѣмъ забыла о случившемся.

IV.

Бодрое, возбужденное настроеніе Тони смѣнилось грустью, тоскою и унынiемъ. Нерѣдко во время самаго оживленнаго разговора она вдругъ задумывалась, слезы закипали на ея глазахъ, и она, какъ бы желая взглянуть въ окно, подходила къ нему, смахивала слезу, возвращалась на свое мѣсто и, видимо съ усиліемъ подавивъ мучительную думу, продолжала начатый разговоръ. Ея тревожное состояніе не проходило, и я, наконецъ, замѣтила ей, что она несомнѣнно переживаетъ какое-нибудь горе и убѣждала ее все откровенно разсказать мнѣ.

— Боже мой! да я ничего не хотѣла бы въ эту минуту такъ, какъ обсудить вмѣстѣ съ тобой тотъ ужасъ, тотъ позоръ... Да, новый позоръ, которому я подверглась, и уже не случайно, какъ тогда, когда меня спасъ Ермолаевъ, а сама устроила его, поступила безстыдно до послѣдней степени. Но я не могу говорить объ этомъ! Я, кажется, тутъ же умру на мѣстѣ отъ стыда, какъ только заикнусь о томъ, что я надѣлала! Нѣтъ, нѣтъ! Не спрашивай... не могу!

— Если ты не можешь все откровенно разсказать мнѣ, почему бы тебѣ не обсудить того, что тебя такъ мучительно терзаетъ, съ твоимъ крестнымъ. Судя по твоимъ разсказамъ, у тебя съ нимъ идеальныя отношенія...

— Я его потеряла, потеряла навсегда!—и она вытащила изъ кармана пачку листиковъ почтовой бумаги, исписанныхъ мелкимъ мужскимъ почеркомъ, бросила ихъ передо мной на столъ и рыдая убѣжала въ мою спальню.

Оказалось, что это письмо отъ Муравскаго.—«Какъ, Тоня, ты предлагаешь мнѣ руку и сердце? Мнѣ, который считалъ и всегда будетъ считать тебя своею родною дочерью! Да это, моя милая, такой камуфлетъ, отъ котораго я не могу опомниться! И ты предлагаешь мнѣ это потому, что, по твоимъ словамъ, любишь меня больше всѣхъ на свѣтѣ. Но, родная моя дѣвочка, съ меньшимъ чувствомъ я никогда бы и не помирился. Если кто-нибудь изъ провинціальныхъ кумушекъ когда-нибудь скажетъ тебѣ, что тотъ, чье имя ты носишь, не твой родной отецъ, знай, что она солжетъ противъ очевиднѣйшихъ фактовъ. Твой отецъ—мой единственный, истинный другъ, горячо любимый мною всю жизнь, торопилъ меня съ переѣздомъ въ Воронежъ, когда по его хлопотамъ я получилъ, наконецъ, учительское мѣсто въ этомъ городѣ: онъ желалъ во что бы то ни стало сдѣлать меня твоимъ крестнымъ отцомъ. Одна изъ здѣшнихъ сантиментальныхъ глупышекъ еще недавно сказала мнѣ, что мою привязанность къ тебѣ она, какъ и всѣ, объясняетъ моею безумною любовью къ твоей матери, которой я будто бы на одрѣ смерти далъ слово никогда не оставлять тебя. Это такая же ложь, какъ и первая.

«Скоро послѣ того, какъ твоя мать дала тебѣ жизнь, она заболѣла ракомъ, который года черезъ два унесъ ее въ могилу. Послѣ ея смерти я, не разставаясь, жилъ съ твоимъ отцомъ до самой его кончины. Такъ же, какъ и онъ, я внимательно наблюдалъ за твоимъ физическимъ ростомъ, съ восторгомъ слушалъ твой дѣтскій лепетъ, сиживалъ по ночамъ у твоей кроватки во время твоихъ болѣзней, такъ же, какъ и твой отецъ, страдалъ и приходилъ въ отчаяніе отъ ухудшенія твоего здоровья или ликовалъ и былъ на седьмомъ небѣ отъ радости, когда проходилъ

кризисъ; игралъ и возился съ тобою я тоже не менѣе, чѣмъ твой отецъ. А затѣмъ ты еще малюткою осталась исключительно на моихъ рукахъ. И въ періодъ твоей институтской жизни, далеко отъ тебя, всѣ мои мысли, всѣ заботы всегда были сосредоточены на тебѣ. Ты всю жизнь была моею единственною радостью. Съ какимъ наслажденіемъ я откладывалъ десятокъ—другой рублей, чтобы скопить сумму, необходимую для поѣздки въ Петербургъ! Какъ еще задолго до свиданія съ тобой я рисовалъ въ воображеніи нашу встрѣчу, раздумывалъ о томъ, перемѣнилась ли ты, похорошѣла или подурнѣла, сильно ли обрадуешься нашей встрѣчѣ. Теперь мечтаю о томъ, какъ черезъ четыре года я дослужусь до пенсіи, выйду въ отставку, а ты въ это время уже будешь замужемъ: я поселюсь съ вами, буду нянчить и любить твоихъ дѣтей, моихъ внуковъ, такъ же, какъ любилъ и тебя. Моя старость быстро надвигается, родная моя дѣтка, но, благодаря тебѣ, мое сокровище, я не боюсь ея, не страшусь одиночества: я буду окруженъ родною семьею, и любимая рука закроетъ мнѣ глаза. Вѣрь мнѣ, голубка, не одна кровь создаетъ родственную связь между людьми, но и общіе интересы, заботы о благосостояніи другого существа, мечты о его будущемъ.

«Увѣряю тебя, моя ненаглядная дѣвочка, если бы на то, что ты сама предлагаешь, мнѣ намекнула одна изъ здѣшнихъ кумушекъ-просвиренъ, я бы съ ужасомъ и отвращеніемъ отшатнулся отъ нея: на брачный союзъ съ тобою я посмотрѣлъ бы, какъ на какое-то противоестественное преступленіе. И это потому, что я считаю тебя моимъ роднымъ дѣтищемъ, ниспосланнымъ мнѣ Провидѣніемъ. Но не салопница-просвирня дѣлаетъ мнѣ это предложеніе, а дочка, данная мнѣ Богомъ, чистая дѣвушка съ кристальною душою! Храни тебя Богъ подумать, дочурка моя милая, что скверные эпитеты, которыя я даю провинціальнымъ кумушкамъ, я хотя мысленно прилагаю къ тебѣ. Я ни на минуту не заподозрилъ чистоту твоихъ намѣреній, но меня въ ужасъ приводитъ твое ребяческое міросозерцаніе. По самому поверхностному наблюденію надъ людьми, даже только по наслышкѣ, ты должна была бы знать, что бракъ—одна изъ самыхъ серьезныхъ перемѣнъ въ нашей жизни. И ты, такая осторожная во всемъ, такая разумная, разсудительная, вдругъ сразу: «не угодно ли мою руку и сердце?» Твое предложеніе особенно изумило меня потому, что, судя по твоимъ письмамъ, ты въ послѣднее время вся ушла въ то новое, что ты только что встрѣтила. Я уже не разъ писалъ тебѣ, какъ я счастливъ, что ты, наконецъ, попала въ кружокъ людей живыхъ и образованныхъ... Въ какомъ я восторгѣ отъ

всего того, что ты мнѣ сообщаешь! Ты не повѣришь, какъ меня интересуютъ твои описанія разговоровъ, которые ведутся въ этомъ кружкѣ, все то, что ты сообщаешь о взглядахъ и спорахъ по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ. Я замѣчаю, что ты начинаешь живѣе интересоваться всѣмъ, что у тебя появляются соображенія, которыя еще никогда не приходили тебѣ въ голову, однимъ словомъ, что ты, наконецъ, просыпаешься къ дѣйствительной жизни. Какимъ же образомъ именно теперь въ твою голову пришла такая нелѣпая мысль? Прежде всего я объясняю это твоимъ замкнутымъ институтскимъ воспитаніемъ, затѣмъ твоею жизнью у тетушекъ, когда продолжали дремать всѣ твои душевныя силы, и тѣмъ, что съ перемѣною, которая произошла въ твоей жизни, ты еще не могла освоиться. Вѣроятно потому, что ты встрѣтила настоящихъ живыхъ людей, впервые увидала иную жизнь, ты уже совсѣмъ не можешь примириться съ обществомъ ханжей, паразитовъ и тунеядцевъ, хотя твое положеніе у Алтаевыхъ измѣнилось къ лучшему. Быть можетъ это чувствуется тобою только инстинктивно, но ты скоро сама признаешь, что я правъ.

«Когда ты побольше познакомишься съ жизнью, то увидишь, что счастливые браки между людьми, даже соотвѣтственнаго возраста, явленіе крайне рѣдкое, а если мужъ болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза старше жены, какъ это было бы между нами, такіе браки кончаются обыкновенно полнымъ разрывомъ между супругами, ломкою всей жизни и тяжелыми трагедіями.

«Въ виду того, что тебѣ видимо опостылѣла жизнь у Алтаевыхъ не могла ли бы твоя подруга устроить тебя на дачѣ въ своемъ семействѣ? А если это невозможно, не можешь ли ты попросить своихъ знакомыхъ подыскать тебѣ какое-нибудь мѣсто учительницы въ отъѣздъ?»

Когда мы, Василій Ивановичъ и я, окончили чтеніе этого письма, мы употребили всѣ наши усилія убѣдить Тоню, что въ ея ребяческомъ предложеніи нѣтъ ничего постыднаго для нея и что задушевный тонъ письма ея крестнаго краснорѣчиво говоритъ о томъ, что и онъ такъ же смотритъ на ея выходку.

Долго она еще рыдала и недовѣрчиво спрашивала: «Вы это только такъ говорите, чтобы меня утѣшить!» Наконецъ, волненіе ея улеглось, и она дала намъ слово немедленно отвѣтить своему опекуну.

— Скажи, пожалуйста, Тоня, почему ты вдругъ вздумала сдѣлать крестному такое предложеніе?—спросила я ее, еле удерживаясь отъ смѣха.

— Не спалось мнѣ какъ-то. Ворочалась я, ворочалась съ боку

на бокъ, и вдругъ мнѣ пришла на память ваша вечеринка и разсказъ Зарина. Еще болѣе взволновало меня воспоминаніе объ инцидентѣ со мною... И вотъ передо мною стали рисоваться картины моей жизни, одна ужаснѣе другой. Просто какъ-то даже страшно сдѣлалось. И я рѣшила, что спасти себя я могу, только выйдя замужъ за крестнаго. Я вскочила съ постели и наваляла свое дурацкое письмо... Вотъ вы всегда издѣваетесь надо мной, что я все обдумываю: въ первый разъ поступила скоропалительно и устроила такую штуку, о которой всегда буду вспоминать съ краскою стыда. Нѣтъ... теперь шабашъ! Смѣйся, сколько душѣ угодно, а я послѣ этого еще несравненно серьезнѣе буду обдумывать каждый шагъ.

Желаніе опекуна Тони помѣстить ее у насъ на лѣто не могло осуществиться: дача наша, нанятая задолго до этого, была слишкомъ мала даже и для членовъ моей семьи. Не удалось намъ и найти для нея мѣста учительницы. Она уѣхала на лѣто съ тетками въ ихъ подмосковное имѣніе.

V.

Въ первомъ письмѣ изъ деревни Тоня описывала приволье деревенской жизни. Лѣтомъ у тетокъ ей жилось еще лучше, чѣмъ даже въ послѣднее время въ Петербургѣ. Когда Алтаевы давали ей порученія, которыхъ въ деревнѣ было гораздо меньше, она очень радовалась имъ. Ее посылали обыкновенно въ Москву, находившуюся отъ нихъ по желѣзной дорогѣ въ двухъ часахъ ѣзды. Она пріѣзжала туда утромъ и могла возвратиться домой только вечеромъ. Исполнивъ порученное ей, она въ свободное время осматривала Москву и знакомилась съ ея достопримѣчательностями. Несмотря, однако, на прелесть деревенской жизни, Тоня писала, что жизнь у тетокъ ее все болѣе томитъ. «Не съ кѣмъ сказать слова, поболтать по душѣ, никогда не раздается здѣсь, какъ и въ городѣ, ни шутокъ, ни смѣха. Кругомъ все какъ-то хмуро, благочестиво безъ благочестія, фальшиво и просто какъ-то глупо до дикости. Тетки особенно раздражаютъ меня своею алчностью и показною религіозностью: чтобы не дѣлиться со мною деликатессами, которые онѣ покупаютъ, онѣ уничтожаютъ ихъ наединѣ, когда отправляются въ свои спальни молиться Богу и ложиться спать. Онѣ зачастую преподносятъ богатые дары въ различныя церкви, раздаютъ мѣдныя копейки на паперти нищимъ, но при мнѣ никогда не помогли ни одному деревенскому бѣдняку. На-дняхъ къ нимъ прибѣжала баба, ихъ бывшая крѣпостная-дворовая, которую онѣ какъ-то сами расхваливали за честность

и порядочность. У нея послѣ внезапной смерти мужа осталась на рукахъ куча ребятъ. Вся ржаная мука у нея вышла, а до новаго хлѣба приходилось ждать еще болѣе мѣсяца: она умоляла дать ей взаймы четверть ржи. Тетушки приказали старостѣ исполнить ея просьбу, но вытребовать съ нея осенью полторы четверти—«полъ четверти за процентъ», какъ онѣ сами объяснили несчастной женщинѣ. Приказаніе это было внесено въ особую книгу, въ которой записаны и другія подобныя «благодѣянія Алтаевыхъ».

Тоня въ сентябрѣ возвратилась съ тетками въ Петербургъ. Однако, не прошло и недѣли съ ихъ пріѣзда, какъ ихъ снова вытребовали по экстренному дѣлу въ подмосковное имѣніе. Онѣ дали знать о своемъ отъѣздѣ духовенству, собиравшемуся у нихъ по воскресеньямъ, и просили Тоню присмотрѣть за домомъ, а по вечерамъ поить чайкомъ «божьихъ людей», если кто изъ нихъ завернетъ къ нимъ.

— У насъ положеніе для нихъ такое,—знакомили онѣ племянницу съ подробностями своихъ хозяйственныхъ соображеній:—пусть чайку попьютъ, сколько душѣ угодно, можно и во второй разъ для нихъ подогрѣть самоварчикъ, но насчетъ булокъ—имъ полагается по одной трехкопеечной на брата. Зато въ настоящее время можно имъ масленку съ масломъ ставить: въ нынѣшнемъ году его достаточно получено изъ деревни. Денегъ мы даемъ каждому по 15 копеекъ въ недѣлю, но ихъ-то ужъ пусть они подождутъ до нашего возвращенія.—Алтаевы рекомендовали Тонѣ проявлять особенное вниманіе къ странницѣ Нимфодорѣ и къ монаху Варсонофію,—это, по ихъ словамъ, люди святой жизни.

Послѣ отъѣзда старухъ каждый вечеръ изъ «божьихъ людей» приходилъ кто-нибудь, а то и нѣсколько человѣкъ сразу, выпрашивая у Тони хотя четвертачекъ отъ ея «усердія къ Богу» на построеніе храма.

Не дожидаясь окончанія ихъ чаепитія, Тоня насыпала полную вазу сахару, ставила ее на столъ передъ ними, замыкала буфетъ (по требованію тетокъ, какъ видно не разсчитывавшихъ на честность «божьихъ людей») и отправлялась въ свою комнату. Но вотъ однажды горничная докладываетъ ей о приходѣ монаха Варсонофія, котораго она особенно не терпѣла за его бѣгающіе глаза и антипатичное выраженіе лица. Она распорядилась, чтобы какъ можно скорѣе подавали чай. Когда вошелъ монахъ, Тоня заявила ему, что тетушки возвратятся еще нескоро. Она сейчасъ приготовитъ ему чай, но самой ей некогда бесѣдовать съ нимъ. Онъ же можетъ не стѣсняться: тетушки просили его пить чай на здоровье и сколько угодно.

— Значитъ, брезгуешь человѣкомъ: одной рукой, какъ собакѣ, корку бросаешь, а другой за дверь швыряешь...

Тоня перебила его требованіемъ называть ее «вы».

— И грѣхъ же какой эта твоя строптивость! Въ твои годы младые ты должна кажинному человѣку доброе слово сказать, обласкать, услужить, значитъ свое смиреніе выказать. Вотъ про тебя и добрая молва пойдетъ, хорошаго женишка скоро найдешь.

— Вотъ вамъ чай,—сказала Тоня, вмѣсто отвѣта поставивъ передъ нимъ стаканъ и сахарницу,—а теперь потрудитесь сами угощаться.

— Полагаю, дѣвонька, чудесная ты моя красоточка, строптивость-то твоя отъ тоски... Сладка ли жизнь съ старымъ хламомъ, какъ твои тетки—старыя дѣвки, да еще такія скареды...

Тоня въ это время уже встала изъ-за стола и подходила къ двери, какъ вдругъ Варсонофій сорвался со стула и бросился ее обнимать со словами: «Слава Милосердному... Одни мы теперь... Вотъ и попользуемся!» Однако молодая дѣвушка ловко выскользнула изъ его объятій и успѣла уже позвонить. Вошла горничная, и «божій человѣкъ» волей-неволей отшатнулся отъ нея.

— Сейчасъ же вывести вонъ этого негодяя! Если у васъ не хватитъ силъ, позовите дворниковъ...—закричала Тоня, вбѣжала въ свою комнату и захлопнула дверь за собою.

Однако «божій человѣкъ», несмотря на увѣщаніе горничной, громко стучалъ въ дверь, посылая Тонѣ угрозы: «Пшь ты, каверза подлая! Если посмѣешь оговорить, такъ и я вѣдь не безъ языка!»

Когда волненіе улеглось, Тоня начала укладывать свои вещи, а затѣмъ принялась за письмо къ теткамъ. Описавъ сцену съ Варсонофіемъ, она прибавила, что такъ какъ это первое оскорбленіе она получила не въ свѣтскомъ обществѣ, которое онѣ такъ презираютъ, а въ религіозномъ, и притомъ отъ «божьяго человѣка святой жизни», то она навсегда уѣзжаетъ отъ нихъ въ среду людей свѣтскихъ: она увѣрена, что тамъ ничего подобнаго не угрожаетъ ей.

Хотя она оставила Алтаевымъ свой адресъ, но онѣ никогда не справлялись о ней, и Тоня уже болѣе не встрѣчалась съ ними. Лишь года черезъ полтора она узнала о смерти одной изъ нихъ, а затѣмъ очень скоро послѣ этого и о смерти другой, а также о томъ, что огромное ихъ состояніе по завѣщанію оставлено на богадѣльни и на постройку церкви въ селѣ, гдѣ находилось ихъ имѣніе.

Сцена съ монахомъ заставила Тоню на другой же день послѣ описаннаго событія переѣхать къ намъ, что и было изложено въ самомъ началѣ этого разсказа.

VI.

Въ тотъ день, когда Тоня окончательно оставила домъ своихъ тетокъ, я не могла долго посидѣть съ нею, мнѣ необходимо было ѣхать въ школу на урокъ. Когда я возвратилась домой передъ обѣдомъ, я застала ее въ самой оживленной болтовнѣ и вознѣ съ моими маленькими дѣтьми.

— Барышня-то все время не отходитъ отъ нихъ. Ужъ если такъ любитъ играть съ чужими дѣтками, какъ же будетъ своихъ-то миловать да баловать. Какъ можно скорѣе нужно Антонину Николаевну замужъ отдавать!

— Я очень даже хочу выйти замужъ... да не такъ-то это легко устроить!

— И, барышня, для васъ это вовсе не трудно! Только пальчикомъ поманите Николая Александровича, г. Маньковича, страсть какъ былъ бы радъ! Вѣдь мы съ кухаркой насмотрѣлись, какъ онъ втюримшись въ васъ, всѣ глазоньки просмотрѣлъ.

— Да! Это уже ни для кого не тайна,—сказала я, когда няня ушла накрывать на столъ.

— Маньковичъ слишкомъ порядочный человѣкъ, чтобы выходить за него не любя. О замужествѣ я много думала и на счетъ этого выработала очень хорошую теорію.

— При чемъ тутъ теорія? Но, конечно, относительно этого, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, необходимо имѣть извѣстные принципы...

— А вотъ на подобныя требованія которыя у васъ, современныхъ людей, въ такомъ ходу, я смотрю, какъ на фразеологію. У меня какое-то органическое отвращеніе, къ словамъ: «необходимо выработать міросозерцаніе, міропониманіе, принципы». На меня вѣетъ отъ нихъ чѣмъ-то искусственнымъ. Наконецъ, какъ это выработать столь досточтимые вами принципы? Укажи такую книгу, гдѣ все это объяснено? Ты говоришь — нѣтъ такой книги, что это-де вырабатывается жизнью, само собой, размышленіемъ, чтеніемъ... А вотъ у меня ничего не вырабатывается... Да я вовсе и не хочу подчиняться этому вашему катехизису, и вообще многимъ общепринятымъ обычаямъ. Напримѣръ, я прекрасно знаю, что для дѣвушки постыдно говорить о томъ, что она хочетъ выйти замужъ. Она можетъ, сколько угодно, распространяться на счетъ своего стремленія приносить обществу пользу, о томъ, что она мечтаетъ итти впередъ въ своемъ развитіи, а о томъ, что ей дѣйствительно ближе всего—откровенно высказать желаніе выйти замужъ,—ни гу-гу... Боже сохрани! А вотъ я прямо заявляю:

хочу замужъ, до смерти хочу! Одиночество—это смерть для женщины! Хочу имѣть защитника, покровителя...

— Чудачка ты этакая! Неужели ты думаешь, что ты будешь пришита къ мужу? У него свои обязанности: уроки, лекціи, служба. И въ замужествѣ женщина предоставлена неожиданнымъ непріятностямъ и опасностямъ.

— Ну ужъ извини: къ замужней женщинѣ каждый подходитъ съ осторожностью.

— Наоборотъ: даже наиболѣе порядочные изъ ухажоровъ подходятъ къ замужней женщинѣ смѣлѣе и развязнѣе, чѣмъ къ дѣвушкѣ... Ну, да объ этомъ не стоитъ спорить! Меня интересуетъ вотъ что: по твоимъ словамъ, ты только и думаешь о замужествѣ. Почему же ты не выходишь замужъ? Ты нравишься не только Маньковичу, а многимъ... Вѣроятно, всѣ твои поклонники не подходятъ подъ твою новую теорію? Воображаю, какъ она великолѣпна и головоломна, какъ глубоко, всесторонне она тобою обдумана.

— За твои издѣвательства тебя слѣдовало бы лишить возможности познакомиться съ нею... Но я сегодня безконечно добра! Такъ слушай же. Выходить замужъ за общественнаго дѣятеля, какъ это принято теперь у очень многихъ людей вашего круга, и только потому, что онъ человѣкъ не глупый, не дурной, а главное занимается общественною дѣятельностью, съ моей точки зрѣнія, необыкновенно глупо и смѣшно. Бракъ только тогда настоящій, честный союзъ, если онъ соединяетъ два горячо любящихъ сердца. Мало того, ты имѣешь нравственное право только такому человѣку ввѣрить свою судьбу, который мало-по-малу заставляетъ тебя переродиться, измѣнить къ лучшему твою душу, твою мысль. Если ты любишь по настоящему, тогда солнышко привѣтливѣе манитъ тебя къ себѣ, ароматъ цвѣтовъ опьяняетъ и волнуетъ твою кровь, люди кажутся такими добрыми и чудесными, и ты готова ихъ всѣхъ обнять, дѣлать для нихъ все, что только въ твоихъ силахъ... А надежда увидѣть «его», властителя твоихъ думъ, заставляетъ безумно биться твое сердце. Даже для такой дѣвушки, какъ я, «ледяной глыбы», какъ меня называли, которая думала только объ обыденномъ и прозаичномъ, жизнь превратится тогда въ волшебную сказку, даже такая, какъ я, будетъ задыхаться отъ счастія въ мірѣ грезъ! Только страстно любимый человѣкъ можетъ пробудить отъ спячки такую индифферентистку, какъ я, можетъ сдѣлать ее живою и воспріимчивою. Только тогда, когда судьба пошлетъ дѣвушкѣ счастье такъ полюбить, она смѣло можетъ выходить замужъ. А иначе, зачѣмъ мѣнять свое положеніе? Но мое главное несчастье въ томъ, что я никого еще

такъ не любила и, сдается мнѣ, никого не могу такъ полюбить, слѣдовательно навсегда останусь старой дѣвой съ рыбьею кровью.

— Въ первый разъ въ жизни встрѣчаю трезвую мечтательницу-идеалистку,—смѣясь сказалъ, входя къ намъ, Василій Ивановичъ, слышавшій всю экзальтированную апологію любви, произнесенную Тоней.—Поэты обыкновенно награждаютъ мечтателей страстною натурою, безумными порывами и другими подобными аттрибутами... А тутъ цѣлый волшебный міръ поэзіи и грезъ созданъ обдуманно весьма трезвою дѣвицею и чуть ли не съ научною обоснованностью.

За обѣдомъ Тоня стала спрашивать меня, могу ли я черезъ часъ-другой отправиться съ нею на поиски пристанища для нея. Ей такъ страшно, говорила она, жить у людей, ей совершенно чужихъ. Если бы можно было подыскать что-нибудь мало-мальски подходящее у вашихъ знакомыхъ.

— Вы раньше поживите у насъ и, какъ подобаетъ вамъ въ качествѣ благоразумной дѣвицы, «всесторонне и глубоко» обдумайте, можете ли вы послѣ блистательныхъ аппартаментовъ Алтаевыхъ помириться съ крошечной комнатюркой у насъ и съ нашею скромною жизнью. А во время этого основательнаго обсужденія можетъ быть кто-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ и будетъ подыскивать себѣ жилицу.

— Хотя вы оба сильно пробираете меня за мое «всестороннее и глубокое обдумываніе», но я въ такомъ восторгѣ!.. Неужели это правда, что вы оба соглашаетесь, чтобы я поселилась у васъ? — И она, раскраснѣвшаяся и съ глазами, блестѣвшими отъ восторга, вскочила съ своего мѣста, крѣпко обнимала насъ, пожимала намъ руки.—Если бы вы дали мнѣ возможность притулиться въ уголкѣ вашей передней, но только разрѣшили бы жить съ вами, я бы и тогда была самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ... А тутъ вы еще отдаете мнѣ комнату въ мое полное распоряженіе!

И Тоня, необыкновенно оживленная, съ помощью прислуги переносила въ свою комнату вещи и, разбирая ихъ, вытащила хорошенькій альбомъ. Она подала его мнѣ съ просьбою написать ей что-нибудь на память. Я обѣщала ей это, когда мнѣ что-нибудь придетъ въ голову. Она побѣжала къ Василію Ивановичу. Очень скоро онъ принесъ альбомъ обратно. Тоня громко прочла:

«Вы окружаете любовь какими-то неземными чарами, забывая, что и въ ней есть шипы и терніи, отрава и разочарованіе, что и она несетъ съ собою самыя отвратительныя чувства: измѣну, ревность, безумную жажду мести. Даже при взаимной страстной

любви надъ любящими другъ друга существами то и дѣло разражаются житейскія бури, а повседневная пошлость и обыденщина быстро охлаждаютъ жаръ въ крови и изсушаютъ сердца. Стремленіе къ удовлетворенію такихъ узкоэгоистическихъ чувствъ, какъ любовь, вынуждаетъ этихъ двухъ quasi пламенѣющихъ душъ вѣчно ходить точно по вулкану, и въ концѣ-концовъ эта, воспѣтая вами, страстная любовь не приноситъ имъ ни душевнаго покоя, ни услады. Вашъ взглядъ на бракъ изобрѣтенъ не вами, а такъ же старъ, какъ Божій міръ и, какъ все старое и отжившее, требуетъ серьезнаго пересмотра. Только трудъ для счастья и просвѣщенія обездоленныхъ массъ даетъ не эфемерное, не призрачное, а истинное счастье и сознаніе, что человѣкъ не даромъ прожилъ на свѣтѣ».

— Да, вамъ хорошо разсуждать объ общественномъ благѣ: присѣли на нѣсколько минутъ и сразу написали цѣлыхъ двѣ страницы... Значитъ въ писаніи ваше призваніе, слѣдовательно вы этимъ и можете приносить пользу ближнему. А я своего призванія не нашла и, вѣроятно, никогда не найду. У меня ни къ чему нѣтъ особенныхъ способностей! И какъ это жестоко съ вашей стороны, Василій Ивановичъ, такъ разочаровывать меня! Вы такъ унижаете любовь, самое возвышенное, безкорыстное, самое благороднѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ! Такъ безжалостно обрываете всѣ цвѣты,все красочное,всю поэзію! Да вы и не совсѣмъ поняли меня. Вѣдь я же говорила, что когда человѣкъ воспламенится любовью не призрачною, а истинною, онъ все будетъ готовъ сдѣлать для ближняго. Но вы требуете, хочешь—не хочешь, ко всему приклеивай ярлыки! Это какая-то эпидемія, мода. А я хочу подражать модѣ только въ туалетахъ.

— Что же, работайте на пользу ближнихъ сначала хотя изъза моды, а затѣмъ это войдетъ въ привычку, въ потребность, въ плоть и кровь. Я думаю, Антонина Николаевна, если вы усвоите мысль о необходимости имѣть всегда въ виду общественное благо, то при вашей обстоятельности она глубоко западетъ въ вашу душу.

Такъ мы разговаривали и спорили втроемъ, но чаще всего только вдвоемъ. Иногда во время такихъ разговоровъ Тоня то съ искреннимъ сокрушеніемъ, то съ иронією восклицала: «Какъ мнѣ больно, какъ обидно, что вы оба (т. е. Василій Ивановичъ и я) презираете меня за мой заскорузлый эгоизмъ, за отсутствіе въ моей натурѣ «общественной жилки», какъ у васъ принято выражаться. Что же мнѣ дѣлать, когда я не могу насквозь пропитаться вашими міровоззрѣніями, міропониманіемъ, принципами и тамъ еще чѣмъ-то въ такомъ же родѣ? Ради Бога не злитесь вы на меня! Хочу быть сама собой!

— Да это же великое достоинство!—вставлялъ Василій Ивановичъ, когда до него долетали наши разговоры.—Упорство въ преслѣдованіи высшихъ общественныхъ идеаловъ...—Но, заслышавъ опять слова, которыя она не долюбливала, Тоня догадывалась, что ее поддразниваютъ, махала рукой и убѣгала въ другую комнату.

При нашей совмѣстной жизни Тоня проявляла удивительное вниманіе, доброту, даже великодушіе ко всѣмъ членамъ моей семьи и къ прислугѣ, которая ее обожала. Вообще у нея оказался характеръ, весьма пріятный для совмѣстной жизни, и скорѣе чисто альтруистическія склонности, чѣмъ тѣнь эгоизма. Она незамѣтно сдѣлалась моею главною помощницею, правою рукою во всѣхъ семейныхъ заботахъ, и мнѣ приходилось употреблять не мало усилій, чтобы ограничить ея слишкомъ большое усердіе въ этомъ отношеніи. Когда я возвращалась домой изъ школы, запоздавъ на нѣсколько минутъ, она уже сидѣла за обѣдомъ съ дѣтьми, наблюдая, чтобы они не развлекались во время ѣды, присматривала за ними, когда меня не было дома. Какъ только я усаживалась за рабочій столъ, она заманивала ихъ въ комнату подальше и играла съ ними. Ночью, когда кто-нибудь изъ нихъ просыпался и плакалъ, она вбѣгала въ дѣтскую. Меня не на шутку сердило ея ночное вставаніе, но она оправдывалась тѣмъ, что на этотъ разъ это былъ особенно жалобный плачъ ребенка и что ей хотѣлось узнать, не заболѣлъ ли кто изъ нихъ. Все это быстро душевно сблизило меня съ нею, и мы жили, какъ сестры, за которыхъ очень многіе принимали насъ, тѣмъ болѣе, что насъ обѣихъ называли по батюшкѣ Николаевными.

Замѣтивъ, какъ она по цѣлымъ часамъ можетъ возиться съ дѣтьми, я ей постоянно говорила, что ея призваніе быть «фребеличкой». Но она отшучивалась: «вѣдь ты же знаешь, что у меня это еще не обдумано всесторонне».

Она сразу начала вести дѣятельный образъ жизни: много читала подъ руководствомъ своего прежняго преподавателя, моего покойнаго мужа Василія Ивановича; въ дни моихъ уроковъ въ школѣ она нерѣдко все время присутствовала на нихъ, чтобы присмотрѣться къ элементарному преподаванію. Посѣщали мы съ нею и «дѣтскіе сады».

Въ то время ихъ было очень немного, и они представляли мало интереснаго и поучительнаго, такъ какъ въ нихъ при воспитаніи дѣтей руководствовались нелѣпыми нѣмецкими учебниками, совершенно не соотвѣтствовавшими русскимъ нравамъ: ихъ авторы до неузнаваемости искажали основныя идеи знаменитаго педагога Фребеля. Но вотъ однажды мы забрели въ дѣтскій

садъ Софьи Андреевны Люгебиль (жены профессора греческаго языка) и просили ее разрѣшить намъ присутствовать при занятіяхъ и играхъ дѣтей.

— Присутствовать?—съ неподдѣльнымъ удивленіемъ обратилась къ намъ эта,еще не старая въ то время, худенькая женщина. Такія молоденькія и вдругъ присутствовать!.. Да вы сами еще какъ позабавитесь съ нашими ребятками! Вамъ самимъ будетъ очень весело!...—И она безъ дальнѣйшихъ словъ легонько втолкнула насъ въ кружокъ играющихъ. Мы не замѣтили, какъ очутились посреди малышей, державшихъ другъ друга за руки, какъ вмѣстѣ съ ними мы начали вертѣться то въ одну, то въ другую сторону, какъ останавливались и повторяли за ними слова пѣсни, хлопали въ ладоши, бѣжали то галопомъ, то рысью, представляли горячившихся лошадей и, наконецъ, пустились обгонять другъ друга. Вдругъ одна изъ крошекъ упала и расплакалась. Софья Андреевна схватила ее на руки, прижала къ груди, цѣловала ея глазки, изъ которыхъ слезы текли ручьями, и пустилась бѣжать съ крикомъ: «Мы съ тобою ихъ всѣхъ обгонимъ!» И ребенокъ уже прыгалъ на ея рукахъ, глазенки его блестѣли отъ удовольствія, и онъ весело размахивалъ рученками.

— Ой, какъ мы устали: отдохнемъ, а потомъ поработаемъ!—говорила Софья Андреевна, запыхавшись отъ бѣготни,и высыпала изъ нѣсколькихъ ящичковъ деревянные кубики.

— Я буду строить дядѣ стулъ!—кричалъ мальчикъ.—А я ему устрою кроватку! Онъ придетъ усталый, усталый!

«Почему дядя не приходитъ?» вдругъ встрепенулись всѣ дѣти, и отовсюду раздались тѣ же вопросы.

— Какой же это дядя такъ ихъ интересуетъ?—спросила я у помощницы, сидѣвшей подлѣ меня.

— Профессоръ, мужъ Софьи Андреевны. Дѣти просто обожаютъ его.

Черезъ нѣсколько минутъ кто-то позвонилъ въ передней.

— Это дядя!—кричали дѣти, и какъ одинъ человѣкъ бросились къ двери.

— Я васъ въ переднюю не пущу, еще простудитесь...—напрасно вразумляла ихъ Софья Андреевна.

— Мы хотимъ къ дядѣ! Къ дядечкѣ!—кричали, визжали и пищали дѣти, сгрудившись у двери.

— Кто тутъ не слушается? Я его сейчасъ вынесу на улицу въ одной рубашенкѣ и брошу на землю,—стучалъ профессоръ въ закрытую дверь костяшками своихъ пальцевъ. Онъ проговорилъ это своимъ обычнымъ пискливымъ голосомъ, но стараясь сдѣлать его какъ можно страшнѣе.

Дѣти хохотали, прыгали около двери, продолжая вопить: «Дядя, дядечка, иди къ намъ!».

Дверь открылась, и въ нее прямо на профессора налетѣло нѣсколько ребятъ.

— У меня съ утра крошки не было во рту, а вы воображаете, что я сейчасъ пущусь съ вами прыгать? Очень ошибаетесь! Я такъ ѣсть хочу, что сейчасъ, малышъ, проглотилъ бы тебя цѣликомъ!— И профессоръ, этотъ маленькаго роста человѣкъ, хромой или, точнѣе сказать, сильно припадающій на одну ногу худенькій-прехуденькій, съ серьезнымъ лицомъ, съ тонкими губами, которыя, казалось, никогда не разжимались для улыбки, но въ душѣ котораго былъ заложенъ кладезь любви къ дѣтямъ, дернулъ за волосенки одного изъ ребятъ.

— И меня, дядечка, проглоти!

— И меня съѣшь!—кричали ребята, окруживъ его и не давая ему пройти.

Профессоръ скорчилъ свирѣпую физіономію, что было до невѣроятности комично, и схватилъ на руки одного изъ ребятъ: потрясая его ноги въ воздухѣ и показывая видъ, что онъ желаетъ ими избить всѣхъ окружающихъ, онъ такимъ образомъ прокладывалъ себѣ дорогу въ столовую. Дѣти фыркали и давились отъ смѣха.

— Что это за порядки въ дѣтскомъ саду Люгебиль?—строго спрашивалъ профессоръ.—Дѣти вмѣсто того, чтобъ заниматься полезною для нихъ работой, набрасываются на человѣка, который только что входитъ въ комнату и не даютъ ему даже поѣсть.

«Мы работали... Я сдѣлалъ тебѣ стуликъ!»—«А я кроватку!» тараторили дѣти и толкались вокругъ него такой густой толпой, что мѣшали ему даже сѣсть въ кресло.—«Брысь, брысь!» отстранялъ онъ ихъ рукой, и они отскакивали съ хохотомъ, но сейчасъ же опять бросались къ нему.

— Да что вы хвастаете, дѣтишки, что вы работали? вѣдь никто изъ васъ не кончилъ начатое! Какъ только вы звоните, профессоръ, съ ними невозможно справиться!

— Я имъ покажу, что значитъ не слушаться!—и профессоръ обводилъ толпу, сурово сдвинувъ брови. Но дѣти еще пуще заливались отъ хохота и, какъ пчелы, жужжали вокругъ него. Когда онъ, наконецъ, усѣлся съ большимъ трудомъ, дѣти вскакивали на ручки его кресла, стояли съ той и другой стороны его, толкали другъ друга и падали. Дѣвочка-толстушка, прекрасно лазившая, ловко взобралась по спинѣ профессора и, точно мягкій

шарикъ, прямо прижакнулась къ нему на колѣни; остальные дергали его за сюртукъ, за руки.

— Рукъ не трогать! Видите..—онъ указалъ на только что поставленную передъ нимъ тарелку съ котлетами..—Ѣсть хочу!

— Дядечка, развѣ ты руками будешь ѣсть?

— А развѣ я собака или кошка, чтобы лакать? Руки—главные помощники при ѣдѣ! Не вамъ чета! Вы только мѣшаете, а сами чай здорово закусили? А вѣдь ты, крошка, кажется проголодалась? Такъ умильно поглядываешь на меня?—и онъ заботливо клалъ въ ротъ дѣвочкѣ-толстушкѣ, сидѣвшей у него на колѣняхъ, кусочки котлеты.

— Ну,—сказалъ профессоръ, вставая,—теперь я основательно подзакусилъ, и могу дѣлать все, что вамъ угодно.

— «Въ зайчики!»—«Нѣтъ, лучше въ пѣтушка играть!»...

И профессоръ на корточкахъ скакалъ по полу, приставляя къ своимъ ушамъ ладони рукъ, чтобы показать, какъ зайчикъ прядетъ ими, вскочивъ на ноги, махалъ руками, изображая крылья птицы, и кричалъ ку-ку-реку, куковалъ какъ кукушка, блеялъ, какъ овца, бѣгая, трусливо поглядывалъ по сторонамъ, злобно лаялъ, какъ собака, точно бросаясь на прохожихъ... И вся толпа дѣтишекъ вмѣстѣ съ нимъ скакала на корточкахъ, такъ же, какъ и онъ, вскакивала на ноги и продѣлывала тѣ же самыя движенія, издавая тѣ же звуки.

— Ну-ка отдохнемъ, да пѣсенку споемъ..—предложилъ профессоръ, и всѣ вмигъ усѣлись на стулья и затянули пѣсенку.— Давайте-ка дрова рубить!—и дѣти во главѣ съ своимъ предводителемъ продѣлывали соотвѣтственныя движенія. Но вотъ начались подвижныя игры, и профессора выбирали то волкомъ, то кошкою, то мышью. Въ этихъ роляхъ фигурировали и другіе, но первый номеръ всегда оставался за профессоромъ, и онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ старался представить звѣря, котораго изображалъ.

Наконецъ, одинъ за другимъ, раздались звонки: это матери, няни, горничныя пришли за своими питомцами.

«Не хочу. Не пойду домой!»—кричатъ малютки.—«Мамочка, хотя минутку, одну самую, самую маленькую минутку подожди!»— умоляла дѣвочка-толстушка. Не мало было и дѣтей, проливавшихъ горячія слезы о томъ, что ихъ берутъ домой. Профессоръ успокаивалъ ихъ, говоря, что онъ усталъ, а что на завтра онъ придумаетъ такую, такую штуку!.. Софья Андреевна и помощница помогали одѣвать ребятъ.

Придерживалась-ли госпожа Люгебиль какого-нибудь метода въ своемъ дѣтскомъ саду, трудно сказать, но въ немъ царила изъ

ПУШКИНСКАЯ ВЪ ТЮМЕНИ. 4 ГОРОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ряду вонъ горячая любовь къ дѣтямъ и совершенно особенная атмосфера истиннаго счастья, которымъ дѣти сами наслаждались и которое они давали своимъ воспитателямъ. Въ то время эти учрежденія никому не приносили большой выгоды, но нѣкоторые изъ нихъ все же хотя нѣсколько вознаграждали за трудъ воспитательницъ, а дѣтскій садъ Люгебиль давалъ лишь большой убытокъ: много дѣтей она принимала совсѣмъ даромъ, за другихъ платили половину назначенной платы, и едва ли за четверть принимаемыхъ дѣтей дѣлался надлежащій взносъ.

— Какіе чудеснѣйшіе люди эти Люгебили! Даже и тотъ, кто равнодушенъ къ дѣтямъ, можетъ у нихъ научиться любить ихъ!— повторяла Тоня, и ея обыкновенно хорошее настроеніе дѣлалось все болѣе жизнерадостнымъ.

— Несомнѣнно это люди замѣчательно добрые, любвеобильные и сердечные... И хотя для дѣтей возраста дѣтскаго сада любовное отношеніе должно быть главнѣйшею основой воспитанія, безъ чего не мыслимъ ни малѣйшій успѣхъ, но по-моему нельзя же все нести на алтарь любви... Нужно что-нибудь давать, чтобы расширять умственный кругозоръ дѣтей...— замѣтила я.

— А съ моей точки зрѣнія,—возразила Тоня, — когда встрѣчаешь такихъ рѣдкостныхъ людей, которые одною любовью могутъ творить чудеса, вызывать въ окружающихъ такую горячую привязанность, критика не умѣстна...

— Не влюблена ли ты, что такая ликующая?

— То ли будетъ тогда!..—отшучивалась она.—Но я все-таки очень, очень счастлива.

— Мнѣ кажется, однако, что это не мѣшаетъ порядочной дѣвушкѣ побольше думать о своемъ туалетѣ, красотѣ и эстетикѣ. Твое платье безъ цвѣтного бантика и другихъ соотвѣтственныхъ украшеній скоро заставитъ зачислить тебя въ разрядъ нигилистокъ,—говорила я шутливо, употребляя ея прежнія слова и выраженія, чтобы дать ей почувствовать всю ихъ несостоятельность.

— Какой тамъ бантикъ! Когда мы начали прыгать, на корточкахъ, одинъ ребенокъ зацѣпился за него, и я нашла его потомъ на полу растерзаннымъ.

— Да кому какое дѣло, почему твой туалетъ страдаетъ отъ отсутствія изящества, столь необходимаго для порядочной молодой дѣвушки, почему онъ началъ носить признаки декаданса и монашества. Я уже давно замѣчаю, что съ тобой творится что-то неладное. И прическа твоя указываетъ, что вообще у тебя начинаютъ сильно шататься твои туалетные принципы.

— Мою прическу, которую у васъ прозвали «эшафотомъ», возможно было устраивать только у тетокъ, когда я могла проводить за нею по часу и болѣе. Къ тому же въ вашемъ обществѣ она дѣйствительно бросается какъ-то въ глаза. Да нечего тебѣ изводить меня насмѣшками. Онѣ не умалятъ моего чудеснѣйшаго настроенія.

Когда я черезъ часа два вошла къ ней, нѣсколько исписанныхъ листиковъ почтовой бумаги лежали въ сторонѣ, а она все еще продолжала быстро писать.

— О чемъ ты можешь писать такія длинныя письма твоему крестному?

Она ничего не отвѣтила, но это отчасти выяснилось для меня, когда недѣли черезъ двѣ почтальонъ подалъ два письма — къ ней и ко мнѣ.

— Ахъ, крестный, дорогой мой: и тебѣ накаталъ посланіе!— узнавъ его почеркъ на обоихъ конвертахъ, замѣтила Тоня.— Что же онъ тебѣ пишетъ?

— Осыпаетъ меня и Василія Ивановича такою горячею благодарностью за тебя, которой мы вовсе не заслужили. Почему же ты не написала ему о томъ, сколько ты помогаешь мнѣ въ моихъ дѣлахъ. Я непремѣнно напишу ему, что ты наплела ему порядочныхъ небылицъ про насъ, что ты изъ ледяной глыбы превращаешься въ вулканъ!... Письмо твоего крестнаго мнѣ очень понравилось. Каждою свою строчкою оно говоритъ о томъ, что онъ любитъ тебя, какъ сорокъ родныхъ отцовъ любить не могутъ, что рука, которая писала эти строки, дрожала отъ волненія, слезы капали изъ глазъ... Смотри—слезы и теперь еще замѣтны на бумагѣ! Да, онъ, должно быть, чрезвычайно добрый и хорошій человѣкъ! Дай мнѣ прочитать его письмо къ тебѣ.

— Я этому даже очень, очень и очень рада!

— Ты теперь всему не только рада, но все у тебя выходитъ въ совершенной степени... Положительно твое нынѣшнее настроеніе—настоящее изверженіе огнедышащей горы!

— Я оттого такъ рада, что ты прочтешь письмо крестнаго, что ты сможешь лучше оцѣнить его.

Вотъ выдержка изъ него: «О, мое дитя, мое сокровище, моя родная дѣвочка! Съ какимъ восторгомъ я вижу изъ твоего письма, что съ тобою совершается чудо, болѣе поразительное, чѣмъ то, о которомъ повѣствуетъ миѳъ о Галатеѣ. Эту прекрасную статую пробуждаетъ къ жизни ея творецъ, великій художникъ Пигмаліонъ... Я всегда разсчитывалъ, что и для тебя наступитъ время, когда придетъ твой Пигмаліонъ и разбудитъ тебя отъ сна, вдохнетъ жизнь въ свое художественное произведеніе и заставитъ

быстрѣе переливаться кровь въ твоихъ жилахъ. Но ты пробуждаешься самостоятельно: у тебя являются болѣе духовныя и общественныя цѣли, что несравненно цѣннѣе и благотворнѣе для современнаго человѣка. Особенно радуетъ меня то, что у тебя раньше личныхъ чувствъ явилось стремленіе къ трудовой жизни, сочувствіе ко всѣму возвышенному и прекрасному. А насчетъ Пигмаліона—не тужи: онъ придетъ въ свое время, но уже не для того, чтобъ пробудить тебя къ реальной жизни, а чтобы бросить къ твоимъ ногамъ весь пылъ юной страсти, чтобы высказать тебѣ свой восторгъ и преклоненіе, умолять тебя сдѣлаться его подругой, его ангеломъ-хранителемъ, его вдохновительницею благороднѣйшихъ современныхъ идеаловъ. О, да, конечно, это такъ должно быть, и это будетъ именно такъ. Какъ только все сладится у васъ ко взаимному удовольствію, я тутъ, какъ тутъ: сейчасъ же приковыляю къ вамъ на одной ножкѣ (мой ревматизмъ сильно даетъ себя чувствовать въ послѣднее время), чтобы погрѣться у вашего милаго, родного для меня очага».

Е. Водовозова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневниковъ Е. А. Штакеншнейдеръ [1]).

1861—1870.

Въ черновыхъ тетрадяхъ Е. А. Штакеншнейдеръ сохранились наброски, относящіеся къ 60 г.г. Эти отрывочныя и случайныя записи представляютъ извѣстный интересъ для характеристики общественныхъ настроеній эпохи, сообщаютъ, кромѣ того, и нѣкоторыя фактическія подробности о разныхъ событіяхъ общественной жизни 1861—1870 г.г. и въ особенности по исторіи женскаго движенія.

1861.

Апрѣль [2]).

Студенты ходили служить панихиду [3]). День былъ чудесный, ихъ шло очень много, это было часу въ третьемъ, въ самый разгаръ гулянья. Въ церкви они пѣли польскій гимнъ. Въ ихъ числѣ было нѣсколько кадетовъ. Одинъ полковникъ вошелъ въ церковь; увидавъ, что тамъ происходитъ, и замѣтивъ кадетовъ, принялся записывать ихъ имена. Студенты ловкимъ маневромъ укрыли собой кадетовъ и, ставъ между ними и полковникомъ, тѣснили его, помаленьку и вытѣснили, наконецъ, на паперть, и съ паперти онъ, говорятъ, упалъ, или чуть не упалъ на улицу. Конечно, все

---

[1]) См. «Гол. Мин.» 1915 г., №№ 7, 8, 11, 12; 1916 г. № 2.

[2]) Записи за январь-февраль 1861 г. напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1901 г. окт. *Ред.*

[3]) По поводу убитыхъ поляковъ во время демонстраціи 10 апрѣля въ Варшавѣ. *Ред.*

это не обошлось безъ крупныхъ словъ, но полковникъ уѣхалъ—не записавъ никого. Вечеромъ мы были у Левотовой. Тамъ только и говорилось, что о подвигѣ студентовъ. «Кто этотъ полковникъ? Въ «Колоколъ» его! подавайте намъ его имя»—кричали самые горячіе. Но имени никто не подалъ, и горячіе кипятились понапрасну.

12. Носятся слухи, что государь въ пятидесятилѣтіе Россіи готовитъ ей сюрпризъ: хочетъ отречься отъ престола Россіи. Отъ этого легче не будетъ, но ему будетъ положительно легче. Въ царяхъ онъ одинъ изъ лучшихъ, другой лучше едва ли будетъ. А будетъ другой? Останется ли Россія на прежнемъ основаніи съ новымъ царемъ—худо; будетъ ли конституція—худо: ея слишкомъ желаютъ дворяне, помѣщики, чтобы она не была къ худу. Какъ ни кинь, все клинъ! И что ей не къ худу? То развѣ, что сложится само собой только направленное, но не ускоренное, не надколотое, какъ незрѣлый плодъ, булавкой!

Зачѣмъ удвоенные караулы во дворцѣ, зачѣмъ осматриваютъ всѣхъ входящихъ во дворецъ съ узломъ, зачѣмъ эти убійственныя предосторожности, кто вздумалъ бѣдному человѣку эту пытку? Вѣдь не самъ же онъ, за что же станетъ онъ себя казнить...

Августъ.

Гости расходились отъ Василья Степановича Курочкина. Въ ихъ числѣ были Иванъ Карловичъ Гебгардтъ, Лавровъ, Михайловъ (М. Л.), Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ. Они собирались толковать о Шахматномъ клубѣ, который и устроили вскорѣ послѣ того и который съ тѣхъ поръ давно ужъ и рушился. Лавровъ жилъ недалеко отъ Ивана Карловича, онъ и предложилъ ему проводить его и, заговорившись вѣроятно, проводилъ его на самую его квартиру. Тамъ Сергѣй, лакей Ивана Карл., подалъ ему пакетъ, полученный въ его отсутствіе. Иванъ Карловичъ вскрылъ его—прокламація.

Поднялся шумъ. Иванъ Карловичъ былъ такъ пораженъ, что совсѣмъ растерялся. Прибѣжалъ на шумъ его братъ, живущій съ нимъ; досталось Сергѣю, ничего непонимавшему. Кто принесъ? Сергѣй не зналъ—какой-то маленькій, худенькій, черненькій. Мало ли такихъ. Кто бы это былъ—не признали. Когда стало извѣстно, чья это прокламація[1]), тогда догадались, что маленькій, худенькій и черненькій господинъ былъ самъ Михайловъ, но въ то время даже близкіе друзья Михайлова этого не предвидѣли. Когда онъ былъ взятъ и посаженъ въ Третье Отдѣленіе, общество

[1]) «Къ молодому поколѣнію». *Ред.*

литераторовъ написало адресъ государю, въ которомъ просило освободить Михайлова и ручалось за его невинность. Адресовъ было нѣсколько, выбрали одинъ. Между прочимъ писалъ Лавровъ, но его отвергли за *рѣзкость* выраженій [1]); онъ въ своемъ адресѣ, вполнѣ убѣжденный въ своихъ словахъ писалъ: «Михайловъ настолько же виновенъ, насколько мы всѣ виновны». Такъ былъ онъ убѣжденъ въ *невинности* Михайлова, такъ были въ этомъ убѣждены Розенгеймъ и, кажется, Серно-Соловьевичъ, состоявшій вмѣстѣ съ нимъ адресъ. Въ это время, т. е. когда Михайловъ уже сидѣлъ, снова въ отсутствіи Ив. Кар. приносятъ къ нему прокламацію; на этотъ разъ то былъ Серно-Соловьевичъ. Сергѣй, на котораго грозныя увѣщеванія И. К. произвели желанное впечатлѣніе, догадался и погнался за нимъ на лѣстницу съ лѣстницы, С.-С. спасся только тѣмъ, что разбилъ рукой фонарь на лѣстницѣ и скрылся въ темнотѣ и тѣмъ спасъ не только себя, но и Ив. К. Вѣдь не слишкомъ весело было бы и ему, если бы С.-С. былъ менѣе находчивъ, или фонарь висѣлъ бы слишкомъ высоко, и ему пришлось или выдавать знакомаго, или скрывать агитатора. Воображаю себѣ его физіономію, если бы Сергѣй представилъ ему самого Серно-Соловьевича—эту живую прокламацію.

Декабрь.

26. Студенческая исторія, этотъ вихрь, взбунтовавшій нелѣпый штиль нашей обыденности, стихаетъ. Житейское море, кое-гдѣ измѣнивъ свои границы, опять входитъ въ берега. Общество, наговорившись о томъ, какъ дѣвицы ходятъ въ Университетъ, и видѣвши своими глазами, какъ студенты ходили въ Колокольную, тоже приходитъ въ свое нормальное положеніе; не грозитъ ни адресами, ни демонстраціями и не говоритъ почти ни о чемъ.

Михайлова обстригли, заковали въ кандалы, сломали надъ нимъ шпагу и сослали его. Семь человѣкъ студентовъ тоже сосланы; остальные исключены изъ университета—нематрикулисты вмѣстѣ съ матрикулистами,—и университеты вторично заперты.

1863 г.

Февраль.

21. Великій день 19 февраля прошелъ, какъ проходитъ у насъ невеликое,—незамѣтнымъ, неоцѣненнымъ вполнѣ. Но съ какой точки смотрѣло на него правительство, что приготовило

---

[1]) Делегатъ петербургскихъ литераторовъ съ *умѣреннымъ* адресомъ пріѣхалъ въ Москву для сбора подписей. «Собралось у Каткова человѣкъ 30»—сообщаетъ И. С. Аксаковъ въ письмѣ къ Блудовой 5 октября. «Такого полнаго фіаско, какой испыталъ петербургскій депутатъ я не видывалъ. Долженъ вамъ сознаться, что я сильно ораторствовалъ противъ его адреса, ни одинъ голосъ не поднялся въ его пользу, и онъ такъ ни съ чѣмъ и ушелъ». «Письма» т. IV, ч. II, 192. *Ред.*

войска и велѣло запереть въ Петербургѣ всѣ ворота и всѣмъ дворникамъ быть при нихъ? Согласно ли оно въ самомъ дѣлѣ съ Ѳ. Н. Глинкой, что мужику надо хлѣба, т.-е. неволи, а ему даютъ бланманже, т. е. волю, и думало ли оно, что освобожденный мужикъ вооруженной рукой будетъ ломиться въ запертыя ворота, требуя неволи? Или можетъ быть думало оно, что помѣщики взбунтуются? Появилась еще прокламація, и едва ли не лучшая изъ всѣхъ, являвшихся до сихъ поръ. Эта прокламація съ печатью «Земля и Воля» по поводу Польши. Да пройдетъ она благополучно, не надѣлавъ бѣдъ! Пользы отъ нея, т. е. достиженія той цѣли, для которой вообще пишутся прокламаціи, вѣроятно, не будетъ, хотя написана она съ бо́льшимъ одушевленіемъ, чѣмъ всѣ прежнія, но упаси Богъ отъ бѣдъ. Потянутъ опять невинныхъ съ виновными, опять жертвы падутъ; а ихъ, юныхъ и радостныхъ и готовыхъ итти на жертвоприношеніе, хоть на закланіе, такъ много. . . .

Мартъ.

18. Въ четвергъ выпускаютъ Кудиновича [1]), онъ просидѣлъ въ крѣпости 9 мѣсяцевъ. Чернышевскій еще сидитъ. Взяты и авторы послѣдней прокламаціи о Польшѣ, «Земля и Воля», Жуковъ и Степановъ. Они приговорены къ разстрѣлянію [2]). Вотъ и еще жертвы.

Они взяты около Острова въ мужицкой избѣ или харчевнѣ. Они остановились ночевать, съ ними были и прокламаціи и печатный станокъ. Они вздумали читать ихъ мужикамъ, мужики ихъ схватили, связали и привезли въ Петербургъ. Дорогой они откупались большими деньгами, но мужики не сдались [3]).

28. Вышелъ Современникъ № 3. Въ немъ романъ Чернышевскаго[4]). Я этимъ романомъ наэлектризована. Онъ мнѣ доставилъ наслажденіе, какое даставляли книги въ юные годы, онъ мнѣ согрѣлъ душу своимъ высоко нравственнымъ направленіемъ, наконецъ, онъ объяснилъ то восторженное... поклоненіе.., иначе назвать не умѣю, которое питаетъ къ его автору молодое поколѣніе, то вліяніе, которое онъ на него имѣетъ. Мнѣ теперь по-

---

[1]) Студентъ, обвинявшійся въ содѣйствіи распространенію революц. изданій въ 1862 г. среди солдатъ л.-гв. сапернаго батальона (*Былое* 1906, VII, 25). *Ред.*

[2]) Это невѣрно—къ каторжнымъ работамъ. *Ред.*

[3]) О бывш. офицерахъ Жуковѣ и Степановѣ, работавшихъ въ типографіи «Земли и Воли», перенесенной изъ Петербурга для безопасности въ Люцинскій у., см. Пантелѣевъ «Изъ воспоминаній прошлаго» I. 296—306. *Ред.*

[4]) «Что дѣлать». *Ред.*

нятны тѣ слышанные мною дерзкіе отрывки рѣчи, такіе антипатичные на первый взглядъ!

4. Когда Полонскій сдѣлается цензоромъ, нѣмецкія книги цензуровать буду я...

12. Учреждается новое общество для доставленія средствъ неимущимъ женщинамъ зарабатывать хлѣбъ честнымъ трудомъ. Лавровъ записалъ мама и меня въ члены-учредительницы и полагаетъ на меня какія-то надежды. Это общество должно состоять преимущественно изъ женщинъ, и женщинъ всѣхъ элементовъ, нигилистокъ и аристократокъ включительно. Но такъ какъ отъ этого соединенія можетъ произойти Богъ знаетъ что, то нужна середина—ядро, какъ выражается Лавровъ.

Я своей длинной косой только принадлежу къ аристократкамъ. Лавровъ думаетъ, что я должна буду принадлежать къ составляющимъ ядро. Посмотримъ, что-то будетъ [1]).

13. Польскій вопросъ сталъ вопросомъ европейскимъ. Намъ грозятъ Франція и Англія. До какого униженія мы дошли!

Крымская гроза была такъ благотворна для Россіи, нынѣшнія дѣла съ Польшей такъ глубоко безнравственны. Должна ли Россія уступить ей всѣ губерніи?—вопросъ далеко не рѣшенный, и вотъ по этимъ-то тремъ причинамъ война почти желательна. Будетъ опять литься кровь. А развѣ теперь она не льется? Развѣ кто-нибудь вѣритъ въ раненаго *одного* казака?

Да какой другой исходъ и возможенъ? Поляки не возьмутъ себѣ никогда ни свободы, ни губерній. Россія ей ихъ никогда не дастъ. Хотя первую дать *должна*, но другихъ и не должна даже.

Враждебныя державы помогутъ Россіи, они выведутъ ее изъ тяжелаго положенія. Проливая кровь, легче будетъ уступить; а побѣдитъ она, такъ еще легче будетъ: побѣжденные законовъ не предписываютъ.

Государь далъ недавно амнистію полякамъ; я ее и не читала, меня и такъ . . . . . , когда я про нее думаю.

15. Дворянство съ своими глупыми адресами опять храбрится, опять хочетъ лить свою дурную кровь. Говорятъ составляется конституція, одинаковая имъ и полякамъ. А составляетъ ее Корфъ. Должно быть будетъ хороша! Амнистію нашу поляки привязали собакамъ къ хвостамъ...

27. Но вотъ новость: говорятъ, нельзя ѣхать даже въ Гатчину изъ Петербурга безъ паспорта. Кажется война неизбѣжна. Скверное положеніе Россіи. За границей ругаютъ. Нашимъ барынямъ

---

[1]) Что изъ этого вышло см. ниже подъ 1865 г. *Ред.*

говорятъ, житья нѣтъ въ Парижѣ: вездѣ каррикатуры, насмѣшки на русскихъ. Если это выгонитъ барынь изъ чужихъ краевъ, такъ хорошо, довольно они посрамили Россію [1]).

1864.

Іюль.

26. Когда Чернышевскому читали приговоръ, кто-то изъ толпы бросилъ ему букетъ цвѣтовъ. Нѣтъ, эту исторію съ букетомъ я принималась описывать 4 раза и, кажется, не напишу никогда. Я не могу смотрѣть на нее довольно хладнокровно и объективно.

Это кажется такъ просто, короткими словами можно сказать: привязанному къ позорному столбу Чернышевскому Маша Михаэлисъ бросила букетъ цвѣтовъ. Совершилось это событіе 19 мая 1864 г. въ 8 часовъ утра на Мытномъ Рынкѣ въ Петербургѣ. Чего проще? Не бросаютъ ли ежедневно гроши проводимымъ по улицамъ арестантамъ. Кто обращаетъ на это вниманіе? Но бросить букетъ цвѣтовъ политическому преступнику — какъ это можно! А если вдругъ отъ того сдѣлается бунтъ, революція? а если отъ того сдѣлается землетрясеніе? а если букетъ начиненъ порохомъ? можетъ быть это . . . . невская бомба въ видѣ букета. Впрочемъ, это пустяки, этого никто не боялся, это я только языкъ точу. Маша Михаэлисъ взяли, посадили въ карету и отвезли въ Третье Отдѣленіе не потому, чтобы боялись чего-нибудь отъ самаго букета—что-жъ букетъ, букетъ ничего не можетъ сдѣлать, но это была демонстрація. Что-жъ—Маша Михаэлисъ представительница чего-нибудь? Что-жъ—эта толпа, которая не шелохнулась, не колыхнулась, покуда ее брали, прикасались къ ней полицейскими неумытыми руками, все ея соумышленники? или она демонстрацію дѣлала одна, сама собой? Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, можно испугаться вѣдь сверхъестественнаго и бояться. Или можетъ быть въ томъ и заключалась демонстрація, чтобы дать ее взять, оскорбить, посадить въ карету; чтобы она сама обругала дуракомъ полицейскаго, который полѣзъ было къ ней въ карету и послала его садиться на козлы..?....

Какъ, у васъ на глазахъ берутъ дѣвушку за букетъ, брошенный ею преступнику, которому и сами вы вѣдь сочувствуете изъ-за угла, и ничто въ васъ не колыхнулось? Кромѣ радости, что—нигилистка попалась? А помните, вамъ нравилось такъ, что студенты служили панихиду по полякамъ [2]), пѣли польскій гимнъ

[1]) См. также отрывокъ изъ дневника Е. А. Штакеншнейдеръ, приведенный въ статьѣ С. П. Мельгунова «Изъ исторіи общественныхъ настроеній въ 1863 г.» *Гол. Мин.*, 1916 № 3.

[2]) См. выше подъ 1861 г.

и толкнули съ паперти католической церкви полковника? Какой девятый валъ несъ васъ тогда? Чему вы радовались? Вѣдь русскіе студенты молились по полякамъ, убивавшимъ русскихъ!

Вѣдь толкаться скверно, полковникъ могъ шею сломить. А что приключилось отъ букета?

Что полиція захватила Машу Михаэлисъ, это ничего,—она должна была это сдѣлать, но что вы на нее напали, вы, наше либеральное общество, это и ново, и дико. Машу спрашивали на допросѣ: родственникъ ли ей Чернышевскій? Нѣтъ. Такъ что же онъ вамъ? зачѣмъ же вы ему бросили цвѣты? Я въ него влюблена—отвѣчала Маша. И общество подхватило эти слова и понесло по всѣмъ гостинымъ: «она сказала, что влюблена въ него»...

1865.

Помѣщаемый ниже отрывокъ изъ дневника за 1865 г. посвященъ исключительно исторіи неосуществившагося «Общества поощренія женскаго труда», возникшаго по иниціативѣ кружка передовыхъ женщинъ 60 г. г. Въ 1861 г. Н. В. Стасовою, М. В. Трубниковою (дочерью декабриста Ивашева), А. П. Философовою было образовано «Общество доставленія дешевыхъ квартиръ», къ нему близко примыкало и «Общество поощренія женскаго труда». Въ сущности иниціаторомъ общества былъ П. Л. Лавровъ, привлекшій въ его составъ и радикально-демократическіе элементы. Между «нигилистками» и «аристократками» однако оказалось слишкомъ большое расхожденіе, повлекшее къ ряду столкновеній, «стычекъ» и недоразумѣній, и, въ концѣ-концовъ, общество не осуществилось. Въ Петербургскомъ обществѣ того времени переписка, связанная съ «организаціей женскаго труда», вызвала большія обсужденія: этотъ эпизодъ явился однимъ изъ боевыхъ моментовъ. Послѣдній уже не разъ описывался. Далъ въ него откликъ въ своемъ «Дневникѣ» и консервативно настроенный Никитенко, освѣтившій весь эпизодъ во враждебномъ Лаврову тонѣ. Излагается эпизодъ въ книгѣ Вл. Стасова «Надежда Васильевна Стасова» (1899 г.) и въ недавно вышедшемъ сборникѣ «Памяти Философовой», гдѣ въ статьѣ г-жи Тырковой приведены новые неизданные матеріалы. Излагается онъ и въ дневникѣ Е. А. Штакеншнейдеръ, одной изъ участницъ Общества. Ея изложеніе представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что, принадлежа къ «аристократкамъ» по своему положенію, Е. А. была введена въ Общество П. Л. Лавровымъ. Она должна была представлять собой ту «середину», которую Лавровъ считалъ необходимымъ образовать, предвидя неизбѣжныя столкновенія «нигилистокъ и «аристократокъ» [1]).

[1]) См. выше. *Ред.*

О возникновеніи и преждевременномъ концѣ Общества поощренія женскаго труда.

Когда мы переѣхали на зимніе мѣсяцы въ Петербургъ въ 1863 г., пришелъ ко мнѣ Петръ Лавровичъ Лавровъ и съ радостнымъ лицомъ объявилъ, что устраивается большое Общество для поощренія женскаго труда, и что проектъ устава Общества выработанъ имъ, Лавровымъ, по просьбѣ Кривошеина [1]) и въ сотрудничествѣ съ Анной Николаевной Энгельгардтъ. Теперь проектъ устава въ общемъ былъ уже готовъ, и онъ далъ мнѣ его прочесть.

Общество задумано въ широкихъ размѣрахъ. Оно должно сначала открыться въ Петербургѣ, но со временемъ, посредствомъ филіаціи, должно распространиться по всей Россіи.

Цѣль его,—доставленіе женщинамъ средствъ къ труду и заработку, само собою разумѣется.

Число членовъ обоего пола неограниченное. Членскій взносъ—12 р. въ годъ или одинъ р. въ мѣсяцъ.

Общество ссужаетъ своихъ членовъ, конечно исключительно женскаго пола, за малый процентъ средствами на открытіе школъ, ремесленныхъ заведеній, мастерскихъ, магазиновъ и проч., на артельныхъ началахъ или одиночно, а также обязуется доставлять работу и сбытъ ея.

Правленіе состоитъ изъ президента, вице-президента, распорядительницы, членовъ исполнительнаго комитета и членовъ контроля.

Проектъ этотъ читался, обсуждался, передѣлывался и переписывался очень долго.

Мы снова вернулись въ Ивановку, и я перестала слѣдить за всѣмъ; да и Лавровъ уѣхалъ въ деревню.

Но въ слѣдующемъ году, когда опять переселились мы въ Петербургъ, принесъ онъ мнѣ уже три отпечатанныхъ экземпляра устава, съ пришитыми къ каждому изъ нихъ бѣлыми листами бумаги, предназначенными для подписей лицъ, желающихъ вступить въ члены общества, и просилъ собирать подписки.

Но этотъ способъ вербовки успѣха не имѣлъ. Подписывались крайне туго; пришитые къ уставу бѣлые листы какъ-то смущали. На листы, врученные мнѣ, напримѣръ, я получила только двѣ подписи: свою собственную и подпись брата Адріана; а третій листъ даже пропалъ совсѣмъ у Екатерины Ѳедоровны Юнгъ, дочери гр. Толстой.

И опять прошла зима и съ весной всѣ разъѣхались. И вотъ,

---

[1]) Впослѣд. мин. пут. сообщ.

нынѣ принесъ мнѣ Лавровъ уже печатныя квитанціи для выдачи членамъ въ обмѣнъ на членскій взносъ.

Эти квитанціи или билеты пошли очень ходко, и деньги собираются хорошо. На билетѣ тоже вписывается имя члена, т. е. дателя, но этотъ билетъ носится въ собственномъ карманѣ поименованнаго, а не ходитъ по рукамъ, какъ подписной листъ.

И прошеніе объ утвержденіи общества уже подано Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Но прошеніе подавали не Кривошеинъ, Лавровъ и А. Н. Энгельгардтъ, а графиня Вѣра Николаевна Ростовцева, Анна Павловна Философова, Иванъ Давидовичъ Деляновъ и нѣкто Вороновъ, служащій въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Самъ Кривошеинъ никакой оффиціальной роли въ обществѣ играть не хотѣлъ, но былъ, такъ сказать, приватно душой его.

Точно такія же отношенія къ нему и Лаврова; Анны Николаевны не было въ Петербургѣ.

Выходило, такимъ образомъ, что Кривошеинъ, Лавровъ и Энгельгардтъ стушевывались, а учредителями de juro и de facto дѣлались четыре лица, входившія съ прошеніемъ о разрѣшеніи открыть общество и получившія его 22 февраля сего года (*1865*).

Устроилось это полюбовно, такъ какъ было болѣе чѣмъ сомнительно, что разрѣшеніе можетъ быть выдано Лаврову или Энгельгардтъ, или даже ничѣмъ еще не заявившему себя Кривошеину. Они могли оставаться душой задуманнаго ими дѣла, но хозяевами его, главное, отвѣтственными передъ правительствомъ лицами, дѣлались теперь Ростовцева, Философова, Деляновъ и Вороновъ и являлись отнынѣ учредителями.

Но Деляновъ и Вороновъ оба люди занятые, посвящать много времени обществу не могли и потому образовалась временная комиссія изъ семи лицъ, преимущественно для сбора денегъ.

Въ эту Комиссію вошли: Анна Павловна Философова, очень горячо принявшаяся за дѣло, графиня Ростовцева, Н. В. Стасова, М. В. Трубникова, В. Н. Дорогобужиновъ и, какъ первые учредители, П. Л. Лавровъ и А. К. Кривошеинъ.

Пора была приступать и къ выборамъ правленія.

Въ президенты предполагалось просить кого-нибудь изъ лицъ царской фамиліи, остальные члены правленія, вице-президентъ, распорядительница и проч. должны были баллотироваться.

Составили списокъ кандидатовъ на представленіе общему собранію.

На должность вице-президента просили адмирала Шестакова; въ распорядительницы—гр. Ростовцеву; въ исполнительное отдѣленіе или исполнительный комитетъ—Стасову, Трубникову,

М. Г. Ермолову, Бекетову, жену профессора Андрея Николаевича, и Кривошеина; въ контроль—Елисеева (Грицко) изъ «Отечественныхъ Записокъ», Антоновича изъ «Современника» и Альбертини, главнымъ образомъ, извѣстнаго тѣмъ, что въ 1861 г. у него на квартирѣ были взяты и отведены въ крѣпость 22 студента, прозванные поэтому Альбертинцами.

На масляницѣ, въ понедѣльникъ, была я на блинахъ у И. Ф. Пинкориелли, а въ это время заходилъ ко мнѣ Лавровъ сказать, что на завтра, въ часъ дня, назначено у Философовой первое собраніе общества.

Не зная, общее ли то будетъ собраніе и, въ такомъ случаѣ, надо ли оповѣстить о немъ тѣхъ лицъ, что записывались въ члены у меня на имя Лаврова, я послала справиться и получила въ отвѣтъ, что не надо, что то еще не общее собраніе.

Собралось человѣкъ пятьдесятъ только; я была въ братомъ. Лавровъ открылъ собраніе краткой вступительной рѣчью, за нимъ Кривошеинъ прочелъ уставъ общества, а затѣмъ Лавровъ сталъ читать списокъ кандидатовъ. Раздались голоса: «въ вице-президенты Лаврова»! Но Петръ Лавровичъ рѣшительно отклонилъ отъ себя эту честь и выставилъ на видъ тѣ преимущества, которыя принесло бы обществу избраніе адмирала Шестакова; согласились и успокоились.

«Въ распорядительницы—графиню В. Н. Ростовцеву», читалъ Лавровъ. Вѣра Николаевна начала отказываться: «Нѣтъ нѣтъ, я говорила, что не пойду, не могу»..

Ее окружили, начали упрашивать, уговаривать и—уговорили наконецъ.

Только что разошелся по своимъ мѣстамъ кружокъ, уговаривающій графиню, и Лавровъ хотѣлъ продолжать чтеніе, какъ на противоположномъ концѣ залы образовался новый; но этотъ никого не уговаривалъ и не упрашивалъ. Онъ окружалъ хорошенькую Цѣнину, и изъ среды его раздавались голоса: «Мы Ростовскую эту».. написать ли?... «эту шваль»! не хотимъ, мы ее забаллотируемъ!».

То была оппозиція.

Испуганная Философова пошла ее укрощать, но оппозиція не сдавалась. Она требовала въ распорядительницы Марью Арсеньевну Богданову, которая не была даже членомъ общества, требовала М. Г. Ермолову и объявила, что, если будетъ Ростовцева, то всѣ выйдутъ.

Пошелъ на выручку Философофой Кривошеинъ. Онъ убѣждалъ просилъ, объяснялъ, истощилъ все свое краснорѣчіе и ничего не добился.

Глава оппозиціи,—Цѣнина [1]) и слушать ничего не хотѣла. И мы были только рады, что самыхъ крупныхъ выраженій графиня не слыхала.

Кое-какъ ихъ уговорили наконецъ, но не убѣдили все-таки. Чтеніе продолжалось. Остальные кандидаты прошли благополучно и затѣмъ всѣ разъѣхались.

Общее собраніе хотѣли назначить въ воскресенье, 28-го февраля, но, ввиду происшедшаго не знали, какъ быть. Ростовцева, конечно, снова отказывалась отъ распорядительства, и оппозиція, которую надѣялись образумить въ воскресенье, нисколько не поддавалась и продолжала бунтовать, а надо было еще опасаться, что на общее собраніе она явится въ усиленномъ составѣ.

Такъ бѣдные Митяи стояли, по нѣмецкой пословицѣ, wie die Ochsen am Berge.

Дѣло было задумано, повидимому, такъ хорошо и, въ самомъ дѣлѣ, такое хорошее дѣло. И всѣ главныя мытарства были уже пройдены, уставъ составленъ и напечатанъ, разрѣшеніе получено, члены стекались безъ всякаго принужденія, и денежныя средства быстро увеличивались, въ числѣ членовъ было много людей очень вліятельныхъ и очень полезныхъ для юнаго Общества и, вдругъ все разбивалось о внутреннюю какую-то, оппозицію, разбивалось и рушилось. Филантропія нынѣ въ загонѣ.

Назвать кого-нибуль филантропомъ, филантропкой считается обидой. Наше Общество не должно было быть благотворительнымъ. Изъ всего можно бы было получать ссуду, не даръ. И Ростовцева, равно какъ и Цѣнина и всѣ члены Общества, платили одинаково рубль въ мѣсяцъ и имѣли одинаковое право на ссуду, работу и плату за все.

Но открыть Общество Цѣнина разрѣшенія отъ министра не получила бы, какъ не получили бы его и Энгельгардтъ и самъ Лавровъ, несмотря на его эполеты. А разъ право и отвѣтственность находились въ рукахъ Ростовцевой и комп., то, если и захотѣли бы они поступиться своими правами, то отвѣтственностью поступиться ужъ никакъ нельзя. Но Цѣниной и комп. вбить это въ голову не было возможности; онѣ твердили одно: «Не хотимъ Ростовскую», да и конецъ.

Ростовцева такъ не популярна не сама по себѣ, ее не знаютъ,

---

[1]) Е. И. Жуковская-Цѣнина въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ отрывкахъ въ сборникѣ «Памяти Философовой» (I, 128—32), говоритъ, что оппозиція требовала, чтобы въ списки правленія хоть наполовину были внесены лица, непосредственно занятыя и причастныя къ труду. *Ред.*

а узнали бы, такъ и примирились бы съ ней, но она не популярна по наслѣдству, какъ вдова Герценовскаго «Іоанна Энтузіаста», Якова Ивановича Ростовцева, о немъ ходятъ разныя легенды, между прочимъ, что онъ предалъ декабристовъ.

Но и кромѣ того, достаточно было видѣть на собраніи у Философовой обѣ группы—ту, что окружала Ростовцеву, дамъ въ модныхъ шелковыхъ платьяхъ и модныхъ шляпахъ, и ту, что окружала Цѣнину, въ черныхъ шерстяныхъ и совсѣмъ безъ шляпъ на стриженыхъ головахъ, чтобы понять какіе два несродныхъ элемента призваны дѣйствовать заодно; и что изъ этого ничего путнаго выйти не можетъ. Лавровъ былъ въ отчаяніи; и тѣмъ болѣе, что большая часть бунтующихъ были его кліентки. Кривошеинъ это зналъ и внѣ себя прибѣжалъ, наконецъ, къ нему, требуя, чтобы онъ ихъ укротилъ, въ противномъ случаѣ грозя выйти изъ членовъ и увлечь всѣхъ своихъ за собой.

Не знаю, кому первому пришла мысль устроить свиданіе враждующихъ сторонъ, но эта мысль была не изъ удачныхъ.

Свиданіе устроила Трубникова у себя. Тамъ враги сошлись и, созерцая другъ друга вблизи, прониклись другъ къ другу только пущей антипатіей, сговориться же все-таки не могли, потому что не могли или не хотѣли понять другъ друга, точно говорили на разныхъ языкахъ.

Оппозиція представила тутъ свой ультиматумъ. Ермолову—распорядительницей и Зайцеву и г-на Европеуса—въ исполнительное отдѣленіе. Напрасны были всѣ увѣщеванія. Сошлись еще разъ и, наконецъ, сговорились: распорядительницей Ростовцеву, но Зайцеву и Европеусъ все-таки въ испольнительное отдѣленіе.

Представили этихъ новыхъ кандидатовъ на расмотрѣніе Ростовцевой, которая, какъ распорядительница, имѣла право принять ихъ или же не принимать,—она не приняла и снова начала отказываться отъ распорядительства; и снова Цѣнина и комп. начали бунтовать съ удвоенной силой. Между тѣмъ, начинали косо смотрѣть и на Лаврова, напустившаго въ Общество этихъ безпокойныхъ людей. Стали помышлять, какъ бы избавиться отъ него самого.

Былъ комитетъ у Ростовцевой, на который его не пригласили. Явились всѣ, кромѣ Лаврова; затѣмъ уже приступили къ дѣлу, когда Трубникова и Стасова замѣтили, что Лаврова еще нѣтъ. Вороновъ отвѣчалъ имъ, что онъ и не будетъ, потому что ему не дано знать. Тогда Трубникова и Стасова объявили, что въ такомъ случаѣ комитетъ состояться не можетъ, встали и ушли, и комитетъ, за отсутствіемъ трехъ членовъ, и не состоялся.

Затѣмъ, въ концертѣ Балакирева, кто-то спросилъ Лаврова, правда ли, что общее собраніе, назначенное на воскресенье, отмѣнено. Въ концертѣ была и Философова, и Лавровъ передалъ ей этотъ слухъ. Къ его великому изумленію, она его не опровергла, а напротивъ того, подтвердила и добавила: «вѣдь хозяева—мы». Лавровъ недоумѣвалъ. Дѣйствовали, значитъ, безъ него, его устраняли, не предупредивъ его. Хотя сказалъ спрашивающему у него господину, что общее собраніе не отмѣнено.

Но это не все, главное было еще впереди.

Въ среду я повезла ему нѣсколько членскихъ взносовъ и была имъ встрѣчена такъ странно, такое у него было сумрачное лицо, что я подумала, что онъ сердитъ на меня. Руку мою съ деньгами онъ отвелъ и отрывисто произнесъ: «я не могу ихъ принять, не имѣю права на то».

Что такое? Ни жена его, ни я ничего не понимали, а онъ только хмурился, выкатывалъ глаза и вздувалъ усы, что всегда служитъ у него признакомъ сильнаго волненія. Не вымолвивъ болѣе ни слова, онъ было сѣлъ, но вдругъ всталъ, быстро прошелъ въ кабинетъ и также быстро вернулся съ «С.-Петербургскими Вѣдомостями» того дня въ рукахъ и далъ мнѣ прочитать помѣщенное въ нихъ объявленіе, а самъ отошелъ къ окну и началъ барабанить пальцами по стеклу. Выходило дѣйствительно болѣе, чѣмъ странно.

Отложить общее собраніе было необходимо, то была мѣра вполнѣ благоразумная, но приглашать на него лишь своихъ знакомыхъ въ то время, какъ Стасова, Трубникова и Лавровъ (Дорогобужиновъ и Кривошеинъ куда-то исчезли, уѣхали кажется), владѣли по одинаковому праву съ учредителями членскими билетами и уже распространили ихъ цѣлую массу между своими знакомыми, на половину можетъ быть незнакомыхъ учредителямъ, не говоря уже о томъ, что выходило крайне неловко, чтобы не сказать болѣе, относительно ихъ, было еще и вовсе неблагоразумно и даже опасно. Незнакомые четыремъ учредителямъ подлежали баллотировкѣ. Да кто бы на баллотировку пошелъ? Члены оппозиціи, чтобъ произвести скандалъ? Этого ли добивались учредители? А, наконецъ, Цѣнина, Зайцевъ и проч. къ какой категоріи принадлежали, къ лицамъ извѣстнымъ учредителямъ или неизвѣстнымъ? Неужели неизвѣстнымъ?

Лавровъ былъ внѣ себя. Онъ надумалъ, наконецъ, написать объясненіе и приглашеніе лицамъ, взявшимъ билетъ не у учредителей, вернуть ихъ и получить деньги обратно. Хотѣлъ дать подписать это объявленіе Трубниковой и Стасовой и напечатать его въ ближайшемъ номерѣ какой-нибудь газеты. Онъ тотчасъ же

отправился въ кабинетъ писать это объясненіе, а меня просилъ не уѣзжать и просмотрѣть, чтобы въ него не вкралось чего рѣзкаго или лишняго.

Минутъ черезъ двадцать онъ вернулся съ мелко исписаннымъ листкомъ и привелъ съ собой Пребстинга.

Въ написанномъ ничего рѣзкаго или лишняго не оказалось, но оно само было лишнимъ. Въ этомъ соглашался со мной и Пребстингъ, говоря, что учредители *юридически* совершенно правы, но Лавровъ слушать насъ не хотѣлъ и уѣхалъ къ Трубниковой и Стасовой.

Вскорѣ ушелъ и Пребстингъ, тоже членъ злополучнаго Общества нашего, но который, надо полагать по крайней мѣрѣ, попадетъ въ число избранныхъ безъ баллотировки. На смѣну ему съ громкими криками радости, что нигилистовъ поддѣли, явился Иванъ Карловичъ Гебгардтъ, а за нимъ пришелъ Альбертини.

Тутъ кстати замѣтить, что партія Ростовцевой зовется аристократами, а партія Цѣниной нигилистами. Такъ окрестили онѣ одна другую, когда близко созерцали другъ друга на двухъ собраніяхъ у Трубниковой.

Не такъ давно еще названіе нигилистъ, нигилистка считалось почетнымъ, и было лестно его заслужить; теперь ихъ кидаютъ лишь въ сердцахъ въ противника. Услыхавъ это слово и ликованіе Гебгардта, Антонина Христіановна, что называется, свѣта не взвидѣла. Она набросилась на Ивана Карловича, а онъ началъ дразнить еще пуще, а Альбертини, вторя ему, какъ дятелъ, все долбилъ одно: «Учредители дѣйствуютъ правильно, правильно, иначе все пропадетъ, все пропадетъ».

Долго они кричали, долго пыталась Лаврова перекричать обоихъ. Я молчала поневолѣ. Не могла ихъ перекричать, да Иванъ Карловичъ и не позволялъ даже пошевелить губами, тотчасъ напускался, таращилъ глаза, багровѣлъ и сжималъ кулаки. Наконецъ, они обезсилили и смолкли.

Иванъ Карловичъ ушелъ, взявъ съ меня слово, что послѣ обѣда я заѣду къ тетенькѣ Ливотовой разсказать о дальнѣйшихъ перипетіяхъ.

Вернулся Петръ Лавровичъ, но еще въ худшемъ состояніи духа, чѣмъ когда уѣзжалъ. Объясненія ни Стасова, ни Трубникова подписать не согласились, также находя его лишнимъ или, по крайней мѣрѣ, преждевременнымъ. Онѣ хотѣли навести сначала точныя справки и на слѣдующій день сообщить ихъ Лаврову; тогда, если оказалось бы нужнымъ, было можно и напечатать объясненіе это и приглашеніе. Лавровъ былъ возмущенъ ихъ

нерѣшительностью и ихъ соображеніями; называлъ поведеніе ихъ измѣной и трусостью.

Онъ не зналъ, какъ постоянно стоятъ онѣ за него и какъ, недавно, вышли изъ комитета и помѣшали ему состояться изъ-за него же.

Когда онъ нѣсколько успокоился, я уѣхала, получивъ его обѣщаніе зайти тоже попозднѣе къ Ливотовой. Но къ Ливотовымъ онъ не пришелъ.

На другой день вечеромъ была у насъ ревизія по Издательской Артели [1]). Члены ревизіи, тетенька Ливотова, гр. Ростовцева, Марья Сергѣевна Оленина и я, сошлись на квартирѣ у Олениной, въ Маріинскомъ институтѣ. Я очень разсчитывала на свиданіе съ Ростовцевой; хотѣлось мнѣ переговорить съ ней о многомъ, но она запоздала, а тетенька Ливотова очень спѣшила домой, такъ какъ то былъ четвергъ, ихъ пріемный вечеръ.

Лишь только явилась графиня, какъ тотчасъ же приступили къ ревизіи, а лишь только покончили съ ней, какъ тетенька поднялась и заторопилась ѣхать. Пускаться въ разговоръ нечего было и думать, и только прощаясь съ графиней, тетенька мимоходомъ выразила ей сожалѣніе свое, что Общество, повидимому, распадается.

— Напротивъ—возразила графиня—оно теперь-то и пойдетъ, и на-дняхъ мы разсылаемъ приглашенія на общее собраніе.

Тетенька, конечно, также членъ Общества; и Иванъ Карловичъ также, и Марья Сергѣевна Оленина.

Въ воскресенье я обѣдала у Стасовыхъ. Послѣ обѣда Надежда Васильевна уѣхала въ комитетъ, къ Ростовцевой. Тамъ должна была происходить, согласно печатному объявленію, сортировка лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, немогущихъ быть допущенными на общее собраніе и подвергающихся баллотировкѣ. Каждый изъ членовъ временной комиссіи для собиранія женскихъ взносовъ долженъ былъ представить на разсмотрѣнія учредителей свой списокъ лицъ, взявшихъ у него билетъ, и учредители отмѣчали неизвѣстныхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы Надежду

---

[1]) Организація этой женской Издательской Артели для оказанія трудовой помощи интеллигентнымъ женщинамъ стояла въ связи съ общей дѣятельностью по женской эмансипаціи упомянутаго кружка. Она возникла по иниціативѣ М. В. Трубниковой въ 1863 г. и функціонировала нѣсколько лѣтъ, хотя не получила утвержденія устава. Вначалѣ артель существовала не оффиціально, затѣмъ (въ 1868) для практическихъ удобствъ переименовалась въ издательскую фирму «Трубниковой и Стасовой». «Артель» выпустила нѣсколько книгъ. Дѣятельность ея была ликвидирована въ 70-хъ гг. Подробности см. въ сборникѣ «Памяти Философовой», стр. 134—138. Такъ же книгу Стасова «Над. Вас. Стасова», и Лихачевой «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи». *Ред.*

Васильевну. Наконецъ, она пріѣхала, и съ нею Лавровъ. Оба были крайне возбуждены и въ одинъ голосъ объявили, что Общество больше не существуетъ или съ нимъ творится что-то невозможное.

Надежда Васильевна получила свой списокъ, заключавшій въ себѣ 25 именъ, обратно неприкосновеннымъ; ни одно имя не было въ немъ отмѣчено.

Принимая свой изъ рукъ графини, Лавровъ, не заглядывая въ него, положилъ его въ карманъ. Тогда графиня пригласила его просмотрѣть и, если онъ найдетъ нужнымъ что-либо возразить, то сдѣлать это. Лавровъ отвѣчалъ, что находитъ это излишнемъ, такъ какъ вообще не считаетъ себя въ правѣ давать на цензуру или баллотировку имена лицъ, взявшихъ у него билеты. «Въ этомъ спискѣ,—заключилъ онъ—есть одно только имя, которое я допускаю къ ней, это—мое собственное».

Развернувъ его впервые, за чайнымъ столомъ у Стасовыхъ, онъ, со злой усмѣшкой, показалъ его намъ. Его списокъ состоялъ изъ 105 именъ и изъ нихъ 49 были перечеркнуты маленькими косыми крестиками карандашемъ. Такъ какъ списокъ Стасовой былъ чистъ совершенно, на спискѣ же Лаврова на именахъ Цѣниной, Зайцевыхъ и проч., то не трудно было догадаться, что они-то и опальные.

Дѣйствительно творилось что-то невозможное.

Правленія не было, а было лишь четыре учредителя, изъ которыхъ двое мужчинъ дѣйствовали только совѣтами болѣе или менѣе запугивающаго свойства, а двѣ женщины только боялись и не знали, что дѣлать. Ихъ окружало пять лицъ, неизвѣстно кѣмъ призванной и никѣмъ неутвержденной, временной комиссіи. Но изъ этихъ пяти лицъ два исчезли, а третьяго сами учредители желали во что бы то ни стало отстранить, въ то время, какъ онъ былъ однимъ изъ издателей и главныхъ иниціаторовъ Общества.

Правленіе было необходимо, но правленіе могло быть избрано только общимъ собраніемъ, общее же собраніе учредители созвать не рѣшались, потому что ни на что не взирающій враждебный элементъ неизбѣжно явился бы туда, могъ все дѣло, да и ихъ самихъ, погубить.

Положеніе было дѣйствительно затруднительное въ высшей степени, и, вотъ, придумали дикую мѣру съ извѣстными и неизвѣстными лицами.

Но, во-первыхъ, оскорбляя столькихъ, устраняла ли эта мѣра возможность скандала, а во-вторыхъ, устраняла ли она возможность ошибокъ, въ ущербъ Обществу. Какъ, напримѣръ, слѣдующая. Пересматривая списокъ Лаврова, къ великому моему изумле-

нію и почти ужасу, увидѣла я перечеркнутымъ имя Александры Александровны Брюлловой. Я не вѣрила своимъ глазамъ. А. А. попала въ число неизвѣстныхъ. Четыре учредителя никогда не слыхали имени Брюлловыхъ! Кого же имъ было надо въ члены, если Брюллова не годилась? Брюллова, богатая женщина съ большимъ семействомъ и большимъ кругомъ знакомыхъ, слѣдовательно выгодная работодательница и въ то же время вовсе непричастная ни къ оппозиціи нашей, ни къ нашимъ междуусобицамъ, о которыхъ и не подозрѣвала. Я завербовала ее, и она очень заинтересовалась цѣлью Общества и все ждала общаго собранія и начала дѣйствій, чтобы дать разные заказы. И ее устраняли!

До того этотъ остракизмъ былъ нелѣпъ, что иначе, какъ ошибкой, объяснить его было нельзя; карандашъ какъ-нибудь попалъ не на то имя. Непремѣнно надо было обратить вниманіе учредителей на этотъ случай. Но Лавровъ и слушать ничего не хотѣлъ. Онъ привелъ еще двадцать перечеркнутыхъ подобныхъ же именъ и только просилъ поскорѣе избавить его отъ всей этой исторіи, т.-е. принять отъ него обратно членскіе взносы и возвратить билеты. И Стасова твердила все одно и то же, что Общество все равно пропало и что это не ошибка, а фанаберія учредителей и что разговаривать больше не о чемъ.

Нечего дѣлать, поѣхала я на слѣдующее утро освобождать Лаврова отъ его послѣдней связи съ Обществомъ. Отдала и свой билетъ, за то имѣла счастье попасть въ число *извѣстныхъ*; мое имя не было зачеркнуто.

Дорогой все думала, какъ объяснить Брюлловой, что на общее собраніе она приглашена не будетъ и, можетъ быть, и въ члены Общества не попадетъ, въ то время, какъ я, наприм., такой же точно членъ, какъ и она, буду на общемъ собраніи, но баллотироваться не буду. Сказать ей, что Общество разстроилось и отдать деньги, но она будетъ разспрашивать; написать—но написать неправду еще хуже, чѣмъ ее сказать. Меня выручилъ самъ Брюлловъ. Онъ сидѣлъ у насъ, когда вернулась отъ Лаврова, и, не вдаваясь ни въ какія подробности, я попросила его передать А. А. деньги и вернуть билетъ, такъ какъ съ открытіемъ Общества произошла задержка. Онъ ни о чемъ не разспрашивалъ, и черезъ часъ вернулъ мнѣ билетъ....

Уже недѣля, что снова мы въ Ивановкѣ, мы ничего больше о немъ (объ Обществѣ) не слышимъ, но пишу по свѣжимъ слѣдамъ, пока не забылось.

Къ несчастью, многаго недостаетъ мнѣ, нѣтъ, напримѣръ, подъ рукой Устава и объясненія Лаврова, которое онъ хотѣлъ

печатать вмѣстѣ съ Трубниковой и Стасовой, да и многаго нѣтъ. Какъ стала писать, такъ и обозначились пробѣлы, а справиться, чтобы пополнить ихъ,—сейчасъ негдѣ и не у кого.

Когда мы уѣзжали, недѣлю тому назадъ, изъ Петербурга, обѣ партіи еще злобно косились другъ на друга и плели сплетню и небывальщину, но уже не предпринимали ничего.

Козломъ отпущенія оказался Лавровъ. Онъ мечталъ посадить нигилистовъ и аристократовъ за одно общее дѣло, «за одинъ столъ», какъ онъ выражался и—не успѣлъ въ этомъ. Мало того, что не успѣлъ, но, продержавъ ихъ другъ передъ другомъ, только озлобилъ ихъ и озлобилъ прежде всего противъ себя самого. «Что за чушь онъ городитъ!»—говоритъ Цѣнина, а Философова обвиняетъ его въ своей болѣзни,—отъ тревогъ и волненій она выкинула. Разсказали мнѣ, отчего именно она съ графиней такъ тревожились и волновались и такъ коварно изводили бѣднаго Петра Лавровича. Оказывается, что къ нимъ являлись два господина изъ III Отдѣленія и предупреждали ихъ насчетъ него. Что будто бы правительству не нравится участіе его въ Обществѣ и что поэтому его слѣдовало бы убрать. Вотъ онѣ и начали его *убирать*.

Во время Крымской войны, послѣ каждаго почти, конечно, незавѣдомо кровопролитнаго дѣла, стояло въ реляціи: «У насъ убитъ одинъ казакъ». Теперь, послѣ 1861 года, т.-е. послѣ студентской исторіи и печальной исторіи Михайлова и прокламацій вообще, когда аресты участились и стали чѣмъ-то хроническимъ, при каждомъ такомъ дѣлѣ, гдѣ есть поводъ чего-то опасаться, непремѣнно услышишь по секрету: являлся господинъ или являлись двое изъ III Отдѣленія и предупреждали и проч...»

Тамъ легендарный казакъ, тутъ легендарный господинъ или два.

И что это за благодѣтели въ этомъ III Отдѣленіи! Таинственно появляются они, таинственно предупреждаютъ, дѣйствіе же производятъ магическое. Чистые фантомы!

Я въ нихъ не вѣрю, считаю ихъ просто подложными, и на меня за это нападаютъ. Я и сама люблю волшебныя сказки, но только въ другомъ мѣстѣ.

По секрету узнала я эту исторію и, грѣшный человѣкъ, по секрету взяла, да и передала ее Лаврову, и,—достигла своей цѣли,—прочла на прозрачномъ лицѣ его нѣчто въ родѣ удовольствія, удовлетворенія.

Стоило учредительницамъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать на него изморомъ, шепнуть ему, но своевременно, то, что шепнула я, но уже слишкомъ поздно, къ сожалѣнію, и наше злополучное

Общество поощренія женскаго труда, не постигла бы участь ребенка Анны Павловны. Оно бы родилось благополучно и росло бы и процвѣтало, потому что Петръ Лавровичъ самъ поспѣшилъ бы и не безъ чувства удовлетворенія, удалиться, чтобы не мѣшать ему родиться и жить, и былъ бы доволенъ. И всѣ были бы довольны, даже фантомы изъ III Отдѣленія. Но развѣ сразу можно догадаться, какъ открываются ларчики. Вся касса членскихъ взносовъ передана учредителю Виктору Быковскому. Онъ ею завѣдуетъ и приглашаетъ бывать членовъ, принимать ихъ деньги обратно и возвращать билеты, предупреждая, что иначе онѣ будутъ разосланы черезъ *полицію*. Опять страшное слово: «Полиція!»

Впрочемъ, какъ кому; одному страшно, а другому весело.

Лаврову все еще хочется объясниться печатно. Признаюсь, я этого желанія не понимаю.

Ивановка.

1866.

Апрѣль.

9 былъ парадъ. На парадѣ кто-то въ толпѣ говоритъ: «Ну ужъ полиція, нечего сказать, славно ищетъ. Въ Знаменской гостиницѣ третій день какъ пропалъ человѣкъ, и неизвѣстно, кто онъ и гдѣ онъ. Номеръ его стоитъ запертый». Эти слова слышалъ стоявшій близко квартальный, онъ, не говоря ни слова, отправляется въ Знаменскую гостиницу и спрашиваетъ, пропадалъ ли у нихъ кто-нибудь. Говорятъ, это да. Онъ велитъ показать себѣ номеръ, отпираетъ его и находитъ въ немъ разбросанныя по полу бумаги, изорванныя письма и запертую шкатулку. Онъ беретъ все это и отвозитъ въ III Отдѣленіе. Приносятъ шкатулку къ Каракозову. Спрашиваютъ: «это ваша шкатулка»?—«Моя».—«Чѣмъ вы это докажете?»—«А вотъ,—говоритъ,—возьмите въ моемъ портмоне ключикъ и отомкните ее». Сдѣлали такъ и нашли въ ней чистую бумагу, конвертъ и одинъ конвертъ съ надписью: Николаю Андреевичу Ишутину въ Москвѣ. Телеграфировали въ Москву. Велѣли отыскать и привезти сюда Ишутина. Сдѣлали ему очную ставку съ преступникомъ, и онъ узналъ въ немъ своего двоюроднаго брата, Каракозова. Его посадили. Между тѣмъ слуга въ Знаменской гостиницѣ показалъ, что Каракозовъ писалъ въ Москву полковнику Ермолову на Пречистенкѣ. Телеграфировали, чтобы отыскали такого. Но такого не нашли, а нашли въ другой улицѣ Ермолова, котораго и арестовали, потому что нашли его подозрительнымъ, и спрашивали, не арестовать ли также и живущихъ съ нимъ Н. В. Страндена

и еще кого-то. Велѣли арестовать и всѣхъ везти сюда. Такимъ образомъ, еще до прибытія Муравьева, многіе изъ главныхъ участниковъ уже были взяты. Муравьевское слѣдственное дѣло написано на 4000 листахъ. Ишутина приводили къ допросу 47 разъ, Каракозова 39, Худяковъ написалъ свой profession de foi вродѣ Рылѣева. Полонскій напечаталъ нѣсколько записокъ и нѣсколько защитительныхъ рѣчей, между прочимъ защитительную рѣчь Кобылина; Комиссія не соглашалась на эти отрывки. Гагаринъ напечаталъ свою обвинительную рѣчь въ числѣ, одни говорятъ 25-ти, другіе 50 экземпляровъ, для раздачи ее между членами Государственнаго Совѣта. Она ходитъ теперь по рукамъ.

Декабрь.

Не знаю, отчего мнѣ сегодня все мерещится Михайловъ. Что-то онъ дѣлаетъ *въ глубинѣ сибирскихъ рудъ*? Послѣднія отъ него извѣстія я имѣла 26 сентября прошедшаго 63 года. Я имѣла? я-ли? Все равно. На письмѣ было его дрожащею рукой написано мое имя, и писалъ онъ его 5 августа 1863 г. въ Сибири. Мнѣ все мерещутся особыя среды у Шелгуновой, музыка, растеганъ за ужиномъ, а главное Михайловъ, душа этихъ средъ. Онъ мнѣ толкуетъ о френологіи. Онъ вѣрилъ когда-то въ эту будто бы науку, а теперь? Не кажется ли, что человѣкъ, свершившій подвигъ Михайлова, долженъ былъ бы меньше вѣрить, хоть бы въ френологію? А его вторая вѣра, или лучше сказать первая, Шелгунова? Не кажется ли, что онъ долженъ бы былъ и любить иначе? Было бы безъ этой любви его дѣло разумнѣе или его совсѣмъ бы не было? Я думаю, совсѣмъ бы не было.

Михайловская прокламація не глубока, слишкомъ не глубока. Въ ней какъ-то больше желанія *руку правую потѣшить*, чѣмъ высказать истину. Я не говорю про Михайлова: человѣкъ, давшій на подобное дѣло свое имя, достоинъ всякаго уваженія, но меня удивляетъ то, что вдвоемъ они не сумѣли написать ничего лучше. Такъ какъ, зная ихъ обоихъ, нельзя сомнѣваться, что первая мысль о прокламаціи принадлежитъ Шелгуновой, а прокламація холодна, не убѣдительна, не «*прочувствована*» однимъ словомъ, то меня и беретъ раздумье, скорбѣла ли Шелгунова въ самомъ дѣлѣ о людскихъ неправдахъ, любила ли истину, или у ней только руки чесались и идеалъ жилъ посреди лоретокъ? Такихъ рѣчей, какъ рѣчи Лаврова, Ивана Карловича, даже Курочкина, не говоря уже о студентахъ, я отъ Шелгуновой не слыхала никогда, сколько ни вслушивалась, но очаровывать она умѣла.

1868.

Въ декабрѣ 1867 г. Евгенія Ивановна Конради подала въ Съѣздъ естествоиспытателей письмо, въ которомъ, основываясь на стремленіи женщины къ высшему образованію, просила о разрѣшеніи имъ посѣщать университетъ [1]).

Ей отвѣтили не прямымъ отказомъ, а сомнѣніемъ, дѣйствительно ли существуетъ среди женщинъ подобное стремленіе. Тогда Конради обратилась къ М. В. Трубниковой, какъ къ лицу, вращающемуся среди ищущихъ умственнаго труда и образованія женщинъ, прося ее сообщить имъ о ея, Конради, шагѣ и распространить среди нихъ ея идею и, въ случаѣ сочувствія ей, призвать ихъ къ дружному содѣйствію для ея осуществленія. Трубникова откликнулась горячо и первымъ долгомъ поспѣшила къ другу своему, Н. В. Стасовой. И вотъ втроемъ, Стасова, Трубникова и Конради, занялись составленіемъ на имя ректора университета Кеслера, онъ же былъ и предсѣдателемъ Съѣзда естествоиспытателей, новаго письма, или, скорѣе, прошенія, въ которомъ отъ имени всѣхъ, желающихъ высшаго образованія женщинъ, испрашивалось разрѣшеніе посѣщать университетскія лекціи. Письмо должно было быть подписаннымъ возможно большимъ числомъ женщинъ и, въ какіе-нибудь десять дней подписалось подъ нимъ болѣе 400 человѣкъ. Подписанные листы распространялись во всѣхъ слояхъ общества—и въ такъ называемомъ нигилистическомъ, равно какъ и въ аристократическомъ, и быстро покрывались именами, пестротой своей, мнѣ по крайней мѣрѣ, напоминавшими и муки при проявленіи на свѣтъ Общества поощренія женскаго труда въ 1863—5 г., и временную кончину его; тѣмъ болѣе напоминали, что и имена-то встрѣчались знакомыя, изъ того же времени. Но были и новыя, напримѣръ, имя дочери военнаго министра, Милютина, очень симпатичной дѣвушки, собравшей много подписей въ своемъ кругу, и на которую у насъ очень разсчитывали и разсчитывать было надо.

Между тѣмъ наступала весна. 2 апрѣля у насъ въ домѣ прошеніе было переписано набѣло, и Трубникова повезла его ректору Кеслеру [2]), и вскорѣ былъ полученъ и отвѣтъ на ея имя. Онъ гласилъ слѣдующее. Ученый Совѣтъ при университетѣ читалъ письмо, сочувствуетъ стремленію женщинъ къ образованію и съ готовностью приметъ на себя трудъ организаціи высшихъ курсовъ для женщинъ, если на то послѣдуетъ разрѣшеніе г. Ми-

---

[1]) См. кн. *В. Стасовъ*. «Н. В. Стасова», стр. 182—187. *Ред.*
[2]) 11 мая 1868 г., тамъ же, стр. 172, 174. *Ред.*

нистра; дверей же университета, для совмѣстнаго со студентами слушанія лекцій, не откроетъ.

Для прочтенія и обсужденія этого отвѣта Трубникова пригласила къ себѣ подписавшихъ прошеніе. Явились, конечно, не всѣ и ни на чемъ не рѣшили относительно предложенія ученаго совѣта. Петербургъ пустѣлъ между тѣмъ, а потому рѣшили отложить дальнѣйшія обсужденія до осени. Образовали только кружки, которые высылали бы на будущія собранія своихъ представительницъ, депутатокъ, такъ какъ невозможно было являться на нихъ въ количествѣ 400 человѣкъ, и рѣшили также съ помощью профессоровъ университета лѣтомъ приготовить предварительную программу курсовъ и осенью, обсудивъ ее на общемъ собраніи, представить министру нар. просв. вмѣстѣ съ прошеніемъ объ открытіи курсовъ.

Наступила осень. Общее собраніе утвердило программу и прошеніе, и оставалось только рѣшить, кто повезетъ ихъ къ министру. Если бы судьба—не люди людямъ, т.-е. толпѣ, виды личные, самолюбіе и проч. мѣшаютъ дѣйствовать здраво,—если бы судьба, повторяю, предоставила Трубниковой и Стасовой вести дѣло, то оно, конечно, скоро и благополучно дошло бы до своей цѣли,и курсы были бы открыты еще въ ту же осень.

Но, увы, вышло иначе. Трубникова и Стасова горячо преданы дѣлу женскаго образованія и обѣ обладаютъ большимъ тактомъ и тѣмъ, что называется умѣньемъ жить, savoir vivre. Не поступаясь никогда ни достоинствомъ своимъ, ни своими убѣжденіями, онѣ кромѣ того обладаютъ тою мягкостью и тою обходительностью свѣтскихъ женщинъ, которыя болѣе способствуютъ успѣху, чѣмъ рѣзкость и храбрость, лѣзущая напроломъ.

Марья Вас. (Трубникова), кромѣ того, отличная предсѣтельница и имѣетъ природный талантъ вести дебаты. Она удивительно умѣетъ выслушивать, быстро схватывать мысль, толково отвѣчать и предупреждать прыжки въ сторону и запутываніе вопроса. Но если она трезвѣе, скажете вы, то Над. Вас. зато глубже, горячѣе и самоотверженнѣе. Она для дѣла общаго не пощадитъ и не пожалѣетъ ни силъ своихъ, ни здоворья.

На общемъ собраніи рѣшили, что отправятся къ министру Стасова, Философова А. П. и Потанина, рожд. Быкова.

Главная иниціаторша, Конради, осталась за флагомъ, была устранена. Это было очень непріятно, но пришлось прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ виду безтактности и рѣзкости Конради. Ее побоялись пустить къ министру. Хоть это была первая непріятность, напоминавшая крушеніе общества женскаго труда. Но нельзя было поступить иначе. Конради была слишкомъ безпокойный

и безтактный элементъ. До этой поры она была мало извѣстна въ кружкахъ нашихъ, но за это время, съ весны до осени, успѣла себя проявить и успѣла внушить къ себѣ не то, что непріязнь, это бы еще ничего, но успѣла внушить опасеніе, что чрезъ ея безтактность погибнетъ все дѣло. Чтобы ей было менѣе обидно, Трубникова устранила и себя, не поѣхала къ министру. Конради обижалась, продолжала свои безтактности, но изъ депутатокъ не вышла, примирясь съ второстепенною ролью, и въ сущности ея поведеніе серьезныхъ послѣдствій не имѣло. Но зато имѣло очень серьезныя послѣдствія оскорбленное самобюліе другой депутатки, Солодовниковой. И если при этомъ случаѣ все дѣло не погибло окончательно, то только благодаря энергіи, настойчивости и преданности ему Над. Вас. Обнаружилось какъ-то, что у Солодовниковой на квартирѣ былъ обыскъ и что сама она была арестована не надолго, и важнаго, повидимому, арестъ этотъ не представлялъ ничего, такъ какъ она вскорѣ была выпущена и снова была совершенно свободна, но на собраніи стали говорить, что она не можетъ теперь быть депутаткой, что подобная исторія съ нею можетъ бросить невыгодную тѣнь на начинающееся дѣло, можетъ ему повредить,—такъ мы его берегли и лелѣяли. Солодовникова услыхала эти разговоры, вспылила и сама сложила съ себя званіе депутатки и такимъ образомъ оказалась внѣ движенія свободной въ своихъ дѣйствіяхъ и воспользовалась своей свободой дѣйствій.

Министръ принялъ дамъ болѣе чѣмъ нелюбезно, почти невѣжливо. Въ просьбѣ ихъ отказалъ наотрѣзъ.....

Октябрь.

2. Вчера вечеромъ были Аля и Малевскій. Аля разсказалъ, между прочимъ, что «Опричника» Лажечникова запретилъ для сцены Гончаровъ. Когда запрещеніе это было еще канцелярской тайной, Аля разболталъ его по секрету кому-то въ театрѣ. Этотъ также разболталъ и дошло до директора — тогда еще Горна. Стали хлопотать отослать въ главное Управленіе. Тамъ поднялась кутерьма, но виновнаго не нашли, а хлопотали такъ хорошо, что выхлопотали разрѣшенія давать «Опричника».

3. Лавровъ ужъ въВологдѣ, это большая радость. Тамъ новыя мѣста, новые люди спасительно подѣйствуютъ на его разстроенные нервы. Судя по карточкѣ, которую онъ дѣлалъ въ Вологдѣ, онъ не поправился и не помолодѣлъ. Я недавно показала эту карточку Бенедиктову, онъ заплакалъ глядя на нее. C'est tout dire....

8. ..... А Надежда Васильевна Стасова? Въ лихорадкѣ, съ

пылающими щеками, съ руками, какъ ледъ, до того слабая, что еле передвигаетъ ноги, почти безъ голоса отъ слабости, цѣлый день трудится, работаетъ, хлопочетъ. Вчера я застала ее присутствующею при урокѣ Бѣлозерской и при этомъ штопающую старые ..... Сидя со мной, она все время штопала. На столѣ у нея пропасть книгъ, которыя она читаетъ или просматриваетъ для переводовъ. Завтра она поѣдетъ въ Комитетъ. Вчера она была въ завѣдуемомъ ею домѣ на Выборгской. Она же съ Трубниковой издастъ книги, возится съ милліонами затрудненій, неудачъ, непріятностей; видается съ сотнями людей. Я ей удивляюсь, завидую, а подражать не могу: вѣры нѣтъ.

1869.

Мартъ.

Щербина умеръ. Тотъ Щербина, что 15 лѣтъ тому назадъ появился въ Петербургѣ, какъ бичъ общественный, бичуя общественные пороки. Я говорю, какъ бичъ, потому что на дѣлѣ онъ не былъ бичемъ и только имъ казался. Про него сказалъ Аксаковъ:

Зачѣмъ безсильной злобой, дѣтской,
Свой укорачиваешь вѣкъ? [1]).

Но и злобы настоящей не было. Была щекотливость мелкаго самолюбія, сантиментальная брезгливость тѣмъ, что не давалось въ руки. Настоящая злоба не ужилась бы въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, и настоящая брезгливость не позволила бы облечься въ тотъ вицмундиръ и въ тѣ чины, надъ которыми такъ неистово глумились.

Октябрь.

17. Довольно прискорбныя вещи разсказалъ мнѣ Негрескулъ. На-дняхъ, недѣли двѣ тому назадъ, одинъ его знакомый юноша выходилъ въ 9 часовъ вечера изъ одного дома, въ нашихъ краяхъ, т.-е. Литейной. У подъѣзда стояла карета, изъ кареты вышелъ какой-то военный и пригласилъ юношу войти въ нее. Удивленный юноша отказался, конечно, отъ этого приглашенія, тогда офицеръ показалъ ему бумагу, предписаніе его арестовать. Юноша покорился; они пріѣхали къ какому-то большому дому, вошли въ него, и тамъ офицеръ сказалъ юношѣ: «Пред-

[1]) Не Аксаковъ, а Плещеевъ, Скворцовъ и Тихменевъ задали Щербинѣ вопросъ, точный текстъ котораго, приведенъ редакціей «Голоса Минувшаго» въ № 11 1915 г., стр. 184; тамъ же перепечатанъ и отвѣтъ Щербины изъ «Русск. Стар.» 1872 г., т. *V*, стр. 151. *Ред.*

писаніе арестовать васъ — вы видѣли, теперь подпишите вотъ этотъ векселъ въ 6.000 р. иначе и вы отсюда не выйдете живымъ, и вотъ еще всѣ эти личности сюда попадутъ, и онъ показалъ ему списокъ именъ ему знакомыхъ молодыхъ людей и женщинъ. Оторопѣлый юноша расписался и былъ выпущенъ. Первымъ дѣломъ его было, конечно, оповѣстить своихъ пріятелей объ угрожаемомъ имъ. Они всѣ сейчасъ же рѣшили дать знать о случившемся полиціи, но, прежде чѣмъ успѣли это сдѣлать, явилось анонимное письмо, въ которомъ имъ писали, что если они это дѣло огласятъ, то тотчасъ же будутъ взяты. Они повѣрили и промолчали. Когда Негрескулъ разсказалъ мнѣ эту исторію, я стала убѣждать его не слушаться анонимныхъ писемъ и все объявить полиціи, но мои убѣжденія его не убѣдили. Онъ твердо вѣритъ въ солидарность этого происшествія съ III-мъ Отдѣленіемъ и разсуждаетъ такъ: положимъ меня возьмутъ, увидятъ, что я невиненъ, и выпустятъ черезъ мѣсяцъ. Въ этотъ мѣсяцъ я потеряю свои занятія, свое здоровье, котораго у меня немного (это, увы, слишкомъ вѣрно) и, наконецъ, у меня беременная жена, отъ которой я и такъ скрываю половину этой исторіи. Мнѣ только удалось его уговорить посовѣтоваться съ адвокатомъ. Я дала ему адресъ Арсеньева (К. К.).

Эта исторія прискорбна во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она показываетъ, до чего возбуждена и неувѣрена въ своей безопасности наша мыслящая молодежь, если готова видѣть руку правительства въ подобномъ нагломъ мошенничествѣ, а во-вторыхъ, утаиваніе этого наглаго мошенничества можетъ способствовать къ его повторенію и, наконецъ, придаетъ цѣлому кругу молодежи, въ самомъ дѣлѣ, какой-то видъ виновности, не совсѣмъ безопасный. Меня эта исторія настолько безпокоила, что я вчера отправилась къ Негрескуламъ въ 14-ю линію, чтобы узнать о ней, но ничего не узнала. Присутствіе больной Мани помѣшало, а выжидать, когда она выйдетъ изъ комнаты, я не имѣла времени; теперь жду Негрескула къ себѣ...

Ноябрь.

8. Негрескулъ не показывается; вѣроятно, нѣтъ ли какихъ послѣдствій приключенія съ юношей. Тѣмъ лучше! Но зато теперь о самомъ Негрескулѣ дошли до меня плохіе слухи. Русская книжная торговля издаетъ журналъ «Библіографъ», Негрескулъ сталъ во главѣ этого журнала. Но такъ какъ ему или фирмѣ не разрѣшили или не разрѣшили бы этого изданія, то сыскали подставного редактора, и никакого другого, какъ нашего стараго знакомаго, выжившаго изъ ума Струговщикова. Я выражаюсь такъ потому, что, не зная его въ молодости, думаю, что онъ былъ

толковѣе тогда, думаю это, хотя тѣ, которые его знали въ дни его молодости, и увѣряютъ, что онъ не могъ выжить изъ того, чего у него никогда не было. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что переводчика Гете, нынѣшняго гласнаго Новгородскаго земства, тайнаго совѣтника Струговщикова, пригласили быть отвѣтственнымъ редакторомъ.

Когда Лаврову запретили быть редакторомъ «Заграничнаго Вѣстника», Афанасьевъ-Чужбинскій имѣлъ тактъ не спорить ни въ чемъ съ Лавровымъ, довольствуясь гонораріемъ, если бы честь подписывать книжку, составленную Лавровымъ, не вознаграждала его за пассивную роль.

Стать въ отношеніе Негрескула въ ту же роль, въ какой стоялъ Афанасьевъ-Чужбинскій въ отношеніи Лаврова, Струговщиковъ не можетъ. Какъ у того хватало здраваго смысла подчиниться Лаврову, такъ у этого хватало его настолько, чтобы не подчиниться Негрескулу и комп. Но Негрескулъ съ комп. этого совсѣмъ не ожидали. Они жестоко ошиблись въ разсчетѣ. Они думали: старичекъ, тайный совѣтникъ простъ и добръ; они упустили изъ виду, что старичекъ самъ литераторъ...

Афанасьеву-Чужбинскому разъ въ мѣсяцъ показывали редактируемую имъ книгу послѣдней страницей, той, на которой онъ долженъ былъ подписывать свою фамилію. Отвѣтственный редакторъ, Струговщиковъ, запасся контрактомъ. Редакторъ de jure и редакторъ de facto съ комп. условились рѣшать выборъ статей общимъ совѣтомъ. Пришла на очередь статья самого редактора de facto, редакторъ de jure ее забраковалъ... За нее возстали самъ авторъ и комп. Старичка захотѣли устранить отъ совѣщаній, но старичокъ показалъ контрактъ и попросилъ отстраниться ихъ самихъ. Произошла свалка еще пущая, и ареопагъ разошелся, унося свое негодованіе, недоумѣнье и свои статьи; а Струговщиковъ еще, кромѣ того, унесъ свой контрактъ и положилъ его у себя въ кабинетъ, на столъ. Вдругъ, на другой день, во время отсутствія Струговщикова, является къ нему на домъ Негрескулъ, подъ какимъ-то предлогомъ входитъ въ его кабинетъ, беретъ со стола контрактъ и удаляется. Струговщиковъ возвращается, узнаетъ о случившемся и ѣдетъ немедленно жаловаться къ Трепову. Треповъ даетъ ему чиновника на помощь. Подробностей этого акта печальной комедіи я не знаю, но результатъ тотъ, что Струговщиковъ возстановленъ въ своихъ правахъ отвѣтственнаго редактора, а Негрескулъ удаленъ изъ редакціи. Но это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Чѣмъ теперь будетъ жить Негрескулъ съ семьей? Теперь и Лавровъ не останется сотрудникомъ «Библіографа».... Эту исторію слышала я отъ нѣсколь-

кихъ лицъ, но ни одно изъ этихъ лицъ ни слова ни сказало въ пользу Негрескула; всѣ единогласно смѣются надъ нимъ. А Струговщиковъ никому не кажется смѣшонъ, кромѣ насъ, впрочемъ, старыхъ его знакомыхъ. «Библіографа» я еще не видала. Говорятъ, онъ изящно изданъ, но не соотвѣтствуетъ своей задачѣ, не довольно полонъ и мудрствуетъ слишкомъ лукаво...

19. Сейчасъ былъ Негрескулъ, вотъ какъ онъ разсказываетъ исторію съ Струговщиковымъ: Комитетъ былъ недоволенъ составомъ первой книжки «Библіографа». Она была составлена Струговщиковымъ, который помѣстилъ въ нее рядъ извѣстій, касающихся литературы, это правда, но не касающихся библіографіи и не входящихъ въ программу журнала; между тѣмъ новости библіографическія, каталогъ новыхъ книгъ онъ не помѣстилъ (что и очень замѣтно между прочимъ). Несмотря на несогласіе Комитета выпускать въ такомъ составѣ книгу, Струговщиковъ приказалъ ее выпустить. Негрескулъ и еще кто-то, имени не помню, отправились въ редакцію и, узнавъ, что книга выпускается, просили выпускомъ повременить или возвратить имъ всѣ ихъ статьи. Назначили экстренный комитетъ. Негрескулъ поѣхалъ къ Струговщикову, не засталъ его дома, спросилъ сына, но и того не было, тогда онъ попросилъ служанку проводить его въ кабинетъ и тамъ написалъ Струговщикову записку, спрашивая, когда ему будетъ удобно пріѣхать въ Комитетъ—утромъ или вечеромъ на слѣдующій день. Написавъ и подписавъ записку, онъ увидалъ на столѣ печатное оглавленіе статей для слѣдующей книжки. Тутъ Негрескулъ сдѣлалъ одну вещь, которую говорилъ онъ, онъ имѣлъ право сдѣлать—онъ взялъ это оглавленіе. Онъ говоритъ, что было такое условіе, что каждый членъ комитета имѣетъ право брать со стола товарища, безъ спроса, все, касающееся изданія. Во всякомъ случаѣ то, что Негрескулъ взялъ, былъ не контрактъ, какъ увѣрялъ Жоховъ и взялъ онъ его не тайно, а съ вѣдома служанки. Струговщиковъ же, узнавъ о случившемся, тотчасъ же поѣхалъ къ Трепову, но его не видалъ, а передалъ все дѣло Колышкину. Колышкинъ на слѣдующее утро вызвалъ телеграммой Негрескула къ себѣ и тамъ ему объявилъ, что Струговщиковъ на него и комп. жаловался, какъ на бунтовщиковъ, революціонеровъ, которые проводятъ рѣзко идеи. Послѣ этого Негрескулъ, кажется въ редакціи, встрѣтился съ Струговщиковымъ и обругалъ его въ лицо, а такъ какъ онъ предварительно узналъ отъ Водовозова, что Струговщиковъ ему разсказывалъ, что ѣхать къ Трепову ему посовѣтовалъ сынъ его, Михаилъ, то тутъ же обругалъ и сына. На другой день пріѣхалъ къ нему сынъ вызывать его на дуэль и сдѣлалъ вызовъ свой при

больной женѣ Негрескула. Негрескулъ отвѣчалъ, что съ мошенниками не дерется, а тѣмъ болѣе, когда увѣренъ, что онъ, т. е. Михаилъ Струговщиковъ, тотчасъ же пойдетъ донести полиціи, если бъ его вызовъ былъ принятъ.—Вотъ исторія со словъ Негрескула. Назначенъ третейскій судъ. Со стороны Струговщикова—Краевскій и Гаевскій. Со стороны Негрескула—Н. Курочкинъ и Лесевичъ. Суперъ-арбитромъ Н. Неклюдовъ или Арсеньевъ. Постараюсь попасть на этотъ судъ и желаю отъ всей души, чтобъ оказались правыми Негрескулъ и комп. . . . . Забыла написать, что Струговщиковъ требуетъ, чтобы на третейскомъ судѣ не было упомянуто о томъ, что онъ ѣздилъ къ Трепову. Исторія съ юношей и векселемъ въ 6.000 р. устроилась. Арсеньевъ научилъ, какъ вытребовать вексель обратно и его уничтожить; оказалось, что то былъ просто мошенникъ.

Была между прочими ученицами нѣкая М-me Веберъ. Она пришла рано, и я разговорилась съ ней о женскихъ курсахъ. Онъ депутатка. Мы съ ней совершенно сошлись во взглядахъ на счетъ происшедшаго раскола, т. е. отпаденія Солодовниковой и комп. Она находитъ ошибки и поводъ къ возбужденію раскола въ поведеніи Над. Вас. Стасовой, хотя не сомнѣвается въ искренности ея намѣреній въ отношеніи къ женскому вопросу. И въ то же время она жестоко осуждаетъ Солодовникову. Она, между прочимъ, привела въ примѣръ поведеніе ея и Ткачевой на одномъ изъ засѣданій у Трубниковой, когда вошелъ старикъ Нароновичъ, и всѣ профессора встали, чтобы его встрѣтить, онѣ обѣ продолжали сидѣть и только шептались и хихикали. Веберъ нашла это возмутительнымъ, а она между тѣмъ, на многія вещи, нигилистка—Над. Вас. таки назначила снова собраніе въ субботу, не внемля ни моимъ совѣтамъ, ни совѣтамъ Бѣлозерской. Ей хочется додразнить до катострофы, погубившей общество женскаго труда. Въ прошедшій разъ Ткачева выходила изъ себя: нужно было только одно слово съ ея стороны или со стороны самой Над. Вас., и неладная машина, которую зовутъ женскимъ вопросомъ, которая такъ плохо построена, но такъ необходима и важна, остановилась бы снова ради. . . . . того винтика, который Ткачева или Стасова сломали бы...

Декабрь.

1. Черкесовъ взятъ. Иногда въ ясную погоду, при безоблачномъ небѣ, вдругъ неожиданно грянетъ громъ изъ незамѣтно подкравшейся тучи, и невольно вздрогнешь. Точно также невольно вздрогнули отъ неожиданно распространившейся вѣсти: мировой судья Черкесовъ взятъ! За что, за что? Неизвѣстно. Этого не знаютъ

самые близкіе къ нему люди, его жена, друзья. Думаютъ, не имѣетъ ли этотъ арестъ чего-нибудь общаго съ бѣгствомъ Ушаковой. Что за Ушакова, тоже неизвѣстно. Вращаясь довольно въ нигилистическихъ кругахъ, я и имени подобнаго не слыхала. Можетъ, впрочемъ, она не нигилистка. Вотъ что про нее разсказываютъ, она убѣжала за границу, отецъ ея обратился съ жалобою въ III Отдѣленіе. Стали наводить справки; оказалось что ея бѣгству способствовалъ Черкесовъ, другіе говорятъ,—его помощникъ въ магазинѣ, Евдокимовъ; и именно тѣмъ, что далъ ей на дорогу 50 руб. Въ этомъ разсказѣ мало правдоподобнаго. Другіе говорятъ о появленіи какихъ-то прокламацій. Въ высшихъ сферахъ получено было извѣстіе, что въ уѣздномъ городишкѣ Весьегонскѣ, Тверской губ. (3.000 жит.), появились прокламаціи. По совѣту министра юстиціи Палена послали въ этотъ городъ навести справки или слѣдствіе двухъ чиновниковъ 1-го Департамента Сената. Они, кромѣ пустяковъ, не нашли ничего и донесли начальству, что на подобные пустяки не стоитъ обращать вниманіе. Вдругъ узнается, что прокламаціи распространяются совсѣмъ не изъ Весьегонска, а напротивъ того изъ Петербурга. Чиновникамъ и начальству ихъ выговоръ и новыя справки. Думаютъ, что арестъ Черкесова можетъ быть съ этимъ происшествіемъ имѣетъ что-нибудь общее.

Увидимъ, что скажетъ завтра.

У Черкесова обыскали сначала магазинъ, потомъ квартиру, но когда хотѣли обыскивать камеру, то онъ надѣлъ свою цѣпь мирового судьи и не хотѣлъ допускать обыска. Съ нимъ съѣздили къ Шувалову, и въ концѣ-концовъ Черкесовъ уступилъ. Неклюдовъ, предсѣдатель съѣздовъ, и весь съѣздъ, возмущенные этимъ, протестовали. Они подали искъ въ Окружный Судъ, другіе говорятъ—жалобу мин. юстиціи. Между тѣмъ «Судебный Вѣстникъ» напечаталъ объ обыскѣ и арестѣ и тотчасъ же получилъ предостереженіе.

Говорятъ, что напрасно «Суд. Вѣст.» напечаталъ объ этомъ, онъ этимъ скомпротировалъ совершенно законное, но смѣлое заявленіе Мир. Съѣзда, и повредилъ дѣлу печати. Существуетъ особая комиссія, созванная для того, чтобы снова разсмотрѣть законы о печати, и потому находятъ, что литература лучше всего сдѣлаетъ, если будетъ себя держать какъ можно тише и какъ можно меньше внушать поводовъ къ новымъ стѣснительнымъ законамъ. Ожидаютъ скандала. Гольдгойеръ, лучшій изъ сенаторовъ, говоритъ: «Шуваловъ и хочетъ скандала, онъ только и ждетъ нарушенія закона!».

Посмотримъ, что скажетъ завтра.

Говорятъ, у Черкесова нашли записку Ушаковой, въ которой она благодаритъ его за деньги; но вѣдь она переводила для библіотеки Черкесова и потому, вѣроятно, также получала деньги. Нашли у него также Герцена.

5. Вотъ что я слышала черезъ Над. Вас. отъ Черкесовой объ арестѣ ея мужа: у Петергофскаго коменданта Евреинова есть очень красивая дочь, за этой дочерью приволокнулся очень сильно в. к. Н. Н. Отецъ молодой дѣвушки былъ не прочь отъ ухаживаній. Напротивъ того сильно поощрялъ ихъ. Это вывело молодую дѣвушку изъ терпѣнія. Преслѣдуемая съ двухъ сторонъ, она хотѣла утопиться, но одна ея подруга, а именно жена Ковалевскаго [1]), издателя многихъ хорошихъ книгъ, учащаяся чему-то въ Гейдельбергѣ, которой она писала о своемъ безвыходномъ положеніи, посовѣтовала ей, чѣмъ топиться, пріѣзжай лучше сюда; и «если не знаешь какъ это устроить, то посовѣтуйся съ Евдокимовымъ». Евдокимовъ помощникъ Черкесова въ его магазинѣ. Евреинова не была съ нимъ знакома, но по совѣту своей подруги отправилась къ нему. Евдокимовъ сталъ ее, прежде всего, отговаривать отъ подобнаго рѣшительнаго шага и представилъ ей всѣ его трудности, но барышня не отступала. Тогда онъ спросилъ ее, есть ли у нея хоть деньги? Оказалось 100 р. «Вы съ этими деньгами не доберетесь въ Гейдельбергъ»—сказалъ онъ и далъ ей, иные говорятъ 200, другіе 50 р. еще. Евреинова (здѣсь кстати замѣтить что это-то и есть та Ушакова, о которой говорили сначала) прибыла благополучно въ Гейдельбергъ и оттуда прислала Евдокимову телеграмму, въ которой увѣдомляла его о своемъ прибытіи и въ то же время благодарила за оказанную помощь [2]).

1870.

Петрозаводскъ, 28 ноября.

«Знаешь кто у насъ сегодня будетъ обѣдать?», сказалъ мнѣ Андрей [3]), возвращаясь отъ губернатора.—«Кто?»—«Загуляевъ!»—«Кто такое Загуляевъ?»—Онъ мнѣ напомнилъ. Загуляевъ бывалъ у насъ десять лѣтъ тому назадъ. Кто не бывалъ у насъ десять лѣтъ тому назадъ? Я вспомнила, наконецъ, кто Загуляевъ, не вспомнивъ, впрочемъ, нисколько ни его лица,

---

[1]) С. В. Ковалевская.

[2]) В. Я. Евдокимовъ сообщилъ мнѣ, что въ письмѣ къ нему изъ Берлина А. М. Евреинова описывала собраніе рабочихъ, на которомъ она присутствовала, при чемъ рѣзко отозвалась о нашихъ порядкахъ. Письмо было подвергнуто перлюстраціи, у В. Я. Евдокимова и въ магазинѣ Черкесова былъ сдѣланъ обыскъ, и его и Черкесова арестовали. *В. С.*

[3]) Братъ Ел. Ан.

ни вообще наружности. Да какъ онъ попалъ сюда? «Сосланъ!» —«Сосланъ?» Загуляевъ сосланъ; человѣкъ, которому слишкомъ тридцать лѣтъ? который имѣетъ уже извѣстное положеніе, сотрудникъ «Голоса», корреспондентъ Indépendance Belge?! Опять громъ изъ безоблачнаго неба, и среди зимы вдобавокъ. «За что же онъ сосланъ?»—«Не знаю, вотъ придетъ разскажетъ». Часовъ въ пять онъ пришелъ. Политическій ссыльный! При этомъ названіи передо мной рисуется образъ, не произведеніе моей фантазіи, а образъ дѣйствительно мною виданный, слишкомъ часто виданный, и превратившійся въ типъ, отъ повторенія. Политическій ссыльный, я знаю, что это такое. Это молодой человѣкъ съ косматой головой, съ впалой грудью, съ рѣзкой рѣчью.—Дверь отворилась, передо мною стоялъ пожилой господинъ, изящный и утомленный. Какъ молнія прошло въ моей головѣ: «Неужели тѣ ужъ всѣ вышли, и вотъ ужъ за какихъ принимаются?» Братъ его встрѣтилъ, усадилъ и уже разспрашивалъ его, когда я очнулась. А вотъ, дайте отдохнуть, все вамъ разскажу по порядку, отвѣчалъ нашъ гость. «Когда я пріѣхалъ? Сегодня. Съ кѣмъ? Одинъ. Знаю, что это рѣдкій случай и радъ хоть этому. А за что сосланъ, вотъ за что: я, какъ вамъ извѣстно, сотрудникъ «Голоса» и корреспондентъ Indépendance Belge. Шесть недѣль до обнародованія ноты кн. Горчакова по поводу Черноморскаго Флота[1]), я писалъ о ней въ редакцію In. Bel. Тамъ мою статью не напечатали, не повѣривъ въ истинность того, что я писалъ. Кромѣ того, мнѣ попалось въ руки предложеніе Америки продать намъ нѣсколько судовъ, я и объ этомъ предложеніи написалъ, и это не напечатали. Но когда нота Горчакова дѣйствительно появилась, тогда въ Ind. B. напечатали мои статьи, да еще съ оговоркой, чрезвычайно лестной для меня, что все это имъ уже было извѣстно, но что они усомнились, въ чемъ и извиняются. Объ этомъ прочитали въ высшихъ сферахъ, и Государь разсердился не на статьи мои, а на преждевременность ихъ сообщенія. (Надо замѣтить, что З. принадлежитъ къ партіи, жаждущей объединенія славянскихъ племенъ и, значитъ, къ поднятому нынче черноморскому вопросу относился какъ нельзя сочувственнѣе). 18-го утромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ Баженовъ, прокуроръ Окружнаго Суда, я выхожу къ нему, вижу—съ нимъ жандармскій полковникъ Перемыскинъ и двое квартальныхъ. Баженовъ объявляетъ мнѣ, что долженъ произвести у меня обыскъ. (По новому постановленію, безъ прок. окр. суда нельзя производить обыска). Я говорю ему—сдѣлайте одолженіе—и по-

---

[1]) Изданный во время франко-прусской войны циркуляръ (19 октября) о возстановленіи правъ Россіи на Черномъ морѣ. *Ред.*

далъ ключи. Онъ отворилъ мой столъ, сталъ рыться въ бумагахъ и письмахъ. Я показалъ на ящикъ въ коридорѣ, также наполненный бумагами; его обыскивалъ Перемыскинъ, но не нашелъ ничего, потому что нечего было найти, Баженовъ же вынулъ изъ пачки писемъ письмо Гарибальди, въ которомъ онъ разрѣшалъ редакціи «От. Зап.» переводить его романъ, и письмо В. Гюго, которыя ничего собственно не заключали,—такъ общіе штрихи, какъ«Votre belle Russie» напримѣръ.«Вотъ эти письма я представлю куда слѣдуетъ—сказалъ онъ—«и будьте совершенно покойны и успокойте вашу жену. Ручаюсь Вамъ, что дурныхъ для Васъ послѣдствій изо всего этого не выйдетъ никакихъ». Въ это время подошелъ Пер. и потребовалъ тоже осмотрѣть столъ. «Я его уже осматривалъ», отвѣчалъ Баженовъ.—«Позвольте еще». Баж. бросилъ ему ключи. Пер. тоже ничего не нашелъ. Баженовъ пожалъ мнѣ руку, съ Пер. мы раскланялись, и они уѣхали. Я былъ совершенно покоенъ. На другой день является ко мнѣ полицейскій чиновникъ отъ Трепова съ извѣщеніемъ, что меня высылаютъ вонъ изъ Петербурга. Я бросился къ Баж. Онъ взбѣсился и тотчасъ же отправился къ мин. Палену. Я уѣхалъ къ Трепову. Послѣ я узналъ, что Баж., прежде чѣмъ ѣхать къ П., написалъ просьбу объ отставкѣ, которую и подалъ министру, разсказавъ все дѣло. Паленъ, въ свою очередь, вышелъ изъ себя. Просьбу объ отставкѣ Баж. не принялъ и отправился къ Шувалову [1]).

«Что прикажете дѣлать»,—сказалъ Треповъ.—«Напишите письмо Государю и Горчакову; а съ высылкой Васъ погодимъ; можетъ быть дѣло уладится. Теперь Паленъ вступился». Я сдѣлалъ, какъ посовѣтовалъ Т., написалъ письма. Баж. мнѣ сказалъ, что Пал. желаетъ со мной познакомиться и проситъ меня къ себѣ въ понедѣльникъ. Я опять сталъ надѣяться. Вдругъ снова является чиновникъ Трепова и, почти со слезами на глазахъ, объявляетъ мнѣ о немедленной ссылкѣ. Я опять къ Трепову. Треповъ, называющій до сихъ поръ Шувалова «графъ Шуваловъ», теперь называлъ уже его другимъ именемъ, совѣтовалъ мнѣ покориться, обѣщая хлопотать о мнѣ. «Все что я могу сдѣлать», сказалъ онъ, «это взять съ Васъ подписку, что Вы отправитесь завтра и отпустить Васъ одного. Вы ѣдете въ Петрозаводскъ и явитесь прямо къ губернатору съ письмомъ отъ меня».—«Да вы знаете, сказалъ я ему: что мнѣ выгоднѣе совершить какое-нибудь покушеніе на преступленіе, чѣмъ ѣхать въ ссылку; тогда я останусь здѣсь и могу еще работать, у меня семья, а въ ссылкѣ я лишаюсь всѣхъ средствъ». —«Вотъ книжалъ», сказалъ Т., «ударьте имъ меня.

---

[1]) Шефъ жандармовъ.

Впрочемъ я вамъ обѣщаю черезъ двѣ недѣли извѣстить васъ о вашемъ дѣлѣ. Если оно приметъ дурной оборотъ и васъ не воротятъ, то вы можете публиковать о немъ въ In. B., тогда будетъ скандалъ на всю Европу».

«Что было дѣлать? Я собрался и уѣхалъ, не повидавшись съ Паленымъ, наканунѣ дня, назначеннаго для свиданія. И вотъ я здѣсь, у васъ. Отдалъ губернатору письмо Трепова; говорилъ съ нимъ по-французски. Онъ меня предупредилъ, чтобы я не сходился съ ссыльными, которые здѣсь. Я отвѣчалъ ему, что если это нигилисты, то мы не только не сойдемся, но убѣжимъ другъ отъ друга; они меня не терпятъ, какъ и я ихъ не терплю. Должно быть я расположилъ его этимъ и французскимъ языкомъ; онъ меня позвалъ въ кабинетъ и посадилъ».

Вотъ вкратцѣ разсказъ Загуляева.

Для меня онъ имѣетъ особенный интересъ, потому что я его слышала, такъ сказать, на томъ свѣтѣ. Обыкновенно послѣдніе дни, предшествующіе ссылкѣ, и очень часто и ея причина остается покрытыми мракомъ неизвѣстности. Человѣкъ исчезаетъ, возбудивъ своимъ исчезновеніемъ любопытство и разсказы, быстро переходящіе въ легенды. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвращается, но новыя впечатлѣнія свободы и свиданія стоятъ тогда на первомъ планѣ и не даютъ мѣста давнопрошедшему. Въ моемъ мортирологѣ это новая страница съ обратной стороны.

Письма С. В. Ковалевской 1868 г.[1]).

14.

Милая, безцѣнная Анюта!

Вчера получила я третье твое письмо, и если говорить всю правду, оно огорчило меня немного. Во-первыхъ, безцѣнная, меня *очень* безпокоитъ твое здоровье, во-вторыхъ, мнѣ кажется, что ты въ какомъ-то неестественномъ состояніи и, несмотря на всѣ твои завѣренія въ противномъ, чувствуешь себя очень несчастною. Я знаю тебя такъ хорошо, моя неоцѣнимая, что могу читать между строкъ, и въ письмѣ твоемъ нашла много мѣстъ, которыя *очень* меня огорчили. Но обо всемъ этомъ поговоримъ при свиданіи, которое *непремѣнно* должно скоро быть. Теперь же, положимъ, что ты и счастлива и довольна, и *ничто* тебя въ Петербургъ не тянетъ, но я безъ тебя не могу обойтись и хотя, тебѣ безъ меня даже легче стало жить въ Палибинѣ, и къ разлукѣ со мной надо, надо и надо привыкать, но я нахожу, что покуда мы можемъ быть вмѣстѣ, мы должны быть вмѣстѣ, и одна мысль, что смотришь на дѣло иначе, заставляетъ меня еще пуще желать *поскорѣе* увидѣть тебя. Ты права, что я не всегда и не *часто* бываю благоразумна, но не дай же Богъ мнѣ быть настолько благоразумной, чтобы спокойно переносить разлуку съ тобой. Милая Анюта, я знаю, что все это и быть не можетъ иначе, что я никогда не была для тебя тѣмъ, чѣмъ ты была для меня; но безцѣнная моя, ты сама говорила мнѣ, что смотришь на меня какъ на твою личную собственность, такъ неужели же не постоишь ты за твое добро, даже если всякія нелѣпыя опасенія входятъ тебѣ въ голову; и неужели правда, что ты такъ легко можешь отказаться отъ меня, и я только лишнее терніе на твоей дорогѣ? Впрочемъ, все это не то; я вѣрю въ фатумъ и вѣрю въ двойныя

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 2, 3.

звѣзды; я все такая, какая была и никогда, никогда не измѣнюсь, я поняла теперь, и ты поймешь, лишь только выйдешь изъ тѣсной палибинской атмосферы, сколько счастья, и не только аскетическаго счастья, доставляетъ намъ наша дружба. Клянусь тебѣ, что я любила бы тебя все такъ же, даже если бы перестала быть для тебя *первою*, только этого никогда не должно быть. Милая и родная моя, я никогда бы не кончила бы, если бы хотѣла писать тебѣ все, что думаю объ этомъ; даже въ этомъ не надо расплываться, поэтому довольно объ этомъ.

Послѣднее письмо я писала тебѣ возвращаясь изъ театра, куда мы ходили смотрѣть Трубадура. Это такъ живо напомнило мнѣ тебя и какъ мы вмѣстѣ слушали его въ Берлинѣ, да и вся музыка такъ взволновала меня, что письмо вышло нѣсколько мрачнѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Пожалуйста не представляй себѣ, чтобы я дѣйствительно жаловалась на что-либо; напротивъ жизнь моя дѣйствительно очень порядочно устроилась, и я имѣю надежду, что зима далеко не даромъ пропадетъ для меня; я ужасно радуюсь, что скоро увижу милую Жанну; во-первыхъ, она разскажетъ мнѣ о тебѣ, во-вторыхъ я и Жанну полюбила теперь больше, чѣмъ любила ее послѣднее время. Мнѣ очень жаль, что она не будетъ телеграфировать мнѣ изъ Витебска; это было бы ужасно весело пріѣхать къ ней навстрѣчу; до воскресенья ждать очень долго. Я понимаю, что тебѣ не хочется, чтобы братъ изъ-за тебя пріѣзжалъ нарочно по гадкой дорогѣ, по холоду, терялъ время и т. д. Я дѣйствительно гораздо слишкомъ мало принимаю это въ соображеніе, но въ этомъ онъ самъ виноватъ: я такъ привыкла принимать отъ него всевозможныя услуги и такъ нахожусь въ долгу у него, что перестаю этому удивляться. Къ тому же мы такъ подружились съ нимъ, что благодарить его почти такъ же смѣшно, какъ *благодарить меня за мои хлопоты*.

Дѣйствительно, мнѣ кажется, что мы съ братомъ ужъ всю жизнь жили вмѣстѣ и мнѣ въ голову не приходитъ смотрѣть на него, какъ на посторонняго человѣка. Марья Александровна уѣхала сегодня. Мы были у нея вчера вечеромъ; она была нездорова, съ сильнѣйшимъ насморкомъ, не въ духѣ. Сѣченовъ былъ также нѣсколько опечаленъ, но съ нами по обыкновенію милъ. Позволилъ намъ начать занятія въ его лабораторіи съ пятницы. Сидѣли мы недолго, потому что было уже очень поздно, когда мы пришли. Передъ тѣмъ у насъ цѣлый день просидѣлъ Страннолюбскій, отъ 12 до 5-ти занимался мною, остальное время до 8-ми братомъ; во время его урока брату пришло письмо отъ тебя. Сегодня я также училась довольно много: поутру занималась немного математикой, потомъ физикой, обѣдалъ у насъ

Мечниковъ, который мнѣ ни особенно нравится, ни особенно не нравится—такъ себѣ. Разговаривали мы съ нимъ объ нашихъ общихъ знакомыхъ—Спиридовѣ и Мордвиновыхъ, послѣднихъ, впрочемъ, онъ зналъ только по наслышкѣ. Послѣ обѣда пришелъ къ намъ новый учитель физики Бобылевъ, который страшно конфузился, такъ что у него дрожали руки. Несмотря на это онъ очень намъ понравился и, говорятъ, хорошій физикъ; онъ теперь очень занятъ, пишетъ диссертацію на магистра, поэтому не берется давать правильныхъ уроковъ, но это тѣмъ лучше. Мы будемъ читать Jannièr и Wullnera, это очень подробный курсъ, а затѣмъ онъ будетъ объяснять темныя мѣста и показывать намъ необходимые опыты. Такъ оно прелестно устраивается. Мы съ братомъ будемъ учиться вмѣстѣ, но не будемъ мѣшать другъ другу. Мнѣ бы очень хотѣлось побольше пройти за эту зиму; теперь еще очень рано, если теперь же начну письмо, то успѣю еще позаняться немножко.

Поэтому прощай, моя милая, родная. Завтра лекція и надо рано вставать.

Вся твоя

Софья Крюковская.

Штемпель на конвертѣ С. Петербургъ, 7 октября.

15.

Милая, дорогая и несравненная Анюта!

Сейчасъ возвратилась я изъ Петергофа, гдѣ провела весь день съ Жанною, вспоминая тебя и тоскуя по тебѣ. Теперь, что я увидѣла Жанну, мнѣ кажется я еще сильнѣе почувствовала всю тяжесть и нелѣпость разлуки съ тобой. Несравненная моя, мы не должны разлучаться съ тобой, пока намъ возможно быть вмѣстѣ, употребивъ для этого нѣкоторую долю энеріи и самостоятельности. Сейчасъ говорили мы серьезно объ этомъ съ братомъ и рѣшили что ты непремѣнно *должна* согласиться на то, чтобы нашъ славный братъ пріѣхалъ за тобой. Онъ также хочетъ писать тебѣ и доказать необходимость этого; постараюсь сдѣлать то же.

Сперва я перечислю всѣ доводы въ пользу твоего пріѣзда: Во 1-хъ, я скучаю безъ тебя гораздо больше, чѣмъ ты думаешь; во 2-хъ, при твоемъ теперешнемъ настроеніи ты не напишешь ничего ладнаго, да ты кажется сама имѣла случай убѣдиться, что ничего у насъ не ладится, когда мы съ тобой врозь. Въ 3-хъ: родные *даютъ тебѣ понять*, что повезутъ тебя въ Петербургъ въ началѣ ноября, но положительныхъ обѣщаній не даютъ. Въ 4-хъ, если въ началѣ ноября они обѣщаютъ *навѣрное* выѣхать въ концѣ ноября, то тогда неловко будетъ тебѣ звать брата; при-

дется жить еще *цѣлый* мѣсяцъ въ Палибинѣ. Въ 5-хъ, пріѣхавши въ одно время съ родными ты сразу втянешься въ ихъ жизнь и останешься вполнѣ зависимой, между тѣмъ какъ поживъ у насъ недѣли три до ихъ пріѣзда-получишь въ ихъ глазахъ нѣкотораго рода самостоятельность; неговоря уже о томъ какъ счастливы мы всѣ четверо будемъ въ эти три недѣли. Я просто оживляюсь, когда думаю объ этомъ чудномъ времени. Въ 6-хъ, заниматься ты будешь гораздо больше и лучше, чѣмъ въ Палибинѣ. Все утро ты будешь сидѣть одна, а развлекаться только по вечерамъ. Это именно та идеальная жизнь, о которой ты мечтала. Въ 7-хъ, съ *наставникомъ* можешь, если пожелаешь, не имѣть никакихъ сношеній. Въ 8-хъ,—съ родными рано или поздно придется ссориться. Въ 9-хъ, и главное, мы отъ брата принимали такъ много услугъ, что считаться съ нимъ благодарностью и церемониться съ нимъ намъ не приходится. Я такъ убѣждена въ искренности его дружбы и сама такъ привыкла къ нему и дружна съ нимъ, что мнѣ и въ голову не приходитъ, что я обязываюсь ему или должна церемониться съ нимъ. Я *убѣждена*. что если бы поѣздка эта серьезно разстраивала его, то онъ бы такъ прямо и сказалъ мнѣ.

Вотъ милая, несравненная и дорогая Анюта, всѣ мои доводы: если они *не* убѣдятъ тебя, то это право *очень,очень* огорчитъ меня и право я тогда Богъ знаетъ что подумаю. Я совершенно оживляюсь, когда рисую себѣ картины того счастья, которое мы могли бы имѣть въ продолженіе этой зимы. Зима эта должна быть для насъ счастливымъ временемъ, такъ сказать отдыхомъ и подкрѣпленіемъ передъ тою болѣе трудной и тяжелой жизнью, которая навѣрное начнется и должна начаться для насъ въ послѣдствіи. Дорогая моя и несравненная, ты не повѣришь какъ каждая минута отравлена для меня мыслью, что ты въ Палибинѣ одна, выбиваешься изъ силъ, безъ вдохновенья, больна, можетъ быть, во всякомъ случаѣ *ужасно* огорчена дурными извѣстіями изъ Петербурга; представь себѣ, что мы перемѣнились мѣстами и подумай какъ бы ты мучилась, если бы знала, что я нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ ты теперь находишься. Если ты не пріѣдешь, Анюта, то это будетъ вовсе не изъ добродѣтели, а просто изъ дурного, гадкаго самолюбія; впрочемъ я и мысли объ этомъ не хочу допускать.

Приступаю теперь къ обычному моему дневнику. Вотъ еще доводъ, который я забыла привести: письма къ тебѣ отнимаютъ у меня пропасть времени, а ты знаешь, что много писать для меня вредно. Если же ты не пріѣдешь, то клянусь завалить тебя цѣлыми горами бумаги, тамъ себѣ хоть не прочитывай ихъ, коли

тебѣ угодно. Мнѣ труда отъ этого не уменьшится и, если у меня разболится спина, или Страннолюбскій разругаетъ меня завтра, то не легко тебѣ будетъ отвѣчать въ этомъ на томъ свѣтѣ.

Послѣдній разъ писала я тебѣ въ среду. Интереснаго въ этотъ день, кажется, ровно ничего не происходило. Въ четвергъ я рѣшительно не помню, что дѣлали; по утру, разумѣется ходила на лекцію, а затѣмъ сидѣла дома. Меня разсмѣшило твое негодованіе противъ моего плана; буть увѣрена, что я и придумала его шутя и сама вполнѣ сознаю его нелѣпость и непрактичность и никогда не рѣшусь на него[1]). Впрочемъ и надобности въ немъ нѣтъ. Съ лекцій Сѣченова насъ *не* выгоняютъ, въ лабораторіи у него заниматься мы можемъ безбоязненно, у Грубера намъ заниматься разрѣшили. Страннолюбскій сидитъ часовъ пять кряду. Физика еще не окончательно устроилась, но тутъ и настоящее мальчишество не помогло бы мнѣ; братъ хотѣлъ слушать лекціи въ университетѣ и ѣздилъ туда раза четыре, но представь себѣ, профессоръ Петрушевскій не благоволитъ читать и безъ долгихъ разговоровъ просто не является на лекціи. Студенты (да ихъ всего 5—съ братомъ включительно—и изъ этого числа одинъ отставной морякъ) пождутъ, пождутъ да и розойдутся ни съ чѣмъ. Неправда ли это очень мило? Въ четвергъ вечеромъ я получила телеграмму отъ Жанны. Можешь представить себѣ мою радость; впрочемъ она была нѣсколько отравлена, такъ какъ на другой день до шести часовъ я была занята у Сѣченова и для Жанны мнѣ оставалось не болѣе полчаса. На другой день я извѣстила славную Машу о Жаннинomъ пріѣздѣ и тѣмъ, разумѣется, очень ее обрадовала. Послѣ занятій у Сѣченова я тотчасъ кинулась въ двумѣстную карету и поскакала на станцію желѣзной дороги, забывъ, что дома ужъ дожидается Страннолюбскій, а черезъ нѣсколько времени долженъ придти новый учитель физики—Бобылевъ. Можешь представить себѣ, какое радостное было наше свиданіе съ Жанною; впрочемъ я не скажу, чтобы очень радостное, потому что мысль о тебѣ рѣшительно отравляла для меня все.

Вернувшись я застала Бобылева, который прождалъ меня почти часъ и котораго братъ развлекалъ какъ умѣлъ. Въ субботу, т.-е. вчера, я весь день сидѣла дома и училась, вечеромъ исполнила свою гражданскую обязанность, т.-е. зашла на часокъ къ Вахинымъ. Всѣ галки, разумѣется, обступили меня сразу, и мнѣ не мало труда стоило, наконецъ, вырваться отъ нихъ.

---

[1]) Планъ этотъ сотоялъ въ томъ, чтобы посѣщать лекціи въ мужскомъ костюмѣ.

Маша была у меня уже два раза, но безъ вѣдома своихъ. Сегодня съ утра поѣхала я въ Петергофъ, одна по желѣзной дорогѣ, можешь представить себѣ мое торжество. Братъ пріѣхалъ за мной въ четыре часа, обѣдалъ у нихъ; пили за наше и твое здоровье. Жанну я нашла пополнѣвшей и болѣе прелестной, чѣмъ когда-либо. Можетъ быть разлука заставила меня смотрѣть на нее новыми глазами. Мнѣ удалось уговорить Ольгу Андреевну отпустить ее ко мнѣ завтра. Впрочемъ увижусь я съ ней завтра немного, такъ какъ она всего пробудетъ два часа въ Петербургѣ и употребитъ ихъ на дѣло. Мнѣ сильно не нравится ея проектъ итти къ Тк., хотя я разумѣется и не пробую отговорить ее и ни слова не скажу объ этомъ брату.

Прощай неоцѣнимая, дорогая сестра.

Преданная тебѣ всей душой *Софья.*

Жду тебя съ величайшимъ нетерпѣніемъ и считаю дни до 15-го.

Штемпель на конвертѣ: С.-Петерб., 10 октября.

16.

Милая, безцѣнная Анюта! Вчера получила я твое письмо и ты никогда не повѣришь, до какой степени оно огорчило меня. Я никогда не сумѣю написать тебѣ то, что хотѣла бы сказать тебѣ: я знаю только, что я далеко не счастлива и не удовлетворена, и желаніе видѣть тебя доходитъ до какого-то безумнаго sehnsucht. Сегодня я оставалась весь день одна, но, вмѣсто того чтобы заниматься косинусами и синусами, проревѣла все время. Вообще мнѣ никогда кажется не было такъ тяжело, и тѣмъ болѣе тяжело, что я должна сознаться, что не имѣю никакихъ внѣшнихъ причинъ быть недовольною. Знаешь-ли, Анюта, я никогда не подозрѣвала, что такъ привязана къ тебѣ, съ каждымъ днемъ желаніе видѣть тебя растетъ и растетъ. Ради Христа, ради всего святого, пріѣзжай, моя неоцѣнимая, моя несравненная. Повѣрь, что это истинная правда, что ты должна пріѣхать, что ты не должна стараться охладѣть ко мнѣ. Я знаю, Анюта, что ты уже перестала считать меня недѣлимою и если бы ты знала, какъ больно для меня это сознаніе. Если бы ты знала, что счастье, т.-е такое счастье какъ у меня, вовсе не такая чудная вещь, какою ты воображаешь его себѣ, и я съ радостью отдала бы всѣ мои теперешнія радости за одинъ долгій, хорошій разговоръ съ тобою. Я знаю, что въ послѣднее время въ Полибинѣ мы какъ-то не то расходились, не то охладѣли, ну словомъ, что ты была недовольна мной. Если бы ты знала, какъ я раскаиваюсь теперь, что когда-либо дала тебѣ случай быть недовольной мною, или право бро-

С. В. Ковалевская (въ 1868 г.).

сать меня и замыкаться въ свою раковину даже отъ меня. Я каждый разъ, когда приходитъ письмо отъ тебя, бросаюсь на него съ безумной радостью и каждый разъ потомъ чувствую себя еще болѣе одинокою и оставленной. Потому, что я очень одинока, Анюта, и чувствую себя такой маленькой, ничтожной, какъ давно себя не чувствовала.

Знаешь-ли что мнѣ кажется: что ты никогда не любила меня серьезно и искренно, да и я никогда не любила тебя такъ, до настоящаго времени. Я право, право болѣе одинока теперь, чѣмъ ты, и болѣе нуждаюсь въ твоей привязанности. Я за это время узнала многое, чего и не подозрѣвала прежде. Напримѣръ, я никогда не воображала себѣ, что буду такъ скучать или что новая моя обстановка будетъ такъ чужда и непривычна для меня. Я такъ привыкла быть ребенкомъ, т.-е. не то что ребенкомъ, а вѣчно чувствовать себя охраняемой и любимой, что теперь мнѣ до нелѣпости странно думать, что все это кончилось и никогда, никогда не вернется больше. Keine Ewigkeit bringt es zurück. [1]) Хотя братъ заботится и думаетъ обо мнѣ какъ только можетъ и хотя я убѣждена, что для него я важнѣе чѣмъ для всѣхъ тѣхъ, съ которыми я прежде жила, но мнѣ все-таки очень, очень многого не достаетъ, и привязанность моя къ нему не мѣшаетъ мнѣ быть одинокой и скучать. Ты одна, Анюта, можешь наполнить мою внутренную пустоту. Я не умѣю писать убѣдительно, но клянусь тебѣ, Анюта, что я чистосердечно пишу тебѣ, что *должна* видѣть тебя, и что если ты еще хоть каплю меня любишь, хоть ради воспоминанія нашего прошлаго, которое никогда не было такъ священно для меня, какъ теперь, ты не побоишься маленькой сцены и позволишь брату пріѣхать за тобой.—Я убѣждена, что братъ дѣлаетъ это охотно, и что мы имѣемъ право принять отъ него эту услугу. Когда ты вырвешься изъ гнетущей, мѣшающей жить *искренне и серьезно* палибинской обстановки, то убѣдишься, также какъ я вполнѣ убѣдилась теперь, что выше нашей дружбы ничего не можетъ быть.

Письмо мое выходитъ очень нескладное, но именно потому, что я такъ много хотѣла бы сказать тебѣ. Теперь бы я по правдѣ должна была сидѣть и выводить мои теоремы, но у меня такъ ноетъ сердце и такая тоска, что я ничего не могу дѣлать, какъ только писать тебѣ. А между тѣмъ, если бы ты захотѣла какъ бы мы могли быть счастливы; какъ бы преобразилось все это, если бы здѣсь на диванѣ противъ меня сидѣла моя неоцѣнимая Анюта, и я бы слышала скрипъ ея пера или шорохъ листьевъ ея книги.

---

[1]) Кануло въ вѣчность.

Подумай, какъ хорошо мы можемъ устроиться; все утро ты будешь одна и будешь заниматься сколько душенькѣ твоей угодно. Вечеромъ мы будемъ ходить въ театръ по воскресеньямъ, въ будни же будемъ читать что-нибудь громко или будемъ раскладывать съ тобой пассьянсы. Для меня, право, будетъ наслажденіемъ это препровожденіе времени, которымъ я такъ гнушалась прежде. Ахъ, если бы ты могла испытать, что значитъ жить постоянно съ людьми, которые не умнѣе, но благоразумнѣе тебя! Впрочемъ, и знакомые наши покажутся мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, разъ что ты будешь со мной. Къ тому же я рѣшительно не понимаю, почему именно ты не хочешь пріѣхать. Жанна увѣряетъ, что это потому, что ты боишься подвергнуть брата непріятностямъ со стороны родныхъ. Ну, подумай сама, что это за нелѣпость! Что значитъ для брата ссора съ людьми, отъ которыхъ ему ни холодно, ни жарко; напротивъ, мы оба будемъ счастливы и право, пора бы прекратить эти натянуто-нѣжныя отношенія. Ты, можетъ быть, по своему обыкновенію опасаешься за матерьяльную сторону вопроса, но, какъ замѣтилъ братъ, боязнь эта, переведенная на простой, общечеловѣческій языкъ значитъ: я не могу жить, не имѣя имѣнія или капитала за спиной. Я думаю, что все это не то, а что ты дѣйствительно находишь величайшую прелесть въ своемъ олимпійскомъ одиночествѣ, и даже скука палибинская до извѣстной степени сладка для тебя; но въ такомъ случаѣ, Анюта, это жестоко оставлять меня одну и забывать, что кромѣ твоей собственной души у тебя еще душа сестры на плечахъ.

Голубушка, ты пріѣдешь, не правда ли? Напиши съ первымъ случаемъ, иначе братъ *непремѣнно* поѣдетъ за тобою не дожидаясь твоего письма и это дѣйствительно будетъ нѣсколько трудно и непріятно для него. Согласись, милая, что для тебя пріѣхать ничего не стоитъ, а для Жанны, для брата и для меня ты доставишь этимъ величайшее удовольствіе...

Братъ купилъ третьяго дня Некрасова. Я была этому ужасно рада, но хотя у меня теперь постоянно всевозможныя мелодіи и созвучія въ ушахъ, но я чувствую, что теперь пока ничего не напишу.

У меня родились нѣкоторые планы, которые скажу тебѣ при свиданіи. Какъ бы я хотѣла знать, чѣмъ ты теперь занимаешься? Впрочемъ все это ты разскажешь на словахъ. Главное, пріѣзжай, пріѣзжай, милая, безцѣнная.

Середа 11 час. Вчера не успѣла кончить моего письма; сегодня успѣю приписать лишь нѣсколько словъ. Были на лекціи. Издали видѣли Петра Ивановича.—Буду учиться; пиши скорѣе и пріѣзжай.

Твоя *Софа.*

Жанна вѣроятно уже описала тебѣ подробно свои вчерашнія, т.-е. понедѣльничныя похожденія. Я уговорила Ольгу Андреевну отпустить ее ко мнѣ и она провела два часа въ Питерѣ. Исполнила твое порученіе, но не застала дома кого слѣдуетъ и потому отложила до будущаго раза, когда будетъ въ городѣ. Была она у Брандтъ и, кажется, осталась очень довольна Петровымъ. Прощай.

Штемпель на конвертѣ: 14 октября.

17.

Дорогая, безцѣнная и чудная Анюта! Сегодня получила я твое письмо, спасибо тебѣ за него, моя родная. Милая Анюта, ты такая хорошая, чудная, великая, что я бы готова была поклониться тебѣ въ ноги, Анюта, мой лучшій, чистѣйшій, благоразумнѣйшій идеалъ; единственная моя молитва теперь, чтобы Господь всегда сохранилъ меня достойной тебя и никогда, никогда, даже на время не разлучалъ насъ. Это одно единственное счастье, которое я прошу у судьбы. О, какъ раскаиваюсь я теперь, что когда-нибудь огорчала тебя, мою несравненную. Если бы я могла тогда понимать все, какъ теперь понимаю, то никогда, никогда не уѣхала бы изъ Палибина безъ тебя. Что за злая, обидная, бѣсящая насмѣшка судьбы; я такъ хорошо помню 6 октября 64 года: я такъ блаженствовала вмѣстѣ съ тобой, а этотъ годъ судьба какъ-будто нарочно удалила меня. Анюта, этого не должно быть, хорошо говорить о терпѣніи, объ испытаніи, но я *не могу* переносить мысли, что ты такъ много переживаешь безъ меня. Ты спрашиваешь меня рѣшить по совѣсти, *необходима* ли ты мнѣ: я долго думала объ этомъ сегодня вечеромъ; я очень несчастна, все у меня не ладится, но я не знаю, что я должна сказать тебѣ. Въ одномъ я убѣждена, что ты все это сумѣешь распутать, и что съ твоимъ пріѣздомъ окончится мой внутренній разладъ, который *очень* меня мучаетъ. Я не умѣю точно выразить тебѣ, да и самой себѣ также, что именно не клеится у меня; но я убѣждена, что если бы ты была здѣсь, то сразу бы увидѣла, что что-то не ладно.—Мнѣ кажется, и это очень меня огорчаетъ, что въ моихъ новыхъ отношеніяхъ также ужъ завелась какая-то фальшь, т.-е. не то, что фальшь, но какая-то несовершенная искренность съ моей стороны, а съ другой стороны также неудовлетворенность. Впрочемъ, очень вѣроятно, что я все сочиняю и представляю себѣ, такъ какъ теперь нахожусь именно въ такомъ настроеніи духа, чтобы изъ мухи дѣлать слона. Ради Христа, понимай мои слова въ самомъ строгомъ, буквальномъ

смыслѣ, и не воображай себѣ Богъ знаетъ что: глупостей разныхъ и помину нѣтъ. Впрочемъ все, на что я жалуюсь, такія тонкости и субтильности, которыя ты одна можешь понять.— Вообще мнѣ ужасно грустно то, что такой важный переломъ въ моей жизни совершился безъ тебя. Меня пугаетъ еще одно: неужели мы будемъ видѣться только до марта мѣсяца, а затѣмъ опять долгая-долгая разлука? Неужели и этотъ второй періодъ моей жизни я начну безъ тебя? Впрочемъ, я вѣрю, что все это устроится еще хорошо, и что судьба настолько любитъ меня, чтобы послать мнѣ тѣ испытанія, которыя необходимы для меня.

Я учусь довольно много, но занимаюсь почти совершенно тѣми же предметами, какъ и въ Палибинѣ, т.-е. главное математикой. Знаешь ли, несравненная Анюта, я почти рѣшила, что не стану слушать курсъ медицины, а прямо поступлю на физико-математическій факультетъ; неправда ли, это будетъ лучше? Я теперь сама убѣдилась, что у меня не лежитъ сердце къ медицинѣ, ни къ практической дѣятельности. Я только тогда и счастлива, когда погружена въ мои созерцанія; и если я теперь, мои лучшіе годы, не займусь исключительно моимъ любимымъ занятіемъ, то можетъ быть упущу время, которое потомъ никогда не смогу вознаградить. Я убѣдилась, что энциклопедіи не годятся и что одной моей жизни едва ли хватитъ на то, что я могу сдѣлать на выбранной мною дорогѣ. За физику я еще не принялась серьезно. Представь себѣ, во всемъ Петербургѣ нѣтъ порядочнаго физика: я писала тебѣ, что собиралась брать уроки у Бобылева, онъ лично мнѣ очень нравится и должно быть хорошо знаетъ свой предметъ, но къ несчастью у него въ настоящее время черезъ-чуръ много занятій. Впрочемъ, онъ обѣщалъ мнѣ, что будетъ по воскресеньямъ дѣлать со мной опыты, а я одна буду проходить курсъ Жалина. Впрочемъ, это и лучше: я надѣюсь, что когда Бобылевъ познакомится со мной и занятій у него посбудетъ, то онъ согласится давать мнѣ и настоящіе уроки; къ тому же времени я расширю мои математическія знанія, теперь же я слишкомъ мало знаю для спеціальнаго курса и слишкомъ много для элементарнаго. Въ математикѣ я прохожу теперь сферическую тригонометрію,—это далеко не такъ интересно и завлекательно, какъ дифференціалы или аналитическая геометрія, да, кстати, мнѣ очень жаль, что ты забыла прислать мнѣ мою аналитическую геометрію, которую я оставила на комодѣ въ твоей спальнѣ, теперь придется покупать новую, такъ какъ аналитическая геометрія *необходимо* нужна мнѣ. Къ тому же мнѣ и жаль моего бѣднаго Бріо, я всегда лично привязываюсь къ книгамъ, по которымъ занимаюсь. На сегодня прощай, моя дорогая, не-

ПУБЛИЧНАЯ ... ВЪ ТЮМЕНИ ... ГОРОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА

сравненная. Ужъ поздно. Письмо могу буду отправить ... послѣ завтра.

Понедѣльникъ рано поутру. Во-первыхъ, несравненная моя Анюта, предупреждаю тебя, что первыя двѣ страницы я настрочила тебѣ подъ вліяніемъ твоего письма и въ очень мрачномъ настроеніи духа, поэтому, пожалуйста не приписывай слишкомъ большого значенія моимъ словамъ. Сегодня мнѣ какъ-то легче, и я веселѣе и бодрѣе гляжу на міръ. Сегодня понедѣльникъ— это мой самый любимый день въ недѣлѣ: въ 12 час. приходитъ ко мнѣ Странполюбскій, а вечеромъ я получу письмо отъ тебя, несравненная моя Анюта, этого одного уже достаточно, чтобы сдѣлать меня бодрой, веселой и счастливой на весь день. Никогда въ Палибинѣ не ждала я съ такимъ нетерпѣніемъ твоихъ писемъ, какъ здѣсь жду ихъ. Сегодняшнее же письмо можетъ быть очень важнымъ, такъ какъ вѣроятно ты написала его получивши послѣднія наши письма. Я все еще надѣюсь, что увижу тебя раньше ноября. Радость свиданья будетъ такъ велика, что ради нея можно на многое согласиться и со многимъ помириться. Впрочемъ я убѣждена, что ты лучше меня сумѣешь все взвѣсить, и что то, что ты рѣшила, и будетъ самое лучшее. Только помни, Анюта, что ты мнѣ очень нужна и нужна не какъ прибавленіе къ счастью, не какъ удовлетвореніе, а какъ путеводительная звѣзда моя.

Разскажу тебѣ все, что дѣлала съ четверга не потому, чтобы это было особенно интересно, но мнѣ пріятно думать, что ты въ Палибинѣ знаешь каждый шагъ мой въ Петербургѣ. Въ пятницу мы должны были ѣхать въ Павловскъ, но это было невозможно, такъ какъ въ пятницу именно у насъ практическія занятія съ Сѣченовымъ; потому я написала письмо тетѣ Минѣ, извѣщая ее, что головная боль и насморкъ лишаютъ меня удовольствія быть у нея. Представь себѣ, Сѣченовъ по пятницамъ битыхъ три часа занимается нами, т.-е. передѣлываетъ всѣ опыты, показанныя на лекціяхъ, объясняетъ, толкуетъ и поучаетъ насъ. Вѣдь это ужасно мило съ его стороны, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлаетъ это просто такъ, какъ сдѣлалъ бы для каждаго желающаго учиться, а не потому, что знакомъ со мной и я даже не вижу его за исключеніемъ этихъ лекцій. Въ субботу поутру я была на лекціи у Сѣченова. Затѣмъ весь день и весь вечеръ занималась математикой. Вчера, воскресенье, я не могла ѣхать къ Жаннѣ, такъ какъ поутру была диссертація Мечникова, которая очень интересовала меня, во-первыхъ, уже потому, что мнѣ хотѣлось видѣть, какъ это пишутъ и защищаютъ диссертацію. Видѣла тамъ много ученыхъ знаменитостей. Съ диссертаціи заѣхали къ Юлѣ Брюлловой, которая этотъ разъ понравилась мнѣ еще меньше, чѣмъ

прежде. Жаръ къ ученію у нея совершенно остылъ; она объяснила мнѣ, что не видитъ большой пользы въ томъ, будетъ ли она или не будетъ знать арифметику, что учиться, разумѣется, хорошо, если сходишься съ кружкомъ, съ которымъ учишься, но что самоученье, конечно, никого не можетъ завлечь. Услышавъ подобныя истины, я тотчасъ встала и распрощалась съ нею.

Вечеромъ были мы съ братомъ во французскомъ театрѣ. Вотъ тутъ ты очень недоставала мнѣ. Давалась прелестная комедія Al. Dumas fils «Les idées de M-me Aubry; разыграна она была превосходно и дѣйствительно доставила мнѣ ужасно большое наслажденіе. Я непремѣнно хочу, чтобы ты увидѣла ее, когда—будешь въ Петербургѣ; я не помню, чтобы что-нибудь такъ нравилось мнѣ. Къ тому же актрисы были превосходныя. Сюжетъ ты вѣрно знаешь. M-me Aubry—это добродѣтельная барыня, которая учитъ всѣмъ прощать и не гнушаться бѣдныхъ, униженныхъ и падшихъ; но когда сынъ ея влюбляется въ женщину, на которой она сама совѣтовала его пріятелю жениться, то тотчасъ же измѣняетъ своимъ теоріямъ подъ предлогомъ «que son fils n'est pas un autre». Развязка по моему неудовлетворительна. Молодая женщина, «qui a commis une faute», чтобы заставить молодого человѣка разлюбить себя, сама клевещетъ на себя. Это такъ трогаетъ добродѣтельную M-me Aubry, что она соглашается на свадьбу сына и они падаютъ другъ другу въ объятья. Я бы кончила совершенно не такъ. Но вообще пьеса такъ хороша и столько въ ней прелестныхъ мѣстъ, что стоитъ тебѣ посмотрѣть ее.

Прощай, неоцѣнимая, дорогая. Ради Христа, пиши. Ты вѣрно измѣнила бы своему темпераменту, если бы знала, какая поддержка для меня твои письма и какъ я нуждаюсь въ этой поддержкѣ. Мамѣ я напишу въ среду, смотря по смыслу сегодняшняго письма. Прощай, моя несравненная.

Твоя дочь *Софа*.

Ради Христа не забывай, что ты моя настоящая духовная мать и крѣпко держусь за твою личную собственность. Я горжусь этимъ именемъ. Только бы мнѣ быть вполнѣ увѣренной, что ты никогда, никогда не забудешь, что твоя обязанность стоять за твою собственность и отстаивать свои права на нее. Чудная моя, если бы ты знала, съ какимъ наслажденіемъ я бы теперь прижалась къ тебѣ и наговорила бы тебѣ цѣлый коробъ разнаго вздору!

Твоя глупая пиголица *Софа*.

Конецъ октября.

18.

Дорогая и безцѣнная Анюта!

Пишу тебѣ сегодня болѣе короткое, чѣмъ обыкновенно, письмо; во-первыхъ, потому, что рѣшительно нечего сообщать тебѣ но-

ваго, а, во-вторыхъ, потому, что не смѣю теперь поздно засиживаться, днемъ же очень занята. Меня очень удивляетъ, что ты не получила до четверга нашихъ съ братомъ писемъ, въ которыхъ мы настоятельно и убѣдительно уговариваемъ тебя пріѣхать. По нашимъ соображеніямъ оно должно было прійти къ тебѣ въ середу.

Остальная часть Фогта уже вся переведена, но завтра Владиміръ Онуфр. вышлетъ тебѣ англійскую книжку «Brat artic. journey» ужасно интересную и которую онъ собирается издавать. Переводить тебѣ ее будетъ несравненно легче. Знаешь ли, безцѣнная, я отчасти, и даже очень завидую тебѣ, т.-е. не то что завидую, а мнѣ досадно становится, что я не съ тобою въ Палибинѣ и не раздѣляю твоей строгой, аскетической, но полной и богатой внутренними ощущеніями жизни, которая для меня возможна только при твоемъ присутствіи. Впрочемъ, можетъ быть дѣйствительно для меня было полезно извѣдать того самостоятельнаго счастья, о которомъ я такъ мечтала; оно научило меня многому. Во-первыхъ, я увидѣла, какъ слабы мои силы и какъ сильно нуждаюсь я въ твоей поддержкѣ; я поняла, какъ мало я цѣнила тебя, несравненная моя, и какъ недостаточно серьезно глядѣла на наши отношенія. Если ты еще умѣешь понимать меня на полусловѣ, то мнѣ не нужно будетъ распространяться, и ты сама поймешь въ чемъ и какъ я раскаиваюсь и извинишь мнѣ грѣхи мои вольные и невольные, еже дѣломъ, еже словомъ, еже мыслію. Въ молитвѣ твоей, смыслъ которой я только теперь постигла вполнѣ, не забывай и меня, моя родная, чудная и безцѣнная. Если моя одна воля недостаточно сильна, то будемъ вмѣстѣ молить судьбу, чтобы она не разлучала насъ и послала мнѣ тѣ испытанія, которыя нужны для меня и, если нужно, наперекоръ меня самой заставили сдѣлаться хорошею. Впрочемъ въ письмѣ все это не у мѣста. Я рѣшаюсь писать это только потому, что знаю, что ты поймешь меня несмотря на всю несовершенность бумаги и чернилъ.

Только прошу тебя, рви письма лишь только прочитаешь ихъ. Я не думаю, что въ настоящую минуту ты съ такимъ нетерпѣніемъ желаешь видѣть меня, какъ я тебя. Впрочемъ на что ненужныя изліянія. Лучше перейду къ другому. Съ этой же почтой ты вѣрно получишь письмо отъ Жанны; . . . . . .

. . . . . .

Если бы не лекція Сѣченова, я бы отправилась въ Петергофъ сама, но лекціи дѣйствительно нельзя бросить. Приходится ждать воскресенья. Она писала мнѣ вчера, что была въ Петер-

бургѣ, но ко мнѣ не успѣла заѣхать. Была она у Конради [1]), какъ ты вѣрно узнаешь это изъ ея письма. Эта барыня, пишетъ Жанна, хотѣла заѣхать ко мнѣ сегодня, но не заѣхала. Видѣла я сегодня Брандтъ, которая мнѣ положительно далеко не особенно нравится; даже одной выходкой напомнила мнѣ нашу незабвенную М. Конечно, между ними не можетъ быть ни малѣйшаго сравненія, но мнѣ все-таки кажется, что контрастъ и твое настроеніе духа заставили тебя видѣть ее въ лучшемъ свѣтѣ.

О Фальковской я просила многихъ: Бекетовыхъ черезъ Мечниковыхъ и Брюлову. На-дняхъ нарочно пойду къ Языковымъ, чтобы и у нихъ справиться. Мнѣ ужасно жаль, что не могу дать ей никакого отвѣта; я такъ мало людей вижу!

Прощай, несравненная: становится поздно (сравнительно) и потому спѣшу въ постель. Братъ крѣпко жметъ твою руку.

Вся твоя

Софья Крюковская.

Посылаетъ тебѣ Влад. Онуфр. 48 стр. англійской книги. Надѣюсь, что больше не успѣешь.

Конецъ октября.

19.

Только вчера отправила письмо тебѣ, дорогой другъ мой [2]), а сегодня опять сажусь писать тебѣ, потому что сейчасъ получила отличныя новости отъ Жаниныхъ родныхъ. Вотъ ужъ дѣйствительно разсчитывали мы много, но этого никакъ не ожидали: представь себѣ: сегодня будятъ насъ страховымъ письмомъ— открываемъ, въ немъ деньги, 70 гульденовъ и заграничный паспортъ Аннѣ Михайловнѣ Евреиновой, съ приложеніемъ длиннаго и нѣжнаго письма отъ Жаниныхъ сестеръ; онѣ, конечно, слегка упрекаютъ ее за необдуманный поступокъ, но говорятъ, что не только проклинать ее, но даже и сердиться на нее ни онѣ, ни родные не имѣютъ намѣренія, что мать сначала очень грустила, но послѣ телеграммы Жаниной успокоилась и теперь огорчается главное тѣмъ, что Жанна ничего съ собой не взяла и пожалуй, нуждается. Что пусть, поэтому, Жанна тотчасъ напишетъ, что

---

[1]) Евг. Ив. Конради, извѣстная дѣятельница женскаго движенія того времени.

[2]) Письмо это написано С. В. мужу, Влад. Онуф., изъ Гейдельберга, гдѣ она слушала лекціи и куда пріѣхала къ ней, убѣжавъ изъ дома, Анна Михайловна Евреинова, впослѣдствіи—докторъ правъ Лейпцигскаго университета, авторъ работъ по европейскому и, въ особенности, славянскому праву.

Влад. Онуф. занимался въ это время въ Тюбингенѣ. Даты на письмѣ нѣтъ, но оно относится по всей вѣроятности къ зимѣ 1869 г.

желаетъ имѣть изъ своего бѣлья и вещей и онѣ тотчасъ вышлютъ ей; что пускай скажетъ тоже сколько ей нужно денегъ, чтобы прожить за границей и родные станутъ присылать ей деньги. Просятъ только Жанну почаще писать, дѣлиться съ ними и горемъ, и радостью и обращаться къ нимъ въ каждой нуждѣ. Какъ тебѣ это нравится! Вотъ поди разбери ихъ потомъ! Жила бы у нихъ Жанна еще десять лѣтъ и они все бы продолжали мучить ее и ни за что не отпустили бы ее добровольно; а вотъ убѣжала,— они и смягчились. Можешь представить себѣ въ какомъ мы восторгѣ! Теперь Жанна тотчасъ можетъ приняться за ученье. До весны ей еще нечего хлопотать о поступленіи въ университетъ, такъ какъ покуда ей будетъ довольно работы долбить свою поганую латынь; весной же она начнетъ хлопотать, чтобы ее приняли въ Гейдельбергъ. Я уже писала тебѣ, что мнѣ это совсѣмъ не кажется невѣроятнымъ. Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы ее пустили; тогда, если даже Юлю [1]) не пустятъ въ Берлинъ, то ей будетъ съ кѣмъ оставаться въ Гейдельбергѣ. Вообще этотъ благопріятный оборотъ дѣлъ такъ подзадорилъ насъ, что сегодня сажусь писать Оленькѣ Лермонтовой [2]), чтобы, если возможно, притянуть и ее къ намъ. Изъ всего того, что разсказывала мнѣ о ней Юленька, я начинаю чувствовать къ ней превеликую симпатію; даже и ея сдержанность и необщительность, которыя такъ бѣсили меня въ Петербургѣ, начинаютъ представляться мнѣ въ другомъ свѣтѣ. По всему видно, что у нея очень сильный, но очень озлобленный характеръ, а озлобиться ей было изъ-за чего; жизнь ея самая невеселая съ самаго дѣтства, а это послѣднее время къ другимъ огорченіямъ присоединились еще страданья болѣе нѣжнаго свойства; хотя къ подобнымъ страданьямъ я и не чувствую особеннаго сочувствія, но я отлично понимаю, что когда въ жизни вообще не встрѣчаешь никакой другой удачи и не имѣешь никакого другого интереса, то и они могутъ еще подбавить значительную долю горечи. По тому, что я слышу объ Оленькѣ, мнѣ кажется, что изъ нея можетъ выйти очень хорошая женщина, потому нужно дѣйствительно употребить всѣ усилія, чтобы притянуть ее къ намъ. Вотъ какіе у насъ теперь планы на ея счетъ: весной Сонечка Ушакова ѣдетъ въ Россію, если Оленька уйдетъ отъ отца въ это время, то первое время можетъ прожить у нея, и при ея же помощи перебраться черезъ границу. Тогда Юленька

---

[1]) Юлія Всеволодовна Лермонтова, близкая подруга С. В., въ 1874 г. получившая званіе доктора химіи въ Геттингенскомъ университетѣ, авторъ многихъ работъ по химіи. Ея диссертація «Zur Kenntniss der Methylenverbindungen» и дала ей званіе доктора химіи.

[2]) Двоюродная сестра Юліи.

можетъ будетъ брать у родныхъ больше денегъ, а на 1000 рубл. въ годъ онѣ, съ грѣхомъ пополамъ, могутъ прожить вмѣстѣ. Мы эти послѣдніе дни все занимались разными экономическими соображеніями, и дѣйствительно приходимъ къ тому убѣжденію, что могли бы устроиться дешевле. Но что же дѣлать, опытность даромъ не дается. Сегодня очень насмѣшилъ насъ маленькій клочокъ какой-то русской газеты, присланной Федоровыми изъ Цюриха. Тамъ говорится, что въ Heidelberg'ѣ учатся двѣ русскія дѣвушки, но нѣмецкіе профессора относятся къ нимъ несочувственно, а Бунзенъ, знаменитый Бунзенъ, даже не пустилъ ихъ на свои лекціи. Удивляюсь отъ кого истекаетъ весь этотъ вздоръ.

До свиданья, милый. Пріѣду къ тебѣ, только что начнутся праздники, значитъ черезъ полторы недѣли. Съ нетерпѣніемъ жду этого времени, такъ хочется потолковать и помечтать съ тобой, особенно, когда почему-нибудь весело на душѣ, то такъ хочется поскорѣе подѣлиться съ тобою. Какъ я буду рада, если на лѣто пустятъ меня въ Берлинъ. Пиши почаще и люби твою Софу.

Надѣюсь, что превосходное сочетаніе цвѣтовъ въ моемъ письмѣ приведетъ тебя въ восторгъ. Я уже было написала адресъ на зеленомъ конвертѣ, но увидѣвъ желтый, не могла удержаться; потому зеленый припрятала на будущее время.

Священная Дружина [1]).

(Изъ дневника ея члена В. Н. Смѣльскаго).

8 декабря 1881 г. Въ 10½ час. пошелъ въ канцелярію, гдѣ засталъ Цвѣткова за работою по перевозкѣ мебели и дѣлъ канцеляріи въ новое помѣщеніе для нея, на Невскій, въ домъ № 60 Глазунова, въ квартиру 20, нанятую за 50 руб., безъ дровъ, на имя Драницына (племянника бригадира). Сказавъ Цвѣткову о приглашеніи бригадировъ въ новую канцелярію для объясненій съ кн. Щербатовымъ, вернулся я домой съ грустью: такъ и чувствуется что-то недоброе.

Пошелъ въ новую агентурную канцелярію, гдѣ уже былъ кн. Щербатовъ и всѣ бригадиры; квартира изъ трехъ комнатъ, во дворѣ, очень маленькая и уже омеблированная распоряженіемъ бригадира Драницына. Вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ князь; онъ встрѣтилъ меня сухо, и потому я вышелъ отъ него и усѣлся въ другой комнатѣ, толкуя по временамъ съ Цвѣтковымъ, который какъ бы въ трансахъ отъ всего творящагося, непонятнаго ни для кого. Сидѣлъ я часа 2½, и, наконецъ, князь вышелъ и направился домой, но я его задержалъ и далъ ему мое письмо къ нему. Онъ бѣгло прочелъ его и при мнѣ разорвалъ, сказавъ: «Извините мнѣ некогда. Я хотѣлъ было раздѣлить трудъ мой между вами и мною, но Центральный Комитетъ не пожелалъ этого. Послѣ завтра вамъ дадутъ отвѣтъ, какія вы будете имѣть занятія». Замѣтивъ князю, что онъ рветъ мое письмо, онъ проговорилъ: «Я его уже читалъ». И когда я сказалъ, что, не имѣя инструкціи, не знаю, какъ и что мнѣ дѣлать, и даже того, могу ли я присутствовать при докладахъ ему бригадировъ, князь свирѣпо сказалъ: «конечно вы меня не стѣсняете, я очень радъ,.. я солдатъ, откровенно

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 1—3.

говорю; съ военными не стѣсняюсь». Словомъ, видимо относится ко мнѣ недоброжелательно. По моему мнѣнію, отъ его дѣйствій врядъ ли будетъ какая польза, и дѣла агентуры, можно навѣрное сказать, не улучшатся, такъ какъ попусту и долго толмочитъ съ бригадирами и только удерживаетъ ихъ отъ выполненія ихъ службы,—ежедневно требуетъ ихъ къ себѣ и долго болтаетъ съ ними, корча изъ себя знатока въ подобныхъ дѣлахъ. Дѣлать нечего, по уходѣ князя поплелся я домой.

Обсуждая суть дѣла моего съ Щербатовымъ и припоминая обстановку его квартиры, не очень-то княжескую, а также,что онъ не имѣетъ никакой опредѣленной должности и уклонился на засѣданіи Исполнительнаго Комитета обсуждать, не черезъчуръ ли велико назначено содержаніе начальнику агентуры, несмотря ни на то, что я ему сказалъ на засѣданіи Исполнительнаго Комитета, что, по моему мнѣнію, назначенное по штату содержаніе слѣдовало бы уменьшить; равно имѣя въ виду, что Щербатовъ, вопреки всякихъ правилъ вѣжливости, изорвалъ съ злобою въ моемъ присутствіи письмо мое къ нему о томъ, что я согласенъ исполнять должность начальника агентуры за половинное содержаніе, я прихожу къ убѣжденію, что Щербатовъ, не имѣя жалованья по званію попечителя, захотѣлъ воспользоваться содержаніемъ, положеннымъ для начальника агентуры, и вотъ изъ-за этого онъ и предложилъ меня удалить и самому лично быть и попечителемъ и начальникомъ агентуры и, конечно, съ присвоеніемъ себѣ содержанія начальника агентуры. Въ этомъ я еще болѣе убѣждаюсь тѣмъ, что онъ съ грустью выдалъ мнѣ жалованье за декабрь и оговариваясь: «Это чисто царскія деньги, это онъ такъ щедро даетъ». При чемъ какъ бы старался выразить свое умиленіе на щедрость царя, но не смѣлъ этого сдѣлать, и заявленіе вышло прямо въ формѣ зависти, что не онъ, а я въ правѣ получить эти деньги. Не сдѣлай онъ этого и скажи откровенно, что онъ не желаетъ, чтобы былъ у него начальникъ агентуры, то я бы ни за что не взялъ этихъ денегъ, хотя бы онъ и просилъ меня объ этомъ, и тогда безъ всякихъ ехидствъ получилъ бы онъ самъ эти деньги.

9 декабря 1881 г. Приходилъ поручикъ Казанскій, но я его не принялъ, не зная, что и какъ говорить ему, въ виду того, что не знаю, что я такое буду по Дружинѣ.

Въ $8^3/_4$ час. отправился я на засѣданіе Исполнительнаго Комитета въ домъ яхтъ-клуба. Войдя въ помѣщеніе Исполнительнаго Комитета, отобрали отъ меня визитную карточку гр. Шувалова и впустили въ комнату, въ которой я нашелъ Алекс. Мих. Безобразова въ одиночествѣ, чему я очень обрадовался, и высказалъ

ему, что я стѣсняюсь присутствіемъ на засѣданіи, не зная навѣрное, могу ли я тутъ быть, такъ какъ Щербатовъ сказалъ мнѣ, что Центральный Комитетъ намѣренъ дать мнѣ какое-то порученіе, и поэтому я не могу имѣть никакихъ занятій въ агентурѣ. Сказалъ и то, что Щербатовъ изорвалъ мое письмо и уклоняется отъ разговоровъ со мною. Безобразовъ, видимо, дивился моему положенію и проговорилъ: «я ни отъ кого не слышалъ, чтобы вамъ не присутствовать въ Исполнительномъ Комитетѣ; совѣтую вамъ побывать у Никиты Кондратьевича,— онъ умный, съ душею человѣкъ». На это я сказалъ, что въ виду того, что онъ, вопреки моему желанію, уговорилъ меня вступить въ Дружину, онъ же предложилъ мнѣ занять должность начальника организаціи и, конечно, вѣроятно, не предвидя подобнаго замѣшательства, а потому итти мнѣ къ нему на объясненіе не совсѣмъ-то ловко: это будетъ что-то въ родѣ протеста, какъ бы укоръ ему за приглашеніе его имъ меня. Но за что же я ему буду дѣлать такіе укоры, когда онъ ничего иного не имѣлъ, какъ бы сдѣлать мнѣ что-либо хорошее и полезное для Дружины? Я просилъ Безобразова передать гр. Шувалову, что я лично приходилъ сюда и просилъ заявить, что не могъ остаться на засѣданіи по случаю головной боли, что и дѣйствительно у меня сегодня; добавилъ я отчасти и то, что я не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что могу засѣдать на засѣданіяхъ. Вскорѣ послѣ этого пришелъ графъ, весьма любезно обошелся со мною; потомъ пришли Бакъ, кн. Щербатовъ,—молча и надменно поздоровался со мною, и генералъ Дурново, привѣтливо отнесшійся ко мнѣ. Нѣсколько спустя Щербатовъ заявилъ, что онъ желаетъ осмотрѣть квартиру, и при этомъ увлекъ за собою Шувалова и Дурново, и слышно было, что означенные трое, а также нѣсколько позднѣе пришедшій генералъ Ѳедоровъ, начали о чемъ-то совѣщаться. Это особо секретное меня еще болѣе встревожило, и, когда вернулись въ нашу комнату Щербатовъ и Дурново, я вышелъ и, выждавъ въ коридорѣ гр. Шувалова, сказалъ, что я прошу разрѣшенія его по случаю головной боли не присутствовать на засѣданіи, на что онъ изъявилъ согласіе.

При уходѣ увидѣлъ я и Мих. Иван. Ѳедорова и, напомня ему, что я и не думалъ никогда о поступленіи въ Дружину, противу своего желанія вступилъ въ нее, и что же?—Щербатовъ самолично отстраняетъ меня отъ должности, я ничѣмъ не занимаюсь, ничего не дѣлая получаю содержаніе, что крайне безобразно, не въ моемъ характерѣ, и, по словамъ Щербатова, не буду заниматься у него и напредь.—«Какъ такъ?» сказалъ Ѳедоровъ. «Развѣ вы не завѣдываете агентурою? Вы начальникъ агентуры. Ужъ не думаетъ ли

князь, что я буду завѣдывать? Я ему готовъ совѣты давать и обѣщалъ это, но ничего болѣе. Я имѣю свои занятія, и попечителю неудобно лично руководить агентурою». Когда же я сказалъ, что Щербатовъ уклоняется отъ разговоровъ со мною и изорвалъ письмо, то Ѳедоровъ лишь сдѣлалъ мину удивленія. Засѣданіе по эту пору уже должно было начаться, и потому, распростясь съ Ѳедоровымъ, пошелъ я домой.

10 декабря 1881 г. Во время моего отсутствія былъ у меня поручикъ Казанскій, который вновь приходилъ ко мнѣ, и хотя при вторичномъ его приходѣ я былъ дома, но не принялъ его по болѣзни, а главное, не зная, что ему говорить, въ виду неопредѣленности моего положенія въ Дружинѣ. Въ 8 часовъ вечера приходитъ ко мнѣ писарь Воробьевъ и говоритъ, что въ канцеляріи полный хаосъ, никто ничего не дѣлаетъ, его, Воробьева, третью ночь заставляютъ быть въ канцеляріи, что его крайне тяготитъ, и когда онъ сказалъ объ этомъ Цвѣткову, то сей послѣдній сказалъ: «если вамъ тяжело, то откажитесь». Когда же онъ сказалъ, что если ему не дадутъ квартиры, то онъ не въ силахъ нанимать таковую, получая 40 руб. въ мѣсяцъ: «Что жъ, взамѣнъ квартиры вамъ дадутъ прибавку къ жалованью рублей въ 5 въ мѣсяцъ».—«Это мало,—сказалъ Воробьевъ».—«Если мало,—проговорилъ Цвѣтковъ,—то откажитесь». Далѣе Воробьевъ сказалъ, что онъ не желаетъ болѣе оставаться. Говоря про кн. Щербатова, Воробьевъ сказалъ: «Разъ онъ приказалъ бригадирамъ являться къ нему по очереди, не сразу въ одинъ день, а между тѣмъ, что день, то посылаетъ за ними нарочныхъ о немедленномъ прибытіи ихъ къ нему». Цвѣтковъ, по словамъ Воробьева, въ какомъ-то чаду, не знаетъ, что и какъ дѣлать. Молодой Драницынъ безъ всякихъ занятій, и Щербатовъ, почувствовавъ себя нездоровымъ, послалъ Цвѣткова къ генералу Ѳедорову (просить) временно исполнять его должность, но согласился ли на это Ѳедоровъ, еще не знаетъ, такъ какъ онъ, Воробьевъ, ушелъ ранѣе возвращенія Цвѣткова отъ Ѳедорова. Воробьевъ обѣщалъ завтра зайти ко мнѣ и разсказать, что и какъ у нихъ творится. Видимо, поднялся сильнѣйшій хаосъ и путнаго изъ дѣйствій Щербатова не будетъ никакого, тѣмъ болѣе, что онъ какъ я замѣтилъ, не мало вретъ. Это для меня стало замѣтно тогда, когдъ онъ докладывалъ Исполнительному Комитету дѣло о вечерахъ у В....

Встрѣтилъ я генерала Шульмана, который на мой спросъ, что такое генералъ кн. Щербатовъ, проговорилъ: «это такой дуракъ, что его съ Кавказа, во время бывшей Турецкой войны, напрямикъ выгнали, такъ какъ не знали, что ему поручить, и что онъ, при своей какой-то безтолковости или сумасшествіи, ни къ чему не

способенъ и даже вреденъ». Онъ же сообщилъ мнѣ, что Щербатовъ бѣденъ. Итакъ, предположеніе мое, что Щербатовъ не желаетъ, чтобы былъ начальникъ агентуры лишь потому, чтобы воспользоваться жалованіемъ начальника агентуры, ничего путнаго не дѣлая, а лишь пуская пыль въ глаза своей непомѣрной дѣятельностью, оправдалось. Недаромъ вчера на засѣданіи онъ просилъ гр. Шувалова не дѣлать по его сообщенію обыска у кого-то въ Москвѣ, сказавъ: «Я сначала находилъ это нужнымъ; теперь, по полученнымъ мною свѣдѣніямъ, надо пріостановиться обыскомъ на нѣкоторое время». Мнѣ кажется, о производствѣ этого было сообщено въ видахъ заявленія о своей дѣятельности и, конечно, съ просьбою вслѣдъ за симъ о пріостановленіи этого пассажа, вовсе ненужнаго по существу и лишь выдуманнаго имъ для поддержки убѣжденія, что будетъ большій толкъ отъ него, Щербатова.

11 декабря 1881 г. Въ $9^3/_4$ час. утра пошелъ я къ Никитѣ Кондратьевичу Шмидту, принявшему меня прекрасно, сердечно. Я ему разсказалъ о всемъ, бывшемъ у меня съ Щербатовымъ, и просилъ его дозволить мнѣ возвратъ денегъ, полученныхъ мной отъ Дружины, разсрочить на долгій срокъ, такъ какъ я и безъ того имѣю потерю, изъ-за оставленія внезапно, безъ всякой причины данной мнѣ должности, до 2.800 руб. Шмидтъ не зналъ всего того, что было у меня съ Щербатовымъ, и дивился разсказу, особенно крайней невѣжливости Щербатова относительно разорванія моего письма, и при этомъ сказалъ: «Пожалуйста, Всеволодъ Никаноровичъ, не отдавайте назадъ никакихъ денегъ; вы получили ихъ правильно, не вынужденно, и нѣтъ основанія потери ваши еще болѣе увеличивать. Я ни отъ кого не слышалъ въ Центральномъ Комитетѣ объ отчисленіи васъ отъ агентуры и предоставленіи вамъ другихъ занятій. Я еще вчера тамъ былъ и не слышалъ объ этомъ, тутъ что-то не такъ толкуетъ кн. Щербатовъ». Затѣмъ я сказалъ ему, что мнѣ стѣснительно бывать на засѣданіи Исполнительной Комиссіи, и поэтому третьяго дня, придя въ Комиссію, я сказался больнымъ и не участвовалъ на засѣданіи. Шмидтъ одобрилъ мой поступокъ и одобрилъ предположеніе мое вновь написать письмо къ Щербатову: сообща ему, что я не имѣю извѣстія отъ Центральнаго Комитета о порученіи мнѣ новыхъ обязанностей и по болѣзни не буду завтра на засѣданіи Исполнительнаго Комитета, просить сообщить мнѣ, чѣмъ я по распоряженію Центральнаго Комитета долженъ заниматься. Шмидтъ сказалъ мнѣ, что онъ не разъ ждалъ меня къ себѣ, и когда я ему сказалъ, что не былъ у него лишь потому, что не хотѣлъ его безпокоить и вообще конфужусь приходить нежданъ-

нымъ, Шмидтъ: «Ну если такъ, то по правдѣ, и я хотѣлъ быть у васъ и тоже этимъ же самымъ былъ стѣсняемъ». Шмидтъ, услыша отъ меня, что я ничего путнаго не предвижу отъ занятій Щербатова и нахожу его несоотвѣтствующимъ своей должности и желающимъ воспользоваться личнымъ полученіемъ содержанія начальника агентуры, проговорилъ: «Это жаль для нашихъ дѣлъ. Что же касается полученія имъ содержанія начальника агентуры, то объ этомъ онъ еще не заявлялъ ни Центральному, ни Областному Комитетамъ». Шмидтъ сбирался въ Сенатъ на засѣданіе и только оттого вынужденъ былъ сказать мнѣ, что долго не можетъ бесѣдовать со мною, но что бесѣда его со мною ему всегда желательна. Въ заключеніе Шмидтъ, слыша мои слова, что я, хотя бы и безъ всякаго жалованья,—лишь бы отслужить тѣ деньги, которыя я получилъ отъ Дружины, согласенъ заниматься въ Дружинѣ до открытія Красносельскаго госпиталя, сказалъ: «Я лично буду говорить объ васъ въ Центральномъ Комитетѣ во вторникъ. Я и прошу васъ зайти ко мнѣ въ среду на будущей недѣлѣ къ 12 час. дня». Отъ Шмидта пошелъ я къ генералу Ѳедорову, принявшему меня хорошо. Я ему сказалъ, что уже не занимаюсь болѣе, что неудачное вступленіе мое противу желанія своего вовлекло меня въ убытокъ до 2.800 руб. и, кромѣ того, мнѣ придется возвратить всѣ полученныя мною деньги отъ Дружины. Ѳедоровъ проговорилъ: «Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны возвращать денегъ. Это будетъ несправедливо. Можно терять здоровье, спокойствіе для службы, но напрасно терять деньги человѣку небогатому невозможно».

Затѣмъ я сказалъ ему, что до меня дошелъ слухъ, что вчера его звалъ къ себѣ Щербатовъ (это я сказалъ и Шмидту). Ѳедоровъ, заслыша это проговорилъ: «Да, это правда. Вообразите, онъ предлагаетъ мнѣ быть его помощникомъ и вчера вечеромъ, когда я былъ у него по его приглашенію, предлагалъ мнѣ за эти труды еще и добавочное жалованье, но я наотрѣзъ отказался, сказавъ, что совѣты готовъ давать, но безъ всякаго полученія содержанія за это. Я понимаю, чего онъ хочетъ», и затѣмъ хотѣлъ было еще мнѣ что-то говорить, но вошедшій лакей его сказалъ: «Графъ Строгановъ пріѣхалъ». Ѳедоровъ всталъ, пошелъ навстрѣчу гостю и вошелъ съ молодымъ мичманомъ съ Георгіемъ 4 степени. Ѳедоровъ отрекомендовалъ его мнѣ и я, видя, что могу мѣшать ихъ разговорамъ, распрощался съ ними, и Ѳедоровъ при моемъ уходѣ сказалъ мнѣ, что ему нужно посовѣтоваться со мною и что онъ заѣдетъ ко мнѣ. Отъ Ѳедорова пошелъ я къ Алекс. Иван., полк. Левашеву, принявшему меня воистину радушно. Онъ очень сожалѣетъ о моемъ положеніи, главнѣе, что я оставляю должность. Онъ даже не

зналъ, что я былъ на этой должности. Онъ сказалъ, что я дурно сдѣлалъ, что, принимая подобную должность, не уговорился такъ, чтобы впередъ вступленія въ должность мнѣ, въ видѣ гарантіи, дали бы въ счетъ содержанія 4—5 тыс. рублей, тогда бы я не былъ введенъ отъ чьего-либо каприза въ такую большую потерю денегъ. Говоря о Щербатовѣ, онъ сказалъ: «Это извѣстный плутяга; онъ нигдѣ не уживался; его отовсюду изгоняли, какъ сребролюбца и интригана. Вамъ надо было круто поступить съ нимъ, не очень-то слушаться, и тогда онъ смиренъ».

Придя домой, написалъ я письмо къ Щербатову и сообщеніе, что завтра не буду въ Исполнительномъ Комитетѣ, и объ увѣдомленіи, что сдѣлано Центральнымъ Комитетомъ относительно меня.

Въ 8 часовъ пришелъ ко мнѣ Алекс. Иванов. Левашевъ, пилъ у меня чай, бесѣдовалъ, читалъ со мною мой дневникъ за 1863 годъ и былъ удивленъ, какъ давно я пишу дневникъ. Ему очень нравилось чтеніе мое, и онъ просидѣлъ у меня до 11¼ час. вечера. Прочелъ я ему и записки мои о Дружинѣ и объ учрежденіи открытой охраны. Къ идеямъ этимъ онъ отнесся радостно и сказалъ: «Да это то самое, что и я чувствую. Хорошо, что васъ пригласили въ Дружину. Вы много сдѣлаете добра. Вы практическій человѣкъ. Васъ надо слушать».

14 декабря 1881 г. Около 11 час. пришелъ ко мнѣ Влад. Ник. Цвѣтковъ и разсказывалъ, что кн. Щербатовъ все еще возится, но уже не разъ жаловался на болѣзнь; по мнѣнію Цвѣткова, Щербатовъ скоро уходится, убѣдится въ невозможности веденія дѣлъ, въ безполезности работъ бригадировъ, которые лишь умышленно мусируютъ всякій вздоръ, лишь бы показать свою дѣятельность. Онъ же, Щербатовъ, находитъ дѣла агентуры такими же, какъ и я ихъ признавалъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ дивится, какъ они могли начаться при явной безсовѣстной лжи сообщенныхъ свѣдѣній. Цвѣтковъ очень тяготится своими занятіями. Въ канцелярію агентуры теперь ходитъ много лицъ, чѣмъ неизбѣжно узнаются нигилистами всѣ дѣятели агентуры. Щербатовъ о дѣлахъ вовсе не толкуетъ съ Цвѣтковымъ и недавно, получа свѣдѣнія отъ какого-то неизвѣстнаго, далъ ему за сообщеніе рубля 3—4, затѣмъ еще ему далъ за другое сообщеніе, и всѣ эти сообщенія оказались ложью. Щербатова это бѣсило, и онъ, заговоря объ этомъ съ Цвѣтковымъ, сказалъ, обратясь къ нему: «Скажите, неужели этотъ сообщитель—все такъ будетъ дѣлать?» Цвѣтковъ отвѣтилъ: «Вѣроятно, что такъ же; всѣ они лишь съ голоду сообщаютъ, а можетъ и лишь для того, чтобы разузнать, гдѣ дѣятель агентуры, и заявить объ этомъ революціонерамъ, которые отъ своихъ пред-

ставителей имѣютъ порученіе дознать къ декабрю о всѣхъ лицахъ, состоящихъ въ Дружинѣ». Это сильно подѣйствовало на Щербатова, и онъ молча отошелъ отъ Цвѣткова. Цвѣтковъ увѣрялъ меня, что Щербатовъ ничего ни хорошаго, ни дурного не говоритъ обо мнѣ. Цвѣтковъ говорилъ мнѣ, что, повидимому, скоро будетъ открыто Министерство Полиціи. Эти же слухи я слышалъ отъ Унтербергера[1]) и другихъ, при чемъ указывали на генерала Черевина, какъ на министра будущаго Министерства.

Послѣ завтрака пошелъ къ Безобразову, вручилъ ему отчетъ по расходу 1 тысячи руб., данныхъ мнѣ на переѣздъ на новую квартиру, и отчетъ по расходу аванса, даннаго мнѣ въ 2 тысячи рублей, и оставшіеся отъ аванса 125 руб. 26 к. неизрасходованными и въ полученіи сихъ денегъ получилъ расписку А. М. Безобразова. Высказалъ ему свое сожалѣніе, что мнѣ не пришлось поработать такъ, какъ бы слѣдовало; что при такомъ порядкѣ, какой нынѣ существуетъ, ни до чего толковаго нельзя дойти, что это лишь безплодное толченіе воды; что кн. Щербатовъ, заранѣе предсказываю, — ничего добраго не сдѣлаетъ, что я, изъ-за принятія должности, безъ всякаго съ своей стороны желанія, понесъ лишь нравственную и значительную матеріальную потерю; что въ отчетѣ я не могъ показать многія изъ сдѣланныхъ мною затратъ; что придуманный мною планъ дѣйствій не дали мнѣ даже начать къ приведенію въ дѣйствіе и что мнѣ желательно, чтобы не быть одолженнымъ, поработать для Дружины безплатно, но только, чтобы восполнить расходъ ея на выдачу мнѣ тысячи рублей. Безобразовъ сказалъ: «Тысячу рублей я выдалъ вамъ по распоряженію Центральнаго Комитета собственно на переѣздъ вамъ на новую квартиру, такъ какъ прежняя ваша квартира была неудобна для занятій по агентурѣ, слѣдовательно, она и не подлежитъ возврату. Начальникъ агентуры подчиненъ попечителю, и если кн. Щербатовъ не желаетъ имѣть начальника агентуры, то не ваша въ этомъ вина,—это его дѣло».—«Да развѣ я въ полной зависимости отъ Щербатова? Какъ-такъ? Я вовсе не имъ, а Центральнымъ Комитетомъ назначенъ на должность и почему оказался неудобнымъ, никто мнѣ не объявлялъ и, какъ мнѣ кажется, я, какъ не назначенный Щербатовымъ, долженъ быть удаленъ не имъ, а тѣмъ, кто опредѣлилъ меня».—«Нѣтъ, Щербатовъ,—проговорилъ Безобразовъ,—въ правѣ имѣть или не имѣть начальника агентуры».—«Пусть будетъ такъ,—отвѣтилъ я,—въ такомъ случаѣ, чѣмъ же я оказался

---

[1]) Докторъ, сослуживецъ Вс. Н. Смѣльскаго по Красносельскому военному госпиталю.

неудобнымъ? Что я такое сдѣлалъ, что меня сочли худшимъ, чѣмъ всякій продажный бригадиръ, агентъ? Ужъ не тѣмъ ли, что я отъ нихъ потребовалъ работы, а не доставленія какой-то белиберды за большое жалованье!» — «Да Всеволодъ Никоноровичъ, — сказалъ Безобразовъ,—вы погорячились, вы напрасно на нихъ напали, вы даже меня этимъ задѣли».—«Что вы,—перебилъ я,—говорите! Такъ неужели я такъ и долженъ вѣрить, что они доносятъ? Я ихъ давно знаю; знаю, что они и прежде врали, а теперь безъ строгости съ ними, они и того болѣе принялись за вранье. Вѣдь подите, имъ не понравилось, когда я потребовалъ отъ нихъ надлежащей службы. Полетѣли съ жалобою на меня къ вамъ; что жъ, не захотѣли служить, что ли? Полноте, снова бы пришли ко мнѣ, конечно, если бы вы не дали имъ мѣста у себя съ прежнимъ содержаніемъ. Впрочемъ, я и радъ былъ бы, если бы они ушли; я только этого и желалъ, дабы имѣть возможность замѣнить ихъ болѣе полезными лицами, о чемъ я уже началъ заботиться и изъ-за этого уже понесъ значительные расходы, не имѣя возможности показать ихъ въ отчетѣ, и потому они остались невозмѣщенными мнѣ».—«О, нѣтъ,—промолвилъ А. М.,—напрасно вы дурно ихъ понимаете. Полеводинъ, Пахомовъ и Молотовъ,—я самъ знаю,—полезные, незамѣнимые люди; они впредь будутъ полезны и примутся на хорошія мѣста въ будущемъ Министерствѣ Полиціи».—«Ну, ужъ, извините,—сказалъ я,—вы ихъ знаете два—три мѣсяца, а я уже нѣсколько лѣтъ и убѣжденъ, что ни одинъ шпіонъ не можетъ быть хорошимъ, полезнымъ служакою, и отъ нихъ не будетъ никакого толка. И я увѣренъ, что вы въ недалекомъ будущемъ сознаетесь, что я вамъ правдиво это говорю. Все это не за горами и навѣрное вспомянете мои слова».

На эту тему у насъ шелъ длинный разговоръ. Скажите пожалуйста: хотятъ добра искать отъ шпіоновъ, по преимуществу лжецовъ, клеветниковъ, отъ сосуновъ денегъ казенныхъ и иныхъ! Хорошо послѣ этого будетъ новое Министерство! Если это такъ, то быть ему хуже всякой бывшей тайной канцеляріи, и оно доведетъ до Богъ знаетъ какой раздражительности не только революціонеровъ, но и многихъ другихъ. Господи Боже, не допусти въ новосоздаваемое Министерство лживыхъ, необразованныхъ и жестокосердечныхъ людей! Сохрани нашего царя и наше государство отъ посрамленія, отъ тяжкихъ бѣдъ! Новое Министерство лишь тогда будетъ благотворно, если составъ его будетъ изъ людей честныхъ, умныхъ, воспитанныхъ и добросердечныхъ, а не изъ числа бывшихъ шпіоновъ, продававшихъ и продающихъ свою совѣсть за деньги, готовыхъ на всякія гадости, лишь бы доказать свою дѣятельность.

При прощаніи я сказалъ Безобразову: «Вѣрьте мнѣ, что я, разставаясь съ вами, уношу объ васъ память, какъ о честномъ труженикѣ, какъ о человѣкѣ, стремящемся къ хорошему, но еще неопытномъ, не имѣю къ вамъ никакой ненависти или чего-либо злого. Напротивъ, я желаю васъ поцѣловать, не какъ Іуда, а какъ честный, желающій вамъ добра». И что же? Безобразовъ подалъ мнѣ свою щеку, но самъ не поцѣловался со мною. При уходѣ я сказалъ: «Увѣренъ, что вы рано или поздно скажете: да, Смѣльскій правду говорилъ, онъ былъ честный человѣкъ. Прощайте!» Безобразовъ смолкъ, проводилъ меня до выходныхъ дверей.

Видно Богу угодно не допускать меня поработать въ Дружинѣ; да по правдѣ сказать, и работать-то тутъ нельзя, когда творится шиворотъ на выворотъ. Надо умалять число недовольныхъ, разыскивать ихъ и оказывать имъ пособіе къ обезпеченію ихъ воспитанія, къ выдачѣ имъ средствъ, а между тѣмъ деньги идутъ массою на выдачу алчнымъ и по преимуществу лживымъ агентамъ. Нѣтъ, безъ охраны на правахъ «Краснаго Креста» ничего путнаго не будетъ и не будетъ. Милосердіе, воспособленіе несчастнымъ, облегченіе народной жизни—вотъ что нужно для возстановленія порядка въ Россіи. По моему мнѣнію, у насъ еще нѣтъ настоящихъ революціонеровъ; у насъ лишь голодные, жаждущіе жеванія, и отчасти образованія, бунтуются; дай имъ то, въ чемъ они нуждаются, измѣни систему образованія, и нѣтъ у насъ крамольниковъ, злодѣевъ, нарушителей спокойствія не только царя, безъ чего немыслимо у насъ, да и вездѣ, правленіе, но и всѣхъ жителей нашей родины. Итакъ, скончалъ я пѣснь свою; жаль, что голосъ мой остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Я увѣренъ, что Ѳ. Ѳ. Треповъ, съ виду свирѣпый, а душею теплый, согласится съ моимъ мнѣніемъ, что Св. Дружина вовсе не такъ дѣйствуетъ, какъ слѣдуетъ: ей надо жертвовать деньги къ умаленію числа и ярости революціонеровъ, а не къ раздраженію ихъ. Слышимъ, что члены Дружины и соприкосновенные къ ней агенты загребаютъ деньги, многіе изъ нихъ до безсовѣстности. Теперь я ближе ознакомился съ составомъ революціонеровъ, и, видимо, наиглавнѣйшій контингентъ ихъ изъ голодныхъ и лицъ, не смогшихъ по бѣдности и по разнымъ причинамъ поступить въ высшія учебныя заведенія. Да, Толстой [1]) виновенъ и виновенъ въ этомъ. Не мало виновно и само общество своею кичливостью и гордостью ко всѣмъ бѣднякамъ, даже и къ такимъ, которые получили образованіе и умны далеко болѣе, чѣмъ тѣ, которые причисляютъ себя къ высшему обществу. Вотъ

---

[1]) Дмитрій Андреевичъ, министръ народнаго просвѣщенія.

что значитъ недоученье, неправильное воспитаніе, съ давнихъ поръ водворившееся въ Россіи и по сіе время не исправленное.

15 декабря 1881 г. Утромъ приходилъ ко мнѣ писарь Воробьевъ и сказалъ, что у нихъ идетъ какая-то путаница, ни для кого изъ нихъ непонятная: никто ничего изъ служащихъ въ канцеляріи не дѣлаетъ; бригадиръ Драницынъ вчера отказался отъ должности, а племянникъ его, на имя котораго нанята новая квартира для канцеляріи, тяготится своимъ положеніемъ и тоже намѣренъ отказаться отъ службы. Словомъ, пошелъ полнѣйшій хаосъ. Когда я вчера говорилъ Безобразову, что отъ дѣйствій кн. Щербатова не будетъ никакого толка, то Безобразовъ сказалъ: «Я тоже того мнѣнія, такъ какъ онъ дѣла заведенныя выясняетъ вполнѣ и не передаетъ ихъ, по провѣркѣ свѣдѣній, имъ полученныхъ, на дальнѣйшее распоряженіе полиціи». При этомъ Безобразовъ выразилъ, что для него удивительно, что Щербатова избрали въ попечители, и что Щербатовъ, служа въ Министерствѣ Путей Сообщенія, когда этимъ Министерствомъ управлялъ дядя Безобразова, графъ Бобринскій [1]), не мало натворилъ не только по дѣламъ, но и по расходу денегъ. Стало быть это хорошъ гусь; сама судьба оберегла меня отъ служенія съ нимъ.

Ходитъ молва, что графъ Павелъ Петровичъ Шуваловъ..... распечаталъ какое-то письмо изъ-за границы, присланное на имя NN, которая изъ-за этого крайне огорчилась и выразила неудовольствіе Шувалову.

Около 6 час. вечера принесъ мнѣ Воробьевъ письмо отъ кн. Щербатова. Князь пишетъ: Центральный Комитетъ проситъ меня обождать до 1 января и что тогда я получу назначеніе,— по мнѣнію Щербатова, вполнѣ соотвѣтствующее присущей мнѣ дѣятельности [2]) Вотъ и князь и академикъ а и письма-то не сумѣлъ написать грамотно.

16 декабря 1881 г. Пошелъ я къ сенатору Н. К. Шмидту. Онъ принялъ меня ласково, прочелъ письмо ко мнѣ кн. Щербатова и сказалъ: «Вамъ надо обождать; я самъ слышалъ, что вы получите назначеніе». Когда я ему сказалъ о безграмотствѣ Щербатова, что

---

[1]) Алексѣй Павловичъ; былъ въ первый разъ министромъ Путей Сообщенія съ 2 сентября 1871 года по 10 іюля 1874 г. Князь Щербатовъ состоялъ въ должности начальника шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній съ 12 января 1871 г. по 15 ноября 1872 г.

[2]) Письмо это слѣдующее: *15 декабря 1881 г.* Милостивый Государь, Всеволодъ Никаноровичъ, Ц. К. рѣшилъ, что мѣсто Ваше по Попечительству мѣстности № 1-й, уничтожается,—но вмѣстѣ съ тѣмъ Ц. К. проситъ Васъ ожидать къ 1 январю новое назначеніе, которое по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ, насколько я догадываюсь и знаю, вполнѣ удовлетворитъ стремленію къ пользѣ и къ дѣятельности, присущее Вамъ.— Примите, увѣреніе моего совершеннаго почтенія и преданности— князь *Щербатовъ*.

доказываетъ его письмо, и при этомъ замѣтилъ: «Вотъ и князь и академикъ!», Шмидтъ радостно усмѣхнулся, но ничего не сказалъ. Шли у насъ разные разговоры, и когда заговорили о томъ, что я клалъ резолюціи на бумагѣ временъ Безобразовскихъ, то Шмидтъ проговорилъ: «Резолюціи ваши многихъ задѣли: и Безобразова, и Путилина, и Демидова. Скажу болѣе, онѣ доказали, что вы не такъ поняли то, что написано въ планѣ о дѣйствіи агентуры, т.-е. что свѣдѣнія собирать, не выясняя ихъ до конца».—«Это доказываетъ,—отвѣтилъ я,—что вамъ неправильно сообщено. Я писалъ резолюціи на каждомъ дѣлѣ для того, чтобы знать, чѣмъ оно не полно, о чемъ и сообщить бригадирамъ для пополненія веденныхъ ими дѣлъ, и только въ такомъ случаѣ, если это имъ возможно выполнить, и при томъ не опредѣляя имъ сроковъ для выполненія моихъ резолюцій, что я имъ даже и лично сказалъ».—«Да вѣдь они выписывали резолюціи,—сказалъ Шмидтъ,—и вотъ это ихъ и заставляло полагать, что они обязаны исполнить ихъ немедленно, что ихъ и испугало, и изъ-за этого они и пошли къ Безобразову съ заявленіемъ, что требуютъ отъ нихъ далеко не то, что онъ имъ объяснялъ и что значится въ планѣ ихъ дѣйствій».—«На это я ничего болѣе не могу сказать,—проговорилъ я,—что бригадиры солгали Александру Михайловичу о моихъ требованіяхъ: они лично отъ меня слышалъ, что дополнительныя свѣдѣнія они должны собрать при возможности, безъ всякаго срока. Я потребовалъ эти свѣдѣнія лишь по тѣмъ дѣламъ, которыя не были доложены Исполнительному Комитету, а такихъ было не мало, а также и по тѣмъ, по которымъ послѣдовало распоряженіе Исполнительнаго Комитета о дополнительномъ сборѣ свѣдѣній; по дѣламъ же праздымъ, ненужнымъ къ изслѣдованію у меня написано: «къ дѣлу», т.-е, оставить безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Вамъ далеко не такъ объяснено, какъ было у меня въ дѣйствительности, и я увѣренъ, что вы, прочтя мои резолюціи, и сами бы сказали, что онѣ правильны. Александръ Михайловичъ честный труженикъ, но не практиченъ, мало знакомъ съ подобными дѣлами и потому и не направлялъ ихъ, какъ слѣдуетъ».—«Это правда, да наконецъ, вѣдь я лично и не нахожу лично ничего дурного въ дѣйствіяхъ вашихъ; я только позволилъ себѣ сказать это въ тѣхъ видахъ, что это какъ бы взбунтовало бригадировъ, и они пожалуй бы и вовсе оставили агентуру».—«Вотъ этого-то,—сказалъ я,—я только и желалъ, такъ какъ взамѣнъ ихъ,—по моему мнѣнію, никакой пользы не принесшихъ и столь много денегъ забравшихъ,—я имѣлъ въ виду взять другихъ, болѣе полезныхъ, да врядъ ли они бы и ушли, это лишь такъ они пошумѣли, хотѣли лишь на своемъ поставить,—продолжать ту же белиберду и забирать хорошія деньги».

Затѣмъ перешли постепенно на другой разговоръ. Я докладывалъ безплодность дѣйствій Дружины и высказалъ, что Дружинѣ нужно стремиться умалить дѣйствіе крамольниковъ и умалить числительность ихъ. И это возможно достигнуть не тѣмъ, что разыскивать и затѣмъ карать ихъ, а совершенно наоборотъ: разыскивать и узнавать о причинахъ, побудившихъ вступить въ среду кромольниковъ, и затѣмъ, сообразно причинъ, вызвавшихъ ихъ итти противу правительства, принимать мѣры къ отклоненію этихъ причинъ. Въ Россіи,—сказалъ я,—теперь еще нѣтъ такихъ революціонеровъ, какихъ она имѣла въ 1825 г.,—теперь бунтуются лишь голодные, лишенные средствъ къ дальнѣйшему образованію. Гр. Толстой дурно повелъ дѣла образованія: онъ сдѣлалъ то, что въ университетъ теперь пойдетъ всякій сынъ рабочаго, крестьянина, ремесленника и, въ виду невозможности обучить столь значительное число въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сдѣлалъ то, что масса изъ намѣревавшихся поступить въ нихъ не только не достигла этого, но и отъ своей среды не только отбилась, но еще какъ бы гнушаться стала своими родителями и имъ близкими, они дошли до того, что стали пренебрегать своими родными и, не попавъ ни туда, ни сюда, пустились въ революціонерныя шайки, а тутъ, какъ на бѣду, и евреи къ нимъ съ деньгами, въ видахъ достиженія черезъ ихъ дѣянія и злобу къ правительству, вынудить правительство къ разрѣшенію имъ равноправности или, вѣрнѣе, силу получить къ окончательному закабаленію всѣхъ промышленно-торговыхъ дѣйствій. Стало быть, измѣните ходъ образованія и дайте кому лишь средства, а кому возможность къ окончанію образованія, и всѣ эти соучастники крамолы сами отъ нея отпадутъ, сами будутъ указывать на тѣхъ лицъ, которые пойдутъ по ихъ слѣдамъ, конечно, если увидятъ, что ихъ не будутъ карать за все содѣянное ими. Установите, чтобы разсмотрѣніе и рѣшеніе, кому изъ нынѣ содѣйствующихъ крамолѣ нужно дать помощь въ дѣлахъ образованія, подлежало веденію общества, организованнаго для подобныхъ дѣлъ на правилахъ «Краснаго Креста», и сразу начнется умаленіе числительности крамольниковъ, а затѣмъ и самая сила крамолы настолько умалится, что она будетъ безсильна. Вся Европа эти дѣйствія Дружины оцѣнитъ, и учрежденіе не тайной, а открытой Дружины останется навѣкъ въ народной памяти всѣхъ людей Стараго и Новаго свѣта. Государь нашъ попрежнему будетъ въ спокойствіи, и его за это учрежденіе будутъ боготворить. Чѣмъ тратить такую массу денегъ на тайную Дружину, гораздо лучше двѣ трети этой суммы употребить не на плату тайнымъ агентамъ, а на ту истинно полезную мѣру, о которой я только что сказалъ. По газетамъ видно, что въ будущемъ

февралѣ откроетъ дѣйствіе комиссія по разсмотрѣнію вопроса о предоставленіи полноправности евреямъ. Этотъ вопросъ есть основная суть для Россіи. Если онъ будетъ разрѣшенъ согласно желанію евреевъ,—неизбѣжно будетъ по Россіи побитіе евреевъ народомъ; если нѣтъ, то евреи кинутся къ поддержкѣ революціонеровъ. Стало быть, какое бы ни было рѣшеніе,—одинаково зловредно для Россіи, особенно если оно послѣдуетъ много ранѣе, чѣмъ будутъ введены проектируемыя мною мѣры къ умаленію крамолы. Если вопросъ еврейскій исподволь разсматривать, пуская въ ходъ лишь молву, что евреямъ будутъ предоставлены, разныя облегченія, рѣшеніе же этого вопроса послѣдуетъ не ранѣе 2—3 лѣтъ, давъ тѣмъ временемъ водвориться, указанною мною мѣрою, спокойствію въ Россіи, то тогда, какое бы ни послѣдовало рѣшеніе еврейскаго вопроса, оно уже не произведетъ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какихъ можно ожидать при скоромъ рѣшеніи, ранѣе умаленія крамолы, о чемъ такъ хлопочутъ всѣ евреи и въ особенности тузы, главные богачи, вожаки ихъ. Все это мною было сказано далеко подробнѣе и болѣе складно, чѣмъ здѣсь изложено. Я самъ чувствовалъ, что говорилъ хорошо, отъ души —у меня какъ-то легче стало на душѣ, когда я высказалъ все то, что я мыслю, чувствую, и въ заключеніе я сказалъ, что все мною сказанное, говоритъ моя душа, любовь къ своей родинѣ, и только это одно спасетъ насъ всѣхъ отъ сильныхъ несчастій.—«Ей Богу,—сказалъ я,—это единственная разумная мѣра; нынѣшняя же тайная Дружина не польза, а зло».

Шмидтъ весьма внимательно меня слушалъ и по окончаніи сказалъ:—«Всеволодъ Никаноровичъ! Я вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ и ваше мнѣніе. Уже начался разборъ этого мнѣнія, и я увѣряю васъ, что скоро реорганизуется нынѣшняя Дружина,—она будетъ открытая,—и многое будетъ изъ числа того, что вы сказали. Послѣ 1 января и васъ не оставятъ безъ содѣйствія». Разсказывалъ я о еврейскихъ кагалахъ, какъ объ одномъ изъ главныхъ источниковъ доходности нашей губернско-уѣздной администраціи; разсказывалъ и о томъ, какъ Кремье вступился по дѣлу объ обращеніи, вопреки желанію евреевъ, одной еврейки въ православіе и какъ я, если бы не защита генерала Минхвица[1]), могъ невинно пострадать за это дѣло. Шмидтъ, видимо, былъ доволенъ моимъ воззрѣніями и при моемъ уходѣ сказалъ мнѣ, пожимая руки: «Пожалуйста, Всеволодъ Никаноровичъ, когда будете въ этихъ краяхъ заходите ко мнѣ».

17 декабря 1881 г. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ шли

[1]) Александръ Осд.; въ 1870-хъ годахъ былъ начальникомъ штаба, а потомъ помощникомъ командующаго войсками Варшавскаго военнаго Округа.

глубокомысленные доклады Безобразова и затѣмъ Щербатова Исполнительному Комитету о ходѣ агентурныхъ свѣдѣній. Докладчикъ, хотя и корчилъ изъ себя лицо серьезное и докладывающее важное, но, увы и ахъ! лишь какую-то белиберду разсказывалъ или читалъ. Бригадиры доносятъ, что вздумаютъ, безъ указанія какихъ либо фактовъ, зачастую безсвязно, и какъ все это провѣрить при невозможности имѣть сношенія съ полиціею? Тутъ такой произволъ въ донесеніяхъ агентовъ, что ничего подобнаго и вообразить нельзя. Они въ правѣ (доносить), о комъ угодно и что имъ взбредетъ на умъ о каждомъ человѣкѣ: даже и о самыхъпреданныхъ правительству они зачастую сообщаютъ сущую небылицу. Они имѣютъ сношенія съ кухарками, горничными, и при томъ преимущественно съ такими, которыя изгнаны тѣми, у которыхъ онѣ служили; послѣ этого понятно, съ какимъ онѣ ожесточеніемъ стараются (очернить) своихъ бывшихъ нанимателей, и такъ какъ никто, какъ женщина, да еще озлившаяся, въ силахъ выдумывать разный вздоръ, то и донесенія агентовъ о зловредности разслѣдованныхъ имъ лицъ являются въ ужасающихъ размѣрахъ. И эту-то белиберду слушаютъ члены Исполнительнаго Комитета, судятъ по ней о лицахъ и даже подчасъ рѣшаютъ, за кѣмъ изъ нихъ надо установить строгій или обыкновенный надзоръ.

23 декабря 1881 г. Разсказываютъ, что когда Скобелевъ, военный герой, пріѣхалъ въ Петербургъ и, желая получить въ гостиницѣ, гдѣ остановился, поболѣе комнатъ (№ №) и услыхавъ, что болѣе того, что ему дали, не могутъ отвести другихъ № №, такъ какъ они заняты офицерами-кавалергардами, Скобелевъ проговорилъ иронически: «Ex-дружинниками», то слова эти были доведены до свѣдѣнія Великаго князя Владиміра Алек. и Государя, и вслѣдствіе этого Скобелевъ былъ приглашенъ къ военному министру Ванновскому. Ванновскій спросилъ его: правда, что онъ это сказалъ? и Скобелевъ отвѣтилъ: «Да, правда, и скажу при этомъ, что если бы я имѣлъ хотя одного офицера въ моемъ корпусѣ, который бы состоялъ членомъ тайнаго общества, то я его тотчасъ же удалилъ бы отъ службы. Мы всѣ приняли присягу на вѣрность Государю, и потому нѣтъ надобности вступать въ тайное общество, въ охрану». Разсказываютъ также, что великій князь Николай Николаевичъ, обратясь къ служащимъ при немъ, сказалъ: «Гг., если кто изъ васъ вступитъ въ тайное общество (въ Дружину), то заранѣе прошу васъ не служить при мнѣ». Итакъ, всѣмъ честнымъ людямъ претитъ Св. Дружина, и только потому, что она тайная.

27 декабря 1881 г. На подъѣздѣ встрѣтилъ я Бороздина, пріѣхавшаго ко мнѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что что-то предвидится по Св. Дружинѣ, будетъ какое-то преобразованіе въ ней; что Шмидтъ самаго

высокаго обо мнѣ мнѣнія; что его, Бороздина, водятъ за носъ: говорятъ, что дадутъ какое-то хорошее назначеніе, а между тѣмъ все это лишь на словахъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ на совѣтъ, полагая, что я что-нибудь да значу въ Дружинѣ; но когда я сказалъ, что не принимаю въ ней никакого участія, что не только ни съ кѣмъ не вижусь изъ лицъ, стоящихъ во главѣ Дружины, но даже и не желаю имѣть съ ними дѣла впредь до реорганизаціи Дружины на тѣхъ основаніяхъ, какія я высказалъ, Бороздинъ проговорилъ: «Повѣрьте мнѣ, безъ васъ не обойдутся; имъ нужны свѣтлые, практическіе умы; и меня призовутъ. Вотъ увидите, что это скоро будетъ». Сказавъ ему, что брошюры о еврейскихъ дѣяніяхъ я всѣ роздалъ, онъ проговорилъ: «Такъ я вамъ еще пришлю экземпляровъ 50, распространяйте ихъ. Это очень полезно, и я радуюсь этому. У меня еще есть брошюра, не напечатанная, о раскольникахъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы прочли ее,—вашъ взглядъ мнѣ очень желателенъ». Затѣмъ онъ просилъ меня назначить день, когда онъ можетъ ко мнѣ пріѣхать, и я сказалъ, что объ этомъ я сообщу ему письмомъ.

28 декабря 1881 г. Въ $11^1/_2$ час. приходилъ ко мнѣ Ник. Митроф. Егоровъ[1]). Я его тѣмъ встрѣтилъ, что мнѣ неизвѣстно ни о какой Дружинѣ; что я не служу въ ней, да и не желаю быть ни въ какомъ тайномъ обществѣ; что я былъ приглашаемъ на совѣтъ какихъ то лицъ, быть можетъ, и служащихъ въ Дружинѣ, но вовсе не знакомъ, да и не желаю быть вполнѣ знакомымъ ни съ дѣлами, ни съ лицами Дружины, до тѣхъ поръ, пока все это не будетъ оффиціальнымъ. Егоровъ началъ было говорить, что онъ слышалъ отъ вѣрныхъ лицъ, что послѣ Безобразова я вступилъ въ дирижерство дѣлами Дружины; что еще прошлымъ лѣтомъ старались разузнать, гдѣ я нахожусь, для приглашенія меня въ правители Дружины; что меня считаютъ однимъ изъ лучшихъ дѣятелей, но я отклонилъ разговоръ объ этомъ и сказалъ Егорову, что напрасно онъ стремился на какую-то неопредѣленную, частную службу; что гораздо лучше, если онъ снова поступитъ на государственную службу въ полицію; что ему слѣдуетъ просить оберъ-полицмейстера, генерала Козлова, о зачисленіи его въ полицію. Слыша это, Егоровъ замолкъ о Дружинѣ и проговорилъ: «Благодарю васъ за наставленіе. Дѣйствительно, лучше быть на государственной службѣ, и потому я вновь буду просить объ опредѣленіи меня на службу въ Сыскное Отдѣленіе, куда меня уже приглашали». Къ убѣжденію этому онъ пришелъ уже тогда, когда я сказалъ, что Министерства Полиціи не будетъ и что все, писанное объ этомъ въ газетахъ, чистѣйшіе пустяки.

[1]) Узнавъ, что В. Н. Смѣльскій «руководилъ» Дружиною, Н. Егоровъ просилъ принять его «подъ свое покровительство».

Поправка къ дневнику В. Н. Смѣльскаго.

(Письмо въ редакцію).

Милостивый Государь!

Позвольте мнѣ внести маленькую поправку къ извлеченію изъ дневника генерала Смѣльскаго, касающемуся такъ называвшейся «Священной Дружины» и напечатанному въ январской книжкѣ Вашего уважаемаго журнала.

Въ своемъ дневникѣ, подъ 8 ноября 1881 года, Смѣльскій говоритъ (*Голосъ Минувшаго*, стр. 249):

«Между прочимъ, Безобразовъ (вліятельный членъ Дружины) разсказывалъ мнѣ, что агентъ Климовъ (бывшій исправникъ) былъ командированъ (Дружиной) въ Парижъ и такъ ловко себя велъ, что близко познакомился съ бѣжавшимъ отъ насъ и живущимъ тамъ кн. Кропоткинымъ и даже сдружился съ нимъ. Кропоткинъ полюбилъ его». И т. д.

На дѣлѣ, Климова я *никогда не встрѣчалъ*. Я хорошо знаю его дѣятельность въ Женевѣ въ концѣ 1882 года, по разсказамъ товарищей; но лично я его не встрѣчалъ ни въ Парижѣ, ни въ Женевѣ.

Кромѣ трехъ мѣсяцевъ весны 1878 года, я въ Парижѣ никогда не жилъ, а въ 1881 году былъ въ Парижѣ только проѣздомъ. Въ іюлѣ этого года, направляясь изъ Женевы въ Лондонъ на нашъ международный конгрессъ, я пробылъ въ Парижѣ менѣе сутокъ. На возвратномъ пути изъ Лондона, въ самомъ концѣ августа, я пробылъ въ Парижѣ дня три; и, наконецъ, нѣсколько дней—не болѣе недѣли—мы прожили съ женою въ Парижѣ, въ октябрѣ или началѣ ноября, переселяясь въ Лондонъ послѣ моего изгнанія изъ Швейцаріи. Тѣхъ русскихъ, кого мы видѣли въ эти дни въ Парижѣ, мы прекрасно помнимъ, и я убѣжденъ, что ни въ этотъ проѣздъ, ни въ прежніе два я Климова не видалъ.

А между тѣмъ—и тутъ дѣятельность «Священной Дружины» сбивается уже на романъ романтической эпохи,—разсказъ Климова о знакомствѣ съ «Кропоткинымъ», повидимому, не выдуманъ.

Дѣло въ томъ, что, проѣзжая черезъ Парижъ въ октябрѣ или ноябрѣ, мы узнали отъ товарищей, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ «такой-то», перебравшійся въ Парижъ изъ Женевы, гдѣ его знали въ эмиграціи, знакомилъ съ «Кропоткинымъ»

какого-то подозрительнаго господина, повидимому, агента русской тайной полиціи, добивавшагося свиданія со мной. Ихъ свели въ кафе, и они видѣлись тамъ раза два, при чемъ «Кропоткинъ» вообще держалъ себя очень конспиративно.

«Подозрительный господинъ» очевидно былъ Климовъ; а меня изображалъ одинъ русскій, съ большой *черной* бородой, вмѣсто моей темно-русой (любопытно, что въ тогдашнихъ описаніяхъ моей наружности французскою полиціею всегда упоминалась большая *черная* борода). Намъ называли, кто это былъ, но мнѣ не вѣрилось, чтобы названный намъ эмигрантъ дѣйствительно игралъ эту роль. Хотя надо сказать, что въ тѣ времена нѣкоторые эмигранты видѣли въ этомъ только остроумную шалость, чтобы выпытать у агента, чего онъ добивался.

О чемъ шли у Климова разговоры съ чернобородымъ Кропоткинымъ, не знаю. Весьма вѣроятно, что Климовъ предлагалъ основать революціонную газету, продолжая такимъ образомъ работу шпіона, пріѣзжавшаго въ Женеву, о которомъ я писалъ въ своихъ «Запискахъ», называя его Тонлэмъ. Въ Парижѣ, въ то время, уже издавалась кровожадно-революціонная газета, La Révolution Sociale, основанная Парижскимъ префектомъ полиціи, Андріё, какъ онъ это самъ разсказалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», а въ Женевѣ издавалась агентомъ «Священной Дружины», Мальшинскимъ—увы, при участіи Драгоманова—либеральная газета «Вольное Слово» [1]). Изданіе правительствами революціонныхъ газетъ было тогда въ большомъ ходу.

Во всякомъ случаѣ, парижскій псевдо-Кропоткинъ, повидимому, велъ себя съ Климовымъ очень сдержанно, такъ какъ генералъ Смѣльскій записалъ въ своемъ дневникѣ, со словъ Безобразова, что, пріѣхавъ изъ-за границы, Климовъ «только и сообщилъ, что подружился съ Кропоткинымъ, что Кропоткинъ сильно негодуетъ на правительство» (*Гол. Мин.*, стр. 249).

О дальнѣйшихъ похожденіяхъ Климова въ Женевѣ, гдѣ въ августѣ 1882 года онъ основалъ газету «Правда» и выдавалъ себя то за революціонера, то за агента гр. Игнатьева, борящагося противъ Священной Лиги, я знаю только по разсказамъ товарищей. Надѣюсь, кто-нибудь изъ нихъ сообщитъ Вамъ свои воспоминанія объ этомъ «смутномъ времени» русской полиціи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

П. Кропоткинъ.

Брайтонъ. 11/24 марта 1916 г.

---

[1]) То, что мы тогда знали о Священной Лигѣ и о Мальшинскомъ, я разсказалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

ПУШКИНСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. А. Некрасовъ и люди 40-хъ годовъ.

I.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ Некрасова и людей 40-хъ годовъ принадлежитъ, какъ мнѣ кажется, къ вопросамъ, имѣющимъ общій интересъ. Не только для біографовъ, Некрасова ли, Тургенева ли или кого-либо изъ другихъ представителей блестящей плеяды 40-хъ годовъ, но и для всякаго, не безразлично относящагося къ исторіи русской общественности читателя важно въ немъ разобраться, въ частности дать себѣ отчетъ въ тѣхъ причинахъ, которыя заставили Некрасова въ происшедшей въ началѣ 60-хъ годовъ знаменательной распрѣ «отцовъ» и «дѣтей» рѣшительно стать на сторону послѣднихъ, несмотря на то, что и по возрасту и по характеру личныхъ отношеній онъ скорѣе принадлежалъ къ первымъ. Безъ серьезнаго и внимательнаго разъясненія этихъ причинъ самая распря можетъ быть истолковываема и представляема односторонне и тенденціозно, чему уже и были примѣры. Если подобное разъясненіе не можетъ еще быть вполнѣ исчерпывающимъ, такъ какъ опубликованныхъ матеріаловъ для этого покамѣстъ недостаточно, то все же многія и весьма существенныя стороны вышеупомянутой распри опредѣлились уже довольно явственно. Это обстоятельство, а также возможность использовать находящіеся у меня источники, въ видѣ еще не появлявшихся въ печати писемъ нѣкоторыхъ выдающихся литературныхъ дѣятелей того времени, даетъ мнѣ смѣлость предложить вниманію читателей настоящее изслѣдованіе, имѣющее въ виду освѣщеніе только что поставленнаго вопроса не столько съ чисто фактической, сколько съ общественно-психологической стороны.

Что представляли собою именно съ этой стороны «отцы» и «дѣти», столь жестоко столкнувшіеся другъ съ другомъ въ 60-е годы, это уже не вызываетъ въ настоящее время никакихъ споровъ. Въ лицѣ «отцовъ» мы видимъ, прежде всего, продуктъ дворянской культуры дореформенной Россіи, тогда какъ «дѣти» являются первыми всходами того посѣва, который былъ сдѣланъ общественнымъ движеніемъ начала царствованія Александра II. Едва ли не типичнѣйшею его чертою было разрушеніе патріархально-барскаго уклада русской жизни, въ результатѣ котораго дворянская культура, дворянская интеллигенція должны были уступить мѣсто культурѣ и интеллигенціи внѣсословной, создавшимся въ тѣсной связи съ тѣмъ общественнымъ фактомъ первостепенной важности, который, съ легкой руки Михайловскаго, повелось опредѣлять словами: «разночинецъ пришелъ». Да, пришелъ разночинецъ, и съ этого момента между старымъ и молодымъ поколѣніемъ легла глубокая пропасть. Чтобы хоть отчасти постигнуть ея глубину, возстановимъ въ памяти характернѣйшія черты обоихъ поколѣній. Вотъ прекрасныя слова Герцена, представляющія одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ того самоосужденія, на которое могутъ быть способны только великія души (см. второе «Письмо къ противнику», 1865 г.): «И вы, и мы (т. е. славянофилы и западники. В. Е.) по положенію, по необходимости, были рефлекторами, резонерами, теоретиками, книжниками, тайнобрачными супругами нашихъ идей. Все это было умѣстно, необходимо послѣ перелома русской жизни въ 1825 году; надобно было сойти поглубже въ себя, добраться до какого-нибудь свѣта,—все это такъ, но энергіей, но дѣломъ, но мужествомъ мы мало отличились...

«Мы кромѣ книги ни за что не брались, мы удалялись отъ дѣла, оно было или такъ черно или такъ невозможно, что не было выбора. Люди, какъ Чаадаевъ или Хомяковъ, исходили болтовней, ѣздили изъ гостиной въ гостиную спорить о богословскихъ предметахъ и славныхъ древностяхъ. Мы всѣ были отважны и смѣлы только въ области мысли. Въ практическихъ сферахъ, въ столкновеніяхъ съ властью являлась большею частью несостоятельность, шаткость, уступчивость; Хомякову было за сорокъ лѣтъ, когда ему Закревскій велѣлъ обриться, и онъ обрился. Бывъ подъ слѣдствіемъ въ 1834 году, я скрывалъ свои мнѣнія, товарищи тоже... Не то теперь»...

Тургеневъ также отчетливо сознавалъ недостатки поколѣнія 40-хъ годовъ, своего поколѣнія. Достаточно припомнить, какъ изображено оно въ его художественныхъ произведеніяхъ, особенно въ романѣ «Рудинъ». Проф. Ивановъ, авторъ огромнѣйшей моно-

графіи о Тургеневѣ, мѣстами до неприличія односторонней и дико тенденціозной, мѣстами не лишенной цѣнныхъ указаній и праведливыхъ сужденій, конечно, не ошибся, утверждая (стр. 216) что «романъ «Рудинъ»—не просто романъ,—онъ также в о с п о м и н а н і я, въ извѣстной степени автобіографія... Рудинъ — казнь поколѣнія, и самоочищеніе автора». Почему именно казнь? Да потому, что Тургеневу, если столько онъ желалъ быть объективнымъ,—а что именно таково было его намѣреніе, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній,—предстояло «изобразить нравственную амфибію, существо разнородное, двуликое и надломленное, одновременно и смѣшное, и трагическое, жалкое и героическое, пошлое и благородное» (ibid. 207). Эта двойственность Рудина была совершенно ясна для Тургенева, такъ какъ онъ «отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своеобразной личности своего героя, видѣлъ черезполосицы его души, ея сложное положеніе: одной половиной она какъ будто вросла въ вѣковую крѣпостническую почву—это ея безволіе, лѣнь, лицедѣйство,—другая половина ея pars melior—стремится изъ почвы»...

Итакъ, съ какой стороны ни подойти къ человѣку 40-хъ годовъ, повсюду упремся въ то свойство его психики, которое Ивановъ-Разумникъ (см. «Исторію русской общественной мысли»), такъ удачно формулировалъ словами: «раздвоенность реалистическихъ тяготѣній и романтическихъ порывовъ». Отъ раздвоенности происходили слабость, неумѣніе направить свои силы, при желаніи во что бы то ни стало пустить ихъ въ дѣйствіе, однимъ словомъ, происходило все то, что утвердило за представителями даннаго поколѣнія грустно-юмористическую кличку—«л и ш н і е л ю д и». Почвой, на которой возростали эти послѣдніе, которая давала возможность укрѣпиться въ ихъ психикѣ свойствамъ, дѣлавшимъ ихъ лишними, являлась, какъ это уже свыше полустолѣтія тому назадъ было не только указано, но и д о к а з а н о Добролюбовымъ, «обломовщина», коренившаяся въ патріархально-барскомъ характерѣ русской культуры до 1861 года. Я не считаю здѣсь нужнымъ повторять аргументы, которыми неопровержимо установлена, съ одной стороны, зависимость лишнихъ людей отъ обломовщины, съ другой стороны, зависимость обломовщины отъ проникавшей жизнь культурнаго класса крѣпостнической Россіи—барственности во всѣхъ ея разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ, но неизмѣнно восходившей къ возможности жить на д а р о в ы х ъ хлѣбахъ; напомню только, что точка зрѣнія Добролюбова въ настоящее время стала общепринятой. Она одинаковымъ образомъ является обязательной [для такихъ глубоко различныхъ по міровоззрѣнію и

пріемамъ изслѣдователей, какъ, напримѣръ, проф. Овсянико-Куликовскій и покойный Соловьевъ-Андреевичъ. Въ своей книгѣ «Опытъ философіи литературы», не свободной отъ крайностей, но вообще говоря, написанной горячо и убѣдительно, этотъ послѣдній справедливо утверждаетъ, что «мысль—это еще не все въ человѣкѣ. Мысль, по терминологіи Ницше, только малый разумъ человѣка. Важнѣе, дѣйствительнѣе его б о л ь ш о й разумъ, или органическое воспріятіе, т.-е. вся совокупность чувствъ, привычекъ, ассоціацій, которая связана съ данной формулой мысли.

«Это существенно, что человѣкъ хочетъ совобожденія крестьянъ, если дорось до того, что видитъ въ мужикѣ человѣка. Но еще существеннѣе, какъ представляетъ онъ себѣ эту крестьянскую свободу, и какого человѣка видитъ онъ въ мужикѣ: хочетъ ли онъ сѣсть рядомъ съ нимъ за столъ или отправить на кухню?..

«О р г а н и ч е с к о е в о с п р і я т і е» есть именно в е с ь человѣкъ, со всѣми его заимствованными и незаимствованными идеями, привычками, предразсудками, коренными симпатіями и антипатіями. Это ни въ какомъ случаѣ не силлогизмъ, не разсудочная бухгалтерія; это натура, чей голосъ въ большинствѣ случаевъ очень трудно выразить словами... Несомнѣнно, что въ каждомъ изъ насъ есть это органическое воспріятіе, которое властно притягиваетъ насъ къ извѣстному разряду идей и интересовъ и отталкиваетъ отъ другого, независимо отъ голоса логики, внѣ его и даже—что не рѣдкость—наперекоръ ему.

«Мы называемъ это безотчетными влеченіями, подсознательнымъ сознаніемъ (conscience inconsciente Рибо), натурой и т. д. Но не только въ каждомъ изъ насъ есть это органическое воспріятіе, оно есть у отдѣльныхъ сословій и классовъ, общее въ крупныхъ чертахъ своихъ цѣлой однородной группѣ лицъ. Это наслѣдство жизни поколѣній, долгаго историческаго опыта, часто незамѣтныхъ, но всегда могущественныхъ вліяній соціальной среды. И несомнѣнно, что основной типъ своего сословія человѣкъ сохраняетъ очень упрямо, такъ что попа и въ рогожѣ узнаютъ».

Чѣмъ же питалось органическое воспріятіе русскаго интеллигента 40-хъ годовъ? Отвѣтъ не представляетъ затрудненій: тѣми впечатлѣніями, которыя давала ему принадлежность къ барству, т. е. къ рабовладѣльческому сословію.

«Крѣпостное право,—говоритъ Андреевичъ,—разслабляло наше барство двоякимъ путемъ. Прежде всего прямо и непосредственно, предоставляя полный просторъ лѣни, чувственности и похотливости человѣка, потомъ косвенно, вызывая муки безсильной

совѣсти. Совѣсть вопіяла, признала рабовладѣніе грѣхомъ, а между тѣмъ самъ человѣкъ продолжалъ пользоваться привилегіями своего положенія: и даровымъ трудомъ, и правомъ неограниченно распоряжаться чужой жизнью, любовью, счастьемъ. Голосъ совѣсти, ея терзанія оставались только голосомъ и терзаніями, не переходили въ дѣло, вызывали муку, раздвоеніе духовнаго міра, отчаяніе».

Отсюда ясно, каковъ былъ общественно-психологическій источникъ и обломовщины и столь тѣсно связанной съ ней «раздвоенности реалистическихъ тяготѣній и романтическихъ порывовъ».

Если органическое воспріятіе представителей 40-хъ годовъ властно влекло ихъ въ сторону обломовщины и мучительныхъ внутреннихъ противорѣчій, то совершенно иныя психическія стремленія несло за собой органическое воспріятіе разночинцевъ, массами вступившихъ на общественную арену въ 50-хъ и особенно 60-хъ годахъ. Я не буду подробно говорить о томъ психическомъ наслѣдіи, съ которымъ явились на поприще литературной и общественной дѣятельности всѣ эти поповскіе, дьячковскіе, наконецъ, крестьянскіе сыновья, по большей части уроженцы далекой провинціи, выходцы глухихъ медвѣжьихъ угловъ, гдѣ многимъ изъ нихъ, какъ и ихъ родителямъ, приходилось изо дня въ день вести упорную надрывающую силы борьбу за существованіе. Не буду говорить, такъ какъ предполагаю характеристики его, обычныя даже въ популярныхъ курсахъ по исторіи русской литературы, хорошо извѣстными читателямъ. Среди этихъ характеристикъ едва ли не первой по времени и едва ли не наиболѣе значительной по содержанію является характеристика Михайловскаго (см. «Сочиненія» т. II «Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.» гл. III и IV). Нѣкоторые изъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи ея новѣйшими изслѣдователями, считаю все же не лишнимъ напомнить. Вотъ удачная формулировка вопроса, принадлежащая перу Овсянико-Куликовскаго (см. «Исторія Русской Литературы». Изданіе Т-ва «Міръ», т. III, стр. 215) и особенно цѣнная тѣмъ, что въ ней авторъ базируется на анализѣ психическихъ чертъ даннаго соціальнаго типа въ его лучшемъ выраженіи: «Только въ 50-хъ годахъ «разночинцы» стали замѣтно выдѣляться и количественно и качественно: быстро образовалась среда разночинцевъ, и рѣзко обозначилась ихъ классовая психологія, ихъ характерная умственная складка..... Добролюбовъ, по самой натурѣ своей, представлялъ собою законченный типъ «разночинца» въ его лучшемъ выраженіи,—и притомъ разночинца изъ духовной среды. Нельзя отрицать, что въ этой средѣ издавна

и исподволь накоплялись умственныя силы и вырабатывались характеры, въ особенности же въ тяжелой школѣ жизни и подъ суровой ферулою семинарской схоластики развивались и крѣпли рѣдкія и въ высшей степени цѣнныя у насъ качества: выносливость и упорство въ трудѣ, умѣнье преодолѣвать препятствія, энергія, самообладаніе, крѣпость и стойкость духа въ жизненной борьбѣ, строгое отношеніе къ себѣ, къ дѣлу, къ жизни. Чернышевскій и Добролюбовъ были живымъ воплощеніемъ этихъ качествъ. И неудивительно, что люди такого закала должны были чувствовать глубокое отвращеніе, когда они сталкивались съ неуравновѣшенными, облѣнившимися, неспособными къ упорному труду, опустившимися представителями «барскаго» типа. Вмѣстѣ съ тѣмъ и такія черты, какъ мечтательность, празднословіе, преувеличенный эстетизмъ и т. п., несомнѣнно свойственныя «барскому» типу, должны были казаться «разночинцу» чѣмъ-то вродѣ извращенія человѣческой природы».

Не менѣе яркое освѣщеніе вопроса мы находимъ у Андреевича. «Я уже говорилъ о томъ,—пишетъ онъ,—что нашъ *баринъ, отрицая, любилъ*; оттого-то, конечно, его отрицаніе такъ нерѣшительно. *Разночинецъ ненавидѣлъ то, что отрицалъ*. Кромѣ того, онъ *не только мечталъ о* лучшей дѣйствительности, онъ *страстно хотѣлъ ее*. Въ немъ мало созерцанія, у него плохая философія, но есть *«воля»*. И это вотъ дѣлаетъ его замѣтнымъ, сильнымъ, нужнымъ... Пасынокъ жизни, онъ не прощаетъ ей ничего, не забываетъ обидъ. Онъ мститель въ то же время. Больше всего не даютъ ему покоя традиціи, мистика, авторитеты. Онъ иконоклastъ по преимуществу. Въ немъ настоящая сила, потому что онъ борется за себя и для себя. Его естественная опора народъ, масса. Больше «за» никого и ничего, все «противъ».....

«Изъ дебрей и трясинъ жизни принесъ онъ ничѣмъ не прикрашенные разсказы о страданіи массы, ея голодѣ, нищетѣ, невѣжествѣ; разсказы такіе же сухіе, лишь ужасомъ фактовъ своихъ поражающіе, какъ судебные отчеты. Но онъ сказалъ еще, что эта вотъ сѣрая масса хочетъ жить и всячески ищетъ путей для своихъ мечтаній. Какъ же удовлетворить это хотѣніе жизни, какъ облегчить исканіе путей? Разночинецъ весь отдался этому вопросу, а по дорогѣ, не безъ злобы и раздраженія, разбивалъ барскіе кумиры, временно ему ненужные; разбивалъ ихъ съ суровымъ фанатизмомъ протестанта, вопіялъ противъ красоты, противъ соблазновъ художественнаго творчества, отвлекавшихъ человѣка отъ дѣла, и не столько не понималъ, сколько боялся цвѣтовъ поэзіи, созданій искусства, ихъ притягивающаго и одуряющаго аромата».

Нѣтъ надобности распространяться, что при такой, можно сказать, діаметральной противоположности и психическихъ организацій и характеровъ міровозрѣній, воспитавшихся на лонѣ барской культуры людей 40-хъ годовъ и возросшихъ въ атмосферѣ упорной борьбы за кусокъ хлѣба насущнаго, разночинцевъ, столкновеніе между ними было не только естественно, но и неизбѣжно. Психологическій типъ интеллигента-разночинца или «семинариста», какъ тогда выражались, былъ органически враждебенъ представителямъ интеллигенціи дворянскаго—«рудински-бельтовскаго» или «тургеневско-герценовскаго» типа. Несмотря на все различіе идеологій, не оно, собственно говоря, лежало въ основѣ этого столкновенія; описываемый разладъ «былъ не столько идейнымъ, сколько психологическимъ: это была рознь и даже взаимная антипатія натуръ противоположнаго душевнаго уклада» (Овс. Кул. «Истр. русской интиллегенціи» стр. 331). Вотъ, думается, единственно правильный взглядъ на вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на тотъ конфликтъ, который въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ разыгрался въ редакціи «Современника» и главными участниками котораго, съ одной стороны, были Некрасовъ, Чернышевскій и Добролюбовъ, а съ другой—Тургеневъ и его друзья изъ числа писателей стараго кружка 40-хъ годовъ. Для меня, какъ уже было указано выше, преимущественный интересъ представляетъ роль Некрасова, въ частности выясненіе тѣхъ причинъ, которыя заставили его, и возрастомъ и старыми симпатіями связаннаго съ «отцами», столь рѣшительно перейти на сторону «дѣтей». Рѣшеніе вопроса, которое я здѣсь выдвигаю, сводится къ слѣдующему: *Некрасовъ лишь отчасти, далеко не вполнѣ, принадлежалъ къ психологическому типу людей 40-хъ годовъ, а потому и его органическое воспріятіе существеннымъ образомъ отличалось отъ ихъ воспріятія, во многомъ сближаясь съ органическимъ воспріятіемъ разночинцевъ.*

Само собой разумѣется, что эта гипотеза нуждается въ подтвержденіяхъ. Такія подтвержденія имѣются, и, суммируя ихъ, думается мнѣ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что иного рѣшенія вопроса и быть не можетъ, т.-е. та мысль, которую я только что назвалъ гипотезой, теряетъ уже гипотетическій характеръ и становится непреложной истиной. Къ этимъ подтвержденіямъ я и перейду.

Вникнемъ, прежде всего, въ условія дѣтства поэта: могли ли они способствовать выработкѣ въ его психикѣ органическаго воспріятія, присущаго барину? Если на этотъ вопросъ и возможно отвѣтить утвердительно, то съ очень существенными ограниченіями. Въ моей книгѣ о Некрасовѣ (см. главы «Некрасовъ и его отецъ»

и «Народолюбіе Некрасова и его источники») подробно говорится о томъ, какую видную роль въ дѣтствѣ Некрасова суждено было сыграть, съ одной стороны, его сближенію съ крестьянскими мальчиками, къ обществу которыхъ онъ присоединялся, по выраженію сестры поэта, «при каждомъ удобномъ случаѣ», такъ какъ оно влекло его, «какъ магнитъ», съ другой, тяжелому отцовскому гнету, уравнивавшему, до нѣкоторой степени, положеніе «барчатъ» съ положеніемъ дворовыхъ ребятишекъ и нерѣдко заставлявшему маленькаго Некрасова, равно какъ и товарищей его дѣтскихъ игръ, всѣхъ этихъ Ванекъ, Гришекъ и проч., чувствовать себя «травленными волчатами» (см. поэму «Несчастные»). Вотъ эти-то два обстоятельства—отсутствіе столь частой въ крѣпостническія времена изолированности барской усадьбой отъ деревни (замѣтимъ, что и отецъ Некрасова пытался ее создать, не останавливаясь даже передъ наказаніями сына за его «демократическія» знакомства) и общность гнета, исходившаго отъ отца, одинаково деспотичнаго, какъ въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ, такъ и въ отношеніяхъ къ домочадцамъ,—рѣзкимъ образомъ отличаютъ дѣтство Некрасова отъ дѣтства, скажемъ, Обломова, картины котораго, изображенныя въ несравненномъ «Снѣ Ильи Ильича», представляются типичными. Общеніе со здоровой, трудомъ повитой и на трудѣ воспитавшейся крестьянской молодежью и положеніе «травленаго волченка» мѣшали укорененію тѣхъ привычекъ и склонностей, которыя съ колыбели культивировались въ душѣ Ильи Ильича, стѣсненнаго чуть ли не во всѣхъ проявленіяхъ дѣтской самостоятельности нуднымъ надзоромъ баловницъ матери и нянюшки и въ концѣ разслабленнаго искусственно созданной вокругъ него атмосферой теплицы, благодаря всеобщему баловству и постоянно подчеркиваемому привилегированному положенію «барскаго дитяти».

Разница въ воспитаніи и дѣтскихъ впечатлѣніяхъ Некрасова и Ильи Ильича такъ велика, такъ колоссальна, что доказывать ее съ большей или меньшей обстоятельностью нѣтъ надобности. Если мы возьмемъ воспитаніе и дѣтскія впечатлѣнія уже не литературнаго, а реальныхъ представителей 40-хъ годовъ—тѣхъ же Тургенева, Герцена, Л. Толстого, Гончарова, Григоровича, Боткина и др., то отмѣченное только что различіе, можетъ быть, нѣсколько потеряетъ въ яркости, но по существу своему останется тѣмъ же. Здѣсь будетъ не лишнее указать еще одну важную черточку жизни Некрасова подъ родительскимъ кровомъ. Некрасовъ не зналъ, не могъ знать той атмосферы сытости, комфорта и даже роскоши, которые окружали дѣтскіе годы почти всѣхъ только что названныхъ дѣятелей. Не забудемъ, что его родители принад-

лежали хотя и къ старинному дворянскому, но почти совсѣмъ разорившемуся роду, и были, если и не совсѣмъ мелкопомѣстными, то во всякомъ случаѣ помѣщиками очень средней руки. Въ укладѣ ихъ домашняго житья-бытья, конечно, и рѣчи не могло быть о томъ, что питало бы, фигурально выражаясь, «изысканность чувствъ». Печать, если не нужды, то ограниченности средствъ сказывалась на внѣшней сторонѣ жизни Некрасовыхъ рѣшительно во всемъ. Дѣло вѣдь доходило до того, что Некрасовъ-отецъ, какъ это явствуетъ изъ переписки его съ инспекторомъ Ярославской гимназіи Величковскимъ (см. въ моей книгѣ главу «Гимназическіе годы Некрасова»), затруднялся въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ взносомъ платы за право ученія своихъ сыновей Андрея и Николая, хотя вопросъ шелъ о ничтожной суммѣ въ 48 руб. ассигнаціями. Ни о какомъ мало-мальски сносномъ домашнемъ образованіи дѣтей при такихъ условіяхъ и думать не приходилось; тѣмъ болѣе недоступны были гувернеры и гувернантки изъ иностранцевъ, являвшіеся обычными персонажами въ домахъ мало-мальски зажиточныхъ помѣщиковъ. Общій тонъ жизни отличался элементарностью и грубостью, едва ли располагавшими къ той барственности, о которой мы говоримъ примѣнительно къ людямъ 40-хъ годовъ, и уже безусловно не располагавшими къ какой бы то ни было утонченности, создающей обычно почву, на которой развиваются эстетическія и сибаритскія устремленія. При всемъ томъ было бы, разумѣется, совершенно несправедливо думать, что впечатлѣнія дѣтства Некрасова исключали возможность укорененія въ его душѣ какихъ бы то ни было барскихъ склонностей вообще. Это противорѣчило бы, прежде всего, словамъ самого поэта, который въ стихотвореніи «Родина» съ горечью и болью сознается, что въ атмосферѣ «пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства» онъ не только «научился терпѣть и ненавидѣть», но и «ненависть въ душѣ постыдно притая», «иногда бывалъ помѣщикомъ». Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь это выраженіе Некрасовымъ? Объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній: «бывать помѣщикомъ» на языкѣ «музы мести и печали» значило пользоваться прерогативами своего привилегированнаго положенія земле- и душе-владѣльца въ отношеніи тѣхъ, кто находился отъ него въ зависимости. Что еще значило «бывать помѣщикомъ»—это видно также изъ нижеслѣдующей, выпущенной въ печатномъ текстѣ, строфы элегіи «Унынiе»:

«Но первые шаги не въ нашей власти!
Отецъ мой былъ охотникъ и игрокъ.
И отъ него въ наслѣдство эти страсти,
Я получилъ,—онѣ пошли мнѣ впрокъ.

Не золъ, но крутъ, дѣтей въ суровой школѣ
Держалъ старикъ, растилъ, какъ дикарей.
Мы жили съ нимъ въ лѣсу да въ чистомъ полѣ,
Травя волковъ, стрѣляя глухарей.
Въ пятнадцать лѣтъ я былъ вполнѣ воспитанъ,
Какъ требовалъ отцовскій идеалъ:
Рука тверда, глазъ вѣренъ, духъ испытанъ,
Но грамоту весьма нетвердо зналъ».

Такимъ образомъ, въ органическомъ воспріятіи Некрасова, поскольку рѣчь идетъ объ его дѣтствѣ, наличность элементовъ барства несомнѣнна. Но, думается мнѣ, едва ли было бы правильно считать эти элементы преобладающими. Близость съ крестьянской дѣтворою, раздѣляемое съ нею чувство гнета и даже нѣкоторой приниженности, непривычка къ роскоши и комфорту, отсутствіе какой бы то ни было утонченности, создающей обычно столь благопріятную почву для развитія эстетизма и сибаритства и, наконецъ, полная изолированность отъ той тепличной и разслабляющей атмосферы, которая, являясь частымъ атрибутомъ помѣщичьяго воспитанія, бросала въ дѣтскія души сѣмена обломовщины, едва ли не самаго ужаснаго недостатка нашего дворянскаго сословія, какъ извѣстнаго общественнаго класса,— это все такіе факторы, которые должны были сдѣлать органическое воспріятіе Некрасова довольно близкимъ къ органическому воспріятію разночинцевъ, такъ какъ рядовые представители этого типа, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, получали отъ дѣтскихъ лѣтъ подобныя же впечатлѣнія.

Перехожу къ слѣдующему періоду въ жизни поэта—къ его гимназическимъ годамъ. Объ нихъ въ послѣднее время писали достаточно (см. въ моей книгѣ соотвѣтствующую статью и статью П. Мизинова въ «Голосѣ Минувшаго», 1914 г. № 7), при чемъ съ значительной степенью опредѣленности выяснено, что ярославская гимназія 30-хъ годовъ мало чѣмъ отличалась отъ бурсы, этой alma-mater столькихъ интеллигентовъ-разночинцевъ: преподаваніе велось силами все тѣхъ же мало-развитыхъ и узкихъ схоластиковъ-семинаровъ; что же касается воспитательной части, то главнымъ средствомъ воздѣйствія на дѣтскую душу являлись физическія наказанія. «Въ классахъ сѣкли .., учителя дрались», такъ повѣствуетъ объ этой сторонѣ гимназической жизни одноклассникъ Некрасова—Горошковъ. Неудивительно, что въ гимназіи царила грубость нравовъ—забавы воспитанниковъ отличались порядочною дикостью (напр. швыряніе пескомъ въ жарящуюся рыбу); распѣвавшіяся ими пѣсни называли всѣ вещи по именамъ

(«Туношенскаго наука—учить ее скука! Лучше въ . . . . . сидѣть, на сибирское золото глядѣть» и т. д.). Времяпрепровожденію въ гимназіи соотвѣтствовалъ и характеръ внѣшкольной, такъ сказать, жизни. Изъ воспоминаній Панаевой-Головачевой (въ ея книгѣ «Русскіе писатели и артисты») и отчасти изъ воспоминаній Вал. Ал. Панаева («Русская Старина», 1901 г. № 9) явствуетъ, что мальчики Некрасовы были поручены надзору крѣпостного ихъ отца, который въ такой мѣрѣ не заботился о нихъ, что даже предоставилъ имъ продовольствоваться, какъ они знаютъ, выдавая имъ на руки 30 к. въ день. Естественно, что при такихъ условіяхъ, юные птенцы грешневской усадьбы или проводили цѣлые дни въ загородныхъ прогулкахъ, или практиковались въ трактирѣ въ игрѣ на билліардѣ. Нѣтъ надобности распространяться, что подобное ученіе и подобная внѣшкольная жизнь носили, если можно такъ выразиться, разночинно-бурсацкій характеръ и опять-таки едва ли способствовали развитію барскаго органическаго воспріятія.

Если бы все продолжало итти, такъ сказать, нормально, по проторенной колеѣ, то весьма возможно, что Некрасову не удалось бы избѣжать участи его брата Константина. А участь эта была болѣе, чѣмъ горькая. Сначала военная служба въ арміи, закончившаяся подневольнымъ переводомъ на Кавказъ; затѣмъ болѣзнь, нищета и вызванныя ими слезныя мольбы къ отцу прислать денегъ на обратный путь, которыя оставались въ теченіе долгаго времени гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Наконецъ, съ помощью скорѣе старшаго брата, чѣмъ отца, Константинъ добрался до родныхъ палестинъ. Здѣсь его ждала жизнь, которой оказалась не въ силахъ перенести даже его неизбалованная натура. Въ подтвержденіе сошлюсь на письмо его къ Николаю и Ѳедору Алексѣевичамъ Некрасовымъ, напечатанное въ только что вышедшемъ «Архивѣ с. Карабихи».

Извѣщая братьевъ о своей женитьбѣ на простой мѣщанкѣ, К. А. проситъ не судить его строго, такъ какъ онъ былъ вынужденъ къ этому шагу крайностью. «Скажитѣ прямо», читаемъ мы здѣсь, «что оставалось дѣлать человѣку неимѣющему права располагать своей свободой, потому единственно, что онъ бѣденъ, какъ Іовъ, для котораго все было закрыто и онъ въ свѣтѣ видѣлъ тьму, тьму духовъ, терзающихъ его душу различными осажденіями! наконецъ, чтобы вы сдѣлали если-бъ надъ несчастіемъ вашимъ торжествовалъ шестидесятилѣтній безумецъ и въ теченіи всего времени не давалъ бы вамъ ни гроша денегъ ограничивая жизнь вашу одними обѣдами и грустнымъ томительнымъ сномъ не предвѣщающимъ ни чего утѣшительнаго (попроспыленіи)?... Надо

было искать случая вырваться изъ этой муки и я нашолъ! Отецъ уѣхалъ въ Москву а я женился на молодинькой дѣвушкѣ душа и карманъ у которой чисты какъ — хрусталь.—Если вы друзья мои будетѣ думать, что я сдѣлалъ это съ пьяныхъ глазъ, то сильно ошибаетесь, братъ вашъ не дуракъ, имѣетъ совѣсть и обмановать не будетъ. Отецъ страшно сердится на меня и какъ слышно написалъ духовное завѣщаніе по которому все отказалъ вамъ (съ чемъ и поздравляю),—все это ничуть меня не испугало я зналъ родительскую душу и на имѣніе его никогда не ращитывалъ.—Что будетъ дальше но теперь душа моя покойна, просить на табакъ денегъ неукого! Уважая добрый нравъ жены моей, я для нее совсѣмъ переродился, поклоненіе Багусу давно уничтожено, здоровье мое, такъ давно требующее покою, въ слѣдствіе Кавказскихъ передрягъ, начинаетъ крепнуть. Сдѣлайтѣ милость не удивляйтесь и несердитесь что я женился на мѣщанкѣ, повѣрте что она гораздо умнѣе этихъ свѣтскихъ вертячекъ у которыхъ головы напичканы непотребными романами, въ слѣдствіе чего они вертятъ мущинами какъ чортъ палкой, да наконецъ сравните вы образъ одичалой, угрюмой жизни моей съ уставами модницы барышни привыкшей ко всѣ возможнымъ наслажденіямъ; ну мнѣ ли степняку возиться съ этими воздушными метеорами, мнѣ-ли постигать силу души ихъ не бывши ни разу въ обществѣ, пожалуй постигнешь такъ, что на другой-же день почувствуешь боль подъ ложечкой, а это, какъ вамъ извѣстно, никому не нравится. Богатыхъ невѣстъ на мою долю не оказалось, да хотя-бы и нашлись такъ какая дура согласится имѣть мужа дикаря съ Кавказскими привычками. Ольга-же мнѣ пришлась по нутру,—«Куй желѣзо пока горячо» (какъ говорятъ французы).—Показавъ предварительно благочинному Гурію уголъ пяти руб. ассигнаціи, объявилъ ему о своемъ желаніи и въ слѣдъ затѣмъ 26-го августа былъ обвенчанъ. На третій день послѣ произшествія пріѣхалъ отецъ и узнавъ о случившемся откаталъ Гурія базарной бранью, я хотѣлъ было намекнуть о помилованіи, но родитель повторивъ сѣропѣгую брань выгналъ насъ обоихъ изъ дому, послѣ чего занавѣсъ опустился и представленіе кончилось довольно не удачно..... Остается одно! поступить конторщикомъ въ питейный откупъ потому собственно, что всѣ благородныя мѣста какъ для человѣка бѣднаго, безъ протекціи для меня закрыты; не всѣ-же такъ счастливы и умны какъ ты братъ Николай, не всѣ, подобно тебѣ могутъ проложить себѣ завидную дорогу одареннымъ отъ Бога геніемъ, — поймите друзья мои трудныя обстоятельства брата и помогите мнѣ хотя словомъ».

Письмо это интересно, какъ я уже сказалъ, главнымъ образомъ,

тѣмъ, что позволяетъ судить, кого могла бы выработать изъ Н. А. Некрасова домашняя обстановка и воспитательныя вліянія дѣтства, если бы не тѣ особо благопріятныя условія, которыя помогли ему «проложить себѣ дорогу» и на которыя намекаетъ въ своемъ письмѣ Константинъ Алексѣевичъ, говоря объ «одаренномъ отъ Бога геніи» брата Николая. Не будь этихъ условій, кто знаетъ, не пришлось ли бы и Николаю влачить жалкое существованіе или кавказскаго армейца, или же, поступивъ чиновникомъ въ какое-нибудь Депутатское Собраніе и располагая 15-тью рублями въ мѣсяцъ, которые соглашался выдавать Константину отецъ до полученія перваго чина, «уподобиться скоту въ видѣ пьянаго чиновника съ заплатаннымъ бумагою сюртукомъ и вѣчно пустымъ брюхомъ». Уже самая возможность этихъ перспективъ для одного изъ отпрысковъ когда-то богатаго дворянскаго рода говоритъ о томъ, что настоящей барственности, въ основѣ которой въ разсматриваемую эпоху неизмѣнно лежало тунеядство, обусловленное подневольнымъ трудомъ «трехсотъ Захаровъ» и позволявшее, отхинувъ въ сторону заботы о хлѣбѣ насущномъ, «погружаться въ искусство, въ науки, предаваться мечтамъ и страстямъ», такой барственности, повторяю, и Некрасовъ и братья его въ своей юности были почти совсѣмъ чужды.

Переходя къ послѣдующему періоду въ жизни Некрасова—его петербургскимъ мытарствамъ, прежде всего, должно отмѣтить, что это время было для него временемъ упорной и напряженной борьбы за существованіе. Разсказы и самого Некрасова и многихъ его современниковъ дѣлаютъ совершенно несомнѣннымъ тотъ фактъ, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ въ полномъ смыслѣ слова принадлежалъ къ литературному пролетаріату. Это обстоятельство не могло самымъ рѣшительнымъ образомъ не отразиться на его психикѣ, а слѣдовательно и на его творчествѣ. Отдавъ въ своемъ первомъ сборникѣ стихотвореній «Мечты и Звуки» (1840 г. г.) дань романтическимъ настроеніямъ, которыя были навѣяны отчасти чтеніемъ, вызывавшимъ стремленіе подражать, отчасти материнскимъ вліяніемъ, пробуждавшимъ идеалистическія предрасположенія, Некрасовъ пишетъ рядъ произведеній, типичныхъ для представителя той среды, въ которой онъ теперь вращается, среды жильцовъ всевозможныхъ меблирашекъ, незадачливыхъ сотрудниковъ второстепенныхъ журналовъ, второстепенныхъ представителей театральнаго міра и т. д. и т. п. Изъ числа этихъ произведеній назову три стихотворенія—«Провинціальный подьячій въ Петербургѣ» (см. «Пантеонъ», 1840 г., ч.ч. I и III), разсказъ «Безъ вѣсти пропавшій пінта» (Пантеонъ», 1840 г. ч III), «Водевильныя сцены изъ журнальной жизни» («Литературная

Газета», 1841 г. № 15) и одноактный водевиль «Актеръ» («Пантеонъ 1841 г. № 8). Въ «Провинціальномъ подьячемъ» изображаются впечатлѣнія пріѣхавшаго въ столицу и остановившагося въ мебилированныхъ комнатахъ чинуши-взяточника чисто гоголевскаго типа; въ разсказѣ о «пропавшемъ пиитѣ», изобилующемъ автобіографическими чертами, дана яркая картина жалкаго существованія маленькаго литератора, прибывшаго въ Петербургъ за славой, а пока принужденнаго сидѣть голодомъ въ какой-то трущобѣ и употреблять ваксу вмѣсто чернилъ; въ «Водевильныхъ сценахъ» передъ нами редакція небольшого журнала съ ея мученикомъ редакторомъ (подъ которымъ, несомнѣнно, разумѣется покровительствовавшій въ то время Некрасову Ѳ. А. Кони), страдающемъ и отъ назойливости осаждающихъ его бездарныхъ писакъ, и отъ безчестныхъ полемическихъ стрѣлъ журнальныхъ завистниковъ, и отъ другихъ терній,—имъ же нѣсть числа, коими былъ усыпанъ путь литератора того времени, когда, употребляя выраженіе поэта, «все глухо и мертво въ литературѣ нашей было». Наконецъ, въ водевилѣ «Актеръ» затронута модная въ то время тема о непониманіи «толпой» высокаго значенія искусства и его «жрецовъ»—актеровъ. Трактуется эта тема въ реальныхъ тонахъ, при чемъ представителемъ взглядовъ «толпы» является грубый и невѣжественный саратовскій помѣщикъ Кочергинъ, проживающій въ Петербургѣ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируютъ такіе, чисто столичные, персонажи, какъ торгующій халатами и шалями татаринъ, который не прочь иной разъ послужить и для любовныхъ шашней, и продавецъ гипсовыхъ бюстовъ и статуетокъ, итальянецъ. При всѣхъ художественныхъ дефектахъ этихъ произведеній, они даютъ достаточное основаніе для того, чтобы судить, какимъ было органическое воспріятіе ихъ автора въ разсматриваемый періодъ его жизни. Нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ-либо натяжкамъ, чтобы сказать, что въ немъ явно преобладали элементы разночинно-пролетарской психики, которая могла выработаться только подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній, личныхъ переживаній писателя, извѣдавшаго на собственномъ опытѣ, что значитъ жизнь въ столицѣ, когда, выражаясь словами разсказа «Безъ вѣсти пропавшій пиита», «всѣ надежды бѣднаго желудка» основываются на сомнительномъ гонорарѣ за статейки, еще не написанныя, но которыя «непремѣнно» нужно написать.

Разночинно-пролетарская психика, привившаяся за это время Некрасову, держалась настолько прочно, что ее не могли пошатнуть, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ ея литературныхъ отраженій, даже нѣсколько улучшившіяся матеріальныя обстоятельства. Это явствуетъ изъ произведеній Некрасова конца

44-го и начала 45-го годовъ. Если относящійся къ 1844 году, послѣдній по времени, водевиль Некрасова «С. Петербургскій ростовщикъ» (кажется, не былъ напечатанъ,—я ознакомился съ нимъ по рукописи, хранящейся въ Библіотекѣ Императорскихъ театровъ) рисуетъ притонъ скряги-ростовщика и его разнообразныхъ кліентовъ, какъ-то: прогорающаго книгоиздателя, проигравшагося картежника, выгнаннаго приказчика, салопницы Акулины Степановны, то напечатанный въ слѣдующемъ году разсказъ «Петербургскіе углы» (см. сб. «Физіологія Петербурга», ч. I) пріоткрываетъ завѣсу надъ міромъ подвальныхъ жильцовъ, которыхъ пришлось близко узнать сожительствовавшему съ ними молодому пролетарію Тростникову. Передъ глазами «изумленнаго читателя», изумленнаго потому, что раньше онъ не читалъ ничего подобнаго, пестрой вереницей проходятъ въ этомъ разсказѣ и дворовый, отправленный своими господами въ Питеръ на оброкъ, и человѣкъ, промышляющій ловлей собакъ на улицахъ, и спившійся бѣднякъ-учитель, давно уже уволенный со службы, и беременныя прислуги, которыя были вынуждены вслѣдствіе своего состоянія покинуть мѣста и поселиться въ углахъ, и несчастная кликуша-алкоголичка и т. д.

Нѣтъ надобности распространяться, что это произведеніе двадцатитрехлѣтняго писателя представляется наиболѣе выдающимся изъ всего до сихъ поръ имъ написаннаго и вполнѣ оправдываетъ нижеслѣдующій восторженный отзывъ Бѣлинскаго (см. «Сочиненія» подъ ред. С. А. Венгерова, т. IX, стр. 365): «Петербургскіе Углы» г. Некрасова отличаются необыкновенной наблюдательностью и необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія. Это живая картина особаго міра жизни, который не всѣмъ извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе существуетъ,—картина, проникнутая мыслію»... «Необыкновенная наблюдательность» — это качество, въ значительной степени прирожденное; но «необыкновенное мастерство изложенія» «картина, проникнутая мыслью», т.-е., какъ хотѣлъ сказать Бѣлинскій, носящая на себѣ отпечатокъ опредѣленнаго міровоззрѣнія..... откуда это могъ взять Некрасовъ? Объ этомъ слѣдовало бы спросить самого Бѣлинскаго, такъ какъ онъ именно повинуенъ въ томъ, что поэтъ, по его собственному сознанію (см. «Стасюлевичъ и его современники», т. III, стр. 35), былъ произведенъ «изъ литературной бродяги въ дворяне». Быть дворяниномъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблено это слово здѣсь, значило пріобрѣсти литературно-эстетическое развитіе («мастерство въ изложеніи») и опредѣленное общественно-философское міросозерцаніе («проникнуться мыслію»). Но кого же представляетъ собою этотъ, столь повліявшій на Некрасова, Бѣлинскій, какъ общественно-

психологическій типъ? Прежде всего, онъ разночинецъ, и это, думается мнѣ, фактъ огромнаго значенія. Трудно оспаривать справедливость хотя бы слѣдующихъ словъ о немъ Андреевича: «Если у него нѣтъ или мало своихъ идей, которыя, смотря по періоду взяты то въ кружкѣ Станкевича, то у Герцена, зато вся его дѣятельность—его собственная. Онъ переживалъ чужія формулы и, переживая ихъ, дѣлалъ своими, накладывая на нихъ печать своей могучей, страстной личности, своей непримиримой обиды за рабство людей, за насиліе надъ ними. Нельзя даже сомнѣваться, что отъ начала до конца заботы о массѣ, о народѣ были главными его заботами, хотя временно, въ туманѣ гегеліанства (неправильно понятаго), онъ готовъ былъ проповѣдывать примиреніе съ дѣйствительностью, буддизмъ и нирвану. Самъ несчастный, нищій, настрадавшійся, онъ былъ другомъ и братомъ всего несчастнаго, нищаго, изстрадавшагося человѣчества».

«Разночинство» Бѣлинскаго сыграло также роль фактора, позволяющаго установить извѣстное преемство отъ него къ великимъ «разночинцамъ» 60-хъ годовъ. «Извѣстно, говоритъ по этому поводу Г. Плехановъ («Исторія русск. Лит». изд. Т-ва Міръ, т. II, стр. 229—230), что и впослѣдствіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, разночинецъ относился къ «проклятымъ вопросамъ» далеко не такъ сдержанно, какъ просвѣщеные представители дворянскаго сословія. «Неистовство» Бѣлинскаго какъ бы прообразовало собой будущія литературныя «неистовства» Чернышевскаго, Добролюбова и ихъ послѣдователей. Недаромъ люди «шестидесятыхъ» годовъ такъ горячо почитали Бѣлинскаго»...

Такимъ образомъ вліяніе Бѣлинскаго, имѣвшее очень большое значеніе въ интеллектуальномъ развитіи Некрасова, не только не шло вразрѣзъ съ тѣми элементами его психики, которые развились во время мытарствъ поэта въ пролетарско-разночинной средѣ, но скорѣе усиливало ихъ. Весьма характерно то обстоятельство, что вниманіе Бѣлинскаго было привлечено къ Некрасову именно благодаря его рѣзкому несходству съ прочими членами кружка Бѣлинскаго, на которыхъ лежалъ яркій отпечатокъ барственности. Чтобы не быть въ данномъ случаѣ голословнымъ, напомню читателямъ одно мѣсто изъ воспоминаній И. И. Панаева: «Некрасовъ съ каждымъ днемъ болѣе сходился съ Бѣлинскимъ, разсказывалъ ему свои горькія литературныя похожденія, свои разсчеты съ редакторами различныхъ журналовъ... Онъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала пріятное впечатлѣніе. Послѣдній полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій взглядъ не по

лѣтамъ, который онъ вынесъ изъ своей тружеппческой и страдальческой жизни и которому Бѣлинскій всегда мучительно завидовалъ. Ни въ комъ изъ своихъ пріятелей Бѣлинскій не находилъ ни малѣйшаго практическаго элемента и, преувеличивая его въ Некрасовѣ, смотрѣлъ на него съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ».

Отсюда видно, что Бѣлинскій особенно цѣнилъ въ Некрасовѣ какъ разъ тѣ свойства его психики, которыя свидѣтельствовали объ его, если такъ можно выразиться, анти-барственности. Самособой разумѣется, что великій критикъ не сталъ бы бороться съ тѣмъ, что ему нравилось въ Некрасовѣ.

Періодъ знакомства съ Бѣлинскимъ безспорно самый свѣтлый періодъ въ жизни Некрасова, ибо что можетъ быть лучше сознанія совершенствованія своей личности. Какую роль игралъ въ этомъ совершенствованіи Бѣлинскій, скажемъ словами самого Некрасова (см. книгу Панаевой-Головачовой «Русскіе писатели и артисты» стр. 339). Жаль,—говорилъ Некрасовъ Добролюбову,—что вы сами не знали этого человѣка! Я съ каждымъ годомъ все сильнѣе чувствую, какъ важна для меня потеря его. Я чаще сталъ видѣть его во снѣ, и онъ живо рисуется передъ моими глазами. Ясно припоминаю, какъ мы съ нимъ вдвоемъ, часовъ до двухъ ночи, бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Послѣ этого я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улицамъ въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько было для меня новаго въ высказанныхъ имъ мысляхъ... Вы, вотъ, вступили въ литературу подготовленнымъ, съ твердыми принципами и ясными цѣлями. А я?... Заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду! Я попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ... Что бы ему пожить подольше! Я былъ бы не тѣмъ человѣкомъ, какимъ теперь»....

Въ послѣднихъ словахъ нельзя не увидѣть яснаго намека на то, что по смерти Бѣлинскаго въ жизни Некрасова случилось что-то, причинившее ему непоправимый вредъ. Что же это было такое? Почему поэту не удалось стать такимъ человѣкомъ, какимъ ему страстно хотѣлось быть и какого, очевидно, вырабатывалъ изъ него Бѣлинскій? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ затрудненій. Достаточно вспомнить, что кончина Бѣлинскаго совпала съ началомъ реакціоннѣйшей эпохи въ исторіи русской общественности XIX вѣка, столь удачно называемой «мрачнымъ семилѣтьемъ» (1848 г.—1855 г.). Въ любомъ историко-литературномъ обзорѣ, относящемся къ данному періоду, если не считать, конечно, тѣхъ руководствъ, которыя преслѣдуютъ спеціально

педагогическія цѣли и прошли потому черезъ особые цензурные фильтры, приводятся многочисленные факты, иллюстрирующіе всю вакханалію тогдашняго бѣлаго террора, избравшаго литературу своимъ преимущественнымъ объектомъ. Предполагая большую часть этихъ фактовъ, исторгнувшихъ изъ устъ умѣреннаго и сдержаннаго Грановскаго горестное восклицаніе: «Благо Бѣлинскому, умершему во время», знакомою читателямъ, перехожу къ выясненію того, какое дѣйствіе оказали они на людей 40-хъ годовъ, въ частности на тѣхъ изъ нихъ, которые группировались вокругъ Бѣлинскаго. Огромное ихъ большинство, какъ ни грустно въ этомъ признаться, оказалось рѣшительно не въ силахъ противостоять вызванной реакціею общественно-литературной деморализаціи. Въ какой мѣрѣ они поддались ей, можно судить по расцвѣту, такъ называемаго «чернокнижія». Слово это получило право гражданства съ легкой руки Дружинина, напечатавшаго лѣтомъ 1850 г. «Сентиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по Петербургскимъ дачамъ» на страницахъ того самаго журнала («Современника»), который еще недавно былъ каѳедрой для страстной и возвышенной проповѣди Бѣлинскаго. «Путешествіе Чернокнижникова» являлось лишь литературнымъ отголоскомъ и притомъ, надо думать, довольно таки слабымъ, тѣхъ импровизацій въ дружескомъ кругу, которыя, принимая формы пародій, посланій, поэмъ и всевозможныхъ литературныхъ шалостей, составляли обычное времяпрепровожденіе недавнихъ учениковъ и адептовъ Бѣлинскаго. Для приданія этимъ импровизаціямъ хотя бы нѣкоторой связанности была изобрѣтена для нихъ особая литературная рама. Нельзя не согласиться съ ученымъ историкомъ русской литературы, что «чернокнижіе», равнымъ образомъ обнимающее какъ печатныя произведенія въ родѣ «Путешествія», такъ и огромную рукописную литературу, есть явленіе «глубоко знаменательное» для характеристики того безвременія, которое отдѣляетъ эпоху Бѣлинскаго отъ эпохи Добролюбова, для характеристики того идейнаго оскудѣнія, которое было порождено тяжелою реакціею 1848—1855 годовъ, когда страхъ, вызванный европейскими событіями 1848 года и цѣлый рядъ доходящихъ до анекдотичности мѣръ, совершенно парализовалъ идейное броженіе первой половины сороковыхъ годовъ.... Именно «чернокнижіе» и можетъ служить лучшею иллюстраціею наступившаго духовнаго оскудѣнія...«Похожденія чудаковъ,ходящихъ по Петербургу покупать вещи, отыскивать попутчиковъ, гувернантокъ и т. д. по объявленіямъ полицейской газеты». Изрядно таки странный сюжетъ для задушевныхъ собраній руководящихъ литературныхъ кружковъ. Но фактъ рѣшительнаго выраженія

этихъ кружковъ только тогда выступитъ во всей своей рельефности, когда изъ сохранившихся у нѣкоторыхъ библіофиловъ списковъ узнаемъ, въ чемъ состояла та обширная рукописная литература, тѣ «пародіи, посланія, поэмы», которыя главный поставщикъ ихъ—Лонгиновъ такъ мягко называетъ «литературными шалостями». Со временъ Баркова русскій стихъ впервые сослужилъ такую службу. Въ «чернокнижныхъ» «шалостяхъ» нѣтъ и слѣда того остроумія, той изящной игривости, которая придаетъ ришительный художественный интересъ многимъ продуктамъ шаловливаго настроенія Пушкина, Лермонтова, Полежаева. Соль чернокнижныхъ «шалостей» состоитъ исключительно въ томъ, что все называется по имени и при томъ по возможности часто...Чтобы кружокъ первенствующихъ литераторовъ, постоянными членами котораго былъ редакторъ лучшаго журнала, лучшій критикъ этого журнала и такой солидный историкъ литературы, какъ Лонгиновъ, кружокъ, въ которомъ часто появлялся даровитый молодой профессоръ Владимиръ Милютинъ, многіе виднѣйшіе беллетристы и поэты своего времени, въ томъ числѣ и Некрасовъ, чтобы такой кружокъ создалъ «цѣлую литературу» грубаго цинизма, этого до «чернокнижія» никогда не было» (Венгеровъ. Сочиненія, т. V стр. 8—10).

Само собой разумѣется, что для подобнаго времяпрепровожденія необходимо было соотвѣтствующее настроеніе, которое легче всего создавалось подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Здѣсь опять-таки приходится констатировать огромную разницу съ тѣмъ, что происходило при жизни Бѣлинскаго, члены кружка котораго, при всемъ своемъ идеализмѣ, отнюдь не были пуристами въ своихъ развлеченіяхъ. «Самыя оживленныя въ идейномъ отношеніи собранія ихъ, говоритъ Венгеровъ, послѣ которыхъ каждый уходилъ съ цѣлымъ запасомъ глубокихъ мыслей и благородныхъ намѣреній, тѣ собранія, плодомъ которыхъ были самыя пламенныя и возвышенныя страницы въ статьяхъ Бѣлинскаго и Искандера, въ стихахъ Некрасова, Огарева, въ повѣстяхъ Тургенева, даже эти собранія не обходились безъ бокала вина, безъ веселаго словца или анекдота. Но все это была та дань человѣческой натурѣ, которую платитъ и самый идеальный человѣкъ, если его идеализмъ искренній и не имѣетъ въ себѣ святошества. Вино, рѣзвая шутка въ собраніяхъ руководящихъ кружковъ первой половины сороковыхъ годовъ были, конечно, средствомъ, а не цѣлью, какъ у чернокнижниковъ: живѣе лились послѣ вина страстныя рѣчи, легче вѣрилось въ близкое осуществленіе завѣтныхъ идеаловъ. И если мимолетно проскальзывала при этомъ крѣпкая шутка, то потому, что въ концѣ-концовъ

дружеская бесѣда не есть засѣданіе парламента. «Чернокнижіе» же тѣмъ и характерно, что мимолетное превратилось въ немъ въ основное».

На ряду съ культомъ вина среди «чернокнижниковъ» царилъ и культъ ѣды, ревностное служеніе которому развивало у нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо-таки гомерическіе аппетиты. Вотъ забавное письмецо (отъ 2 сент. 55 г.) Панаева къ Тургеневу, знакомящее съ этой стороной ихъ жизни и еще не появлявшееся въ печати:

«Милый другъ Иванъ Сергѣевичъ, беру перо, чтобы описать тебѣ мой подвигъ, отъ котораго ты долженъ прійти въ безмолвный ужасъ. Это правда, что цифра всѣхъ холерныхъ въ П-бургѣ понизилась до 75 (1 сент.), но въ день моего подвига (это было недѣли двѣ тому назадъ) занемогало въ день отъ 10—18... И такъ слушай..: Но надобно себѣ замѣтить, что въ П-бургѣ давно уже ни гугу о холерѣ, здѣсь и безъ того есть о чемъ поговорить, и твои письма съ холерою производятъ между нами hilarité général. Но слушай, слушай мой подвигъ.

Двѣ недѣли тому назадъ послѣ обѣда (обѣдъ былъ очень умѣренный, какъ и всегда, но *икры* потреблено излишне), я пошелъ пройтиться. Сдѣлавъ верстъ пять, я почувствовалъ палящую, адскую жажду. Я чувствовалъ, что не только двумя тремя стаканчиками, но и графиномъ ее утолить невозможно. Во внутренностяхъ палило... Я купилъ у разносчика десятокъ яблокъ—*барвинокъ* (яблоки эти очень велики) съ нѣкоторой кислотой и отъ Аничкова моста до Языкова съѣлъ весь десятокъ. Жажда не унялась. У Языкова я потребовалъ холодной воды. Принесли графинъ и я залпомъ уничтожилъ его стаканъ за стаканомъ. Все ничего не беретъ. Вдругъ Языковъ говоритъ—«постой у меня есть отличный арбузъ и его принесутъ съ ледника».—Хорошо,—принесли. Арбузъ чудо и какъ ледъ... Я не прибавляя ничего съѣлъ этого арбуза, какъ ледъ холоднаго—болѣе половины... Но послѣ послѣдняго куска я почувствовалъ страшное ворчаніе въ животѣ, которое, усиливаясь безъ боли, весьма походило на звукъ очень быстраго переливанія чего-то жидкаго и въ большомъ количествѣ.—Мысль о томъ, что можетъ случится холера, мелькнула... Однако мы начали играть на бильярдѣ. Тутъ были Гончаровъ и М-me Языкова.. Я игралъ. Вдругъ чувствую—плохо, нѣтъ мочи. Вызываю Языкова по дѣлу и бѣгу въ нужникъ... (Слово нап. неразб.) пронесло, какъ будто изъ ведра... Стало полегче, однако я выпилъ двѣ рюмки мадеры. Желудокъ началъ согрѣваться... Я продолжалъ игру въ бильярдъ. Ворчанье улеглось, желудокъ ощущалъ что-то необыкновенно

пріятное и чувствовалъ голодъ, который все усиливался... Подали ужинъ — я съѣлъ четыре куска ветчины съ такимъ аппетитомъ, какъ никогда. Ночью видѣлъ райскіе сны. Какъ ты объ этомъ думаешь? Видно мнѣ умереть отъ холеры не суждено.

«Некрасовъ къ тебѣ писалъ—а я повторяю его же просьбу къ тебѣ... Не оставь насъ въ минуты критическія. На Григорова и даже на Гончарова (его двѣ статьи будутъ въ С.) всегда еще разсчитывать можно,—а *Писемскій* для Совр. уже не существуетъ: онъ ломитъ по 120 руб. с. за листъ, когда бьемся какъ объ ледъ, чтобы кое-какъ поддержать журналъ.... Сентябрская книжка будетъ очень хороша... Августовская вышла здѣсь только 18—задержанная цензурой. Эту исторію разскажу при свиданіи.

«Когда ты будешь? Мы ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ.

Твой *Панаевъ*.

Кланяйся Колбасину».

Если бы не послѣднія 10 строчекъ, то естественнѣе было бы подумать, что это пишетъ Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ, случайно попавшій въ Петербургъ, къ кому-нибудь изъ своихъ «старосвѣтскихъ» пріятелей, а не редакторъ-издатель лучшаго журнала своего времени къ самому ревностному и цѣнному его сотруднику. Послѣ этого уже не покажется страннымъ, что Пыпинъ, который около половины 50-хъ годовъ познакомился съ редакціоннымъ кружкомъ «Современника» и нерѣдко бывалъ на его товарищескихъ собраніяхъ, вынесъ изъ общенія съ этимъ кружкомъ довольно тягостныя впечатлѣнія. Замѣтимъ, что воспоминанія Пыпина относятся къ тому именно періоду, когда «черноконжіе» уже отживало свой вѣкъ, и начинали чувствоваться признаки общественнаго оживленія. Тѣмъ печальнѣе, что Пыпинъ долженъ былъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ: «Старый кругъ «Современника» былъ дворянскій... Здѣсь бывали настоящіе баричи, не всегда для этого положенія достаточно богатые, но дѣйствительно привыкшіе ко взглядамъ и обычаямъ привилегированнаго сословія. Барское удовольствіе, охота, чрезвычайно занимаетъ, напр., Тургенева, который безпрестанно пишетъ о ней къ Некрасову и изъ Спасскаго, и даже изъ Буживаля. Фетъ съ видимымъ одобреніемъ упоминаетъ о томъ, что у Тургенева (конечно, до освобожденія крестьянъ) «былъ прекрасный крѣпостной поваръ, купленный имъ за тысячу рублей». Фетъ считаетъ нужнымъ внести въ свои воспоминанія и «уху» въ англійскомъ или купеческомъ клубѣ. Въ дружеской компаніи бесѣда окрашивалась довольно крупной «аттической солью», тою самой, которая въ тѣ времена особенно потреблялась въ холостыхъ барскихъ компаніяхъ, гражданскихъ и военныхъ».

Этотъ отрывокъ представляется мнѣ весьма важнымъ и многозначительнымъ не только потому, что въ немъ сообщается рядъ весьма характерныхъ фактовъ, но также и потому, что въ немъ отмѣчается первопричина этихъ послѣднихъ. А такой первопричиной, безъ всякаго сомнѣнія, являлась барство, вліяніе котораго на психику членовъ кружка въ недавнемъ прошломъ умѣрялось, какъ личностью Бѣлинскаго, такъ и общественными вѣяніями, предвозвѣщавшими событія 1848 г., вѣяніями, которыя, несмотря на всѣ препоны, все-таки проникали и въ русскую жизнь. Смерть Бѣлинскаго и торжество самой дикой, самой безудержной реакціи, какую только возможно себѣ представить, создали крайне благопріятную атмосферу для барственно-сибаритскихъ влеченій, властно овладѣвшихъ психикою членовъ кружка, большинство изъ которыхъ и по происхожденію, и по воспитанію, и по матеріальному положенію и безъ того являлись плотью отъ плоти и кровью отъ крови россійскаго благороднаго сословія.

Не избѣгъ, въ значительной степени, общей участи и Некрасовъ. Выше уже было говорено объ участіи его въ «чернокнижіи». Вотъ еще одна характерная иллюстрація къ нему—шутка-пародія Лермонтовскаго стихотворенія: «Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно», относящаяся, по всей вѣроятности, къ концу 1849 г. и извлеченныя мною изъ статьи «Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ» («Русская Мысль» 1902 г. № 12):

«Въ одинъ трактиръ они оба ходили прилежно
И пили съ отвагой и страстью безумно-мятежной
Враждебно кончались ихъ биллiардныя встрѣчи,
И были дики и буйны ихъ пьяныя рѣчи.
Сражались они межъ собой, какъ враги и злодѣи,
И даже во снѣ все другъ съ другомъ играли—
И вдругъ подрался... Хозяинъ прогналъ ихъ въ три шеи,
Но въ новомъ трактирѣ другъ друга они не узнали...

Огареву Н. Некрасовъ.

Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не столько съ Dichtung, сколько съ Wahrheit, это явствуетъ, хотя бы изъ слѣдующей приписки А. Як. Панаевой къ письму Некрасова отъ 15 марта 1849 г., адресованному М. Л. Огаревой: (Некрасовъ) «возвращается домой въ 12 часовъ утра уже наготовѣ и производитъ скандалъ въ домѣ. Всѣ люди дивятся перемѣнѣ его; бывало ложился въ 7 вечера и вставалъ въ 6 утра, а теперь по ночамъ его собаками не сыщешь». Гармонируютъ съ этимъ и слова самого Некрасова изъ письма его Н. М. Сатину отъ 8 апрѣля 1849 г.: «У насъ здѣсь (т.-е. въ СПБ.) не безъ пьянства, хотя не Огаревъ тому главной причиной—такъ ужъ само собою какъ-то выходитъ. Юный и рьяный Кавелинъ и тотъ даже свирѣпствуетъ нынѣ по этой части.»

Нельзя не отмѣтить также, что къ этому именно періоду въ жизни Некрасова относится его увлеченіе картами. «Сначала, разсказываетъ объ этомъ В. А. Панаевъ («Русская Старина», 1901 г. № 9), и въ первый годъ изданія «Современника» Некрасовъ не велъ серьезной игры въ карты, но любилъ играть у себя дома въ одну изъ коммерческихъ игръ, которая кончалась 10—15 рублями не болѣе... Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ пріятели записали его въ англійскій клубъ, куда, вскорѣ, онъ и былъ выбранъ членомъ. Тогда Некрасовъ и сталъ похаживать въ клубъ». Это похаживаніе въ концѣ-концовъ привело къ тому, что онъ сталъ страстнымъ игрокомъ. Характерно, что въ литературѣ имѣются указанія на то, что ввелъ Некрасова въ англійскій клубъ не кто иной, какъ Тургеневъ... Приведенныхъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы судить о томъ, какую отрицательную роль «мрачное семилѣтіе» сыграло въ жизни Некрасова: въ это по преимуществу время имъ были усвоены тѣ барственно-сибаритскіе навыки, отъ которыхъ онъ такъ уже и не смогъ отдѣлаться, но которые считалъ проклятіемъ всей своей жизни, такъ какъ превосходно понималъ, что они именно крѣпкими узами связали его съ «ликующими, праздно болтающими и обагряющими руки въ крови». Тѣмъ не менѣе, не только не отрицая, но даже всячески подчеркивая, что впечатлѣнія 1848—1855 годовъ должны были способствовать укорененію въ психикѣ Некрасова барственныхъ склонностей и влеченій, я долженъ все-таки констатировать, что и въ это время у него не могло создаться органическаго воспріятія, свойственнаго настоящему барину. Этого не произошло, во-первыхъ, потому, что въ его душѣ свѣжи еще были переживанія недавняго прошлаго, когда ему приходилось вести жизнь разночинца-пролетарія, во-вторыхъ, потому, что и въ настоящемъ многое напоминало ему о громадной разницѣ между нимъ и чистыми представителями типа людей 40-хъ годовъ. Здѣсь, прежде всего, приходится указать на неустойчивость его бюджета, постоянно напоминавшую о необходимости быть готовымъ къ борьбѣ за существованіе. Хотя временами карточные выигрыши и значительно улучшали его матеріальное положеніе, но пріобрѣтенныя ими деньги, какъ легко и случайно доставшіяся, легко и случайно расходились. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ «единственной, хотя и слабой и весьма непрочной, но единственной опорой существованія» Некрасова, какъ онъ самъ выражается въ одномъ изъ писемъ къ Тургеневу (отъ 15 сентября 1851 г.) былъ его журналъ, иначе говоря Некрасовъ жилъ трудами рукъ своихъ. А для того, чтобы литератору жить трудами рукъ своихъ, нужно очень и очень много работать.

Въ моихъ прошлогднихъ статьяхъ о редакторской дѣятельности Некрасова (см. «Голосъ Минувшаго», №№ 9, 10 и 11) приведены подтвержденія того, какъ велико было количество выполняемой имъ, какъ редакторомъ-издателемъ большого печатнаго органа, въ это время работы. «Страшно некогда», «я въ судорожныхъ хлопотахъ»—вотъ обычныя выраженія въ письмахъ Некрасова 40-хъ и первой половины 50-хъ; они даютъ, между прочимъ, и понятіе о характерѣ лежавшаго на его плечахъ дѣла. Оно требовало, по самому существу своему, сношеній съ массой людей, безчисленнаго множества самыхъ мелочныхъ заботъ съ ихъ неизбѣжными аттрибутами—суетней, бѣготней, вѣчно напряженнымъ и возбужденнымъ состояніемъ духа. Это было сплошное кипѣніе, тѣмъ болѣе утомительное и выматывающее душу, что Некрасова никогда не оставляло сознаніе, что цензурныя условія его времени создаютъ у него подъ ногами подобіе вулкана, изверженіе котораго можетъ послѣдовать ежеминутно. Само собой разумѣется, что при подобномъ характерѣ своей дѣятельности редакторъ-издатель «Современника» могъ не опасаться, что его внутреннимъ существомъ овладѣетъ обломовщина, лежавшая въ основѣ тогдашняго барства. А разъ психика Некрасова оставалась свободной отъ вліяній обломовщины, между нимъ и истиннымъ баричемъ продолжала быть цѣлая пропасть.

Съ другой стороны, Некрасову лишь въ незначительной степени былъ свойственъ тотъ утонченный эстетизмъ, который былъ второю натурою типичныхъ представителей 40-хъ годовъ. Хотя онъ, повидимому, и принималъ участіе въ «дружескомъ ареопагѣ», подготовлявшемъ къ печати стихотворенія Фета и, вмѣстѣ съ другими лицами его составлявшими (Тургеневъ, Дружининъ, Анненковъ, Панаевъ), велъ длинные дебаты на тему, возможно ли сохранить въ текстѣ изданія стихи:

«На суку извилистомъ и чудномъ»,
или
«На Крагѣ-ль, по веснѣ».

(см. Воспоминанія Фета, т. I стр. 104—105), однако,самъ, какъ поэтъ, продолжалъ итти своимъ собственнымъ путемъ. Его стихамъ, попрежнему, не было мѣста на столикѣ всякой прелестной женщины въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ это выраженіе Тургеневъ въ письмѣ къ Фету, такъ какъ въ нихъ съ поразительной яркостью отражалась психологія заброшеннаго въ большой городъ пролетарія, чьи переживанія и впечатлѣнія отъ окружающей его дѣйствительности менѣе всего носятъ на себѣ печать «изящнаго». Если читатель возьметъ на себя трудъ и перели-

стаетъ, хотя-бъ, по безобразному нынѣшнему изданію, стихи поэта за время съ 1845 по 1855 гг. т.-е. за цѣлые десять лѣтъ, то онъ легко убѣдится, что среди нихъ преобладаютъ мотивы и темы, навѣянныя городомъ и жизнью въ немъ[1]): пора, наконецъ, признать фактъ, до послѣдняго времени оставлявшійся безъ вниманія, что Некрасовъ не только «печальникъ горя народнаго», но и поэтъ города. Первые шаги на пути къ такому признанію мы находимъ въ статьѣ В. Брюсова («Русскія Вѣдомости», 1912 г. 25 декабря) и относящихся къ Некрасову, страницахъ книги Андреевича (стр. 165—168) [2]). Развѣ не справедливы, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы эти заключительныя сужденія Брюсова: «Некрасовъ заплатилъ щедрую дань городу, запечатлѣвъ въ своихъ стихахъ образъ современнаго ему Петербурга, зарисовавъ тѣ типы и тѣ сцены, которые видѣлъ ежедневно, изобразивъ и его блескъ и его мракъ. Онъ сдѣлалъ это не какъ фотографъ, снимающій на своихъ пластинкахъ все, что «подвертывается» подъ аппаратъ, но какъ художникъ-горожанинъ, самъ живущій одною жизнью съ современнымъ городомъ, глубоко понявшій его жуткое, магнетическое очарованіе. Послѣ Пушкина Достоевскій и Некрасовъ—первые у насъ поэты города, не побоявшіеся и сумѣвшіе обратить въ художественныя созданія то, что предшествовавшему поколѣнію «романтиковъ» казалось «непоэтичнымъ». Это значеніе Некрасова не должно быть забыто въ общей оцѣнкѣ его творчества».

Или что можно возразить Андреевичу, когда онъ доказываетъ, что въ «Петербургскихъ пѣсняхъ» Некрасова впервые появляется столичный герой—пролетарій, нищій», на долю котораго выпадаютъ двѣ жестокія борьбы: борьба за жизнь и борьба за славу [3]), потому что въ томъ-то и заключается истинная особенность большого города, что обѣ эти борьбы идутъ въ немъ рука объ руку... Много пѣсенъ посвятилъ Некрасовъ Петербургу. Быть можетъ, даже, это лучшія его пѣсни. Въ нихъ отчаяніе нищеты, ужасъ одиночества, жалобы неудовлетвореннаго самолюбія, гнѣвъ и злоба на несправедливость жизни. Здѣсь—ничего придуманнаго.

---

[1]) Вотъ тому нѣсколько характерныхъ примѣровъ: 1845 г.—«Современная ода», «Когда изъ мрака заблужденья»; 1846 г.—«Колыбельная пѣсня», «Секретъ»; 1847 г.—«Нравственный человѣкъ», «Ѣду ли ночью по улицѣ темной»; 1848 г.—«Извозчикъ»; 1850 г.—«На улицѣ»: 1) Воръ, 2) Проводы, 3) Гробокъ, 4) Ванька; 1851 г.—«Маша»; 1852 г.—«Застѣнчивость», «Прекрасная партія»; 1853 г.—«Памяти пріятеля», «Памяти-ой», «Филантропъ»; 1854 г.—«Свадьба»; 1855 г.—«Въ больницѣ» и т. д.

[2]) Не могу также не указать статьи г. Клода Л. «Городъ въ поэзіи Некрасова», напечатанной въ «Саратовскомъ Вѣстникѣ» (1912 г. 28 декабря).

[3]) Борьба за славу, т.-е. за лучшее положеніе, за большее признаніе, принимаетъ форму борьбы за право, разъ она воспринята массой.

Некрасовъ, хотя и недолго, но все же былъ близокъ къ голодной смерти. Однажды, когда его вышвырнули изъ квартиры, онъ нашелъ пріютъ у нищихъ.... Очевидно, что столица создала уже матеріалъ для новыхъ соціальныхъ чувствъ, приготовила для нихъ почву. Пустая и холодная комната, близость къ безднѣ нищеты порождаетъ другія настроенія, чѣмъ барская усадьба и «густолиственныхъ кленовъ аллея».

Чтобы давать поэтическій откликъ на эти «соціальныя чувства», да еще въ такой яркуче-яркой формѣ, какъ это дѣлалъ Некрасовъ, надо, конечно, имѣть, употребляя все ту же терминологію, соотвѣтствующее органическое воспріятіе.

Вотъ лишнее подтвержденіе того, что хотя въ періодъ 1848 г.—1855 г. Некрасовъ пріобрѣлъ много барскихъ навыковъ и замашекъ, однако, далеко еще не сталъ бариномъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ были барами другіе члены прежняго кружка Бѣлинскаго. Весьма знаменательно, что самъ поэтъ превосходно понималъ это, что видно изъ того, какъ онъ уже въ періодъ своего медленнаго и мучительнаго умиранія, въ одной изъ бесѣдъ съ Пыпинымъ (см. «Современникъ», 1913 г. № 1, стр. 233) опредѣлялъ разницу между собою и Тургеневымъ: «я съ барами хотѣлъ быть баринъ, хотя не былъ по природѣ баринъ; но я же могъ подраться съ кѣмъ попало въ ресторанѣ Лерхе,—Тургеневъ бы повѣсился отъ этого. Онъ къ Бѣл. поѣдетъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, его тянуло къ какой-нибудь аристократической барынѣ, а я бы не пошелъ туда»....

Но если дѣло обстояло такъ, что же могло связывать Некрасова и съ Тургеневымъ, и съ другими ихъ общими пріятелями? Отвѣтъ ясенъ самъ собой. Какъ ни велики были съ чисто общественной точки зрѣнія недостатки представителей 40-хъ годовъ, все же они являлись лучшими людьми своего времени. И если, съ одной стороны, несомнѣнно, что общеніе съ ними культивировало въ жизни и психикѣ Некрасова барственность въ различныхъ ея проявленіяхъ, то, съ другой стороны, нельзя отрицать, что не сойдись Некрасовъ именно съ этимъ кружкомъ, его развитіе въ сферѣ литературно-эстетической задержалось, а быть можетъ и вовсе пріостановилось, и, надо думать, сильно потускнѣло бы идеалистическое настроеніе, привитое Бѣлинскимъ. Каковы бы ни были общественные и моральные дефекты поколѣнія 40-хъ годовъ, нельзя забывать, что его представители, въ особенности тѣ, съ которыми въ періодъ отъ 1848 г. до 1855 г. приходилось имѣть дѣло Некрасову, были людьми образованными, и образованными, я бы сказалъ, въ европейскомъ смыслѣ, и, кромѣ того, страстно вѣрившими въ справедливость принципа, что «не о хлѣбѣ единомъ

живъ будетъ человѣкъ»... Отъ такихъ людей недавнему жильцу «петербургскихъ угловъ», конечно, было чему поучиться, тѣмъ болѣе, что общеніе съ ними происходило, главнымъ образомъ, на почвѣ общихъ умственныхъ интересовъ, вытекавшихъ изъ ихъ сотрудничества, а его редакторства въ «Современникѣ». Въ результатѣ между Тургеневымъ, Боткинымъ, Григоровичемъ, Дружининымъ, Фетомъ и нѣкоторыми другими лицами, съ одной стороны, и Некрасовымъ, съ другой, создались тѣсныя дружескія отношенія, о которыхъ яркое представленіе даетъ переписка названныхъ лицъ.

В. Евгеньевъ.

Кіевская сатира 50 лѣтъ назадъ.

Чтобы лучше уяснить себѣ смыслъ и значеніе той кіевской сатиры 50 лѣтъ назадъ, о которой будетъ итти рѣчь, приходится начинать очень издалека. Мы такъ привыкли теперь ко всякаго рода календарнымъ изданіямъ, то въ формѣ обыкновенныхъ календарей, то въ видѣ разнообразныхъ справочниковъ, что не можемъ себѣ и представить, что сравнительно недалеко было то время, когда календарь былъ монопольнымъ изданіемъ. Исключительное право издавать календари даровано было академіи наукъ при самомъ основаніи ея, и первый такой календарь вышелъ въ свѣтъ въ 1727 году, безпрерывно издаваясь затѣмъ ежегодно до 1869 года. Несмотря на то, что академія наукъ очень ревниво оберегала свое право, время отъ времени проскакивали и другія изданія, особенно въ концѣ XVIII вѣка, благодаря чему въ декабрѣ 1800 года послѣдовалъ указъ, запрещавшій изданіе всѣхъ незаконно явившихся календарей, кромѣ двухъ-трехъ польскихъ, носившихъ характеръ святцевъ. Впрочемъ, уже черезъ годъ сдѣланы были нѣкоторыя облегченія по изданію календарей, особенно если они носили характеръ «простонародный». Къ числу такихъ календарей принадлежалъ въ теченіе всей первой половины XIX вѣка очень распространенный, особенно въ юго-западной Россіи, «бердичевскій календарь», издававшійся при кармелитскомъ монастырѣ въ Бердичевѣ и расходившійся ежегодно въ количествѣ 40—50 тысячъ экземпляровъ. Когда въ 1864 году былъ упраздненъ кармелитскій монастырь, послѣдовало запрещеніе издавать «бердичевскій календарь», какъ служившій цѣлямъ полонизаціи края.

Вотъ тѣ обстоятельства, при которыхъ въ томъ же 1864 году возникаетъ мысль у директора 1-й кіевской гимназіи А. Ѳ. Андріяшева объ издательствѣ «Кіевскаго народнаго календаря», явившагося на смѣну бердичевскому календарю и въ теченіе многихъ лѣтъ имѣвшаго широкое распространеніе въ Украинѣ, несмотря

на свои крупные недостатки. Когда въ «Кіевлянинѣ» 1864 г. (№ 50) появилось первое объявленіе объ изданіи «Кіевскаго народнаго календаря на 1865 годъ», при чемъ было заявлено, что чистая выручка отъ изданія предназначается въ пользу народныхъ училищъ; когда вмѣстѣ съ тѣмъ издатель выражалъ намѣреніе сдѣлать этотъ календарь не только народнымъ по заглавію, но «составленнымъ примѣнительно къ мѣстности»,—то, понятно, можно было только привѣтствовать появленіе его. Впрочемъ, уже въ первомъ отзывѣ о только-что выпущенномъ въ свѣтъ календарѣ редакція «Кіевлянина» (№ 63) очень сдержанно говорила о достоинствахъ новаго изданія, обѣщая въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ дать болѣе обстоятельный разборъ. Современники, знавшіе хорошо всѣ общественно-политическія конъюнктуры того періода кіевской жизни, дѣлали, конечно, оцѣнку этого предпріятія съ издательствомъ календаря по существу, тѣмъ болѣе, что и содержаніе календаря, и выполненіе давали много поводовъ къ отрицательному отношенію. Никакъ нельзя заподозрить, напримѣръ, въ либеральной тенденціи газету «Кіевлянинъ» и ея редактора В. Я. Шульгина; трудно также допустить, чтобы какой-нибудь антиправительственный взглядъ былъ присущъ и старику М. А. Максимовичу, никогда и въ молодости не слывшему либераломъ,—а между тѣмъ, эти лица вынуждены были въ 1865 году вступить въ небезынтересную полемику съ А. Ѳ. Андріяшевымъ. Дѣло въ томъ, что въ № 2 «Кіевлянина» 1865 года Максимовичъ помѣстилъ статью о «Кіевскомъ народномъ календарѣ», статью спокойную, вполнѣ научную, въ которой онъ отмѣчаетъ, какъ недостатокъ календаря, что онъ мало имѣетъ въ содержаніи своемъ областного характера. Андріяшевъ въ № 9 отвѣчаетъ на эту рецензію Максимовича, при чемъ всѣ возраженія свои сводитъ чуть ли не къ тому, что Максимовичъ—сепаратистъ, областникъ, а онъ—Андріяшевъ—вполнѣ благонамѣренный человѣкъ. Въ его возраженіяхъ встрѣчаемъ такія фразы: «Мы на Кіевъ не можемъ смотрѣть въ настоящее время какъ на главный городъ кіевскаго княжества, или какъ на главный городъ бывшаго кіевскаго воеводства; мы видимъ въ Кіевѣ одинъ изъ центровъ русской жизни, русскій Іерусалимъ, къ которому влекутся всѣ части русскаго государства». По поводу подобныхъ мѣстъ въ отвѣтѣ Андріяшева даже В. Я. Шульгинъ не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать тутъ же очень ехидныхъ замѣчаній, напр.: «желая смотрѣть на Кіевъ какъ можно правительственнѣе, онъ (Андріяшевъ) отъ излишней ревности попадаетъ совсѣмъ на противоположную точку зрѣнія». По поводу же всего отвѣта редакторъ дѣлаетъ примѣчаніе: «мы помѣщаемъ эту статью не потому, чтобы она заключала

въ себѣ серьезныя возраженія противъ добросовѣстной и весьма снисходительной критики г. Максимовича, но потому, что не считаемъ себя въ правѣ лишить издателя кіевскаго народнаго календаря возможности *заявить печатно о своихъ благонамѣренныхъ патріотическихъ чувствахъ*».

Были еще статьи въ «Кіевлянинѣ» (№ 10 и 11) съ обстоятельнымъ разборомъ календаря, написанныя Е. Судовщиковымъ (подписаны Е. С.), гдѣ дается болѣе суровый отзывъ о статьяхъ въ календарѣ, но я не буду останавливаться на нихъ, такъ какъ для моихъ замѣтокъ онѣ интереса не представляютъ. Освѣтивъ, такъ сказать, внѣшнюю обстановку, при которой возникъ андріяшевскій календарь, я хочу теперь, хоть вкратцѣ, обрисовать тѣ внутреннія пружины, которыя направляли жизнь общественную въ Кіевѣ, вообще, и въ кіевскомъ учебномъ округѣ въ частности, т.-е., именно въ той средѣ, съ которою больше всего соприкасался издатель календаря, директоръ гимназіи А. Ѳ. Андріяшевъ.

Польское возстаніе 1863 г., заставивъ правительство быстрыми шагами пойти по реакціонной дорогѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко выдвинуло на очередь вопросъ національный, который сталъ обозначаться все болѣе и болѣе въ духѣ оффиціальной народности, шедшей подъ флагомъ «обрусенія края». Какъ всегда бываетъ въ такіе общественные моменты, сейчасъ же начали всплывать на поверхность этой національной политики тѣ невысокой пробы личности, которыя съ паѳосомъ и съ горящими глазами готовы были распинаться за торжество великой идеи, но которыя, по пословицѣ, «на небо взираютъ, а на землѣ подбираютъ». Учебный міръ Кіева и всего округа въ тотъ періодъ былъ особенно характеренъ. Учебно-воспитательное дѣло, послѣ сравнительно недавняго подъема въ попечительство Н. И. Пирогова, быстро начало скатываться по наклонной плоскости черезъ попечительства бар. Николаи и Ѳ .Ѳ. Витте и докатилось въ 1864 году до попечительства кн. А. П. Ширинскаго-Шихматова, который сталъ чуть не во главѣ кіевской реакціонной группы. Увидѣвъ въ князѣ очень религіознаго человѣка, всѣ стали свою религіозность дѣлать показною: учителя гимназіи, напримѣръ, видя попечителя усердно молящимся въ домовой гимназической церкви, не только стали ходить на обѣдни и вечерни, но сами, на перебой другъ передъ дружкой, брались быть чтецами на клиросѣ, за что одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ приводимой ниже сатирѣ и названо «распроклятымъ пономаремъ». Въ запискахъ А. А. Солтановскаго, печатавшихся въ «Кіевской Старинѣ», разсказанъ очень характерный случай съ полученіемъ мѣста директора каменецъ-подольской гимназіи нѣкіимъ К—омъ (1893 г. № 6), снявшимъ квартиру въ Кіевѣ по сосѣдству

съ квартирой попечителя и уставившимъ образами весь уголъ комнаты, выходившей окнами на улицу. Кн. Ширинскій-Шихматовъ, имѣвшій обыкновеніе совершать ежедневныя прогулки въ опредѣленные часы, обратилъ вниманіе на горящія передъ иконами лампадки и на усердно молящагося человѣка, а когда нѣсколько времени спустя, этотъ самый человѣкъ явился къ князю съ просьбой о мѣстѣ директора каменецъ-подольской гимназіи, то вопросъ былъ рѣшенъ моментально.

Вотъ при какой атмосферѣ кіевской жизни въ половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія затѣяно было Андріяшевымъ издательство календаря. Неудивительно поэтому, что очень многіе изъ современниковъ, знавшіе всю подоплеку, учитывали неискренность народолюбія издателя, а также всѣхъ сопровождавшихъ это народолюбіе аттрибутовъ. Въ результатѣ и явилось далеко недружелюбное отношеніе общества къ самому календарю, который и въ содержаніи своемъ, и въ исполненіи имѣлъ много недостатковъ. Но такъ-сякъ календарь перваго года изданія (на 1865 годъ) прошелъ благополучно, и даже въ «Кіевлянинѣ» 1865 г. (№ 67), несмотря на вышеуказанную полемику съ Андріяшевымъ, былъ помѣщенъ отчетъ объ изданіи съ указаніемъ, куда направлена чистая выручка. Тутъ же издатель сообщалъ, что готовится изданіе календаря на 1866 годъ, и что, «при содѣйствіи учителей 1-й кіевской гимназіи Радкевича и Гаронескуля, а также лекаря Страшкевича и др., (издатель) имѣлъ возможность улучшить изданіе календаря».

Къ сожалѣнію, это улучшенное изданіе календаря, сохраняя многое изъ прежнихъ недочетовъ, преподнесло одинъ курьезъ: на стр. 37-й календаря помѣщена была таблица восхожденія и захожденія солнца, въ которой всѣ мѣсяцы обозначены въ 31 день, и на каждый день указаны часы и минуты восхода и захода солнца. Курьезъ этотъ далъ тему тогдашнему фельетонисту «Кіевлянина» Жанъ-де-Вафелькину (Ѳ. Э. Ромеръ) для остроумной статьи въ № 147, 1865 года. Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ этого фельетона.

«Итакъ, благодаря ученымъ трудамъ новаго Коперника, *годъ отнынѣ становится длиннѣе семью днями*».

Игриво вышучивая все величіе этого изобрѣтенія, авторъ особенно останавливаетъ вниманіе на Касьянѣ. «Посмотрите вы только на Касьяновъ, этихъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» святцами. Вѣковая несправедливость, учиненная имъ Юліемъ Цезаремъ и папою Григоріемъ XIII, исправлена. Теперь ужъ не одни только Касьяны-городничіе, но и всѣ Касьяны вообще станутъ каждый годъ праздновать свои именины»... «Представьте

вы себѣ уморительное положеніе солнца въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца. Стоитъ оно, бѣдняжка, на небѣ и рѣшительно не знаетъ, куда ему кинуться: остаться ли, подобно Іонѣ, еще три дня во чревѣ рыбьемъ, или перейти въ знакъ овна? Вотъ ужъ именно выходитъ ни рыба, ни мясо... Такъ и слышу возгласъ смущеннаго свѣтила: «чортъ возьми, какъ мудрено жить на свѣтѣ при настоящемъ исключительномъ положеніи края!» Но остроумнѣе всего ода—подражаніе Ломоносову.

Ода на споръ юго-западнаго Галилея съ юго-западнымъ Касьяномъ.

О ты, что въ горести напрасно
Ругаешь Цезаря, Касьянъ!
Внимай коль въ ревности прекрасно
Восполненъ нынѣ твой изъянъ!
Перомъ вселенну потрясая
И звѣздъ теченье прерывая,
Директоръ книгу издаетъ
И такъ на споръ тебя зоветъ!

* * *

Сбери, Касьянъ, всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ!
Гдѣ былъ ты, червь, покуда въ чинѣ
Шестого класса цѣлый свѣтъ
Вверхъ дномъ я заново поставилъ,
И сонмъ читателей прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

* * *

Гдѣ былъ ты, рцы, когда для черни
На злотъ отсыпалъ я статей?
Когда въ пространствѣ трехъ губерній
Съ иголочки семь новыхъ дней
Мое величество вѣщали?
Когда въ Полтавѣ возсіяли
Отъ солнца новые лучи?
Смирись, о дерзкій, и молчи.

* * *

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть длиннѣе году быть?

Скажу, по совѣсти, не каждый
Способенъ эдакъ одолжить!
Возмогъ ли ты съ заводовъ Толли [1])
Расходъ усиливать по волѣ,
Чтобъ лишній день мужикъ былъ пьянъ,—
Ты это сдѣлалъ ли, Касьянъ?

* * *

Кто измѣнилъ статью закона?
Кто новый положилъ предѣлъ,
И всѣмъ служить до пенсіона
Полгода лишнихъ повелѣлъ?
Законъ равенства соблюдая,
Не я ль всѣ мѣсяцы сравнилъ,
И, быстро время замедляя,
Всѣхъ старыхъ дѣвъ разодолжилъ?

* * *

Твоей ли хитростью квартиры
Теперь подымутся въ цѣнѣ,
И будутъ всѣхъ хозяевъ лиры
Бряцать хвалою обо мнѣ?
Въ этажахъ низкихъ и высокихъ
Жильцовъ семейныхъ, одинокихъ
Они, конечно, понажмутъ
И деньги лишнія сдерутъ.

* * *

Сіе, Касьянъ, ты разсуждая,
Представь директорову власть,
И календарь его читая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого или покоитъ.
Въ надеждѣ злотый принеси
И экземплярчикъ попроси!

Помѣстивъ этотъ фельетонъ, редакція дѣлаетъ отъ себя слѣдующую замѣтку:

«Мы увѣрены, что г. издатель календаря самъ первый посмѣется вмѣстѣ съ нами при чтеніи веселой шутки фельетониста.

[1]) Продажа водки въ Кіевѣ производилась почти исключительно съ заводовъ И. А. Толли.

Но шутки въ сторону. Мы вполнѣ цѣнимъ доброе намѣреніе г. издателя народнаго календаря принести пользу народнымъ школамъ; мы понимаемъ, что въ календарѣ иногда неизбѣжны мелкіе промахи,—но мы никакъ не можемъ понять, объяснить и извинить такихъ капитальныхъ небрежностей, какъ напримѣръ, невѣрное показаніе (на цѣлое столѣтіе) времени уніи, или присочиненіе 7 новыхъ дней въ году, при чемъ, неисповѣдимымъ для смертныхъ образомъ, вычислено небывалое восхожденіе и захожденіе солнца».

Едва ли, думается намъ, Андріяшевъ посмѣялся при чтеніи веселой шутки фельетониста, какъ приглашалъ его къ этому редакторъ «Кіевлянина»; едва ли,—говоримъ,—потому, что этимъ фельетономъ не ограничились насмѣшки надъ календаремъ и его издателемъ. Пишущій эти строки живо помнитъ, какъ въ концѣ 1865 г. и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ въ Кіевѣ на разные лады вышучивались и высмѣивались всякіе курьезы, связывавшіеся съ именемъ Андріяшева и его присныхъ, при чемъ эти анекдоты касались не только народнаго календаря, а вообще всей жизни и дѣятельности этого кружка. Самымъ распространеннымъ произведеніемъ, разработавшимъ въ сатирической формѣ эти сюжеты, была оперетка, ходившая въ рукописномъ видѣ и, распѣвавшаяся въ частныхъ домахъ, такъ какъ къ тексту этой оперетки были указаны музыкальные мотивы изъ разныхъ оперъ и романсовъ. Трудно было и тогда опредѣлить, кто былъ авторъ этой сатиры; скорѣе всего, это было коллективное творчество, явившееся, конечно, въ кружкѣ тогдашней прогрессивной молодежи, но не студенческой. Слышали мы имена нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ въ творчествѣ, но ручаться за достовѣрность не можемъ, а потому не будемъ называть ихъ. Скажемъ только, что въ рѣдкомъ домѣ тогдашняго Кіева не была извѣстна эта оперетка, сохраняясь то въ рукописи, то заученная наизусть. У насъ лично сохранился экземпляръ, бывшій еще въ домѣ отца, экземпляръ, кажется, не вполнѣ исправный, а главное—не вездѣ обозначающій мотивы. Въ виду того, что сатирѣ этой, когда-то представлявшей животрепещущій общественный интересъ, исполнилось ровно полвѣка, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ предать ее, наконецъ, печати, какъ историческій матеріалъ, раскрывающій и освѣщающій нѣкоторыя страницы нашей общественности въ очень интересную эпоху 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

АНДРІЯШЕВСКІЙ КАЛЕНДАРЬ.

(Опера въ двухъ дѣйствіяхъ)

Дѣйствіе I-е.

Явленіе 1-е.

Андріяшевъ. *(входитъ съ календаремъ).*
Календарь мой въ Петербургъ
Князь Ширинскій ужъ повезъ,
Головинъ и самъ Валуевъ
Имъ растроганы до слезъ.
По пятнадцати копѣекъ
Съ сельскихъ старостъ мы сдеремъ
И съ изданья грошевого
Капиталы соберемъ.
Орденъ мнѣ дадутъ на шею
И субсидію въ карманъ!
Да, Владиміра на шею
И двѣ тысячи въ карманъ!

(Приплясывая).

Орденъ, орденъ, орденъ, орденъ
И хоть тысячу въ карманъ! (bis).

Явленіе 2-е.

Андріяшевъ и его жена.

Жена. *(входитъ при пляскѣ мужа).*
Что, Ѳомичъ, ты разыгрался?
Чорта лысаго возьмешь!
Вмѣсто ордена и денегъ
Лишь убытки понесешь.

Андріяшевъ. Орденъ, орденъ, орденъ, орденъ
И двѣ тысячи въ карманъ (bis).

Жена. Лучше бъ ты на эти деньги
Новый мнѣ купилъ тюрбанъ,
Сшилъ мантилью, да тесьмою
Желтый нашъ обилъ диванъ.

Вмѣстѣ:

Орденъ, орденъ, орденъ, орденъ
И двѣ тысячи въ карманъ!
Орденъ, орденъ, орденъ, орденъ
И хоть тысячу въ карманъ!

Она. Ахъ, какая ты дубина!
Шире раскрывай карманъ!
Ахъ какая ты дубина!
Хоть магистръ[1]), а все болванъ!

Явленіе 3-е.

Тѣ же и хоръ мазуриковъ.

Хоръ. Господинъ директоръ,
Поздравляемъ васъ!
Князь уже пріѣхалъ,
Не забудьте жъ насъ!
Вѣрно мы служили
И будемъ служить;
Князь уже пріѣхалъ,
Просимъ не забыть!

Андріяшевъ. Это мы посмотримъ,
Какъ пойдутъ дѣла;
Потолкуемъ съ княземъ,
Какъ наша взяла.

Хоръ. Алексѣй Ѳомичъ, директоръ!
Не забудьте же вы насъ!
Не забудьте, не забудьте,
Не забудьте, не забудьте!

Андріяшевъ. Мы вотъ этакъ къ лѣту
Больше зашибемъ:
Заведемъ газету,
«Другомъ» [2]) назовемъ.
Будетъ «Другъ Народа»
Бить нашихъ враговъ;
Дастъ намъ воевода
Денегъ, орденовъ.

---

[1]) А. Ѳ. Андріяшевъ былъ магистръ гражданскаго права.
[2]) Съ 1867 г. Андріяшевъ началъ издавать газету «Другъ народа».

Хоръ. Ужъ кого изъ смертныхъ больше
Возвеличить, какъ не васъ!
Алексѣй Ѳомичъ, директоръ,
Не забудьте же вы насъ!

Андріяшевъ. Къ князю мы пойдемъ скорѣе,
Для чего стоять намъ тутъ?
Ахъ, когда-бъ узнать скорѣе,
Что такое намъ дадутъ:
Благодарность, орденъ, деньги...
Что такое намъ дадутъ.

Жена. Знаю я, что оборветесь!
О Алеша, не ходи!
Стыдно будетъ, какъ прогонятъ,
Лучше тутъ сиди и жди!

Хоръ. Къ князю мы пойдемъ скорѣе,
Для чего стоять намъ тутъ...

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Богатиновъ [1]).

Богатиновъ. *(вбѣгая)*. Господа, господа!
Кажется, бѣда, бѣда!

Андріяшевъ. Что такое? говорите!

Богат. *(Мотивъ: Онъ меня разлюбилъ)*.
Вотъ въ газетахъ обругали
Нашъ народный календарь!
Тридцать дней въ немъ, отыскали,
Заключаетъ де февраль.

Хоръ. Вотъ ударъ, вотъ ударъ!
Провалился календарь (bis).

Богат. И къ тому-жъ въ статьѣ «погода»
Врагъ нашелъ большой изъянъ,
А статью «судьба народа»,
Говорятъ, писалъ болванъ.

---

[1]) Учитель кіевской 1 гимназіи, славившійся своей религіозностью.

Хоръ. Вотъ ударъ, вотъ ударъ!
Провалился календарь (bis).

Богат. Ахъ, друзья мои, какъ грустно!
Обругали календарь.

Хоръ. Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! ужасно!
Обругали календарь.

Богат. Ахъ, друзья, мои, какъ гнусно!
Распроклятый тотъ февраль!

Хоръ. Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! ужасно!
Распроклятый тотъ февраль!

Андріяшевъ. *(речитат.)*. Нѣтъ, не можетъ быть,
Чтобы все пропало!
(Мотивъ: Хуторокъ).
Этотъ страшный ударъ,
За какую жъ вину?
Развѣ я не сгибалъ
Предъ начальствомъ спину?
Гимназисты—въ струну;
Мой совѣтъ—ни гу-гу!
Какъ и я, предо мной
Всѣ сгибались въ дугу.
Я ль латынь не читалъ,
Я ли службы не несъ?
Перевелъ даже самъ
Трудный «apegi os» [1]).
И рецинный олей
Изъ бобровъ добывалъ [2]),
И французское *что*
Я за «хвостъ» принималъ [3]).

---

[1]) Упорно ходилъ слухъ, будто Андріяшевъ, любившій замѣщать пропускаемые преподавателями уроки, однажды явился въ классъ, гдѣ была для перевода очередная статейка въ Латинск. хрестоматіи Кюпера; эта статейка передаетъ разсказъ о томъ, какъ учитель научаетъ ученика произнесть букву *a*, для чего говоритъ ему: «apegi os» (открой ротъ). Андріяшевъ, при переводѣ этого мѣста, затруднился и быстро заглянулъ въ словарикъ въ концѣ книги, гдѣ нашелъ слово aper (кабанъ) и перевелъ apegi os—свиное рыло.

[2]) Въ другой разъ будто бы Андріяшевъ сообщилъ ученикамъ, что касторовое масло добывается изъ бобровъ (castor по-лат. боберъ).

[3]) Разсказывали также, что А—въ при переводѣ французскаго текста на урокѣ смѣшалъ слова q u e (что) и l a q u e u e (хвостъ). Вѣроятно, большинство этихъ разсказовъ были анекдоты, но, по духу времени и вкусу, они шли въ обиходъ подъ флагомъ «si none vero e ben trovato».

Много сладостныхъ грезъ
Я въ душѣ сохранялъ,
И чиновъ, и крестовъ,
И субсидій я ждалъ.
А теперь ужъ, кажись,
И мечтать не моги,—
Надъ ошибкой моей
Зубоскалятъ враги.

(*Беретъ съ тоски газету и углубляется въ нее*).

Жена. А не я ли тебя научала
Не мечтать о высокихъ чинахъ,
Сколько разъ я тебѣ толковала,
Что останешься ты въ дуракахъ!
И къ чему не подъ силу работу
На себя ты взвалилъ, дуралей?
Просиди хоть до третьяго поту,
А наградъ не видать, какъ ушей.

Андріяшевъ *(вскакивая)*. Молчи! Не раздражай!
Это ты, Радкевичъ [1]) гнусный,
Распроклятый пономарь,
Ты, астрономъ неискусный,
Погубилъ мой календарь!
Да и ты, братъ Гаронескуль [2]),
О погодѣ чушь всучилъ,
Проклинаю часъ тотъ мерзкій,
Когда васъ я пригласилъ!

Хоръ *(Р-чу и Г-лю)*. Ерунду вы написали
И начальство подвели;
Вамъ, какъ путнымъ, довѣряли,
А вы чуши наплели.

Р—чъ и Г—ль *(дуэтъ)*. Ахъ зачѣмъ же насъ ругаютъ,
Мы и такъ ужъ въ дуракахъ;
Всѣ надежды улетаютъ,
Остаемся на бобахъ.

---

[1]) П. Г. Радкевичъ—учитель 1-й гимназіи, впослѣдствіи директоръ реальныхъ училищъ въ нѣсколькихъ городахъ въ кіевск. учебн. округѣ.
[2]) Учитель географіи въ 1-й гимназіи.

Всѣ. Календарь нашъ провалился,
Пустъ и грустенъ нашъ карманъ.

Жена. А не я ли говорила:
Хоть магистръ, а все болванъ. (bis).

Конецъ 1-го дѣйствія.

Дѣйствіе 2-е.

Явленіе 1-е.

Каллистратовъ, хоръ мазуриковъ и Ширинскій..

Каллистратовъ [1]). Радуйся, великихъ монголовъ отродье,
Магометову ревность къ православію приложившій,
Радуйся, Омаро-подражателю,
Радуйся, Гегеле-сожигателю,
Радуйся, Дарвино-гонителю,
Сѣченово-истребителю,
Самого Островскаго притѣснителю
И Бѣлинскаго въ нигилизмѣ обличителю,
Радуйся, одного Тулова [2]) 4-мя калѣками замѣнившій,
Радуйся, Андріяшева превозвышающій,
Радуйся, Малиновского [3]) изъ Вильно вывезшій
И землю Русскую-Полянскую татары и Литвою обрущающій!
Молитвы наши предъ Богомъ услышаны:
Дали тебѣ святого Станислава,
Получишь ты и весь Соловьевку [4])
И управителя Ильинскаго.
Калѣки, калѣки, твердыня моя!

---

[1]) А. П. Каллистратовъ—чиновн. особ. порученій при попечителѣ учебн. округа. Должность эта была предоставлена ему за проявленныя добродѣтели—ханжество, яко бы преданность національно-русской идеѣ и т. п. Окружными дѣлами онъ совершенно не занимался, но зато завелъ иконную мастерскую и лавку на Андреевской горѣ и болѣе извѣстенъ былъ въ области разныхъ аферъ и интригъ, чѣмъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Былъ очень близокъ къ кн. Ширинскому-Шихматову, и потому игралъ роль въ этомъ мракобѣсномъ кружкѣ.

[2]) М. А. Туловъ, бывшій раньше окружнымъ инспекторомъ, получилъ мѣсто помощника попечителя, а кто былъ назначенъ на его мѣсто, кромѣ Малиновскаго, мы не можемъ опредѣлить теперь.

[3]) Переведенъ изъ Вильно на должность окружнаго инспектора.

[4]) Кажется, кн. Ширинскому-Шихматову дано было изъ конфискованныхъ польскихъ земель имѣніе (весь—село) Соловьевка. Кто и что имѣется въ виду при упоминаніи управителя Ильинскаго, сказать не можемъ.

Ширинскій. (*Мотивъ: Фрейшицъ*).
Скажите, калѣки, что дѣлалось тутъ,
Пока въ Петроградѣ работалъ такъ я,
Чтобъ вреднымъ идеямъ приблизить капутъ?
Скажите, калѣки, походы свои,
Коль много земли безъ меня обошли,
Коль много казны захватили,
И много ли вредныхъ людей вы нашли?

Хоръ. (*Мотивъ: Трубад., хоръ цыганъ*).
Всю Волынь мы исходили,
Завернули и въ Подоль,
Въ Чермну Русь мы погрозили,
О, крамолы есть вдоволь!

Каллистратовъ. Азъ, смиренный, хоть не ѣздилъ
Но немало совершилъ
И, съ своей женой поймавши
Жида, еле не крестилъ.
Волю новую крестьянамъ
Съ образами продавалъ
И на подвиги святые
Капиталы собиралъ.

Хоръ. Да, прекрасно! собиралъ ты,
А зачѣмъ же намъ не далъ?

Каллистратовъ. У Бредихина Григорья
Съ архипастыремъ святымъ
Тысячъ шестьдесятъ я стибрилъ
Со смиреніемъ благимъ [1]).

---

[1]) Дѣло о таинственномъ завѣщаніи нѣкоего Гр. Өед. Бредихина, жившаго въ Кіевѣ и принимавшаго близкое участіе въ кіевскомъ Свято-Владимирскомъ братствѣ, произвело большой шумъ не только въ Кіевѣ, но долетѣло даже до Петербурга, гдѣ въ «Петерб. Вѣдом.» 1865 года была напечатана слѣдующая замѣтка. «Недавно Кіевъ былъ занятъ весьма интереснымъ завѣщаніемъ человѣка, имѣвшаго 60 тыс. рублей капитала и принадлежавшаго къ одной изъ кіевскихъ корпорацій. Всѣ знавшіе покойнаго ожидали, что хотя онъ и имѣетъ бѣдняка-племянника, но завѣщаетъ деньги своей корпораціи. Раскрыли завѣщаніе, и оказалось, что 30 тысячъ завѣщаны лицу, хотя и принадлежащему къ той же корпораціи (въ дальнѣйшемъ выяснилось, что этимъ лицомъ былъ митрополитъ кіевскій Арсеній), но въ личное распоряженіе; другому члену того же общества (А. П. Каллистратову) завѣщано 5 тыс. руб., семьѣ его 3 тыс. руб. и кромѣ того—ему же письменный столъ, въ которомъ нашлось еще на

Хоръ. Да, прекрасно! ты-то стибрилъ,
Да зачѣмъ же не далъ намъ?

Ширин. Ну, довольно, замолчите!
Я приказываю вамъ. *(Всѣ уходятъ).*
Все идетъ пока прекрасно!
Одинъ лишь подгадилъ,
Подгадилъ ужасно!
О, Андріяшевъ, Андріяшевъ!

Явленіе 2-е.

Входитъ Андріяшевъ.

Ширин. *(Мотивъ: Лукр. Борж).*
Ну, постой же ты, братъ Андріяшевъ!
Съ тобою по-свойски расправлюсь!
Календарь твой повезъ я министрамъ
И мечталъ, что и самъ я прославлюсь.
А теперь ты меня оконфузилъ,
Опозорилъ и цѣлый ты округъ.
Надо мною смѣялись министры,
Хохотала и вся канцелярія.
Будешь ты помнить, каналія!

Андріяшевъ. *(Мотивъ: Аддіо (?).*
Простите, не буду...
Богъ видитъ, старался...
Лукавый попуталъ...
Сотрудникъ напуталъ...
Простите, не буду...
Жена, малыя дѣти...
Простите, простите!
Не буду, не буду!
Да кто-жъ изъ васъ (bis) виноватъ?

---

10 тыс. руб. акцій; духовнику 2 тыс., слугѣ 1 тыс. и т. д. Ни племяннику, ни корпораціи ничего не завѣщано». Интереснѣе всего то, что, когда эта замѣтка была перепечатана въ «Кіевлянинѣ» (№ 130), то вскорѣ этотъ самый обиженный родной племянникъ Бредихина помѣстилъ въ «Кіевлянинѣ» (№ 140) длинное письмо съ большими похвалами Каллистратову и съ явной тенденціей обѣлить его въ этомъ дѣлѣ, но весь складъ, и тонъ письма ясно показываютъ, что написано оно подъ давленіемъ Каллистратова. На это даже редакція «Кіевлянина» очень прозрачно намекаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ. А въ указанномъ выше фельетонѣ Жана-де Вафелькина встрѣчаемъ такую фразу: «Это открытіе (т.-е. увеличеніе года) можно сравнить, развѣ съ тѣмъ удивительнымъ подвигомъ, который недавно учинилъ на страницахъ «Кіевлянина» г. родной племянникъ своего дядюшки».

Ширинъ. (*Мотивъ: Чоботы*).
Давай сюда (bis) молодца,
Я ему, я ему удружу,—
Не узнаетъ ни матери, ни отца.
Ступай, зови ихъ, зови всѣхъ!

Явленіе 3-е.

Тѣ же и хоръ.

Ширинъ. Ну кто? скажи: ну кто?

Андріяшевъ. Не я, не я, не я...

Хоръ. То онъ, то онъ, то онъ.. (*указывая на Андр.*).

Андріяшевъ. Они, они, они (*указывая на Р-ча и Г-ля*).

Р-чъ и Г-ль Не мы, не мы...

Хоръ. Нѣтъ, онъ! нѣтъ, онъ! нѣтъ онъ!

Андріяшевъ. Они, они, они...

Ширинъ. О если бъ я, если бъ я ханомъ былъ,
Я всѣмъ бы вамъ секимъ-башка учинилъ!

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Гурьевъ [1]).

Гурьевъ. Охъ ты гой еси, князь сіятельный,
Ой калѣки вы перехожіе,
Ой мазурики преусердные,
Алексѣй Ѳомичъ, предсѣдатель ихъ!
Почто ссоритесь и ругаетесь?
Времена пришли больно трудныя.
Что во Кіевѣ, во святомъ градѣ
Народилась измѣна великая,
Праздникъ празднуютъ всѣ крамольники.
Вотъ послушайте, что повѣдаю.

---

[1]) О личности Гурьева у насъ мало свѣдѣній. Припоминаемъ только, что онъ былъ въ Кіевѣ представителемъ славяно-фильской партіи, былъ какъ-то связанъ съ Г. П. Галаганомъ, Н. А. Ригельманомъ, М. В. Юзефовичемъ. Какое-то кастельство, кажется, онъ имѣлъ къ дѣлу о ссылкѣ учителя Судовщикова въ 1866 году за фразу, сказанную имъ среди разговора въ частномъ домѣ.

(Арія?). Каллистратова обругалъ Шульгинъ,
Андріяшева Ромеръ выругалъ,
И систему твою, о сіятельный,
Порицаетъ Коршъ во Петрополѣ.
Времена пришли больно трудныя!
Примиритеся, обоймитеся,
Соплотитеся, съединитеся,
За доносы вы всѣ пріймитеся *(Всѣ въ раздумьѣ).*

Ширин. Да и то, поди, правду баетъ онъ!
Примиритеся, съединитеся
И доносы писать поклянитеся! *(Всѣ клянутся).*

Хоръ. Въ законъ, въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ
Доносъ, доносъ, доносы лишь писать,
И тѣмъ себя бояться призаставимъ,
Хоть будутъ насъ мазуриками звать.

Андріяшевъ. (*Мотивъ: Хуторокъ*).
И на будущій годъ
Календарь я пущу
И отличный доносъ
Я туда помѣщу.
Хоть и выйдетъ на смѣхъ
Новый «apergi os»,
Но загладитъ весь грѣхъ
Преусердный доносъ.

Хоръ. Въ законъ, въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ
Доносъ, доносъ и т. д.

(Занавѣсъ падаетъ).

Много литературныхъ недочетовъ въ этомъ произведеніи, отчасти, можетъ быть, зависящихъ отъ неисправности нашей рукописи, но мы все же считаемъ нужнымъ въ полувѣковой юбилей этой сатиры вспомнить о ней и перевести ее изъ роли бродячихъ сказаній на положеніе историческаго документа.

В. Науменко.

Мемуары Массона о Россіи.

Въ 1800—2 г.г. въ Парижѣ появились въ трехъ томахъ чрезвычайно интересныя записки подъ названіемъ «Секретные мемуары о Россіи и, особенно, о послѣднихъ годахъ царствованія Екатерины II и начала царствованія Павла I». Они немедленно были переведены на нѣмецкій, англійскій и датскій языки и вызвали рѣзкія нападки извѣстнаго драматурга Августа Коцебу. Авторъ, уже не скрывая своего имени, отвѣтилъ Коцебу, и отвѣтъ его составляетъ четвертый томъ его сочиненія и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, разсказъ объ его высылкѣ изъ Россіи, вмѣстѣ съ его братомъ, въ царствованіе имп. Павла въ 1796 г.

Авторомъ этой книги былъ швейцарецъ Массонъ младшій, который въ 1786 г. при содѣйствіи своего старшаго брата, уже находившагося въ русской службѣ, былъ принятъ на мѣсто преподавателя въ артиллерійскій корпусъ. Онъ женился на дочери лифляндца, барона Розена, и въ 1789 г. сдѣлался гувернеромъ-преподавателемъ при сыновьяхъ президента военной академіи Н. И. Салтыкова, письмоводителемъ его самого на иностранныхъ языкахъ и однимъ изъ его адъютантовъ. Съ этого времени, въ теченіе 8 лѣтъ, Массонъ-младшій живя во дворцѣ при своемъ начальникѣ и имѣлъ возможность наблюдать высшій кругъ русскаго общества. Массонъ сопровождалъ молодыхъ Салтыковыхъ и тогда, когда они ходили къ великимъ князьямъ, чтобы участвовать въ ихъ учебныхъ занятіяхъ.

По отъѣздѣ на родину Лагарпа въ 1795 г. Массонъ сдѣланъ былъ секретаремъ великаго князя, продолжая состоять въ званіи офицера русской службы. Но еще при жизни Екатерины II онъ, хотя и по ничтожнымъ поводамъ, возбудилъ неудовольствіе Павла Петровича, а вскорѣ послѣ вступленія его на престолъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ былъ высланъ изъ Россіи. Разсказъ

Массона объ этой высылкѣ читатели могутъ найти въ статьѣ Д. Д. Рябинина въ «Русской Старинѣ» 1876 г. № 3.

Въ высшей степени интересныя записки Массона были въ свое время запрещены въ Россіи и потому остались неизвѣстными громадному большинству русскаго общества. Кромѣ упомянутаго разсказа ихъ автора о высылкѣ изъ Россіи, была переведена на русскій языкъ въ журналѣ «Заря» 1870 г., кн. 10, только часть первой главы этихъ мемуаровъ о пребываніи Густава IV Адольфа въ Петербургѣ въ 1796 г. Мы даемъ въ переводѣ и эту главу въ болѣе полномъ видѣ, за которою послѣдуютъ и нѣкоторые другіе отдѣлы мемуаровъ Массона. Читателей, желающихъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ вполнѣ, отсылаемъ къ лучшему ихъ изданію на французскомъ языкѣ 1802—04 г.г., но предостерегаемъ противъ наиболѣе доступнаго теперь изданія этихъ мемуаровъ въ XXII т. «Bibliothèque des mèmoires relatifs a l'histoire de France pendant le 18-e siécle avec avant-propos et notes par M. F. Barriére». (P 1859, 1863): въ этомъ изданіи опущены многія интересныя страницы записокъ Массона.

В. С.

I. Пребываніе шведскаго короля въ Петербургѣ.

Послѣ мира въ Верелѣ Екатерина и Густавъ стали обмѣниваться любезностями и оказывать другъ другу вниманіе, совершенно противорѣчившее прежней ненависти, ожесточенію и взаимнымъ поношеніямъ... Въ Швецію былъ отправленъ извѣстный графъ Штакельбергъ, бывшій посломъ, вѣрнѣе господиномъ, въ Польшѣ. Екатерина, жившая въ мирѣ только съ покорными или преданными ей сосѣдями, стала изыскивать новые способы возстановить тамъ свое вліяніе, подорванное талантливымъ и стойкимъ Густавомъ. Ея завѣтной мечтой сдѣлалось бракосочетаніе одной изъ великихъ княженъ съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ; говорятъ, этотъ бракъ былъ тайнымъ пунктомъ мирнаго договора. Несомнѣнно то, что вел. кн. Александра воспитывалась и росла въ надеждѣ сдѣлаться со временемъ королевой Швеціи: ей внушали это, постоянно говоря о симпатичности молодого Густава и объ его рано развившихся достоинствахъ. Сама императрица, смѣясь, часто бесѣдовала съ ней объ этомъ. Однажды она открыла портфель съ портретами нѣсколькихъ принцевъ-жениховъ и стала убѣждать ее выбрать себѣ мужа: дѣвочка, краснѣя, указала на того, о которомъ слышала такъ много хорошаго, и кто въ молодыхъ мечтахъ былъ уже ея женихомъ. Добрая бабушка, упустивъ изъ вида, что внучка, будучи грамот-

ной, узнала шведскаго принца по подписи, вообразила, что выборъ сдѣланъ по внезапному влеченію и съ новыми силами продолжала развивать свой планъ.

Извѣстно также, что нѣкоторыя лица, близкія къ молодому Густаву, старались и въ его сердцѣ пробудить тѣ же чувства. Не знаю, согласился ли бы когда-нибудь упрямый, деспотичный король-отецъ на этотъ бракъ, вполнѣ подходившій для молодыхъ людей, но совершенно противорѣчившій интересамъ обоихъ государствъ. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе таинственной и внезапной смерти Густава планы Екатерины разстроились. А хотѣла она ни болѣе, ни менѣе, какъ отправить его во главѣ шведовъ во Францію, для той же роли, которая когда-то была сыграна Густавомъ Адольфомъ и Карломъ XII въ Германіи и Польшѣ. Она надѣялась, что его постигнетъ тамъ та же участь; а сама подготовлялась выступить въ это время въ роли регентши Швеціи за малолѣтствомъ сироты короля, котораго думала взять подъ свою материнскую опеку вмѣстѣ съ его королевствомъ.

Но герцогъ Зюдерманландскій, захватившій бразды правленія за несовершеннолѣтіемъ своего племянника, высказался вполнѣ опредѣленно противъ русской политики; не будучи такимъ рыцаремъ, какъ братъ, онъ отказался жертвовать своей родиной ради дамъ. Екатеринѣ онъ платилъ той же ненавистью, какою она воспылала къ нему со времени войны, когда грохотъ его канонады доносился до внутреннихъ покоевъ царскаго дворца. Неудачи этой морской компаніи озлобили его противъ русскихъ; онъ зналъ всю брань, всѣ насмѣшки, которыми его осыпали при петербургскомъ дворѣ; зналъ, что въ Эрмитажѣ ставились даже комедіи, въ которыхъ онъ осмѣивался [1])...

Чтобы съ корнемъ уничтожить всѣ надежды Екатерины, регентъ сдѣлалъ весьма чувствительный выпадъ. Отъ лица своего юнаго питомца онъ сдѣлалъ предложеніе принцессѣ Мекленбургской, съ которой и состоялось торжественное обрученіе, о чемъ онъ приказалъ оповѣстить всѣ дворы. Въ Петербургъ съ этой миссіей былъ отправленъ гр. Шверинъ, уже бывавшій въ Россіи и, благодаря своей наружности, имѣвшій тамъ много пріятельницъ; но въ Выборгѣ его ожидало распоряженіе императрицы, запрещавшее ему явиться къ ней: поступокъ весьма странный, въ немъ сказалась не несдержанность государыни, а досада обиженной женщины. Какъ! она не желаетъ принимать установленнаго обы-

---

[1]) Не онъ, а Густавъ III въ комической оперѣ «Горе-Богатырь Косометовичъ» (1789 г.)., аріи въ которой написаны секретаремъ Екатерины Храповицкимъ. «Сочиненія имп. Екатерины II съ объяснит. примѣчаніями А. Н. Пыпина». СПБ. 1901 г. т. II, 469—520 *Ред.*

чаемъ оповѣщенія только изъ-за того, что шведскій король женится на другой, вмѣсто ея внучки! Вѣдь это попросту поступокъ обманутой любовницы, лишенной скромности и истинной гордости. Этотъ унизительный взрывъ досады она должна бы была подавить изъ уваженія къ себѣ, къ своему полу и, главнымъ образомъ, къ своей очаровательной внучкѣ. Въ этотъ моментъ она забыла свою роль *Екатерины Великой*.

Она велѣла своему стокгольмскому повѣренному въ дѣлахъ, вѣрнѣе въ интригахъ, передать регенту въ объясненіе столь обиднаго и неделикатнаго поступка удивительную ноту, которую читали въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ ней она не только возводитъ на герцога Зюдерманландскаго обвиненіе въ *оскорбленіи царскаго величества* изъ-за его сношеній съ Франціей, но и намекаетъ на его соучастіе въ убійствѣ короля-брата, возмездіе за котораго она беретъ на себя. Но досада Екатерины и безразсудство ея министровъ завели ихъ еще дальше. Заговорили о томъ, что съ королемъ шведскимъ собираются поступить, какъ съ Сганарелемъ [1]) и пушками принудить его расторгнуть помолвку съ принцессой Мекленбургской и жениться на великой кн. Александрѣ [2]). Милая великая княжна вполнѣ заслуживала, чтобы молодой принцъ сражался за обладаніе ею, а не отбивался отъ нея. Къ тому же говорили, что король уже влюбленъ въ нее; что дядя насилуетъ его волю, а онъ только и думаетъ, какъ бы избѣгнуть брака съ принцессой Мекленбургской и, дождавшись совершеннолѣтія, заявить о своей склонности къ другой претенденткѣ.

Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ шведовъ, привлеченные обѣщаніями Екатерины и надеждой на милости этой щедрой государыни, постарались внушить молодому королю такое рѣшеніе и возбудить въ сердцѣ его чувство, которое уже вселили въ сердце милой вел. кн. Александры. Существовала даже постоянная переписка между Шверингомъ, Штейнбокомъ и лицами, близко стоявшими къ великимъ княжнамъ; нѣкоторыя изъ писемъ сдѣлались извѣстными императрицѣ при посредствѣ г-жи Ливенъ, главной воспитательницы принцессъ.

Но кто могъ ожидать, что регентъ смягчится и уступитъ

---

[1]) Мольеровскій герой. *Ред.*

[2]) Шумно и торжественно настлали тогда доски черезъ Неву (въ тотъ моментъ ледъ былъ достаточно крѣпокъ, чтобы выдержать ихъ) для облегченія, какъ говорили, перехода артиллеріи, посылаемой въ Финляндію. Вельможи и генералы громко говорили о предстоящей войнѣ— вѣрное доказательство, что это была только игра; не знаю, удалось ли этой уловкой одурачить г-на Стединга (шведскаго посланника). Князь Георгій Долгорукій, генералъ слишкомъ прямой и слишкомъ мало придворный, чтобы плясать по дудочкѣ фаворитовъ, былъ посланъ на границу въ видѣ пугала.

послѣ такихъ рѣшительныхъ выступленій? а онъ уступилъ, не то испугавшись, не то передумавъ. Было рѣшено, что г-нъ Будбергъ, только что объѣхавшій Германію въ поискахъ за супругой для вел. кн. Константина и привезшій принцессу Кобургскую съ тремя дочерьми, вполнѣ способенъ преодолѣть всѣ трудности пріисканія мужа для молодой великой княжны. Онъ поѣхалъ сперва въ Мекленбургъ, чтобы добиться тамъ отказа, а оттуда его отправили посломъ въ Стокгольмъ. Деньги, угрозы, обѣщанія восторжествовали наконецъ. Екатерина добилась того, что король женится только по достиженіи совершеннолѣтія; а регентъ, желая, вѣроятно, показать, что питомецъ его воленъ въ своемъ выборѣ и въ своихъ поступкахъ, согласился на поѣздку въ Петербургъ, куда ихъ такъ сердечно звали. Истинная причина этого приглашенія, вопросъ о бракѣ, былъ затронутъ только слегка, въ сентиментальной формѣ. *Если, какъ говорятъ, дѣти уже любятъ другъ друга, и если они при свиданіи окажутся подходящими другъ для друга, можно будетъ подумать о ихъ счастіи,*—такъ говорила императрица. Присутствіе короля при своемъ дворѣ она считала выигрышемъ дѣла. Екатерина разсчитывала на прелесть принцессы и на тѣ любезности, которыя сама собиралась расточить королю, регенту и ихъ свитѣ. Она не сомнѣвалась, что юный Густавъ, увидавъ ту, которую дерзнулъ отвергнуть изъ государственныхъ соображеній, отдастъ за обладаніе ею и царство, и всю славу Карла XII.

14/25 августа 1796 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ своимъ дядей и съ довольно многочисленной свитой и остановился у своего посла г-на Стединга. Весь городъ стремился увидать молодого монарха. Императрица, жившая въ Таврическомъ дворцѣ, переѣхала въ Эрмитажъ для пріема и для празднествъ въ честь его [1]). Съ перваго же свиданія она казалась очарованной и сама *почти влюбленной* [2]); онъ хотѣлъ поцѣловать ей руку она воспротивилась.—*Нѣтъ*, сказала она, *я не забуду что, графъ Гаагскій*[3])—*король.—Если ваше величество*, отвѣтилъ онъ, *не желаетъ мнѣ разрѣшить этого, какъ императрица, то пусть разрѣшитъ, какъ дама, которую я уважаю и которою восторгаюсь.*—Свиданіе съ юной принцессой было еще интереснѣе: оба страшно смутились, и жадно устремленные на нихъ взоры всего двора только увеличили это смущеніе. Оба несомнѣнно рѣшили, что они достойны питаемыхъ

---

[1]) Екатерина только пріѣзжала изъ Таврическаго въ зимній дворецъ въ дни торжественныхъ собраній. *Ред.*

[2]) Ея собственныя слова.

[3]) Имя, которое принялъ на время этой поѣздки юный монархъ; регентъ же назвался графомъ Ваза.

съ дѣтства другъ къ другу чувствъ; и самая очаровательная принцесса, быть можетъ, будетъ самой несчастной, если государственные интересы Швеціи или своенравіе теперешняго государя помѣшаютъ заключенію этого брака.

Александра Павловна больше, чѣмъ кто-либо, заслуживаетъ счастья. Въ четырнадцать лѣтъ она уже выросла и сформировалась: благородная, величественная осанка смягчалась присущей ея возрасту и полу граціей; черты ея были правильны, цвѣтъ лица ослѣпителенъ; ясный, чистый, невинный лобъ носилъ божественную печать; ея красивую голову осѣняли свѣтлые, пепельные волосы, причесанные, казалось, рукою фей. Ея умъ, таланты и доброта вполнѣ соотвѣтствовали обольстительной наружности. M-elle Виламова, ея гувернантка, способствовала развитію самыхъ благородныхъ и чистыхъ чувствъ въ душѣ ея. Съ дѣтства она плѣняла и восхищала всѣхъ близкихъ здравыми сужденіями и особою чуткостью.

Рѣдко можно было встрѣтить молодого человѣка, не говорю уже короля, болѣе интереснаго, лучше воспитаннаго и такъ много обѣщающаго, какъ шведскій король. Ему минуло семнадцать лѣтъ, онъ былъ высокъ и тонокъ, съ благороднымъ, умнымъ и мягкимъ выраженіемъ лица, въ его внѣшности было что-то значительное, гордое, внушавшее уваженіе, несмотря на молодость; въ юношеской граціи его не было присущей этому возрасту неуклюжести. Онъ былъ просто и учтиво вѣжливъ; все, что онъ говорилъ, было продумано: къ серьезнымъ вещамъ онъ относился съ несвойственнымъ юности вниманіемъ, его познанія указывали на очень тщательное воспитаніе, и его никогда не покидала извѣстная гордость, напоминавшая объ его санѣ. Казалось, его совсѣмъ не ослѣпила вся та роскошь россійской имперіи, которую передъ нимъ старательно выставляли на показъ. Онъ быстро освоился съ блескомъ и многолюдствомъ двора и чувствовалъ себя тамъ менѣе стѣсненнымъ, чѣмъ сами великіе князья, которые ни съ кѣмъ не умѣли разговаривать: и при дворѣ, и въ городѣ дѣлались весьма лестные для иностраннаго принца сравненія. Сама императрица дала замѣтить, что она съ горечью видитъ разницу между принцемъ и своимъ вторымъ внукомъ, грубости и шалости котораго настолько раздражали ее, что за время пребыванія шведскаго короля она разъ или два велѣла посадить его подъ арестъ [1]).

---

[1]) Эта разница непріятно поражала общество и оскорбляла добрыхъ россіанъ во многихъ случаяхъ, когда король показывался вмѣстѣ съ молодыми великими князьями. Во время упражненій кадетскаго артиллерійскаго корпуса, когда юный Густавъ, обращавшій вниманіе на все

Всѣ вельможи имперіи наперерывъ старались раздѣлить радость Екатерины, и она сама, распредѣливъ дни, намѣтила тѣхъ, кто долженъ былъ устроить у себя праздники въ честь ея молодого гостя. Графы *Строгановъ*, *Остерманъ*, *Безбородко*, *Самойловъ* отличились огромными расходами и широкимъ размахомъ въ великолѣпіи празднествъ. Придворные старались превзойти другъ друга богатствомъ одеждъ, а генералы—военными зрѣлищами, которыя они устраивали въ честь короля. Старикъ-генералъ Мелиссино особенно отличился маневрами и фейерверкомъ, который велѣлъ устроить. Густавъ былъ въ постоянномъ восторгѣ; но тѣмъ не менѣе онъ съ пользой проводилъ утренніе часы, обходя городъ пѣшкомъ и осматривая съ регентомъ все, для него интересное и поучительное: вездѣ его вопросы и отвѣты обличали и умъ и хорошее образованіе. Регентъ, видя всеобщее одобреніе своему воспитаннику, казалось, наслаждался своимъ произведеніемъ. Самъ онъ—человѣкъ очень маленькаго роста, съ непринужденными, вѣжливыми манерами, вдумчивый и наблюдательный, съ огненнымъ взглядомъ; по разговорамъ его видно, что онъ уменъ,—они всякаго заставляютъ подумать.

Понятно, что во время непрерывныхъ празднествъ молодые влюбленные могли постоянно видаться, танцевать и разговаривать между собой; они привыкали другъ къ другу и, казалось, были взаимно очарованы. Старая Екатерина помолодѣла: давно она уже столько не хлопотала и не веселилась. Предстоящая свадьба переставала быть тайной, объ ней всѣ говорили. Императрица обращалась уже къ юному королю и своей внучкѣ, какъ къ жениху и невѣстѣ, она поощряла ихъ любовь. Однажды, она заставила ихъ при себѣ обмѣняться *первымъ поцѣлуемъ любви*, несомнѣнно, первымъ для дѣвственныхъ устъ молодой принцессы, оставившимъ, вѣроятно, то нѣжное и дорогое впечатлѣніе, которое надолго сдѣлало ее несчастной.

Между тѣмъ вырабатывались условія столь желаннаго брака. Вопросъ о религіи былъ единственный, представившій нѣкоторыя затрудненія. Екатерина предчувствовала, какъ отнесется дворъ къ этому вопросу, и совѣтовалась даже съ архіепископомъ, чтобы узнать, можетъ ли ея внучка отречься отъ православія, но вмѣсто

существенное, разговаривалъ съ окружающими его генералами и съ вел. кн. Александромъ, на котораго возложена была обязанность чествовать его отъ лица имперіи, вел. кн. Константинъ бѣгалъ и кричалъ позади солдатъ, смѣшно передразнивалъ ихъ, грозилъ имъ и даже билъ прикладомъ, за что и получалъ выговоры. Очень досадно, что теперь этотъ молодой князь совершенно предоставленъ своимъ капральскимъ склонностямъ, которыя были несчастьемъ и смѣшной стороной его дѣда и отца. Эти мелочи поглощаютъ драгоцѣнное время юности и окончательно портятъ умъ и сердце.

отвѣта, котораго она ждала, онъ ограничился словами: *Ваше величество всемогущи.* Великая патріархиня Россіи, увидавъ, что духовенство не такъ податливо, какъ казалось, и не поддержитъ ее своимъ авторитетомъ, захотѣла показать себя болѣе русской, чѣмъ сами русскіе. Она рѣшила, что шведская королева будетъ православной, не изъ уваженія къ греческой религіи, а скорѣй изъ желанія польстить національной гордости. Съ одной стороны все это льстило тщеславію ея и ея министровъ, а съ другой,—казалось небывалымъ униженіемъ шведскаго народа и правительства. Къ тому же она намѣревалась отправить съ молодою королевою поповъ, духовниковъ и другихъ надежныхъ лицъ, которые должны были оказывать ей поддержку въ интересахъ Россіи. Король былъ влюбленъ, ослѣпленъ; регентъ, казалось, совершенно покоренъ; было невѣроятно, чтобы послѣ столь рѣшительныхъ шаговъ, они отказались отъ этой сдѣлки. Въ частныхъ разговорахъ только слегка касались деликатнаго пункта; никто и не ожидалъ, что Екатерина окажется такой святошей; а король намекалъ, что изъ уваженія къ предразсудкамъ русской націи принцесса будетъ освобождена отъ формальнаго отреченія. Увѣренная, что отступленіе невозможно, императрица поручила своимъ министрамъ-фаворитамъ Зубову и Моркову выработать договоръ согласно ея намѣреньямъ. Съ другой стороны шведскій посланникъ формально просилъ руки великой княжны на данной ему для этого аудіенціи: день и часъ обрученія былъ назначенъ на вечеръ 10/21 сентября.

Для счастливой, высокомѣрной Екатерины этотъ день сталъ днемъ величайшаго горя, днемъ величайшаго, никогда неиспытаннаго униженія. Всему двору былъ данъ приказъ явиться въ тронный залъ *въ полномъ парадѣ.* Съ семи часовъ вечера тамъ уже собрались юная принцесса, одѣтая невѣстой, въ сопровожденіи своихъ молоденькихъ сестеръ; великіе князья съ супругами, всѣ дамы, всѣ кавалеры, и пріѣхавшій на обрученіе дочери изъ Гатчины великій князь-отецъ съ великой княгиней. Сама императрица появилась во всемъ своемъ великолѣпіи—не было только юнаго жениха. Его мѣшкотность вызвала сперва только изумленіе. Но многократныя появленія и исчезновенія князя Зубова, явное нетерпѣніе императрицы скоро возбудили любопытство и перешептываніе дамъ. Что случилось? Не заболѣлъ ли король? онъ, по меньшей мѣрѣ, невѣжливъ... какъ смѣетъ онъ заставлять ждать *государыню* и весь дворъ въ тронномъ залѣ! Между тѣмъ король, ожидаемый, «какъ супругъ одиннадцати тысячъ дѣвъ», не появлялся.

Вотъ причина этого страннаго опозданія. Король долженъ

былъ отправиться ко двору въ семь часовъ вечера: а въ шесть дипломатъ Морковъ привезъ ему брачный контрактъ, только что составленный имъ вмѣстѣ съ Зубовымъ. Густавъ, прочтя его и увидавъ тамъ пункты, о которыхъ не было условлено съ императрицей, очень изумился и спросилъ, отъ ея ли имени даютъ ему его на подпись [1]).

На утвердительный отвѣтъ Моркова онъ возразилъ, что это невозможно. Онъ замѣтилъ, что не хочетъ стѣснять совѣсть принцессы; что наединѣ она можетъ исповѣдывать свою религію, но что онъ не согласенъ ни на часовню,ни на духовенство въ королевскомъ дворцѣ, и что на людяхъ и во всѣхъ публичныхъ церемоніяхъ она, напротивъ, должна исповѣдывать религію страны. Представьте себѣ изумленіе и замѣшательство глупаго Моркова: ему пришлось забрать свои бумаги и доложить Зубову объ отказѣ короля подписать ихъ. Скоро онъ вернулся въ большомъ волненіи,---императрица, окруженная всѣмъ дворомъ, уже находилась въ тронномъ залѣ; съ ней невозможно было говорить, она ждала короля, и всѣ надѣялись, что онъ не захочетъ произвести скандала, который будетъ неслыханнымъ безчестьемъ для государыни, для молодой принцессы и для всего государства. Безбородко и еще нѣкоторые являлись одинъ за другимъ, убѣждая, настаивая и умоляя короля уступить: всѣ спрошенные шведы склонялись къ уступкѣ. Регентъ сказалъ только, что все зависитъ отъ короля; онъ отвелъ его въ сторону, прошелся съ нимъ по комнатѣ, и, тихо разговаривая, казалось, убѣждалъ его. Но король громко отвѣтилъ: *Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу! я не могу! я не подпишу!* Никакія увѣщанія и приставанія русскихъ министровъ не сломили его, и раздраженный всей этой назойливостью, онъ удалился, наконецъ, въ свою комнату,заперевъ за собою дверь и повторивъ предварительно свой ясно и точно формулированный отказъ подписать что бы то ни было, противорѣчащее законамъ его родины. Русскіе министры остолбенѣли отъ *дерзости* короля-ребенка, осмѣлившагося такъ сопротивляться ихъ *владычицѣ*. Они начали совѣщаться о томъ, какъ сообщить ей объ этой катастрофѣ.

Если стойкость, выказанная въ данномъ случаѣ юнымъ Густавомъ была его *собственной стойкостью*; если настоятельныя

---

[1]) Въ этихъ пунктахъ было сказано, что у принцессы въ королевскомъ дворцѣ будетъ своя часовня и свое особое духовенство, и перечислялись державшіяся въ большой тайнѣ обязательства Швеціи противъ Франціи, но этому препятствовали еще болѣе секретныя обязательства регента относительно директоріи. Можно думать, что проявленное имъ упорство въ нежеланіи дѣйствовать противъ Франціи поддерживалось обѣщанными и частью уже полученными четырьмя милліонами. (У него была привычка протягивать рукой шляпу, дававшая придворнымъ поводъ къ самымъ злымъ насмѣшкамъ).

просьбы, съ которыми, казалось, къ нему обращались его совѣтники не были хитростью, то это обѣщаетъ его народу твердый характеръ: ему нельзя не удивляться въ юномъ семнадцатилѣтнемъ принцѣ, котораго должна была бы прельщать одна только любовь. Но, кажется, что совѣты регента были къ его чести притворны, онъ хотѣлъ только все свалить на упрямство короля, чтобы не навлечь исключительно на себя месть Екатерины. Большинство же шведовъ изъ свиты Густава были дѣйствительно подкуплены или обольщены: это были молодые придворные, сильно разсчитывавшіе въ этомъ путешествіи на свадебные подарки и теперь раздосадованные, что свадьба не состоится. Посолъ Стедингъ разыгралъ довольно мудреную роль, а г-нъ Флеммингъ открыто заявилъ, что онъ никогда не посовѣтовалъ бы королю итти противъ законовъ королевства.

Споры между министрами императрицы и королемъ тянулись почти до десяти часовъ. Екатерина и дворъ все еще ждали, но пришлось, наконецъ, сообщить ей, что все расторгнуто. Князь Зубовъ, таинственно приблизившись къ ней, зашепталъ ей на ухо: она поднялась, пробормотала что-то и почувствовала себя дурно; у нея сдѣлался легкій ударъ—предшественникъ того, который нѣсколько недѣль спустя свелъ ее въ могилу. Императрица удалилась, и дворъ былъ распущенъ подъ предлогомъ внезапнаго нездоровья короля. Но вѣсть объ истинныхъ причинахъ быстро распространилась. Одни возмущались дерзостью маленькаго шведскаго короля;другіе—неосторожностью мудрой Екатерины, которая такъ легкомысленно подверглась этой непріятности, но больше всего возмущались самонадѣянностью Зубова и Моркова, которые хотѣли обойти шведовъ и вообразили, что врасплохъ добьются подписи брачнаго контракта [1]).

Очаровательная Александра оказалась самой несчастной жертвой всей этой глупой хитрости и жестокой надменности. У нея едва хватило силъ вернуться въ свои покои; тамъ, заливаясь слезами, въ присутствіи гувернантокъ и камеристокъ она впала въ отчаяніе, тронувшее всѣхъ близкихъ и повлекшее за собой серьезную болѣзнь. Черезъ день послѣ этой непредвиденной развязки было тезоименитство вел. кн. Анны Федоровны [2]): по этикету, полагался придворный балъ, но никто не хотѣлъ на немъ танцевать. Король все же отправился туда; императрица появилась

---

[1]) Разсказъ самой Екатерины объ этихъ событіяхъ см. въ ея письмахъ русскому послу въ Швеціи, генералу Будбергу отъ 17 и 19 сент. 1796 г. «Сбор. русскаго Историческаго Общества» т. IX. 300—301. *Ред.*

[2]) Супруга вел. кн. Константина, рожденная принцесса Саксенъ-Кобургская.

на минуту, но не сказала съ нимъ ни слова. Даже Зубовъ явно дулся на шведскаго короля; на всѣхъ лицахъ было замѣшательство. Больная Александра не появилась. Король протанцевалъ съ другими принцессами, минутку побесѣдовалъ съ вел. кн. Александромъ и скоро удалился, раскланявшись со всѣми еще вѣжливѣе, чѣмъ обыкновенно; это было его послѣднее появленіе при дворѣ. Дни торжествъ, блеска и празднествъ внезапно смѣнились днями уединенія и унынія; и никогда ни одинъ король не проводилъ столь печально и непріятно время при иностранномъ дворѣ. Одни притворялись, другіе были дѣйствительно больны. Всѣ сочувствовали Густаву и Александрѣ, возбудившимъ всеобщую симпатію. Ее жалѣли, какъ жертву надменности и глупости, его же за то, что ему приходилось принести столь тяжелую для сердца жертву [1]). Зубова и Моркова громко проклинали, поведенія императрицы никто не понималъ; сама она была въ величайшей досадѣ. Утверждаютъ, что оскорбленные фавориты дерзнули внушать ей мысль прибѣгнуть къ насилію надъ молодымъ принцемъ, бывшимъ въ ея власти. Почти совсѣмъ одна она удалилась на цѣлый день въ Таврическій дворецъ подъ предлогомъ празднованія закладки часовни, въ дѣйствительности же, чтобы скрыть отъ взоровъ двора снѣдавшую ее печаль и чтобы побесѣдовать съ духовенствомъ и фаворитами о создавшемся для нея затруднительномъ положеніи.

Попытались немного поправить дѣло. Король видѣлся съ нею еще разъ наединѣ, а вельможи устроили нѣсколько совѣщаній. Въ концѣ-концовъ, Густавъ уклонился отъ прямого отвѣта, заявивъ, что не будучи въ правѣ, по шведскимъ законамъ, исполнить желаніе императрицы, онъ посовѣтуется объ этомъ съ сеймомъ, который соберется при его совершеннолѣтіи. Если сеймъ согласится на то, чтобы королева была православною, онъ будетъ вновь просить руки великой княжны. Русскій деспотизмъ, возмущенный подобными рѣчами короля, тщетно старался подстрекнуть его презрѣть сеймъ и предлагалъ даже необходимыя силы на случай подавленія *мятежа*: другого рѣшенія отъ короля не добились.

Таковъ былъ конецъ путешествія; газеты едва осмѣливались

---

[1]) Позднѣе онъ женился на молодой принцессѣ Фредерикѣ Баденской, сестрѣ вел. кн. Елизаветы. Извѣстно, что, несмотря на прелесть своей, молодой супруги, онъ съ ней несчастливъ; боюсь что и Александра, которая, какъ говорятъ, выходитъ за австрійскаго эрцгерцога, тоже несчастна*).

*) Увы! грустное предчувствіе автора оправдалось очень скоро. Прелестная принцесса, которую выдали за эрцгерцога, палатина Венгерскаго, только что умерла 17 лѣтъ отроду.

«Будучи розой, она и прожила вѣкъ розы».

говорить о немъ. Король уѣхалъ черезъ восемь дней послѣ разрыва, въ день празднованія рожденія вел. кн. Павла [1]). Онъ оставилъ за собой много горечи и досады въ императрицѣ, много страданій и любви въ сердцѣ загрустившей и заболѣвшей молодой великой княжны, и всеобщее сожалѣніе и уваженіе. Несмотря на неожиданный разрывъ, во избѣжаніе скандала, обмѣнялись подарками. Богатство и изящество подарковъ шведскаго короля, сильно изумило русскихъ, которые старались обращаться съ нимъ, какъ съ *бѣднымъ мальчикомъ*.

Если во всемъ этомъ дѣлѣ такъ мало говорили о вел. кн. Павлѣ, то это только потому, что съ нимъ также мало считались въ вопросахъ, касающихся его дѣтей, какъ и въ вопросахъ, касающихся государства. Онъ жилъ въ своемъ Гатчинскомъ дворцѣ, и за все, почти шестинедѣльное, пребываніе короля, только разъ или два появился въ Петербургѣ [2]). Великая же княгиня, его супруга, три или четыре раза въ недѣлю продѣлывала это скучное и утомительное путешествіе, чтобы присутствовать на празднествахъ и проявлять хотя бы внѣшнимъ образомъ свои материнскія права и обязанности. Добрая великая княгиня говаривала: *Если мнѣ всѣхъ дочерей придется выдавать съ такимъ же трудомъ, какъ эту, то я умру отъ однихъ переездовъ.* Король для проформы былъ разъ въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ. Павелъ и регентъ были люди слишкомъ различные, чтобы понравиться другъ другу; и въ данномъ случаѣ, Павелъ впервые оказался солидарнымъ съ своей матерью и даже превзошелъ ее строгостью и преданностью православію. Весьма возможно, что своенравіемъ своимъ онъ создастъ столько же препятствій счастью дочери, сколько создало тщеславіе Екатерины и бездарность ея министровъ [3]). Уже одни костюмы шведовъ, ихъ короткое платье, плащи, ленты, и круглыя шляпы внушали ему непреодолимое отвращеніе.

Русскіе дипломаты оказались въ весьма смѣшномъ положеніи вслѣдствіе неудачи этого брака...

---

[1]) Теперешняго императора; 20-го сентября стараго стиля или 1 октября новаго.

[2]) Въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ говорится о посѣщеніи имъ всѣхъ праздниковъ. *Ред.*

[3]) Немного спустя послѣ восшествія на престолъ Павелъ вошелъ какъ-то въ комнаты дочерей своихъ и сталъ шутить съ одною изъ ихъ фрейлинъ по поводу ея предстоящей свадьбы. *Что же касается моей дочери Александры,* добавилъ онъ, *то ее пока нельзя, выдавать замужъ, потому что ея женихъ еще не умѣетъ писать.* Онъ только что получилъ отъ шведскаго короля письмо, въ которомъ секретарь пропустилъ нѣсколько титуловъ самодержца и, между прочимъ, совсѣмъ новый титулъ герцога Курляндскаго и др....

II. Женитьба великихъ князей.

Изъ всѣхъ привезенныхъ въ Россію жертвъ [1]) двѣ молоденькія Баденъ-Дурлахскія принцессы показались наиболѣе интересными и красивыми. Ихъ мать, пріятная женщина и достойная мать уважаемой семьи, рожденная принцесса Дармштадтская, уже была разъ тутъ съ своими сестрами, одна изъ которыхъ имѣла несчастье быть первой женой Павла. Она не захотѣла появиться сама съ дочерьми на той аренѣ, гдѣ ее самое выставляли, и поручила ихъ графинѣ Шуваловой, вдовѣ автора посланія къ Нинонъ, ведшей всѣ переговоры совмѣстно съ нѣкіимъ Стрекаловымъ, который держался, какъ казакъ, посланный въ Грузію, чтобы похитить дѣвушекъ для гарема султана.

Принцессы пріѣхали послѣ долгаго и тягостнаго путешествія, поздней осенью 1792 г., ночью, въ самую убійственную, очевидно, удручавшую ихъ погоду. Ихъ привезли въ прежній Потемкинскій дворецъ, гдѣ онѣ и были представлены императрицѣ, которую сопровождала ея фаворитка г-жа Браницкая. Юныя принцессы приняли сперва послѣднюю за Екатерину, но графиня Шувалова вывела ихъ изъ заблужденія, и онѣ, упавъ къ ногамъ императрицы, стали со слезами цѣловать ея платье и руки, пока она не подняла и не расцѣловала ихъ; затѣмъ имъ дали поужинать на свободѣ. На слѣдующій день, когда онѣ еще одѣвались, Екатерина посѣтила ихъ и принесла съ собой Екатерининскія ленты, драгоцѣнности и матеріи. Она велѣла показать себѣ ихъ гардеробъ, и, осмотрѣвъ его, сказала: «*Друзья мои, когда я пріѣхала въ Россію, я была бѣднѣе васъ* [2]).

Въ тотъ же день молодые великіе князья увидали ихъ у своей бабки. Старшій, подозрѣвавшій причину ихъ пріѣзда, былъ задумчивъ и смущенъ, онъ промолчалъ все время. Екатерина объяснила, что она вызвала ихъ съ цѣлью воспитать при своемъ дворѣ, такъ какъ знакома съ ихъ матерью и такъ какъ французы заняли ихъ родину [3]). По возвращеніи великіе князья много говорили о нихъ, и Александръ сказалъ, что находитъ старшую очень кра-

[1]) Екатерина вызывала одиннадцать нѣмецкихъ принцессъ, чтобы женить своего сына и внуковъ: трехъ принцессъ Дармштадтскихъ, привезенныхъ матерью; трехъ Вюртембергскихъ (но онѣ доѣхали только до Пруссіи: Фридрихъ единственный потребовалъ, чтобы великій князь проявилъ галантность и сдѣлалъ полъ дороги); двухъ принцессъ Баденскихъ и трехъ Кобургскихъ, привезенныхъ также матерью. Молодой король шведскій сдѣлалъ самъ три путешествія за предѣлы своихъ владѣній, чтобы выбрать себѣ супругу; а для русскаго младшаго великаго князя вызвали трехъ принцессъ изъ глубины Германіи!

[2]) Въ концѣ своей жизни Екатерина часто говаривала: въ Россію я пріѣхала бѣдной, но расплатилась съ имперіей: Таврида и Польша—приданое, которое я ей оставлю.

[3]) Это было во время экспедиціи Кюстина въ Германію.

сивою [1]). «*Ахъ, нѣтъ*! воскликнулъ младшій, *обѣ нехороши: ихъ надо послать въ Ригу къ Курляндскимъ принцамъ; онѣ для нихъ только и годны*» [2]).

Слова Александра сейчасъ же были переданы бабкѣ; она пришла въ восторгъ, что ему понравилась именно та, которую она ему предназначала и которою сама, казалось, была очарована. Екатерина утверждала, что она, когда пріѣхала въ Россію, была похожа на Луизу Баденскую; она велѣла принести сдѣланный тогда портретъ свой, сличила ихъ, и всякій, понятно, находилъ, что онѣ похожи, какъ двѣ капли воды. Съ тѣхъ поръ она особенно привязалась къ юной принцессѣ, удвоила свою нѣжность къ Александру и съ увлеченіемъ занялась проектомъ о немедленной передачѣ имъ престола.

Молодыя иностранки въ первый разъ появились при дворѣ въ день пріема польскихъ депутатовъ, прибывшихъ для принесенія благодарности великой Екатеринѣ за ту честь, которую она только что оказала республикѣ, оставивъ за собой три четверти ея [3]). Принцессъ ослѣпило великолѣпіе двора, а ихъ юная грація, казалось, не меньше очаровала всѣхъ окружающихъ; но со старшей случилось несчастье, заставившее суевѣрныхъ русскихъ говорить, что она не будетъ счастлива въ Россіи. Приближаясь къ Екатеринѣ, она споткнулась о ступеньку трона и упала во весь ростъ. Да не исполнится столь грустное предзнаменованіе!

Принцесса Луиза съ улыбкой встрѣчала судьбу свою. Сестра же ея, совершенно равнодушная къ блеску двора, цѣлыми днями горько оплакивала свою родину и родныхъ, такъ что ее,

---

[1]) Она была дѣйствительно восхитительна: при русскомъ дворѣ только одна вел. кн. Александра можетъ по красотѣ сравняться съ нею. Ея тринадцатилѣтняя сестра еще не сформировалась, но въ ней больше пикантности и остроумія.

[2]) Эти принцы воспитывались тамъ, какъ будущіе преемники герцога, ихъ дяди. Старшаго предназначали второй вел. кн., Еленѣ Павловнѣ. Но судьба ихъ очень измѣнилась. Они служатъ оберъ-офицерами въ арміи Павла, а старшій только что сосланъ въ гарнизонъ инвалидовъ. Его мать, супруга принца Карла Курляндскаго, испрашивала у Павла прощеніе сыну и получила слѣдующій отвѣтъ въ петербургской газетѣ, гдѣ онъ публикуетъ свои резолюціи на частныя прошенія, ему подаваемыя: *Принцессѣ Биронъ, которая проситъ о возвращеніи сына—Отказъ.*

[3]) Въ это время еще оставили часть польскаго королевства или республики. Депутація же была принята, какъ отъ подчиненной провинціи: депутаты стояли безъ шляпъ, а императрица сидѣла; она привѣтствовала ихъ простымъ наклоненіемъ головы, послѣ того, какъ они простерлись передъ ней. Графъ Браницкій, мужъ фаворитки, говорилъ отъ имени этого позорнаго посольства, пожелавшаго все же выражаться по-польски. Онъ сказалъ много глупостей и между прочимъ слѣдующее: «великая Екатерина соизволила произнести одно слово и сдѣлать одинъ жестъ, и деспотизмъ, готовый завладѣть польскимъ престоломъ, упалъ, какъ идолъ». Этимъ словомъ была составленная Альтести наглая брошюра, въ которой всѣ польскіе магнаты назывались якобинцами, а король—крамольникомъ; жестомъ же была посылка двухъ армій, которыя вырѣзали и сожгли все, чего не смогли разграбить; идоломъ деспотизма—была конституція третьяго мая! о наглость!

наконецъ, отослали назадъ, осыпавъ подарками. Однако это тронуло ее гораздо меньше, чѣмъ радость, что она скоро увидитъ берега Рейна [1]). Неизвѣстный утѣшитель родился въ сердцѣ Луизы и осушилъ глаза ея. Увидавъ молодого великаго князя, предназначеннаго ей въ супруги и равнаго ей по красотѣ и по нѣжности, она полюбила его. Она охотно согласилась на все чего отъ нея требовали, училась по-русски, изучала греческіе догматы, и скоро уже смогла произнести публичное исповѣданіе своей новой религіи и воспринять на свои голыя руки и нѣжныя, голыя ноги помазаніе, произведенное бородатымъ архіереемъ, превозгласившимъ ее великой княгиней *Елисаветой Алексѣевной*. Екатерина предпочла дать ей свое собственное отчество, чѣмъ оставить, по обычаю, имя ея отца.

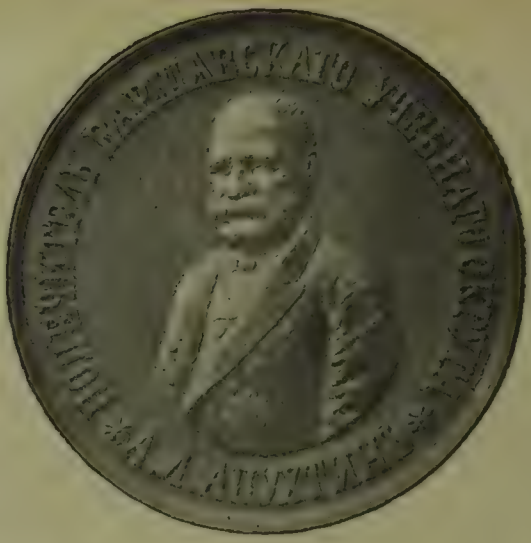
Обрученіе праздновалось въ слѣдующемъ маѣ съ необыкновенной пышностью и торжественностью. Россія только что закончила три почти одинаково побѣдоносныхъ войны. Дворъ пополнился толпой генераловъ и офицеровъ, увѣнчанныхъ лаврами, сорванными во время этихъ войнъ. Много шведовъ, поклонниковъ Екатерины, почти всѣ преданные и покорные польскіе магнаты, татарскіе ханы, послы великой Бухары, турецкіе паши, греческіе и молдавскіе депутаты, персидскіе софты, французскіе эмигранты, просившіе о мести и покровительствѣ,—все это увеличивало ряды вельможъ надменной самодержицы сѣвера: никогда еще дворъ не представлялъ столь блестящаго и разнообразнаго зрѣлища. Это были послѣдніе счастливые дни Екатерины. Покрытая и увѣнчанная золотомъ и брилліантами, она обѣдала на тронѣ, возвышавшемся надъ окружающимъ; съ удовольствіемъ обозрѣвала она громадное собраніе представителей всѣхъ національностей и, казалось, всѣхъ ихъ видѣла у своихъ ногъ. Окруженная своей блестящей и многочисленной семьей, она показалась бы поэту Юноной, сидящей среди боговъ.

Гораздо незамѣтнѣе прошелъ пріѣздъ принцессы Саксенъ-Кобургской съ тремя дочерьми, одна изъ которыхъ стала супругой вел. кн. Константина. Русскіе позволили себѣ острить насчетъ принцессъ и насчетъ старомодности и безвкусицы ихъ платьевъ. Ихъ представили послѣ того, какъ обновили ихъ гардеробъ... Вел. кн. Константина заставили выбрать младшую, маленькую шатенку, проявлявшую умъ и возбуждавшую интересъ. Ей дали имя Анны Ѳеодоровны. Она заслуживала больше счастья, чѣмъ сулитъ ей буйный нравъ ея слишкомъ юнаго супруга.

Пер. *П. Степановой.*

---

[1]) Кромѣ полученныхъ сю брилліантовъ, ей назначили пенсію, которая должна была потомъ замѣниться приданымъ. Не знаю, дала ли ей Россія приданое, когда она сдѣлалась шведской королевой.



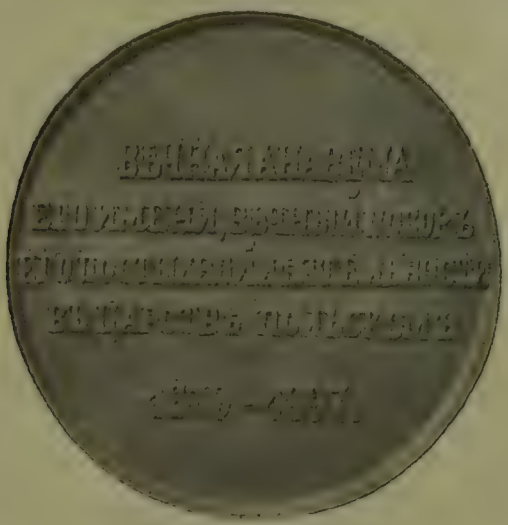
Польская медаль въ память Апухтина.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разговаривая съ однимъ извѣстнымъ польскимъ ученымъ о политикѣ, бывшаго попечителемъ варшавскаго учебнаго округа въ 1879—1897 г.г., А. Л. Апухтина, я узналъ, что какой-то польскій кружокъ выбилъ «въ честь» или «въ память» его медаль, рисунокъ которой съ объяснительнымъ текстомъ на французскомъ языкѣ и былъ мнѣ вскорѣ послѣ этого сообщенъ. По правдѣ сказать, я думалъ, что это шутка, хотя мой собесѣдникъ и старался меня увѣрить, что медаль, дѣйствительно, существуетъ и что экземпляры ея были посланы въ разные европейскіе музеи и нумизматическіе кабинеты. Долгое время спустя, когда мнѣ пришлось опять говорить съ однимъ полякомъ изъ Варшавы объ «апухтинскихъ временахъ» и, вспомнивъ о медали, выразить сомнѣніе въ достовѣрности слуха о ея существованіи, и этотъ собесѣдникъ подтвердилъ, что такая медаль, дѣйствительно, была выбита. Мало того, онъ сказалъ, что легко можетъ достать ея экземпляръ и прислать мнѣ его въ подарокъ. Обѣщаніе это, было исполнено, и апухтинская медаль у меня теперь находится въ рукахъ.

Въ настоящій моментъ, когда русско-польскія отношенія должны вступить въ новый фазисъ, опубликованіе этой медали представляетъ нѣкоторый интересъ. Я не знаю, изъ какого кружка вышла иниціатива, но, несомнѣнно, это были поляки, которые, какъ и оба мои собесѣдника, считали возможнымъ мирное сожительство русской и польской націи. Иначе, конечно, эти люди не стали бы на польской медали дѣлать русскихъ надписей. Въ объяснительномъ текстѣ, сопровождающемъ снимки съ медали,

въ характеристикѣ Апухтина, быть можетъ, краски нѣсколько сгущены (онъ былъ, наприм., довольно образованнымъ человѣкомъ), но, въ общемъ, характеристика эта вѣрно передаетъ то представленіе объ Апухтинѣ, которое сложилось въ польскомъ обществѣ и утвердилось въ его исторической памяти.

Н. Карѣевъ.



Подпись подъ медалью.

Послѣ уничтоженія автономныхъ учрежденій въ Царствѣ Польскомъ, вслѣдствіе событій 1863 года, Департаментъ народнаго просвѣщенія этого государства былъ преобразованъ въ Варшавскій Учебный Округъ, подчиненный Министерству Народнаго Просвѣщенія въ Петербургѣ.

Во главѣ этого округа былъ поставленъ попечитель *Александръ Львовичъ Апухтинъ*, отставной директоръ Московской школы землемѣровъ, уже пожилой человѣкъ, былъ назначенъ на эту должность, которую онъ и занималъ съ 1879 по 1897 г. Это былъ обычный представитель типа бюрократовъ съ умѣреннымъ образованіемъ. Старикъ съ умственными способностями, ослабленными годами и рутинной работой, полу-татарскаго, полу-армянскаго происхожденія (Апухтинъ по-армянски значитъ сосиска и дѣлатель сосисекъ), фанатичный поклонникъ византійскаго формализма въ его холодномъ культѣ, разсчетливый, хитрый, онъ былъ лишенъ христіанскаго духа и чувства правды и справедливости.

Въ теченіе 18 лѣтъ, пока онъ былъ попечителемъ, онъ съ исключительной жестокостью проводилъ свое дѣло разрушенія всего польскаго и западнаго; онъ пользовался малѣйшимъ поводомъ для удаленія поляковъ преподавателей изъ (народной) школы, преслѣдовалъ ихъ матеріально и морально, отставлялъ самыхъ упорныхъ, деморализовалъ, развращалъ, слабыхъ.

Будучи совершенно равнодушенъ къ вопросамъ воспитанія и науки, онъ употреблялъ всю свою энергію на подрываніе моральнаго вліянія родительской власти, на развращеніе душъ и умовъ молодежи, на умаленіе и даже уничтоженіе всякаго моральнаго и національнаго чувства, и въ приготовленную такимъ образомъ почву онъ старался грубо вкоренять самую абсолютную руссификацію. Прилагаемая медаль была выбита съ цѣлью заклеймить эту опустошительную печальную дѣятельность. Разосланная по всѣмъ музеямъ Европы, она обречетъ вѣчному проклятью цивилизованнаго міра покрытое позоромъ имя и гнусные поступки *Апухтина*.

Петрашевцы.

Кружокъ Кашкина.

V. Собранія у Кашкина и Отта [1]).

О началѣ своихъ вечеровъ Кашкинъ далъ такое показаніе:

«Прошедшею осенью (1848 г.), возвратясь изъ отпуска, который я провелъ въ деревнѣ съ родителями моими, я жилъ одинъ въ ихъ квартирѣ и очень скучалъ. Однажды, въ октябрѣ мѣсяцѣ ко мнѣ собралось нѣсколько товарищей, и мы весьма нескучно провели время въ разговорахъ. Это подало мнѣ мысль повторять это, и я, назначивъ день, просилъ ихъ посѣщать меня. Въ то же время я прочелъ одну часть сочиненія Фурье Fausse industrie et Industrie attrayante, donnant quadruple produit [2]). Это сочиненіе, въ которомъ авторъ постоянно повторяетъ просьбу произвести въ маломъ видѣ, въ какомъ-нибудь селеніи, опытъ его новой, промышленной и земледѣльческой системы распредѣленія труда, обѣщая отъ нея огромныхъ матеріальныхъ выгодъ, слѣдствіемъ которыхъ онъ почиталъ быстрое распространіе всеобщаго довольства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращеніе невѣжества и преступленій, это сочиненіе заинтересовало меня. Незадолго до этого я поступилъ въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и познакомился съ служащими тамъ же двумя братьями Дебу, знакомыми съ сочиненіями Фурье, и съ ними нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ предметѣ; также пригласилъ ихъ къ себѣ. Около того же времени познакомился я съ Ващенко, Ханыковымъ, Спѣшневымъ и (Д. Д.) Ахшарумовымъ, которые всѣ бывали у меня. Всѣхъ, вмѣстѣ съ товарищами моими, было человѣкъ около двѣнадцати, которые посѣщали меня, конечно, непостоянно, но иные чаще, другіе рѣже. Разговоръ, разно-

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 2—3.

[2]) Точное заглавіе этого сочиненія Фурье: «La fausse industrie morcelée, répugnante, mensongère et antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, véridique, donnant quadruple produit». 2 vols. P. 1835—36.

образный и непослѣдовательный, обращался часто на предметѣ политической экономіи, отъ которыхъ переходилъ и къ системѣ Фурье, на которую всѣ смотрѣли, какъ на экономическую систему, и которая вовсе не составляла исключительнаго предмета бесѣды. Я считалъ эти вечера простымъ развлеченіемъ, не придавая имъ никакого значенія, а на теорію Фурье смотрѣлъ какъ на совершенно безвредную экономическую систему, будучи знакомъ только съ одною ея хозяйственною стороною, какъ нельзя болѣе поверхностно, изъ одной прочитанной мною части самаго безсвязнаго, отрывочнаго сочиненія Фурье Fausse Industrie... Въ декабрѣ вечера мои прекратились какъ пріѣздомъ изъ деревни моихъ родителей, такъ и началомъ баловъ и зимней свѣтской жизни, которая совершенно разсѣяла меня[1])». Изъ показанія Д. Ахшарумова видно, что, кромѣ названныхъ Кашкинымъ, на вечерахъ его[2]) бывали два брата Европеуса, чиновники Отто, Пенскій, Николаевъ[3]), Рахманиновъ, Н. Д. Ахшарумовъ[4]), Каншинъ. Н. А. Спѣшневъ сообщаетъ слѣдующее о началѣ вечеровъ Кашкина: «Ханыковъ привелъ къ нему (Спѣшневу) братьевъ Дебу, и они сказали ему, что имъ общество Петрашевскаго не нравится оттого, что тамъ тонъ очень дурной, и говорятъ обо всемъ, а они не намѣрены и не обязаны отвѣчать за другихъ; при этомъ они объявили, что зимою будетъ принимать у себя своихъ знакомыхъ одинъ молодой человѣкъ, ихъ знакомый, Кашкинъ, и предложили ему посѣщать это общество, сказавъ, что тамъ будутъ спорить и говорить о фурьеризмѣ, потому что изложеній никто не способенъ дѣлать», и что они хотятъ только «провести вечеръ весело и поспорить о фурьеризмѣ. И дѣйствительно, они чистые фурьеристы и политическаго ничего не думаютъ и не замышляютъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ, Спѣшневъ, былъ въ этомъ обществѣ и познакомился съ подсудимыми Кашкинымъ и Европеусомъ».

По показанію Ахшарумова, «цѣль вечеровъ Кашкина была изученіе одной системы Фурье, какъ всемірной истины, къ которой постоянно стремится все человѣчество. О примѣненіи ея собственно у насъ никогда не было говорено, можетъ быть и потому, что мы всѣ знали систему эту въ общихъ чертахъ», и для осуществленія ея нужно имѣть «около 2.000 людей» и капиталу до 20.000.000. У насъ далеко не было и не могло быть, даже и лѣтъ черезъ десять, ни того ни другого. Одно только было желаніе

---

[1]) По словамъ Отто, «болѣе обозначившееся направленіе» вечеровъ Кашкина «былъ разборъ ученія Фурье».

[2]) По показанію Ващенка,—по вторникамъ.

[3]) Вѣроятно, товарищъ Кашкина по выпуску И. Н. Николаевъ. *Кобеко*, «Царскосельскій лицей», 427, 537.

[4]) Также лицентъ выпуска 1839 г. См. тамъ же стр. 520.

узнать ее и изучить, и даже можно сказать, что двое Дебу, Европеусъ, Спѣшневъ, Кашкинъ (пока не усомнился) и я занимались ею просто изъ любознательности, какъ открытіемъ необыкновенной истины, каторая осчастливитъ всю землю и людей, на ней живущихъ; остальные просто присутствовали. Безъ всякаго сомнѣнія всякій бы изъ насъ, если бы его спросили, хочетъ ли, чтобъ приведена была въ исполненіе мысль Фурье около Петербурга, отвѣтилъ бы, что «хочетъ», но собственно никто на вечерахъ не думалъ объ этомъ, какъ о слишкомъ дальнемъ и даже невозможномъ».

На вечерахъ Кашкина было сказано или прочитано нѣсколько рѣчей. Сохранился текстъ рѣчи, прочитанной самимъ Кашкинымъ въ ноябрѣ или декабрѣ 1848 г. Она начинается такъ:

«Въ послѣдній разъ было сказано, что форма правленія недостаточна, чтобы привести человѣка къ осуществленію стремленія его къ счастью; это должно быть дѣломъ *науки*, но какой? Всѣ науки дѣлятся на два разряда: точныя и неточныя; первыя берутъ факты изъ природы и выводятъ изъ нихъ законы: таковы физика, астрономія и другія.—Науками же неточными называютъ тѣ, которыя въ основаніе берутъ не факты изъ природы непреложные, но или положенія, взятыя изъ одного разума..., подъ которыя потомъ стараются, для оправданія ихъ, подвести факты изъ общественной жизни, предоставляя себѣ притомъ право и искажать ихъ, если они не совсѣмъ подходятъ подъ ихъ опредѣленія; или же самые факты общественной жизни (а не природы), т.-е. вытекающіе изъ устройства общества такъ, какъ оно есть, такъ, какъ оно до сихъ поръ осуществилось, проявилось, а не такъ, какъ оно должно бы осуществиться, проявиться на основаніи законовъ природы. Какъ примѣръ первыхъ, мы можемъ взять политику, когда ученые, поставивъ въ основаніе (изъ разума) превосходство одного образа правленія предъ другимъ, стараются фактами историческими и статистическими доказать это положеніе, поступая иногда недобросовѣстно, намѣренно искажая факты, или дѣлая то же самое подъ вліяніемъ увлеченія, произведеннаго ихъ же собственной идеей. Примѣромъ другихъ можетъ служить политическая экономія, гдѣ ученые, принимая въ основаніе извѣстные факты, существующіе или считая ихъ только возможными, сравненіемъ выбираютъ изъ нихъ лучшіе и на этомъ основаніи строятъ науку свою, не принимая въ расчетъ того, что эти факты не суть единственно возможные, но суть результаты извѣстныхъ началъ, и что подъ вліяніемъ другихъ началъ, можетъ быть болѣе вѣрныхъ, болѣе близкихъ общимъ законамъ природы, проявились бы другіе факты, также болѣе удовлетворительные, болѣе совершенные, которые они упускаютъ изъ вида. Основываясь на этомъ отличіи, къ точнымъ наукамъ причисляютъ однѣ естественныя, къ неточнымъ—нравственно-политическія, которыя всѣ, по выраженію Auguste Comte'a [1]), опредѣляются словомъ science sociale—наука общественная.

«Раздѣленіе это кажется мнѣ совершенно ложнымъ. Я думаю, что какъ естественныя науки, такъ и науки общественныя должны быть совершенно точными; иначе онѣ бы не были науками. Я вижу противорѣчіе между словами: *наука* и *неточная*.

«Въ самомъ дѣлѣ, что такое наука? Я опредѣлялъ себѣ науку, какъ систематическое построеніе общихъ разумныхъ выводовъ изъ основаній вѣрныхъ, непреложныхъ. Этихъ то основаній я и не вижу въ обществен-

---

[1]) Авторъ отмѣчаетъ здѣсь на поляхъ Cours de politique positive, очевидно имѣя въ виду Cours de philosophie positive (P. 1830—42), такъ какъ «Système de politique positive» (4 vols.) вышла въ свѣтъ лишь въ 1852—54 г.

ной наукѣ, и потому не признаю за ней права гражданства между науками естественными, удовлетворяющими этому требованію разума. Науку, не имѣющую въ основаніи своемъ общихъ, непогрѣшимыхъ истинъ, я назову не наукой, а фантазерствомъ, гипотезою. Но это не приведетъ меня къ отрицанію возможности этой науки, но только къ тому заключенію, что наука эта еще не созрѣла, что люди, искавшіе ее, сбились съ пути, искали ее не тамъ, гдѣ могли найти ее».

Указавъ на то, съ какимъ трудомъ, энергіею и самопожертвованіемъ естествоиспытатели добивались истины, Кашкинъ продолжаетъ:

«Не будемъ же предаваться отчаянію, не будемъ отрицать того, что еще не ясно для насъ, но будемъ смѣло и неутомимо итти впередъ, искать истину: честь и слава тому, кто найдетъ ее... Но первый шагъ къ познанію добра есть отрицаніе зла. Чтобы открыть истину, признаемся прежде, что мы находимся въ царствѣ лжи и возстанемъ противъ источниковъ ея» [1]).

«Неточныя» науки Кашкинъ раздѣляетъ на четыре главные отдѣла: метафизику, мораль, политику и политическую экономію. Начавъ съ метафизики и упомянувъ о словахъ Гегеля, что задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы понять существующее, ибо то, что существуетъ—разумно, Кашкинъ нѣсколько далѣе говоритъ: «Растягивать все сущее на одръ формализма не трудно для тѣхъ, кто не внемлетъ никакому протесту со стороны сущаго.—Философовъ съ грѣхомъ пополамъ можно оправдать только тѣмъ, что они себя первыхъ обманываютъ своими фокусами [2]). Они удовлетворились, покойны, дальше итти не могутъ: они не знаютъ и не могутъ себѣ представить, что есть дальше. Взявъ однѣ буквы, одни слова, они ими заглушили всякое состраданіе, всякое теплое сочувствіе. Они намѣренно съ усиліями поднялись на точку равнодушія ко всему человѣческому, считая ее за истинную высоту: мертвое уничтоженіе въ безконечномъ считаютъ они свободой и цѣлью, и чѣмъ выше поднимаются въ морозныя сферы отвлеченій, отрываясь отъ всего живого, тѣмъ покойнѣе себя чувствуютъ. Неизлечимо-отчаянное положеніе ихъ состоитъ въ этомъ чрезвычайномъ довольствѣ; они со всѣмъ примирились; ихъ взглядъ выражаетъ спокойствіе, немного стеклянное, но не возмущаемое изнутри; имъ осталось почивать и наслаждаться, прочее все сдѣлано или сдѣлается само собою. Имъ удивительно, о чемъ люди хлопочутъ, когда все объяснено, сознано, и человѣчество достигло *абсолютной формы бытія*, что доказано ясно тѣмъ, что современная философія есть абсолютная философія, а наука всегда является тожественною эпохѣ, но какъ ея результатъ, т.-е. по совершеніи въ бытіи [3]). Для нихъ такое

---

[1]) Это послѣднее мѣсто отмѣчено краснымъ карандашомъ очевидно однимъ изъ слѣдователей.

[2]) Пренебрежительное отношеніе Кашкина къ философамъ могло быть навѣяно взглядами самого Фурье, который, напр., въ своей «Одѣ» говоритъ:

L'homme aux faux savants se confie;
Détrompez-vous, peuples et rois,
Cessez de demander des lois
A l'absurde philosophie.
(*Pellarin* Charles Fourier, 2 edit. 1843, 295).

Но Фурье сознавался (въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ), что онъ «вовсе не можетъ судить о Кантѣ и другихъ идеологахъ, потому что никогда не могъ понять ни одной страницы въ ихъ наукѣ». О Кантѣ, Фихте и Шеллингѣ онъ получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія лишь изъ сжатаго изложенія въ сочиненіи, *Ancillon'a* «Essai sur l'existence et sur les derniers systèmes de métaphysique, qui ont paru en Allemagne» въ его Mélanges de littérature et de philosophie, P. 1809, т. 2, p. 127—185. См. *Bourgin*. Fourier, 63.

[3]) Здѣсь Кашкинъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Это не выдумка, а дѣйствительно сказано въ исторіи философіи Bayrhoffer'a Die Idee und Geschichte der Philosophie (1838) послѣдняя глава». (О Байргофферѣ (1812—88) см. въ Новомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона); книги его нѣтъ въ петроградскихъ библіотекахъ.

доказательство неопровержимо. Фактами ихъ не смутить: они пренебрегаютъ ими. Спросите ихъ, отчего при этой абсолютной формѣ бытія въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ работники мрутъ съ голоду: они скажутъ, что это случайность; а дѣло въ томъ, что факты имъ и не покоряются вовсе. Они, какъ китайскій императоръ, считаютъ себя владѣтелями всего земного шара, что однако же не мѣшаетъ всему земному шару, за исключеніемъ Китая, вовсе не зависѣть отъ него... [1]) Это стремленіе поставить разумъ человѣка выше законовъ природы, изъ одного разума создать такой-то общественный порядокъ, который бы вполнѣ удовлетворилъ стремленію человѣка къ счастью, видимъ мы у всѣхъ философовъ. Для примѣра возьмемъ Канта». Приведя на основаніи статьи одного французскаго писателя слова Канта объ антагонизмѣ, какъ въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и среди людей въ обществѣ, добрыхъ и злыхъ побужденій, «который природа употребляетъ какъ средство развитія способностей человѣка, какъ источникъ законнаго порядка въ обществѣ» [2]), Кашкинъ продолжаетъ: «Не противорѣчитъ ли это опредѣленіе общему закону природы, по которому всѣ потребности, всѣ стремленія, всѣ страсти должны ужиться въ гармоническомъ сочетаніи? Не есть ли это дуализмъ,— это понятіе о борьбѣ добраго и злого начала въ человѣкѣ, плодъ того ложнаго положенія, которое хочетъ поставить разумъ человѣка выше законовъ природы?» Далѣе Кашкинъ говоритъ: Кантъ «хочетъ, чтобы человѣкъ искалъ счастья и совершенства однимъ собственнымъ разумомъ своимъ, не принимая въ разсчетъ того инстинкта, тѣхъ страстей, которыя даны человѣку общимъ высшимъ разумомъ природы. Но гдѣ же источникъ единичнаго разума отдѣльнаго человѣка? Конечно, въ высшемъ разумномъ существѣ, которое создало самого человѣка и создало его не изъ одного разума, но дало ему и чувства и страсти. Откуда же взялась у человѣка дерзкая мысль... присвоить разсудку монополію управленія обществомъ и устранить, исключить изъ дѣлежа власти страсти, получившія при созданіи его равныя съ нимъ права на это управленіе? Изъ ложнаго положенія, принятаго философами, что разумъ есть единственный источникъ истины и добра, что онъ долженъ исключительно управлять человѣкомъ. Мнѣ кажется, что, не измѣнивъ этого положенія, мы никогда не дойдемъ до совершенства и счастья. Инстинктъ человѣка, его страсти никогда не подчинялись и никогда не подчинятся разуму; изъ столкновенія ихъ всегда происходила и будетъ происходить

---

[1]) Какъ близко напоминаетъ это мѣсто въ рѣчи Кашкина извѣстныя слова Бѣлинскаго въ письмѣ къ Боткину (1 марта 1841 г.): «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія Китайскаго императора (т.-е. Гегелевской Allgemeinheit). Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ... стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣствицы развитія,—а споткнешься—падай—чортъ съ тобой.... Благодарю покорно Егоръ Ѳедорычъ (такъ называетъ Бѣлинскій Гегеля)—«кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣствицы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головой. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови»... *Бѣлинскій*. Письма. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. СПБ. 1914, т. II, 213.

[2]) Кашкинъ ссылается на статьи Канта 1784 г., анализированныя въ Le Conservateur, recueil publié en 1801 par François de Neufchateau. А, какъ оказывается, въ 1800 году въ Le Conservateur, ou recueil, de morceaux inédits d'histoire de politique eté, tirés des portefeuilles de N. François былъ напечатанъ переводъ сочиненія Канта «Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht.Ср. названную статью Канта «Berlinische Monatschrift», 1784, November, s. 392—393, а изложеніе главныхъ его положеній въ «Исторіи новой философіи» Куно-Фишера, т. IV, СПБ. 1865 г., стр. 308—314. (есть переводъ съ новаго нѣмецк. изданія СПБ. 1901 г., изд. Д. Е. Жуковскаго).

борьба, а понятіе борьбы противоположно понятію гармоніи. Такое понятіе прямо ведетъ къ атеизму. Невѣрующій видитъ между людьми страданія, ненависть, нищету, притѣсненія, необразованность, безпрерывную борьбу и несчастья, ищетъ средства помочь всѣмъ этимъ бѣдствіямъ и, не нашедъ его, восклицаетъ: если такова судьба человѣчества, то нѣтъ провидѣнія, нѣтъ высшаго начала! [1])

«И напрасно священники и философы будутъ ему говорить, что *небеса провозглашаютъ славу Божію*. Нѣтъ, скажетъ онъ, страданія человѣчества гораздо громче провозглашаютъ злобу Божію [2]). Чѣмъ болѣе твореніе его—вся природа—выказываетъ его искусство, его мудрость, тѣмъ болѣе онъ достоинъ порицанія за то, что, имѣя возможность къ этому, онъ не позаботился о счастіи людей. Къ чему намъ все это поразительное величіе звѣздныхъ міровъ, когда мы не видимъ конца нашимъ страданіямъ [3]). Пускай. Но для чего дѣлать это высшему разуму, создавшему всю вселенную? И какая ему честь въ томъ, что онъ создалъ вселенную?—Если всѣ эти міры населены такими же несчастными созданіями, какъ и мы, то ему мало чести въ томъ, что онъ умѣетъ такъ размножать число несчастныхъ; если же между ними есть населенные счастливыми существами, то мы должны только упрекать его въ несправедливости къ намъ... И атеиста нельзя винить за такое мнѣніе. Да развѣ не всякій день слѣпо вѣрующіе возсылаютъ къ Богу хоръ упрековъ? Вся разница въ формѣ: но какое дѣло Богу до болѣе или менѣе учтивой формы? Развѣ молитва, въ которой его просятъ о богатствѣ, о здоровьѣ, о счастьи,—не тотъ же косвенный упрекъ? Не есть ли это порицаніе за то, что онъ не далъ богатства, не далъ здоровья, не далъ счастья?—По моему мнѣнію, невѣрующій поступаетъ гораздо логичнѣе слѣпо вѣрующаго. И въ самомъ дѣлѣ, не разумнѣе ли отрицать вовсе существованіе всемудраго и всеблагого существа, нежели утверждать, что оно есть и всеблаго, но не хочетъ дать счастья столькимъ милліонамъ созданій своихъ; что оно всемудро, и не можетъ измѣнить такого порядка, въ которомъ бѣдный ежеминутно завидуетъ изобилію богатаго, рабъ—свободѣ господина, женщина—мужчинѣ, дѣти—старикамъ и старики—дѣтямъ; гдѣ одинъ человѣкъ заставляетъ работать для себя другого человѣка то угрозой палки, то угрозой голодной смерти...

«Но истина не въ слѣпой вѣрѣ, не въ невѣріи, не въ томъ, не въ другомъ метафизическомъ ученіи: истина въ природѣ. Въ ней высшій разумъ начерталъ волю свою, и изъ природы человѣкъ долженъ перенести ее въ свою жизнь, въ свое общественное устройство. Онъ научился открывать въ естественныхъ наукахъ законы природы,—остается примѣнить ихъ къ наукѣ общественной [4]). И когда онъ это сдѣлаетъ, человѣчество будетъ имѣть законъ счастья и совершенства; пока же онъ не осуществитъ воли высшаго начала, творца своего, ясно начертанной въ великой книгѣ природы, будетъ борьба, будетъ мракъ, будетъ несчастье, царство зла и лжи. Заключимъ, говоритъ Кашкинъ, «прекрасными словами Искандера: «Вѣра въ будущее наше благороднѣйшее право, наше неотъемлемое благо; вѣруя въ него, мы полны любви къ настоящему».—И эта вѣра въ

---

[1]) Фурье напротивъ рѣшительно признаетъ существованіе Бога и горячо протестуетъ противъ атеизма. См. *Bourgin* Fourier, 269—277.

[2]) Любопытно, что Вольтеръ рѣшительно отказывался придти къ такому выводу (см. 32 томъ базельскаго изданія его сочиненій статья Homelie sur l'atheisme). Заимствую это указаніе изъ интересной и хорошо разработанной статьи *Е. И. Тарасова*. «Изъ исторіи декабристовъ. Дѣтство и юность Н. И. Тургенева». Петроградъ, 1915, 41) отд. оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв.). Этого не думалъ и Фурье: «Было бы несправедливо», напоминаетъ онъ благочестивымъ людямъ слова І. Христа, «подозрѣвать Бога-Отца въ недостаткѣ предвидѣнія въ какомъ бы то ни было отношеніи, подозрѣвать его, что онъ менѣе заботится о насъ, чѣмъ о какихъ-нибудь презрѣнныхъ воронахъ». Oeuvres de Fourier, t. VI, Le nouveau monde industriel, 4 ed., P. 1870, p. 372. Рѣзкое порицаніе «атеизма секты Овена» Ibid. p. 377.

[3]) Здѣсь восемь строкъ тщательно зачеркнуто.

[4]) Фурье горячо рекомендуетъ исканіе того божескаго устава, который долженъ создать счастіе людей. Le nouveau monde industriel, p. 374—375.

будущее спасетъ насъ въ тяжкія минуты отчаянія:, и эта любовь къ настоящему будетъ жива благими дѣяніями!»

Повидимому эта рѣчь составляла только вступленіе, а продолженіемъ ея были рѣчи двухъ другихъ членовъ кружка[1]). Кашкинъ собирался говорить, кромѣ метафизики, о морали, политикѣ и политической экономіи. Поэтому какъ бы продолженіемъ рѣчи Кашкина является рѣчь Европеуса «О ненадобности морали, какъ науки, лишенной всякаго значенія въ наше время!»[2]).

Дебу 2-й такъ характеризовалъ рѣчь Европеуса: «Какъ я его понялъ, онъ не говорилъ, что мораль не имѣетъ значенія въ настоящее время, но что сочиненія моралистовъ противорѣчатъ другъ другу, между тѣмъ какъ должна быть одна мораль для всѣхъ».

Продолженіемъ сказаннаго Европеусомъ была рѣчь Дебу 2-го о политической экономіи, по свидѣтельству Ващенка, «какъ о наукѣ неположительной и фальшивой». Д. Ахшарумовъ въ своемъ показаніи старался представить дѣло въ такомъ видѣ, что «тѣ немногія слова, которыя были произнесены въ этихъ собраніяхъ, никакъ нельзя назвать рѣчами. Кашкинъ одинъ разъ читалъ четверть часа свое сочиненіе о безполезности отвлеченныхъ наукъ—метафизики и философіи. Европеусъ собрался говорить противъ морали, но ничего не могъ сказать, какъ потому, что не въ состояніи былъ справиться съ заданною себѣ задачею, такъ и потому, что кругомъ услышалъ возраженія». Дебу младшій также «одинъ разъ началъ говорить о политической экономіи, но тоже сбился и не могъ продолжать, и его слова съ перваго начала обратились въ общій разговоръ... Слова, которыя произнесены Европеусомъ и Дебу, я никакъ не могу назвать рѣчами». Ахшарумовъ старался изобразить вечера Кашкина, въ которыхъ принимали близкое участіе его другъ Дебу 2-ой и старшій братъ самого Ахшарумова, Николай Дмитріевичъ, въ болѣе невинномъ видѣ, чѣмъ вечера Петрашевскаго[3]).

---

[1]) Кн. А. Голицынъ, пересылая оригиналъ рѣчи Кашкина въ слѣдственную комиссію, замѣтилъ, что она написана «въ самомъ вредномъ духѣ, какъ гражданскомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи».

[2]) Это предположеніе подтверждается и тѣмъ объясненіемъ, которое далъ относительно нея Европеусъ въ слѣдственной комиссіи: «Говорилъ я у Кашкина не объ одной морали, а о наукахъ неточныхъ, къ которымъ относилъ еще политическую экономію и метафизику, дѣлая общее заключеніе, что эти науки не имѣютъ опредѣленнаго объема и содержанія, говорилъ же это не рѣчью, а въ общемъ разговорѣ. Считаю нужнымъ присовокупить, что это говорено было мною не противъ самой сущности нравственности, а замѣчалъ только о различности формъ ея проявленія».

[3]) Вечера Кашкина, по словамъ Ахшарумова, «были совершенно другіе, нежели у Петрашевскаго. Къ Петрашевскому сходились, какъ въ трактиръ, и такъ же вели себя, и несравненно въ большемъ числѣ. У Кашкина имѣло это все приличный видъ, онъ самъ былъ чрезвычайно любезенъ,

Ахшарумовъ утверждаетъ также, что Петрашевскій хотѣлъ познакомиться съ Кашкинымъ (т.-е. вѣроятно бывать на его собраніяхъ), но братья Дебу отклоняли это, опасаясь, что онъ по своему «хлопотливому характеру» и «непріятному обращенію», «испортитъ вечеръ своимъ присутствіемъ и своими рѣчами», хотя тутъ же прибавляетъ, что его «уважали всѣ». Нежеланіе, чтобы Петрашевскій бывалъ на вечерахъ Кашкина, подсказывалось, быть можетъ, осторожностью, но, вѣроятно, еще болѣе тѣмъ чувствомъ, которое заставляетъ молодыхъ мальчиковъ желать, чтобы на ихъ бесѣдахъ въ своемъ кругу не присутствовали взрослые: Петрашевскій, какъ человѣкъ болѣе знающій и начитанный, быть можетъ, стѣснялъ бы друзей Кашкина въ ихъ иногда довольно наивныхъ спорахъ. По словамъ Ханыкова, какую-то статью читалъ и Оттъ, и дѣятельное участіе въ разговорахъ принимали самъ Ханыковъ, братья Дебу, Спѣшневъ, Кашкинъ, Европеусъ, Оттъ: «разговоръ былъ веденъ въ духѣ либеральномъ», а Ващенко и Дебу 1-й показали, что часто говорили объ ученіи Фурье и читали отрывки изъ его сочиненій[1]). Кашкинъ и Ханыковъ заявили, что говорили преимущественно о системѣ Фурье.

Въ концѣ 1848 г. Кашкинъ, жившій вмѣстѣ съ своими родителями въ большой квартирѣ, со дня на день ожидалъ ихъ пріѣзда и, полагая, что они будутъ недовольны тѣмъ, что онъ устроилъ у себя вечера, вмѣстѣ съ Европеусомъ уговорилъ Оскара Федоровича Отта[2]), его товарища по курсу въ лицеѣ, служившаго въ министерствѣ финансовъ, пригласить его гостей къ себѣ, что тотъ и сдѣлалъ ради Кашкина. Собранія у него бывали также по вторникамъ, всего не болѣе восьми разъ, между Новымъ Годомъ и

милъ и своимъ присутствіемъ оживлялъ гостей. У него не было никогда политическихъ споровъ и никакихъ разговоровъ противъ правительства; только говорено было о сочиненіяхъ Фурье,—о взглядѣ его на способности человѣка, о томъ, какимъ образомъ заохотить каждаго къ труду, къ которому онъ способенъ, и сдѣлать трудъ, вмѣсто тягости, пріятнымъ удовольствіемъ, о назначеніи всего человѣчества, о значеньѣ нашей планеты въ солнечной системѣ и тому подобное. Говорили тоже о новостяхъ». На этотъ разъ Ахшарумовъ увѣрялъ даже, что «рѣчей никто никогда не говорилъ. Иногда самъ Кашкинъ читалъ вслухъ Destinée sociale» Консидерана. «Въ его собраніяхъ ничего не было политическаго и считалось неприличнымъ и даже невѣжествомъ говорить о революціи, какъ потому, что безполезность ея доказана исторіей, такъ и потому, что Фурье осуждаетъ всѣ революціи и говоритъ, что онѣ ни къ чему не ведутъ, что обществу надо измѣниться въ правахъ, въ работѣ, въ частной жизни и въ каждодневныхъ своихъ занятіяхъ». Фурье дѣйствительно относился рѣзко отрицательно къ революціямъ и революціонерамъ, что объясняется его личными переживаніями во время французской революціи. См. *Bourgin* Fourier, 36—38, 47, 237, 243, 368.

[1]) По словамъ Дебу 2-го, «у Кашкина говорили о разныхъ предметахъ, и въ томъ числѣ о системѣ Фурье».

[2]) Его фамилію пишутъ то Отто, то Оттъ.

масляницей 1849 г. Кашкинъ привезъ на эти собранія и Есакова, окончившаго курсъ лицея ранѣе его. Тутъ между прочимъ Кашкинъ читалъ одинъ разъ вслухъ изъ сочиненія Консидерана «Déstinée sociale» о воспитаніи; здѣсь такъ же, какъ и у Кашкина, толковали объ ученіи Фурье.

Здѣсь было рѣшено составить свою библіотеку, на что каждый внесъ по десяти рублей, и пріобрѣсти книги только «соціальныя»: по словамъ Дебу 2-го, «сочиненія Фурье, журналы, въ которыхъ помѣщены его статьи и нѣкоторыя экономическія сочиненія»; по словамъ Спѣшнева, кромѣ сочиненій Фурье, произведенія всѣхъ политико-экономовъ[1]). При обсужденіи вопроса о библіотекѣ присутствовали, кромѣ Отта, два брата Европеуса, двое Дебу, Спѣшневъ, Ващенко, Рахманиновъ, двое Ахшарумовыхъ, Пенскій, Яковлевъ, Николаевъ, Каншинъ. Участвовали въ устройствѣ библіотеки еще Н. С. Кашкинъ, Ващенко и Есаковъ». Если вѣрить Ахшарумову, нѣкоторые, а именно Оттъ, Яковлевъ, Каншинъ и Н. Ахшарумовъ, «не раздѣляя соціальныхъ идей»[2]), были противъ пріобрѣтенія такихъ книгъ и предлагали другія, и хотя были включены въ число участниковъ библіотеки, но вслѣдствіе указаннаго разногласія, прекратили знакомство[3]). Завѣдующимъ библіотекою былъ избранъ Дебу—старшій. Книги рѣшено было выписать чрезъ Петрашевскаго; ему было дано 50 рублей, но книги еще не были получены; непосредственно книгопродавцу Лури было дано 30 рублей.[4]) Европеусъ заявилъ, что Оттъ «былъ всегда противникомъ нашихъ мнѣній». Собранія у него прекратились вслѣдствіе скарлатины, случившейся въ его домѣ, и онъ уѣхалъ въ Калужскую губернію, въ помѣстье своего отца.

Затѣмъ было еще нѣсколько собраній въ посту 1849 г., опять у Кашкина; на нихъ бывало уже менѣе народа, а именно его перестали посѣщать кн. Трубецкой, кн. Черкасскій, Н. Д. Ахшарумовъ, Николаевъ, Кашкинъ и нѣкоторые другіе. Но бывалъ Есаковъ, прежде не посѣщавшій вечеровъ Кашкина. Д. Д. Ахшарумовъ объясняетъ уменьшеніе числа посѣтителей тѣмъ, что будто бы только «по составленіи библіотеки обнаружилось исключительное соціальное направленіе (кружка), вслѣдствіе чего

---

[1]) Въ числѣ заказанныхъ книгъ были: Le fou du palaisroyal Кантагреля, послѣднія сочиненія Консидерана, и др.

[2]) Европеусъ заявилъ это относительно Отта, Пенскаго, Рахманинова и Николаева.

[3]) Не всѣ успѣли сдѣлать обѣщанные взносы; всего было получено 120 рублей.

[4]) Кромѣ того немедленно были пріобрѣтены сочиненія Сисмонди, Рикардо, Мальтуса, Бланки, Бастіа, Шевалье.

многіе удалились[1]). Ахшарумовъ говоритъ:«Между нами было одно только общее мнѣніе: распространять какъ можно болѣе систему Фурье, и для этого назначено выписать по нѣскольку экземпляровъ сочиненія Консидерана и другія изложенія системы, служащія «введеніемъ къ изученію самыхъ сочиненій Фурье, которыя вовсе непонятны съ перваго раза».

Во время слѣдствія Кашкинъ показалъ: «Либеральныхъ идей въ себѣ не сознаю... Я занимался только системою Фурье... Я полагалъ, если, изучивъ» ее, найду въ ней «что-либо удобопримѣнимое къ земледѣльческому быту, составить... проектъ, по которому бы я просилъ отъ правительства позволенія устроить, такъ сказать, модельную ферму».

Слѣдственная комиссія дала такой отзывъ о собраніяхъ у Кашкина: «Въ этомъ кружкѣ было гораздо болѣе стройности и единомыслія, чѣмъ въ кружкѣ Петрашевскаго; въ немъ была опредѣленная цѣль—изученіе системъ соціальныхъ и комунистскихъ и по преимуществу системы Фурье. Кружокъ этотъ составляли (кромѣ К. М. Дебу 1-го) молодые люди высшаго гражданскаго воспитанія, всѣ одинаково образованные, равные и по положенію своему въ обществѣ, и по состоянію. Нѣкоторые изъ нихъ съ безотчетнымъ энтузіазмомъ предались соціальнымъ утопіямъ въ смыслѣ науки; нѣкоторые зачали примѣнять ихъ къ быту Россіи, другіе же помышляли уже и о возможно скорѣйшемъ приведеніи ихъ въ дѣйствіе и читали на собраніяхъ рѣчи, далеко опередившія всѣ рѣчи и всѣ разговоры на собраніяхъ у Петрашевскаго».

Тонъ этого отзыва снисходительнѣе къ личностямъ обвиняемыхъ сравнительно съ тѣмъ, что сказано было о членахъ собраній у Петрашевскаго; если тѣмъ не менѣе было признано, что члены кружка Кашкина помышляли о примѣненіи своихъ идей и что ихъ рѣчи далеко опередили всѣ рѣчи и разговоры у Петрашевскаго, насколько послѣднія извѣстны, то это, вѣроятно, относится преимущественно къ обѣду въ память Фурье, устроенному наиболѣе дѣятельными членами кружка Кашкина и къ тѣмъ рѣчамъ, которыя были на немъ сказаны. Это заставляетъ думать, что и на собраніяхъ у Кашкина и Отта разговоры отличались болѣе радикальнымъ характеромъ, чѣмъ это удалось обнаружить; сдержанность показаній относительно своего кружка можетъ объясняться большею близостью между собою его членовъ, тогда какъ пятницы Петрашевскаго посѣщались весьма разнообразными людьми.

---

[1]) 11 апрѣля 1849 г. Антонелли, встрѣтившись съ Кашкинымъ въ министерствѣ, «успѣлъ завязать съ нимъ довольно короткое знакомство». Очевидно, услышавъ о собраніяхъ у Кашкина, онъ собирался проникнуть къ нему.

VI. Обѣдъ 7 Апрѣля 1849 г. въ память Фурье.

По предложенію братьевъ Дебу устроенъ былъ 7 апрѣля 1849 г. по примѣру Франціи[1]) обѣдъ въ квартирѣ Европеуса въ память Фурье (въ день его рожденья)[2]), на которомъ присутствовало 11 человѣкъ. Свѣдѣнія о рѣчи, произнесенной на этомъ обѣдѣ Петрашевскимъ, были уже сообщены въ моей статьѣ о немъ; болѣе точно можемъ мы передать рѣчи Ханыкова и Ахшарумова, такъ какъ текстъ ихъ сохранился.

Первое слово было предоставлено Ханыкову, который, по словамъ присутствующихъ, былъ «болѣе всѣхъ фурьеристъ», т.-е. признавалъ и космогонію Фурье въ отличіе отъ Петрашевскаго Текстъ рѣчи Ханыкова былъ найденъ въ бумагахъ Петрашевскаго. Сказанная съ большимъ подъемомъ, но черезчуръ быстро, рѣчь Ханыкова была вся проникнута самымъ восторженнымъ отношеніемъ къ ученію Фурье; на нѣкоторыхъ она произвела большое впечатлѣніе.

«Я начинаю говорить», сказалъ Ханыковъ, «съ тѣмъ увлеченіемъ, съ тѣмъ одушевленіемъ, какое внушаютъ мнѣ и наше собраніе, и то событіе, которое мы празднуемъ здѣсь! Событіе, влекущее за собой преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней; планеты—всецѣлой, систематической, товарищественной обработкой ея поверхностей, внутренностей, водъ—правильнымъ ихъ размѣщеніемъ, возстановленіемъ климатовъ и послѣдующихъ затѣмъ благопріятныхъ твореній для человѣка, какъ бы въ ознаменованіе того, что онъ понялъ, разгадалъ, наконецъ, ея символическіе покровы, ея символическія движенія, открытіемъ новаго, невѣсомаго элемента sui generis, элемента аромальнаго, опредѣляющаго страстныя отношенія планетъ[3]), какъ живыхъ существъ, преобразованіемъ человѣчества чрезъ всецѣлое, полное развитіе страстей чувственныхъ, душевныхъ, нравственныхъ въ новооткрытомъ, или, лучше, возстановленномъ родствѣ, гдѣ они получаютъ математически опредѣленное выра-

---

[1]) Со времени смерти Фурье (въ 1837 г.) во Франціи ежегодно устраивались въ различныхъ городахъ банкеты въ день его рожденія. Въ 1847 г. на всѣхъ этихъ банкетахъ въ 34 городахъ участвовало около 2000 человѣкъ. Были также банкеты въ Нью-Іоркѣ, Ріо-Жанейро и на островѣ Маврикія. *M-me Coigner.* Victor Considérant, sa vie et sou oeuvre, P. 1895, p. 31. *Bourgin.* Fourier p. 1905, p. 492, 496, 524, 525. Консидеранъ любилъ на нихъ предсѣдательствовать, и произносить рѣчи. *Bourgin* Considerant et sou oeuvre p. 1909, p. 86.

[2]) Во время обѣда былъ выставленъ портретъ Фурье. Участники обѣда выражали желаніе, чтобы онъ повторялся въ этотъ день ежегодно.

[3]) Космогонія Фурье была произведеніемъ его фантазіи и, по его собственному признанію, не подтверждалась никакими раціональными доказательствами. *Bourgin.* Fourier, p. 270.

женіе и вырабатываютъ въ этой нормѣ—для своего всецѣлаго будущаго построенія—всѣ органическіе элементы. Пытайте, изслѣдуйте исторію,—и тамъ, гдѣ начнется достовѣрность вашихъ изысканій, тамъ найдете вы блѣдную тѣнь этого родства, найдете общину, федерацію общинъ, найдете сказки, пѣсни о потерянномъ раѣ, о потерянномъ счастіи—у различныхъ народовъ, въ различныхъ образахъ, представленіяхъ»

Привлекательныя стороны первобытнаго состоянія Ханыковъ видѣлъ, между прочимъ, «въ отсутствіи частной собственности, религіознаго страха».

«Одинъ законъ, выражающій отрицаніе (правъ человѣчества) идетъ чрезъ всю исторію въ различныхъ видахъ: это законъ побѣдителей и побѣжденныхъ, проявлявшійся на востокѣ борьбою кастъ, въ Греціи борьбою демоса съ эвпатридами, въ Римѣ—плебеевъ съ патриціями, въ средніе вѣка—разнообразной борьбой освобожденной личности съ авторитетомъ, борьбою расколовъ, партій, сословій, новыхъ, образовавшихся въ то время, характеристическою, наконецъ, борьбою крестьянъ, промышленныхъ комюнъ съ вассалами» (т.-е. сеніорами) «и въ наше время борьбой пролетаріевъ съ капиталистами. Вникните въ эту борьбу, господа, и вы признаете въ ней неудовлетворенность страстей—страстей чувственныхъ въ сферѣ нуждъ и потребностей матерьяльныхъ, страстей душевныхъ въ сферѣ чувствъ, особенно въ средніе вѣка, когда имъ былъ сообщенъ идеальный полетъ христіанствомъ, чувствъ разрозненныхъ, парализованныхъ, страстей нравственныхъ въ сферѣ владычества, вліянія, какое они хотятъ имѣть въ обществѣ. Нейтрализировать, уничтожить этотъ законъ можетъ только наше ученіе. Да, наше ученіе есть то высшее начало, которое должно вытечь изъ антиномій побѣдителей и побѣжденныхъ, начало всемірнаго примиренія, всеобщей свободы, счастія... Изъ взаимнаго проникновенія Разума и Индустріи выйдетъ новое вожделѣнное начало, на которомъ построится будущая жизнь человѣчества, но то, что извѣстно было въ послѣднее время въ Европѣ подъ именемъ соціализма, какъ понимаютъ его Луи-Бланъ, Прудонъ, Леру, лѣвая сторона во Франціи въ національномъ собраніи, потомъ—коммунизма, германскаго радикализма, аграрныхъ вопросовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то они далеко не произносятъ въ своихъ рѣшеніяхъ того послѣдняго слова, которое во всемірной исторіи называется новое, высшее начало, и всѣ они, въ крайнемъ своемъ развитіи, разрѣшатся гарантизмомъ[1]), эпо-

[1]) Гарантизмъ, по ученію Фурье, составитъ переходный періодъ отъ нынѣшней «цивилизаціи», съ господствомъ въ ней свободной конкуренціи, къ періоду соціальной гармоніи, см. *Bourgin.* Fourier, p. 282—295.

хою очень хорошо обозначенною въ нашемъ ученіи какъ переходною, чрезъ интервенцію государства, въ ассоціацію, въ гармонизмъ. Послѣднее слово произесено въ Теоріи Всемірнаго Единства[1]), гдѣ человѣкъ, озаренный закономъ серіарнымъ[2]), не встрѣчаетъ уже болѣе тѣхъ препятствій, какія онъ встрѣчалъ въ своемъ историческомъ развитіи; напротивъ, онъ почерпаетъ въ этомъ законѣ всѣ средства для возстановленія натуральной связи индустріи у различныхъ народовъ, связей страстныхъ, которыя, въ своемъ стройномъ полетѣ, при всемъ возможномъ разнообразіи, выражая собою мѣстныя условія, явятъ Гармонію, Единство. Только предубѣжденная, поверхностная критика можетъ называть положенія нашего Ученія несбыточными, парадоксальными и которая, въ своемъ страстномъ самоувлеченіи, не хочетъ признавать объективной, обязательной для себя истины... Тѣ, которые внимательно, отчетливо разбирали сочиненія нашего Учителя, тѣ очень хорошо понимаютъ всю остроту и неопровержимость доводовъ нашей науки, цѣль которой есть организація, ассоціація силъ...

Затѣмъ Ханыковъ переходитъ къ современному положенію Россіи. «Отечество мое, это оригинальное, своеобразное выраженіе страстей.., отечество мое въ цѣпяхъ, отечество мое въ рабствѣ, религія, невѣжество—спутники деспотизма, затемнили, заглушили твои натуральныя влеченія; отечество мое, думалъ я про себя, прислушиваясь къ толкамъ современныхъ славянъ» (т.-е. славянофиловъ), «гдѣ твое общинное устройство, родное село, колыбель промышленной и гражданской жизни, гдѣ ты, народная вольница—великій государь-Новгородъ?... Заунывной пѣснію... отвѣчала ты мнѣ, угнетенная женщина...: «Не люби меня, не ласкай меня,—законъ царскій, господскій, христіанскій заклянетъ, угнететъ мое дѣтище, изведетъ меня семья». Семья, повторялъ я съ тѣхъ поръ, есть угнетеніе, семья есть деспотизмъ, владычество исключительное привилегированныхъ группъ, нарушенная гармонія страстей, семья есть монополія, семья есть безнравственность, семья есть развратъ[3]), семья есть Бога притѣс-

---

[1]) Самое обширное сочиненіе Фурье, первоначально въ 1822 г., изданное подъ названіемъ «Traité de l'association domestique agricole» въ двухъ очень большихъ томахъ и затѣмъ вошедшее въ составъ шеститомнаго собранія его сочиненій (1841—45 г.) подъ названіемъ: «Théorie de l'unité universelle» въ 4-хъ томахъ.

[2]) Фаланга состоитъ изъ серій, между которыми члены ея распредѣляются по своимъ занятіямъ и склонностямъ.

[3]) Приведу для сравненія одно мѣсто въ письмѣ Бѣлинскаго къ Боткину (11 декабря 1840 г.): «Для меня баядерка и гетера лучше вѣрной жены безъ любви, такъ же, какъ взглядъ сенъ-симонистовъ на бракъ лучше и человѣчнѣе взгляда Гегелевскаго (т.-е. который я принималъ за Гегелевскій). Что мнѣ за дѣло, что абстрактнымъ бракомъ держится

нитель... Семья есть исключительная собственность, эгоистическое распредѣленіе богатства, семья есть нищета, семья есть нарушенное здоровье человѣчества, семья есть міазмъ, эпидемія, семья есть воплощенное зло, и государство, стоящее на ней, есть отравленный организмъ,— разрушеніе его близко... Принципъ нашего ученія есть страсти, основное, пивотальное[1]) начало всемірнаго движенія, глаголу и велѣнію которыхъ подчинено все сущее.

«И вотъ уже полъ столѣтія какъ геній (Фурье) говорилъ, взывая вотще ко всему человѣчеству и къ своему отечеству, не понявшимъ и не оцѣнившимъ его. Онъ говорилъ, правда, на языкѣ народа, среди котораго онъ родился и жилъ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы вся его система была ничѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ національности и ея средствъ, какъ думаютъ нѣкоторые предубѣжденные люди—сужденіе узкое, поверхностное! Нѣтъ, въ его системѣ столько же національности, сколько разнообразныхъ формъ, тоновъ одной и той же сущности въ Единствѣ, гармоніи, ибо истина одна и нераздѣльна въ своей замкнутости; онъ говорилъ во имя человѣчества, мірожизни и ея глубокихъ сокровенныхъ интересовъ. Онъ говорилъ, и слова

государство? Вѣдь оно держится и палачомъ съ кнутомъ въ рукахъ; однако-жъ палачъ все гадокъ. Я... готовъ согласиться съ Герценомъ, что Ретшеръ» (въ статьѣ о Wahlverwandschaften) «не понялъ романа Гёте—что онъ не апологія, а скорѣе протестъ противъ склещиванія съ разрѣшенія церкви». *Бѣлинскій.* Письмо II, 188. (Гораздо сильнѣе выражается Бѣлинскій на стр. 248—249, 268). Еще ближе слова Ханыкова къ сказанному М. Е. Салтыковымъ (вращавшимся до ссылки въ кружкѣ Петрашевскаго) въ одномъ неизданномъ письмѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни: «Бракъ—вотъ язва и ужасъ современной жизни, и ежели я ропщу на свою болѣзнь, то единственно потому, что она не даетъ мнѣ работать, изобразить во всѣхъ подробностяхъ эту язву, которой я испыталъ всѣ стадіи. Бракъ—это погибель и людей, и дѣтей, и только одну пользу можетъ принести—это познакомить человѣка съ высшимъ мучительствомъ, какое возможно испытать. Всѣ болѣзни, всѣ раздраженія, всѣ неудачи, всѣ глупости, измѣны и пошлости—все оттуда. Ежели я слажу когда-нибудь съ собой, то напишу картину, предъ которой поблѣднѣютъ всѣ атласы съ изображеніемъ венерическихъ болѣзней.» Ханыковъ много бесѣдовалъ объ ученіи Фурье съ товарищемъ его по университету, Н. Г. Чернышевскимъ. Когда однажды Ханыковъ и бывшій у него въ гостяхъ Дебу начали отрицать семейство, Чернышевскій не согласился съ ними: такъ напр., онъ считалъ невозможнымъ отнимать дѣтей у родителей и отдавать ихъ на воспитаніе государству. «Разумѣется», поясняетъ онъ въ своемъ дневникѣ, «говорю про теперешнее положеніе вещей, когда государство такъ глупо». *Е. А. Ляцкій.* «Н. Г. Чернышевскій и Ш. Фурье». «Современный Міръ». 1909 г. № 11, стр. 175—176.

[1]) Il y a dans chaque periode un caractère qui forme pivot de mécanique et dont l'absence ou la présence determine le changement de période. Ce caractère est toujours tiré de l'amour». (*Fourier.* Théorie des quatres mouvements). Такъ напр., періодъ цивилизаціи гарантировалъ женщинѣ вмѣсто прежняго рабства моногамію и гражданское право. Bourgin, 283. Соціальный прогрессъ, по мнѣнію Фурье, тѣсно связанъ съ увеличеніемъ свободы женщины. Théorie des quatre mouvements. Oeuvres complètes, t. I, 3 éd. P. 1846, p. 132.

его не потеряны для міра! Во льдахъ сѣвера понимаютъ единство, связь, солидарность міровой жизни, всеобщую свободу, стройный прогрессъ, непрерывное счастье, и во льдахъ сѣвера присоединяютъ къ ..... матеріальнымъ гармоніямъ—гармонію нравственную: нашъ праздникъ знаменуетъ это! Тебѣ мой привѣтъ, геній, тебѣ мое блѣдное слово, но сказанное отъ души, вдохновенно!.. Весь недостатокъ и все изумительное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ учителемъ и совершенно противоположный дѣйствительному порядку вещей. Этотъ новый міръ заключаетъ въ себѣ несмѣтныя, невѣдомыя и мало кѣмъ тронутыя богатства... Какъ открытіе ни будь, господа, истинно, благодѣтельно само по себѣ, но по косности, невѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней организаціи обществъ, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но не намъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, нашъ тѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара во имя ея началъ и закона. Преображеніе близко! Но не въ вѣрѣ, не въ молитвѣ, какъ дѣлаютъ это христіане, день которыхъ пришелся съ нашимъ днемъ (7 апр. 1849 г. пришлось на пасхальный четвергъ), не въ вѣрѣ, не въ молитвѣ, этомъ модномъ, свѣтскомъ, семейственномъ, дѣтскомъ препровожденіи времени, а въ наукѣ чистой будемъ пріобрѣтать мы бодрость нашихъ страстей на терпѣніе, на дѣло».

Затѣмъ Ханыковъ предложилъ тостъ въ память Фурье.

Рѣчь эта, изъ которой мы привели наиболѣе важныя мѣста, вызвала единодушные апплодисменты; оба Дебу поцѣловали Ханыкова. Было заранѣе условлено, что рѣчь Ханыкова «одна должна быть произнесена какъ обусловливающая самое празднество, а послѣ того всякій можетъ говорить, что желаетъ».

Вторымъ говорилъ Петрашевскій[1]). Его тостъ «за знаніе дѣйствительности» какъ будто сводилъ слушателей съ высотъ фурьеризма на нашу жалкую, русскую землю, хотя и Ханыковъ не забылъ напомнить о ней.

Затѣмъ говорилъ Д. Д. Ахшарумовъ. Онъ сказалъ, что «жизнь, какъ она теперь, тяжела, гадка», всѣ мы «страдаемъ, ищемъ выхода изъ этого несчастнаго положенія... Мы всѣ болѣе или менѣе испорчены жизнью, которую принуждены были вести съ малолѣтства, но всѣ мы здѣсь, можно сказать, не потеряли, не утратили еще

---

[1]) О рѣчи Петрашевскаго см. въ моей статьѣ о немъ въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г. № 8, стр. 62—66.

вполнѣ здоровый организмъ своихъ страстей. Разуму представляется нелѣпымъ, безсмысленнымъ, чтобъ природа создала насъ для страданія, а сердце каждаго изъ насъ не умолкая говоритъ о счастьи. Но не о томъ счастьи, которымъ пользуются теперь немногіе,—это счастье незначительно, непрочно, пусто, однообразно, утомительно, и нерѣдко такіе счастливцы во дворцахъ своихъ томятся скукою, болѣзнью и кончаютъ, наконецъ, жизнь самоубійствомъ. Но о счастьи другой жизни—не той ,о которой говорятъ намъ грязные попы, которая осрамила бы провидѣніе и законы вселенной, но о жизни другой, другого общества въ наслажденьи и роскоши на нашей высокой, прекрасной землѣ. Выгоды наши всѣ раздѣлены, мы живемъ одни насчетъ другихъ... Мы всѣ несчастны, и можно ли быть счастливымъ въ этомъ обществѣ, въ которомъ мы живемъ? Оно обезобразило, исковеркало наши страсти, оно измучило насъ и сдѣлало насъ нуждающимися, больными. И такъ какъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному, основному назначенію человѣческой жизни, какъ и всякой другой жизни, то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится и вмѣсто него будетъ новый—новый, новый и новый. Когда? Вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни, и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь,—этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ, и развалится все это дряхлое, громадное, вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ. Но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело...

«Мы живемъ въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищеѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, скопищѣ, разрозненномъ семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицей, ползутъ города,—единственная цѣль, высочайшее счастье для нихъ, апогея ихъ величія недосягаемаго—сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица! А еще пониже десятки милліоновъ работниковъ цѣлый день лѣтомъ на солнцѣ и дождѣ... возятся съ землей, да еще не съ своей, чтобъ она дала скудные плоды. Но не для этого человѣкъ такъ долго трудился, и не здѣсь вѣнецъ трудовъ его: онъ ждетъ его, онъ заслужилъ его и возьметъ его скоро и покроетъ имъ свою измученную главу, и предстанетъ царемъ земли. И въ это самое время ... все еще въ темнотѣ .... гремятъ предразсудки, и

человѣкъ размножается самъ на свою гибель, со дня рожденья до смерти, въ нищетѣ, грязи проводитъ жизнь. Мученья обезображиваютъ его лицо. Когда женщина, даже съ красотой, въ отчаяньи идетъ въ публичный домъ и продаетъ себя, или закрывъ черною одеждою грудь и плечи, свои волосы, весь станъ свой, погребаетъ себя въ монастырь,—въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ мы собрались сегодня не для жалобъ и не для этихъ несчастныхъ повѣствованій, но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ, весельемъ... Мы даемъ обѣдъ залогомъ лучшихъ дней и празднуемъ грядущее искупленіе всего человѣчества—сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье—празднуемъ день его рожденья, чтимъ его память; его, потому что онъ указалъ намъ путь, по которому итти, открылъ источникъ богатства, счастья... Сегодня первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и всѣ они здѣсь: 10 человѣкъ, немногимъ болѣе... Насъ окружаетъ 100 милліоновъ, которые оглушены бреднями и не знаютъ о томъ, что ожидаетъ ихъ новая жизнь, и что они должны приготовиться къ принятію ея. Наше дѣло высказать имъ всю ложь, жалость этого положенія и обрадовать ихъ и возвѣстить имъ новую жизнь. Да, мы, мы всѣ должны это сдѣлать и должны помнить, за какое великое дѣло боремся: Законы природы, растоптанные ученіемъ невѣжества, возстановить; реставрировать образъ Божій человѣка—во всемъ его величіи и красотѣ, для которой онъ жилъ столько времени. Освободить и организовать высокія, стройныя страсти, стѣсненныя, подавленныя. Разрушить столицы, города, и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную веселья, богатства, счастья и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ —вотъ цѣль наша, великая цѣль, больше которой не было на землѣ другой цѣли». Передъ нею, по мнѣнію Ахшарумова, должны исчезнуть всѣ маленькія разногласія въ мнѣніяхъ. «Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованье, а кончитъ его вся земля. Да, господа, обѣдъ сегодняшній—событіе важное: онъ дается нами... во имя будущаго торжества истины надъ невѣжествомъ, истины, которою скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій!»[1])

Рѣчь Ахшарумова, наиболѣе сильныя мѣста которой мною приведены, вызвала такъ же, какъ и двѣ предшествовавшія,

---

[1]) Комиссія, разбиравшая бумаги петрашевцевъ, дала такую характеристику этой рѣчи: содержаніе ея «обнаруживаетъ стремленіе сочинителя и общества, въ которомъ она была читана, къ совершенному разрушенію настоящаго порядка».

аплодисменты. Особенно понравилась она Ващенку, а Дебу 2-ой нашелъ, что она составляетъ кстати сказанный отвѣтъ на рѣчь Петрашевскаго.

Нѣсколько словъ «безъ приготовленія» сказали Кашкинъ и Есаковъ. Тосты были еще: 1) за распространеніе ученія Фурье и 2) за дружбу и согласіе между сочувствующими. Пили за здоровье Петрашевскаго, Спѣшнева, Кашкина и Европеуса. Кашкинъ прочелъ принесенное Петрашевскимъ стихотвореніе (Бераже) «Чудаки», т.-е. «Безумцы», въ которомъ поэтъ съ сочувствіемъ говоритъ о Сенъ-Симонѣ, Фурье [1]), Анфантенѣ.

Дебу 2-ой сдѣлалъ затѣмъ слѣдующее предложеніе: «Мы собрались здѣсь отпраздновать день рожденія Фурье, какъ человѣка, открывшаго новые пути для ...дѣятельности; но изучили ли мы хорошо его теорію? Что касается до меня, то я откровенно сознаюсь, что я не знаю ея со всею отчетливостью, которую она требуетъ, одному же изучить ее нельзя, и потому я предлагаю для изученія ея перевести общими силами на русскій языкъ «Теорію всеобщаго единства» Фурье. На это, по словамъ Дебу 2-го, Петрашевскій сказалъ, что лучше перевести Science de l'homme [2]), а Кашкинъ предложилъ для перевода «Новый промышленный міръ» Фурье». Дебу 2-й на это отвѣчалъ: «Книга, предлагаемая Кашкинымъ, есть только программа теоріи Фурье; я же предлагаю переводя изучить эту теорію и потому избралъ самое полное сочиненіе». На это всѣ согласились [3]).

Всѣ пожелали участвовать въ переводѣ, а редакторами его были избраны Европеусъ 1-й, Ханыковъ и Дебу 2-й. Условились лѣтомъ каждому перевести свою долю изъ сочиненія Фурье, а затѣмъ провѣрить переводы, прочитать ихъ вмѣстѣ и при этомъ, пользуясь различными замѣчаніями, сдѣланными переводчиками, послѣ споровъ и разговоровъ, между прочимъ о терминологіи, вполнѣ изучить теорію Фурье. Послѣ этого девять человѣкъ собрались у Ващенка, разорвали одинъ экземпляръ сочиненія Фурье Théorie de l'unité universelle на 11 частей (за исключеніемъ первой критической части), при чемъ каждому досталось по 150 страницъ, бросили жребій, какая часть кому достанется, и рѣшили окончить все къ октябрю мѣсяцу. На долю Ахшарумова выпалъ отдѣлъ о воспитаніи. Такъ какъ онъ собирался черезъ двѣ недѣли уѣхать въ Константинополь, то поспѣшилъ при-

---

[1]) Восмистишіе, относящееся къ Фурье, приведено было выше.

[2]) *Gabriel Gabet.* Traite élémentaire de la science de l'homme consideré sous tous les rapports, P. 1842, 2 vol.

[3]) Европеусъ передалъ слова Дебу 2-го такъ: «Прежде чѣмъ принять на себя трудную роль пропагаторовъ, я думаю намъ должно собраться въ тѣсный кружокъ для изученія».

няться за работу, и у него нашли часть перевода этого сочиненія Фурье такъ же, какъ и у Дебу 1-го.

Ващенко на обѣдѣ 7 апрѣля высказалъ мысль, что полезно распространять ученіе Фурье между женщинами; въ своемъ показаніи онъ заявилъ, что его мысль была принята.

На другой день послѣ обѣда въ память Фурье Кашкинъ спрашивалъ Ханыкова, какъ осуществить въ Россіи систему Фурье, и тотъ сказалъ: «Намъ нужна публичность, купите журналъ», и совѣтовалъ заняться русскою исторіею.

Въ тотъ же день, 8 апрѣля, вечеромъ Кашкинъ былъ у Петрашевскаго въ первый и послѣдній разъ на его собраніи и, по словамъ Антонелли, принималъ «живое и дѣятельное участіе» въ бесѣдѣ относительно «пошлости разсужденій журнала» (т.-е. газеты) «Des Debats» [1]). По словамъ Кашкина въ его показаніи, онъ попалъ къ Петрашевскому потому, что назначенный на этотъ вечеръ балъ у гр. Протасовой, куда онъ былъ приглашенъ, по болѣзни хозяйки отмѣнили, и Кашкинъ, вспомнивъ, что Петрашевскій наканунѣ звалъ его на свою «пятницу», поѣхалъ къ нему, не зная какъ иначе использовать этотъ вечеръ.

В. Семевскій.

[1]) Послѣ революціи 1848 г. газета «Journal des Debats» была проводникомъ идей «партіи порядка».

Къ разсказамъ о П. Л. Лавровѣ.

Всѣ воспоминанія о собственномъ прошломъ, о приходившихъ въ столкновеніе съ нами людяхъ, и т. п.—неизбѣжно субъективны. Вотъ вѣдь, кажется, и состарится человѣкъ; и посмотритъ инымъ, болѣе спокойнымъ и безстрастнымъ взглядомъ на минувшія событія; и перемѣнитъ многое въ своихъ оцѣнкахъ бывшихъ враговъ и друзей и ихъ дѣятельности; а какъ начнетъ разсказывать о пережитомъ, такъ снова впадаетъ въ настроенія прежняго времени, снова враждуетъ и любитъ, снова не въ силахъ быть объективно-справедливымъ и отдавать должное даже врагамъ и соперникамъ, снова слышатся во всемъ тонѣ его разсказовъ о нихъ враждебно-пренебрежительныя или насмѣшливо-ироническія нотки... Вотъ—мысли, то и дѣло приходившія мнѣ въ голову при чтеніи разсказовъ Сажина о Лавровѣ въ передачѣ ихъ Витязевымъ [1]). Говорю это только мимоходомъ, къ слову, такъ какъ для того, чтобы парализовать впечатлѣніе, производимое *тономъ* разсказовъ Сажина, его *оцѣнкою* Лаврова, какъ человѣка, и его *освѣщеніемъ* разсказываемыхъ событій, нужно было бы противопоставить имъ *собственную* оцѣнку личности Лаврова, *собственное* освѣщеніе этихъ событій, *собственный* разсказъ о томъ же, но въ иномъ, собственномъ *тонѣ*,—на что я не имѣю ни досуга, ни нужныхъ матеріаловъ, а потому ограничусь лишь краткимъ исправленіемъ только нѣкоторыхъ, чисто *фактическихъ*, неточностей въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ читаются въ статьѣ Витязева.

1. Не знаю: писалъ ли что-нибудь Лавровъ въ ссылкѣ, кромѣ «Историческихъ Писемъ», которыя онъ подписывалъ псевдонимомъ (Миртовъ) и отсылалъ въ Петербургъ переписанныя чужимъ почеркомъ (я самъ выручалъ послѣднее изъ нихъ у одного вологодскаго семинариста-переписчика), и притомъ отсылалъ всегда со знакомыми людьми, а не по почтѣ. Но если и писалъ, то, навѣрное, поступалъ и съ этими рукописями такимъ же манеромъ,

[1]) «Голосъ Минувшаго». 1915 г. № 10.

а потому губернаторъ Хомицкій не могъ самолично просматривать его статей, какъ значится у Сажина (стр. 114).

2. Разсказавъ о тайныхъ поѣздкахъ Лаврова изъ Кадникова въ Вологду съ мѣстнымъ ямщикомъ Кузьмою, Сажинъ говоритъ, что на его вопросъ, «а какъ же удалось Лаврову вырваться окончательно изъ Кадникова», тотъ отвѣчалъ: «да тотъ же Кузьма и вывезъ». Я ничуть не сомнѣваюсь, что Сажинъ вѣрно передаетъ отвѣтъ Лаврова, но только утверждаю, что этотъ отвѣтъ нисколько не соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Лавровъ былъ джентельменъ, не допускавшій возможности располагать чужими тайнами, да еще опасными. А не нужно забывать, что я былъ въ то время просто скрывшимся изъ-подъ ареста молодымъ человѣкомъ, за которымъ не числилось никакого опредѣленнаго преступленія, а потому разсказывать о моей роли въ исчезновеніи Лаврова изъ Кадникова значило давать въ руки правительству данныя для обвиненія меня въ очень опредѣленномъ преступленіи и притомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я сидѣлъ въ Иркутскомъ острогѣ по *подозрѣнію* въ намѣреніи похитить Чернышевскаго. Вотъ почему Лавровъ, отвѣчая на нескромный вопросъ, далъ такое показаніе, которое послало вопрошателя по ложному слѣду; и вотъ почему моя роль въ побѣгѣ Лаврова долгіе годы оставалась неизвѣстною никому рѣшительно, кромѣ немногихъ непосредственныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ. Кстати: Лобовъ (стр. 123) не имѣлъ никакого касательства къ моей поѣздкѣ за Лавровымъ; но когда я привезъ Лаврова въ Петербургъ, то Лобовъ предоставилъ свою квартиру для свиданій Лаврова съ его друзьями.

3. Перескакивая черезъ нѣсколько страницъ, скажу, что тою же скрытностью Лаврова и щепетильнымъ отношеніемъ его къ своимъ и чужимъ тайнамъ—личнымъ и общественнымъ—объясняется еще одно ошибочное показаніе Сажина. Сообщая ему о своемъ намѣреніи уѣхать изъ Парижа, Лавровъ, по словамъ Сажина, объяснилъ его такъ: «Мы съ Анной Павловной достаточно натерпѣлись всякихъ лишеній во время осады Парижа и послѣдующихъ событій, и больше оставаться здѣсь не желаемъ» (125). Я опять таки не сомнѣваюсь, что Сажинъ вѣрно передалъ слова Лаврова, но опять-таки убѣжденъ, что Лавровъ просто не нашелъ нужнымъ открыть Сажину истинную причину своего отъѣзда. Мнѣ онъ говорилъ позже въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что Коммуна поручила ему отправиться въ Лондонъ, чтобы всячески уговаривать тамъ Генеральный Совѣтъ Интернаціонала поднять серьезную агитацію среди англійскаго рабочаго сословія и радикаловъ въ пользу Коммуны. Не слѣдуетъ забывать,

что Интернаціоналъ въ то время еще не распался и даже не колебался, продолжая вызывать надежды однихъ и опасенія другихъ. Помню, какъ нѣсколько ранѣе, при самомъ началѣ осады Парижа, я самъ былъ избранъ однимъ изъ депутатовъ Генеральнаго Совѣта къ Гладстону, съ цѣлью побудить его министерство къ вмѣшательству въ пользу скорѣйшаго заключенія мира въ виду того, что виновница войны—Бонапартовская Имперія—уже пала, а новорожденная республика охотно шла на всѣ разумныя уступки. Правда, Гладстонъ вѣжливо отклонилъ домогательства Совѣта, но все же съ Интернаціоналомъ тогда еще разговаривали... Въ связи съ этой командировкой Лаврова я прекрасно помню его разсказы о разныхъ курьезныхъ обстоятельствахъ этой поѣздки. Выѣхалъ онъ съ паспортомъ отъ Коммуны, который произвелъ великій соблазнъ на передовой линіи версальцевъ между полицейскими и таможенными досмотрщиками. «Это что за паспортъ? Къ кому обращаются выдавшіе его люди? Какъ смѣютъ они разсчитывать на принятіе ихъ бумажонки въ серьезъ и на признаніе ихъ какъ бы за какое-то правительство?» спрашивали Лаврова.—«Чего вы хотите отъ меня?—отвѣчалъ онъ. Я—иностранецъ, эмигрантъ безъ національныхъ бумагъ. Я жилъ въ Парижѣ. Мнѣ понадобилось отправиться въ Лондонъ. Для этого требуется нынче паспортъ. Понятно, что я обратился за нимъ къ правительству de facto, не интересуясь тѣмъ, чего оно стоитъ de jure въ глазахъ остальной, внѣпарижской Франціи и иностранныхъ державъ. Не нравится вамъ мой паспортъ, такъ дайте мнѣ другой, настоящій». Такъ и сдѣлали. Кстати: въ этотъ именно разъ Лавровъ познакомился впервые съ Марксомъ, къ которому онъ обратился прежде всѣхъ съ своимъ порученіемъ, прося представить его Генеральному Совѣту.

4. Къ числу *фактическихъ* ошибокъ Сажина я позволяю себѣ отнести и его разсказъ о какой-то «Инструкціи революціонерамъ», составленной Лавровымъ и ходившей въ рукописи за-границей въ 1875 году, возбуждая общій смѣхъ своей наивной непрактичностью, доходившей по истинѣ «до комизма». Скажу прежде всего, что Лавровъ, признавая свою некомпетентность въ житейской практикѣ, всегда самымъ рѣшительнымъ образомъ уклонялся даже отъ словеснаго обсужденія практическихъ вопросовъ, въ родѣ транспортировки изданій черезъ границу, ихъ распространенія въ Россіи, организаціи на родинѣ своихъ сторонниковъ и т. п., а тѣмъ болѣе отъ публичныхъ выступленій по такимъ вопросамъ. Представляется далѣе непонятнымъ, почему Лавровъ, располагая безконтрольно типографіей «Впередъ», распространялъ эту «инструкцію» въ *рукописи*, а не въ печатныхъ экземплярахъ,

хотя бы и предназначенныхъ только для близкихъ единомышленниковъ. Но всего непонятнѣе для меня то, что я слышу теперь только впервые объ этой «Инструкціи». Вѣдь какъ разъ въ это время я проживалъ за-границей, будучи связанъ съ Лавровымъ узами самой тѣсной дружбы. Когда мы жили въ одномъ городѣ, то видѣлись каждый день, а когда —въ разныхъ: я—въ Парижѣ, а онъ—въ Лондонѣ, то переписывались буквально ежедневно. Лавровъ не выпускалъ въ печать ни одной вещи, не отсылалъ ни одного важнаго письма по общественно-политическому дѣлу, не ознакомивъ сначала съ нимъ меня, въ видахъ совмѣстнаго обсужденія. И вотъ, въ Швейцаріи, гдѣ проживалъ Сажинъ, это «смѣхотворное» произведеніе Лаврова ходило по рукамъ, а я, его задушевный другъ, никогда не видалъ его въ глаза! Ничего не знали о немъ и другіе, проживавшіе въ Парижѣ и ежедневно общавшіеся со мною друзья Лаврова. Не вѣдали о немъ и сотрудники Лаврова въ Лондонѣ. Ничего не слыхалъ впослѣдствіи о немъ отъ Лаврова и тѣсно дружившій съ нимъ Русановъ, равно какъ и проживавшая послѣдніе годы съ Лавровымъ,—такъ высоко чтившая и такъ горячо любившая своего отца,—его дочь, М. П. Негрескулъ, остававшаяся при немъ, въ ежедневномъ тѣсномъ общеніи съ нимъ, до самой его смерти. Я знаю, конечно, что и въ юриспруденціи, и въ общей логикѣ, при одинаковой добросовѣстности и компетентности свидѣтелей, даже одно *положительное* показаніе перевѣшиваетъ любое число отрицательныхъ. Но признаюсь откровенно, что, въ виду всего вышесказаннаго, мнѣ требуется нѣчто большее, чѣмъ простое показаніе Сажина, на основаніи слуховъ того времени, чтобы повѣрить авторству Лаврова относительно такого произведенія, про которое самъ Сажинъ говоритъ, что «болѣе комичной вещи трудно было себѣ представить».

5. Разсказывая о своихъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ съ Лавровымъ въ Вологдѣ, Парижѣ и Цюрихѣ, Сажинъ многократно упоминаетъ о «неустойчивости и несамостоятельности политическихъ взглядовъ» Лаврова, объ отсутствіи «революціонности» въ его темпераментѣ, о большой «эластичности его мысли», объ «измѣнчивости его рѣшеній по общественно-политическимъ дѣламъ подъ вліяніемъ окружающихъ», о «разнообразіи его программъ» и его многочисленныхъ «эволюціяхъ». Что сказать на это? Конечно, Лавровъ, какъ и всякій другой—великій или ординарный—человѣкъ, эволюціонировалъ въ своемъ духовномъ ростѣ. Поначалу, онъ былъ просто либералъ-конституціоналистъ и великій почитатель Герцена, у котораго онъ помѣстилъ (въ «Полярной Звѣздѣ») свои стихотворенія, сыгравшія такую роко-

вую роль въ его судьбѣ. По своей профессіи—ученаго, философа и историка—онъ не могъ питать слишкомъ крайнихъ мнѣній и вѣрить въ близость стремительныхъ переворотовъ de fond en comble. Но, наряду съ передовыми людьми своего времени, онъ увѣренно ожидалъ вскорѣ крупныхъ прогрессивныхъ реформъ во всемъ строѣ русской жизни, какъ естественныхъ послѣдствій освобожденія крестьянъ и пр. Поэтому онъ не безъ основанія смотрѣлъ на свою ссылку, какъ на черезъ-чуръ строгую кару за свои стихотворенія, какъ на временное ожесточеніе правительства противъ всякаго либерализма, вызванное выстрѣломъ Каракозова. Вотъ почему онъ надѣялся на скорое возвращеніе въ Петербургъ и не хотѣлъ затруднять его какими-либо «неосторожностями». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ своемъ временномъ опальномъ положеніи, онъ желалъ приносить посильную общественную пользу въ свойственной ему сферѣ, т.-е. въ формѣ литературныхъ чтеній, живыхъ бесѣдъ съ публикою и т. п. Отсюда его желаніе сблизиться съ мѣстнымъ обществомъ и, конечно, съ тѣми его кругами, къ которымъ онъ принадлежалъ по своему рожденію, воспитанію, прежнему общественному положенію, и привычкамъ. Не забудемъ, что Лавровъ не былъ лишенъ правъ или опороченъ по суду и что ссылка его была вызвана лишь подозрительнымъ отношеніемъ правительства къ его политическимъ взглядамъ, а не какими-либо постыдными для него мотивами, вслѣдствіе чего въ намѣреніи его сблизиться съ обществомъ, сдѣлавъ нужные визиты, не было ровно ничего претенціознаго или искательнаго, такъ что иронія Сажина по этому поводу удивляетъ читателя и объясняется просто тѣмъ, что Сажинъ снова перенесся въ свое тогдашнее настроеніе «нигилиста» 60-хъ годовъ. Сажинъ немножко злорадно замѣчаетъ, что Лавровъ потерпѣлъ при этомъ афронтъ, такъ какъ никто не отдалъ ему визита. Но вѣдь это свидѣтельствуетъ лишь о трусости провинціальнаго общества и ничуть не роняетъ Лаврова въ его благородномъ стремленіи дѣлать посильное благое дѣло. Да и такъ ли это было? Т.-е. въ такой ли полной мѣрѣ? По крайней мѣрѣ я, въ первый же проведенный у Лаврова вечеръ, встрѣтился тамъ съ двумя земцами изъ наиболѣе уважаемыхъ въ своемъ уѣздѣ, а послѣ слыхалъ, что нѣкоторые изъ видныхъ вологжанъ, на подобіе Іосифа Аримафейскаго, поддерживали сношеніе съ нимъ, но «по тайности», въ чужихъ домахъ, «страха ради іудейскаго».

Что Лавровъ не былъ тогда соціалистомъ,—а тѣмъ паче соціалистомъ-революціонеромъ, это—вѣрно. Конечно, какъ историкъ, онъ былъ знакомъ съ соціалистическими ученіями, но зналъ также всю ничтожность ихъ роли въ прагматической исто-

ріи; а какъ теоріи, они представлялись ему скорѣе какъ этическія системы, какъ нѣчто въ родѣ религій, чуждыхъ *научной* подкладки, чѣмъ они и были до Маркса. Экономическая подкладка исторіи не выступала тогда еще на передній планъ, вслѣдствіе чего Лавровъ мало интересовался и занимался политической экономіей. Сдается мнѣ даже, что этотъ редакторъ «Логики» Милля не читалъ «Политической Экономіи» того же автора. Заключаю это изъ отсутствія у насъ съ нимъ въ то время всякихъ разговоровъ на экономическія и соціалистическія темы. И только очутившись за-границей, онъ увидѣлъ, до какой степени экономика и соціализмъ вторгаются понемногу въ прагматическую исторію, начинаютъ «дѣлать исторію», становятся ея замѣтными факторами. Только тамъ, ознакомившись съ Марксомъ, онъ позналъ соціализмъ, какъ *научную* систему, и сталъ ея приверженцемъ. Къ слову сказать, такъ было и со мною: и я—натуралистъ по образованію и приверженецъ строгаго научнаго мышленія—заинтересовался впервые экономикой и соціализмомъ только во время первой моей ссылки, прочитавъ тамъ Лассаля м Маркса, почему мнѣ такъ и понятна эта эволюція Лаврова. Но она произошла не сразу, а въ особенности не сразу измѣнился характеръ дѣятельности Лаврова. Поначалу Лавровъ и въ Парижѣ продолжалъ надѣяться на скорое наступленіе въ Россіи лучшихъ временъ и на возможность возвращенія на родину полноправнымъ гражданиномъ, вслѣдствіе чего избѣгалъ вдаваться въ крайности. Поначалу онъ разсчитывалъ служить дѣлу прогресса въ наиболѣе свойственной ему сферѣ, путемъ литературной пропаганды въ легальной русской прессѣ наиболѣе прогрессивныхъ идей изъ области философіи, религіи, науки, искусства и политическихъ ученій. Практическое участіе въ политикѣ онъ считалъ несвойственнымъ себѣ дѣломъ и всячески отстранялся отъ него. И только когда жизнь выяснила всю тщетность его ожиданій, и когда внезапная смерть А. П. Чаплицкой опустошила его личную жизнь и побудила его искать забвенія въ какой-либо болѣе захватывающей дѣятельности, чѣмъ подцензурная литература, только тогда онъ обратился къ заграничной анти-правительственной агитаціи и вступилъ для этого въ сношенія съ кружкомъ молодыхъ застрѣльщиковъ революціи, наиболѣе приближавшихся къ нему по своимъ взглядамъ. Это и есть цюрихскій періодъ его жизни, періодъ основанія «Впередъ» и рѣзкихъ столкновеній по этому поводу съ Бакунинымъ и Россомъ (Сажинымъ),—столкновеній, составляющихъ главное содержаніе воспоминаній Сажина и главный матеріалъ его обвиненій Лаврова въ непостоянствѣ и измѣнчивости его взглядовъ, въ перемѣнѣ программъ

и т. д. Я провелъ весь этотъ періодъ въ секретной камерѣ Иркутскаго острога, а потому не могу свидѣтельствовать о немъ, какъ очевидецъ. Замѣчу только мимоходомъ, что исторія пресловутыхъ «трехъ программъ» кажется мнѣ достаточно выясненной самимъ Лавровымъ въ одномъ позднѣйшемъ заграничномъ изданіи [1]). Что же касается до его «уступчивости» взглядамъ своихъ сотрудниковъ, въ ущербъ своимъ собственнымъ, въ редактировавшихся имъ журналахъ, то я припоминаю сейчасъ нѣкоторыя изъ моихъ бесѣдъ съ нимъ по этому поводу. «Я считаю своимъ долгомъ—говорилъ онъ—помогать той партіи *дѣйствія*, которая имѣется въ данный моментъ на-лицо, хотя бы я далеко не во всемъ соглашался съ ней. Что́ до того, что я не могъ раздѣлять наивной вѣры «впередовцевъ» въ возможность скораго, внезапнаго и полнаго соціальнаго переворота? Что́ до того, что я не могу вѣрить вмѣстѣ съ «народовольцами» въ осуществимость путемъ заговора и т. н. «террора» тоже внезапнаго, кореннаго, политическаго переустройства Россіи? Но вѣдь ихъ конечные идеалы и цѣли тоже и мои? Вѣдь ихъ средства дѣйствія не противорѣчатъ моимъ моральнымъ принципамъ, хотя бы они и казались мнѣ иной разъ непрактичными и нецѣлесообразными? Вѣдь я зналъ и знаю, что, стремясь къ неосуществимому въ близкомъ будущемъ, они все же содѣйствуютъ попутному достиженію хотя бы болѣе скромныхъ, но все-таки прогрессивныхъ, задачъ болѣе умѣренныхъ партій, по извѣстному, ироническому закону исторіи: «Sic—vos, sed—non vobis»? Такъ, что́ мнѣ до ихъ иллюзій или до нашихъ чисто *тактическихъ* разногласій, которыя я старался и стараюсь обходить? Повторяю: я всегда былъ и буду съ тѣми, которые *дѣйствуютъ*, борятся, а не съ тѣми, что сидятъ у моря и ждутъ погоды». Такъ онъ и дѣйствовалъ, работая совмѣстно съ крайними революціонерами-утопистами, хотя по собственнымъ взглядамъ и былъ, можетъ быть, ближе къ нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ лѣвыхъ кадетовъ—какъ я представляю ихъ себѣ—т.-е. къ людямъ, признающимъ въ теоріи соціалистическій строй за конечный, неизбѣжный финалъ развитія современныхъ обществъ, но считающимъ, что сейчасъ нужно сосредоточить всѣ силы на борьбѣ за рядъ болѣе скромныхъ, но болѣе осуществимыхъ, политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ перемѣнъ общественнаго уклада. Кстати: иллюстрируя «уступчивость» Лаврова, Сажинъ говоритъ, что, благодаря ей, онъ «самъ же далъ наиболѣе обстоятельное моральное оправданіе террора». Гдѣ это? Не разу-

---

[1]) Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія. Х. П. Лавровъ: Народники 1873—1878 гг.

мѣетъ ли Сажинъ ту статью на эту тему въ № 1 «Вѣстника Народной Воли», которая, какъ я достовѣрно знаю, принадлежала перу Лесевича? Впрочемъ, мое знакомство съ этимъ журналомъ было остановлено судьбою какъ разъ на № 1. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что все вышеизложенное показываетъ ясно, что «эволюція» Лаврова совершалась все время въ *одномъ* направленіи, а именно—въ *лѣвомъ*, а отнюдь не обнаруживала какихъ-то постоянныхъ *колебаній* политической мысли.

6. Сажинъ говоритъ о «сдержанномъ» отношеніи Лаврова къ Парижской Каммунѣ, чуждомъ всякой «восторженности», всякаго «увлеченія». Но чѣмъ же было «восторгаться» и «увлекаться» здравомыслящему человѣку въ этомъ *безнадежномъ* движеніи съ его неслыханной анархической программой? Можно было восхищаться героизмомъ бойцовъ Коммуны и скорбѣть о ихъ *неизбѣжной* гибели, но «увлекаться» ихъ благороднымъ безуміемъ не всякому было подъ силу. Столь же «сдержанно» относился Лавровъ, по словамъ Сажина, и къ Интернаціоналу, а потому и уклонился отъ выступленія въ печати въ защиту Бакунина и его приверженцевъ. Но именно сочувствіе Интернаціоналу не дозволяло ни одному разумному человѣку симпатизировать Бакунину, вся дѣятельность котораго въ этомъ случаѣ явно грозила распаденіемъ и гибелью Интернаціонала. Да и какимъ образомъ моральный человѣкъ могъ сочувствовать и помогать людямъ, которые публично гремѣли противъ централизаціи, деспотизма, генеральства и самовластія Генеральнаго Совѣта, а негласно составляли *заговоръ* не противъ правительства, а противъ своихъ же товарищей-единомышленниковъ, — учреждали *тайный* союзъ (l'Alliance), имѣвшій цѣлью *секретно*, невѣдомо для массы рядовыхъ членовъ Интернаціонала, управлять его дѣятельностью? Какъ могъ дорожащій своей моральной репутаціей человѣкъ добровольно вмѣшаться въ печальную исторію шантажированія Любавина Нечаевымъ, ради освобожденія Бакунина отъ обязательства выполнить взятый имъ на себя и отчасти уже оплаченный литературный трудъ? Положимъ, что Бакунинъ былъ повиненъ тутъ больше попустительствомъ и недостаточно энергическимъ протестомъ, но все же никому не могло быть сладко впутаться въ эту скандальную исторію. Несмотря на мою тѣсную дружбу съ Марксомъ, я отказался наотрѣзъ дать ему находившіеся у меня въ рукахъ документы по этому дѣлу[1]), сказавъ ему: «я не оправдываю вполнѣ Бакунина, но никогда не соглашусь помогать позорить на всю Европу человѣка, игравшаго такую роль въ нашемъ революціон-

[1]) Это сдѣлалъ послѣ, передъ Гаагскимъ конгрессомъ, Н. Утинъ.

номъ движеніи». Также отнесся къ этому дѣлу и Лавровъ, знавшій отъ меня всѣ подробности Любавинской исторіи и не находившій поэтому возможнымъ для себя ни обвинять, ни защищать Бакунина.

7. Не мало говоритъ Сажинъ о перипетіяхъ Русской Библіотеки въ Цюрихѣ. Повторяю: свидѣтелемъ этихъ перипетій я не былъ. Но изъ добросовѣстнаго изложенія Сажинымъ аргументовъ Лаврова мнѣ кажется, что справедливость была на сторонѣ послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ бы ни была основана Библіотека, но поддерживалась она на средства *всѣхъ* русскихъ студентовъ. На какомъ же основаніи небольшая группа иниціаторовъ утверждала за собою исключительное право распоряжаться выборомъ вновь пріобрѣтаемыхъ книгъ, суживая широту этого выбора и ограничивая его лишь книгами сочувственнаго ей направленія? Обычное русское самоуправство и деспотизмъ если не правительства, то самозванной, тѣсно сплоченной, активной группы!.. Конечно, нельзя сочувствовать борьбѣ съ этимъ самоуправствомъ путемъ тайнаго расхищенія книгъ. Но мы знаемъ изъ историческаго и собственнаго опыта, что въ людскихъ группахъ, ставшихъ на путь борьбы съ закономъ въ какой-либо области, скоро развивается наклонность къ отступленію отъ общепризнанныхъ правилъ морали и въ другихъ областяхъ. Воскресаетъ старое правило: «хорошая цѣль оправдываетъ и плохія средства», вслѣдствіе чего появляются на сцену всякія хитрости, уловки, мелкій іезуитизмъ и т. п. (не говоря уже о такихъ крайнихъ примѣрахъ, какъ пресловутыя, позднѣйшія «экспропріаціи» или акты насилія въ товарищеской средѣ, въ родѣ кулачной расправы со Смирновымъ). Самъ Сажинъ преспокойно разсказываетъ, что цѣлью его пробнаго временнаго вступленія въ редакцію будущаго Лавровскаго журнала было, между прочимъ, и желаніе получить доступъ ко всѣмъ связямъ и адресамъ редакціи въ Россіи, конечно, въ расчетѣ — пользоваться ими и послѣ вѣроятнаго разрыва. Тотъ же Сажинъ съ улыбкою разсказываетъ о ловкой продѣлкѣ Ткачева, который, поселившись у «впередцевъ» въ качествѣ единомышленника и сотрудника, строчилъ все это время рѣзкую брошюру противъ Лаврова, тайно печатая ее во враждебной Лаврову типографіи Росса... Ловко, молъ, и чертовски забавно!..[1]). Но, конечно, Лав-

[1]) Не могу не вспомнить по этому случаю восклицанія Ткачева по поводу моихъ словъ о томъ, что я не могъ бѣжать изъ тюрьмы при одномъ чрезвычайно удобномъ случаѣ, будучи связанъ даннымъ караульному офицеру честнымъ словомъ. «Что за архаическіе предразсудки!—взвизгнулъ Ткачевъ.—По моему, честное слово только и годно для того, чтобы добиться какой нибудь крупной выгоды путемъ его нарушенія». Правда, Ткачевъ кончилъ жизнь въ сумашедшемъ домѣ, начавъ съ *моральнаго* помѣшательства.

ровъ — благовоспитанный человѣкъ изъ хорошаго общества, 50-ти лѣтъ отъ роду, съ твердо установившимися правилами морали и порядочности—не могъ быть прикосновенъ къ пиратскимъ подвигамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приверженцевъ; и я никогда не вздумалъ бы заводить рѣчь объ этомъ обстоятельствѣ, если бы тонъ разсказа Сажина и отсутствіе всякихъ оговорокъ не давали повода нѣкоторымъ наивнымъ читателямъ вообразить себѣ, будто бы эти вещи могли совершаться съ вѣдома и попустительства Лаврова (къ слову сказать, владѣльца обширной библіотеки, которую онъ всегда охотно предоставлялъ въ пользованіе всякаго желающаго). Но такъ какъ такое предположеніе насчетъ Лаврова оказалось, повидимому, возможнымъ, и такъ какъ одна мысль о немъ приводила въ сильное негодованіе и крѣпко огорчала его еще и понынѣ здравствующую дочь М. П. Негрескулъ, то я счелъ небезполезнымъ коснуться здѣсь и этого пункта.

8. Изъ моей тѣсной, многолѣтней близости съ Лавровымъ я вынесъ о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ желѣзной воли, твердаго непреклоннаго характера, упорнаго до упрямства въ своихъ взглядахъ, неуклоннаго въ своихъ замыслахъ, любезнаго и уступчиваго только съ виду, въ мелочахъ, но ни на минуту не забывавшаго своей главной цѣли и настойчиво пробивавшагося къ ней черезъ всѣ препятствія, скрытнаго съ посторонними и не откровеннаго беззавѣтно даже съ друзьями, медленно, обдуманно принимавшаго свои рѣшенія и затѣмъ уже не отступавшаго отъ нихъ ни на шагъ, и при этомъ —неутомимаго работника, умѣвшаго заставить себя трудиться съ успѣхомъ даже въ несвойственной ему области. «Мягкаго» въ этомъ человѣкѣ было только его свѣтская внѣшность, благовоспитанныя манеры да старомодная «любезность». На Сажина онъ производилъ, очевидно, другое впечатлѣніе. Это былъ, по его словамъ, «человѣкъ чисто отвлеченный мысли» (142), «книжникъ, интересовавшійся гораздо больше абстракціями, чѣмъ живой дѣйствительностью» (143), притомъ человѣкъ «эластической мысли» (139), «безформенныхъ общественныхъ воззрѣній» (139), «неопредѣленныхъ, неустойчивыхъ общественныхъ взглядовъ» (139), «совершенно безпомощный въ практическихъ и жизненныхъ вопросахъ» (142), а потому «лишенный самостоятельности, какъ въ поступкахъ своей частной и личной жизни, такъ и при рѣшеніи практическихъ задачъ тогдашней общественности», (145), поэтому «онъ легко поддавался вліянію другихъ лицъ» (145), «быстро соглашался—съ ними» (145), «чѣмъ и объясняется рядъ противорѣчій въ его поступкахъ» (145) и то, что онъ «легко измѣнялъ принятые рѣшенія» (145). Его жизненная непрактичность доходила до того, что «*бѣдный* Петръ Лавровичъ и не подозрѣвалъ, что онъ надѣлалъ

своими «Историческими письмами» и какими глазами смотрятъ на него въ Россіи молодежь и правительство». Неудивительно поэтому, что Сажинъ «съ товарищи» могли относиться къ программамъ такого человѣка только «иронически» и «просматривали» ихъ «только поверхностно», что, впрочемъ, отнюдь не стѣсняло строгости ихъ сужденій объ этихъ программахъ.

Оспаривать чужія *впечатлѣнія* и построенныя на нихъ сужденія, понятно, мудрено. Но вотъ что я хотѣлъ бы спросить безпристрастнаго читателя: не странно ли, что человѣкъ такого ума и характера, какимъ является Лавровъ въ воспоминаніяхъ Сажина, такъ долго стоялъ во главѣ движенія, называвшагося по его имени; что онъ цѣлые годы издавалъ журналъ, а потомъ газету, выходившую съ аккуратностью пыпинскаго «Вѣстника Европы»? Что его приверженцы въ Россіи были настолько сильны авторитетомъ его имени, чтобы собирать изъ мелкихъ крохъ многочисленныхъ сочувственниковъ достаточныя средства для поддержки этихъ изданій, для ихъ транспортировки черезъ границу и для распространенія ихъ на родинѣ? А когда онъ вынужденъ былъ отойти отъ этого дѣла, то созданная подъ его эгидою храмина быстро разсыпалась мелкою пылью? Кстати: обстоятельства того времени очень походили на нынѣшнія. Шла война и и тоже «освободительная». Рядовые «впередовцы» («Лавристы»—тожъ) находили, что, въ виду живого военнаго одушевленія и сравнительнаго равнодушія публики ко всему другому, слѣдуетъ пріостановить на время партійныя изданія. Напрасно Лавровъ горячо уговаривалъ ихъ не дѣлать этого, говоря, что военные успѣхи и неудачи не исчерпываютъ еще *всѣхъ* интересовъ страны; что, освобождая другіе народы, не худо помнить и о собственномъ отечествѣ; что нужно думать не только о войнѣ, но и о будущемъ, послѣвоенномъ времени, что не слѣдуетъ опускать стараго, заслуженнаго знамени и покидать хорошо налаженнаго дѣла; что надо постараться «перештурмовать» какъ-нибудь трудное время, такъ какъ продолжать легче, чѣмъ начинать или возобновлять упадшее сызнова... Все было напрасно... Пріостановка издательства была рѣшена. И Лавровъ рѣзко разорвалъ съ бывшими товарищами съ гнѣвомъ и отчаяніемъ въ душѣ. Кончилась война. Но «Впередъ» не возсталъ изъ мертвыхъ. И самое имя «впередовцевъ»—alias «Лавристовъ»—изгладилось мало по малу изъ памяти людей... Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что «Впередъ» былъ созданъ и поддерживался молодыми, энергичными и практичными сотрудниками Лаврова, въ родѣ Смирнова, игравшаго при Лавровѣ приблизительно ту же роль, что Россъ при Бакунинѣ. Но гдѣ эти люди? Что сталось съ ними безъ Лаврова? Покойный Смирновъ

былъ умный, дѣльный, неутомимый, энергическій помощникъ. Покойная Идельсонъ тоже была цѣнная сила, такъ же какъ и покойный Подолинскій. Но почему же, разорвавъ съ Лавровымъ, они отошли понемногу отъ общественныхъ дѣлъ и погрузились въ полную неизвѣстность, оставаясь однако все время хорошими, честными, просвѣщенными, передовыми людьми? Почему *всѣ* умные, энергическіе, дѣльные сотрудники Лаврова внутри Россіи, въ томъ числѣ и здравствующій понынѣ авторъ пресловутой «Хитрой Механики», тоже потонули, послѣ разрыва съ Лавровымъ, въ полной неизвѣстности? Всѣ они тоже остались хорошими, честными, дѣятельными людьми—по крайней мѣрѣ тѣ пять или шесть главныхъ «лавристовъ», о которыхъ я имѣю свѣдѣнія,—но всѣ они успокоились на лонѣ обывательщины: служатъ въ банкахъ, въ страховыхъ обществахъ, въ госпиталяхъ и т. п., иные работаютъ въ такихъ почтенныхъ учрежденіяхъ, какъ Вольное Экономическое Общество и новѣйшіе кооперативы, но всѣ они давно покинули ряды передовыхъ застрѣльщиковъ, давно перестали быть членами «воинствующей церкви» и не принадлежатъ къ «дѣйствующей арміи» друзей и приверженцевъ новаго строя. А Лавровъ остался на брешп, въ ожиданіи новаго поднятія революціонной волны. И когда «Народная Воля», разстроенная и потрясенная, вслѣдствіе сцѣпленія множества причинъ и, между прочимъ, центральныхъ предательствъ, сочла нужнымъ реорганизовать свои силы за-границей вокругъ солиднаго журнала, она обратилась за помощью къ старому ветерану Лаврову, и онъ немедленно отозвался на призывъ и долго, усердно и успѣшно поддерживалъ новое изданіе, новую *дѣйственную* партію, новое знамя, пока они не пали подъ ударами такихъ факторовъ, съ которыми нельзя было бороться изъ-за границы. А Лавровъ снова остался стоять на стражѣ революціонныхъ завѣтовъ, въ ожиданіи подхода новыхъ, молодыхъ силъ... И такъ стоялъ онъ, какъ могучій кряжистый дубъ, какъ «свѣточъ, возженный наверху горы», до самой своей смерти, окруженный почтеніемъ и симпатіями русскихъ и иностранныхъ соціалистовъ, шедшихъ къ нему за участіемъ, совѣтомъ и посильной помощью и никогда не встрѣчавшихъ отказа въ этомъ со стороны этого несокрушимаго человѣка долга и идеала... Спрашиваю опять: не странно ли все это для человѣка такого ума и характера, какимъ является Лавровъ у Сажина? По моему,—очень странно. Но, конечно, возможно и то, что Сажинъ просто—ошибся въ своей оцѣнкѣ личности и дѣятельности Лаврова.

Германъ Лопатинъ.

Изъ недавняго прошлаго [1].

II.

Помѣщичья жизнь въ началѣ 60 г.г. Ф. Х. Мейеръ.—Начало ученія. Учителя: Д. В. Аверкіевъ и др.—Гимназія.—А. И. Казначеевъ.

Общественная жизнь, всколебленная освобожденіемъ крестьянъ, скоро вновь пошла обыденнымъ порядкомъ, съ тою только разницей, что господамъ нельзя было больше драться. Впрочемъ, находились личности, которыя ухитрялись обходить это стѣснительное для нихъ обстоятельство, держа въ услуженіи людей, которымъ отдѣльно платили за то, чтобы они давали себя бить, когда барская рука была не въ состояніи сдерживаться. Помнится мнѣ, что не разъ приходилось слышать о такихъ случаяхъ.

Зимы 61, 62 и 63 гг. мы проводили въ Москвѣ, равно какъ и послѣдующія зимы. Въ это время бабушки Натальи Васильевны уже не было въ живыхъ, и мы по воскресеньямъ всегда обѣдали и проводили вечера у Кротковыхъ, въ ихъ домѣ противъ Страстного монастыря, рядомъ съ бывшимъ Строгановскимъ рисовальнымъ училищемъ.

Эти воскресенья мнѣ остались очень памятны. Къ обѣду съѣзжались многіе изъ родственниковъ: Голохвастовы, другіе Кротковы, братья Николая Степановича, бывалъ иногда Шеншинъ, приходившійся сродни Кротковымъ и служившій при графѣ Закревскомъ, не помню точно: адъютантомъ или военнымъ чиновникомъ особыхъ порученій. Этотъ Шеншинъ былъ плѣшивъ, Закревскій же, который самъ былъ тоже совершенно плѣшивъ, въ минуты благодушнаго настроенія любилъ смѣяться надъ плѣшивыми и называлъ Шеншина «плѣшандасомъ».

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

По вечерамъ пріѣзжали еще другіе гости, изъ которыхъ нѣкоторые привозили и дѣтей.

Въ это же время пріѣхали изъ Швейцаріи двѣ барышни, сестры Андреевы, изъ которыхъ старшая, Ольга Андреевна, была очень красивая дѣвушка, большого роста, прекрасно сложенная, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, красивыми темнокарими глазами и темными пышными волосами. Она была настоящимъ олицетвореніемъ русской красавицы. Обѣ онѣ до пріѣзда въ Москву воспитывались въ семьѣ тогдашняго женевскаго русскаго священника. Это были внѣбрачныя дочери графини Ростопчиной, извѣстной писательницы и поэтессы, и Андрея Николаевича Карамзина. Карамзинъ былъ потомъ женатъ на вдовѣ Демидова, Аврорѣ Александровнѣ и погибъ геройской смертью во время Крымской кампаніи, заслуживъ отъ турокъ прозвище льва. Когда началась Крымская кампанія, Карамзинъ, бывшій тогда въ отставкѣ, поступилъ вновь на службу въ чинѣ полковника въ Дунайскую армію, гдѣ командовалъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ. 16 мая 1854 г. близъ Ольтеницы Карамзинъ выступилъ на рекогносцировку со своими Александрійскими гусарами, но, обманутый невѣрными показаніями лазутчика, наткнулся на громадный непріятельскій отрядъ и былъ окруженъ турками. Чтобы спасти свой полкъ, онъ одинъ бросился на турокъ и былъ зарубленъ ими, за что и заслужилъ отъ нихъ прозвище льва.

Вскорѣ по пріѣздѣ дѣвицъ Андреевыхъ, старшая изъ нихъ, Ольга Андреевна, понравилась Павлу Дмитріевичу Голохвастову и онъ, не теряя времени, сдѣлалъ ей предложеніе, которое и было принято, и они стали женихомъ и невѣстой.

Въ эти года мы жили лѣтомъ въ Моховомъ, куда пріѣзжала съ дѣтьми и тетушка Елизавета Николаевна. Для ея пріѣздовъ былъ выстроенъ отдѣльный деревянный флигель. Онъ состоялъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ прихожей: въ одной помѣщалась тетушка съ дочерьми и съ гувернанткой миссъ Джонсъ, а въ другой мой двоюродный братъ со своимъ учителемъ Н. И. Березкинымъ.

Николай Ивановичъ Березкинъ, былъ очень спокойный и сдержанный человѣкъ изъ семинаристовъ, онъ рѣдко сердился и возвышалъ голосъ. Мы его въ особенности почитали за то, что онъ былъ великій мастеръ устраивать иллюминаціи, клеить изъ бумаги цвѣтные фонари и дѣлать очень красивые транспоранты съ вензелями. Иллюминаціи эти обыкновенно устраивались два или три раза за лѣто.

Мѣста для иллюминацій выбирались имъ тоже различныя,

смотря по погодѣ; но большею частью онъ пользовался для ихъ устройства купальней, находящейся въ концѣ сада около рѣки. Купальня эта представляла собою довольно большую комнату, въ заднемъ концѣ которой, за деревянной точеной балюстрадой, помѣщался огромный, вдѣланный въ полъ чанъ, наполнявшійся водою изъ проведеннаго сквозь стѣну большого и широкаго жолоба, надъ которымъ было до десятка меньшихъ жолобовъ, расположенныхъ надъ большимъ полукругомъ въ видѣ вѣера. Когда вода пускалась, она лилась въ чанъ широкой струей изъ большого жолоба и рядомъ меньшихъ струй изъ верхнихъ жолобовъ, представляя собою, какъ бы водопадъ, съ шумомъ падающій въ чанъ, пѣнясь и разсыпаясь блестящими искрами, переливавшимися яркими цвѣтами радуги, благодаря рамамъ съ разноцвѣтными стеклами, окружавшими жолоба. Потолка въ купальнѣ не было, она, какъ большая палатка, заканчивалась двухскатной крышей, стѣны ея были выкрашены масляной краской, вдоль нихъ стояли широкіе турецкіе диваны. Снаружи передъ купальней былъ большой фонтанъ, изъ котораго, когда его пускали, била высокая струя воды. За фонтаномъ шла круглая поляна, на которую выходила липовая аллея, соединяющая ее съ садомъ. Старыя развѣсистыя липы, окружавшія поляну и купальню, служили прекраснымъ фономъ для транспарантовъ и фонарей Николая Ивановича.

Внутри, купальня тоже освѣщалась, украшалась зеленью, гирляндами и цвѣтами, въ ней накрывался столъ и подавался чай, фрукты и сладости. Смотрѣть на такое рѣдкое въ деревнѣ зрѣлище собиралась, конечно, вся дворня и чуть ли не все село.

Кромѣ сада иллюминація устраивалась иногда въ большомъ паркѣ Колкѣ. Въ этомъ случаѣ мѣстомъ для нея избиралась или сдѣланная тамъ искусственная развалина, или мѣсто среди старыхъ елей и сосенъ, гдѣ находилась круглая поляна, посреди которой на огромномъ пнѣ вѣкового дуба лежалъ въ видѣ стола большой круглый камень въ родѣ жернова, окруженный большими на камняхъ же скамейками.

Мнѣ особенно памятна одна подобная иллюминація развалинъ, устроенная, впрочемъ, на этотъ разъ не Березкинымъ, а Францемъ Христіановичемъ Мейеромъ, нашимъ управляющимъ. Послѣдній, вмѣсто фонарей и плошекъ, употребилъ цѣлую массу тыквъ разныхъ формъ и размѣровъ. Вычистивъ изъ нихъ всю мякоть, онъ вырѣзалъ на ихъ коркѣ самыя разнообразныя физіономіи, придавая имъ всевозможныя выраженія. Эти тыквенныя рожи, съ зажженными въ нихъ свѣчами, были разставлены на развалинахъ и вокругъ нихъ, среди деревьевъ, кустовъ и кам-

ней и производили очень оригинальное и даже жуткое впечатлѣніе, напоминая какое-то сборище лѣсныхъ духовъ. Францъ Христіановичъ въ своемъ неизмѣнномъ зеленовато-сѣромъ сюртукѣ, съ высокимъ бархатнымъ воротникомъ, и въ особомъ картузѣ съ большимъ козырькомъ, кажется, не меньше нашего забавлялся своей выдумкой.

Заговоривъ о Мейерѣ, не могу не остановиться на его личности. Это былъ замѣчательный человѣкъ, сыгравшій немалую роль въ исторіи русскаго сельскаго хозяйства. Родившись въ Германіи, онъ тамъ и получилъ первоначальное образованіе, очевидно, весьма основательное, такъ какъ оно дало ему возможность впослѣдствіи чрезвычайно разносторонне расширить свои познанія.

Онъ рѣшилъ покинуть родительскій домъ, вслѣдствіе притѣсненій и непріятностей, которыя ему приходилось переносить отъ своей мачехи, и, воспользовавшись случаемъ отправки въ Россію какимъ-то садоводомъ партіи рѣдкихъ растеній, поѣхалъ съ ними въ качествѣ садовника. Сдавъ по назначенію отправленный съ нимъ грузъ, онъ черезъ нѣкоторое время поступилъ управляющимъ къ княгинѣ Голицыной, которой принадлежало имѣніе Ломцы въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Сколько мнѣ помнится изъ его разсказовъ, семья Голицыныхъ состояла тогда изъ старушки матери и сына, молодого человѣка. У Голицыныхъ Францъ Христіановичъ пробылъ довольно долго, насадилъ у нихъ большой паркъ, устроилъ правильные сѣвообороты, завелъ необходимыя сельскохозяйственныя орудія и вообще перестроилъ все на европейскій ладъ. Голицыны его цѣнили и относились къ нему очень хорошо, въ особенности молодой князь, что, впрочемъ, не мѣшало ему порой потѣшаться надъ нимъ и подводить простодушнаго иностранца, какимъ первое время былъ Мейеръ. Такъ однажды, когда въ имѣніе пріѣхали разносчики (въ тѣ времена пріѣздъ разносчиковъ-краснорядцевъ былъ цѣлымъ событіемъ въ деревенской жизни: лавокъ по деревнямъ не было, до городовъ было далеко, а потому тогдашніе краснорядцы имѣли въ числѣ своихъ товаровъ и дорогія матеріи, и парчи, и мѣха), разсматривая различные товары, Мейеръ очень похвалилъ при молодомъ князѣ парчу, употребляемую для ризъ, послѣдній, видя, что она нравится Мейеру, сталъ убѣждать его сдѣлать себѣ изъ нея халатъ, говоря:

— Подумайте только, Францъ Христіановичъ, какъ это будетъ красиво, когда вы въ солнечный день выйдете въ такомъ халатѣ покурить вашу трубку на террасу передъ господскимъ домомъ.

Францъ Христіановичъ, ничего не подозрѣвая, въ простотѣ души, купилъ себѣ этой парчи, и домашній портной сшилъ ему изъ нея великолѣпный халатъ. Когда послѣдній былъ готовъ, Мейеръ въ одно прекрасное праздничное лѣтнее утро надѣлъ его и, закуривъ свою трубку, вышелъ на террасу передъ господскимъ домомъ и сталъ прогуливаться по ней съ молодымъ княземъ. Въ это время старуха княгиня, женщина очень набожная, увидавъ изъ окна своей комнаты Мейера въ ризѣ, пришла въ негодованіе за такое, по ея понятіямъ, кощунство и, отворивъ окно, стала звать:

— Францъ, а Францъ, поди-ка ты сюда!

Францъ, не подозрѣвавшій ничего худого, съ веселымъ видомъ направился къ окошку княгини, но едва онъ приблизилъ свою голову, какъ получилъ пару пощечинъ съ словеснымъ добавленіемъ:

— Ахъ ты, басурманъ этакій, да какъ ты смѣешь въ поповскія ризы рядиться, вотъ я тебѣ!..—поди сейчасъ же сними.

Францъ Христіановичъ, пораженный такимъ неожиданнымъ пріемомъ, поспѣшилъ ретироваться со своей прогулки на солнцѣ, къ великому удовольствію молодого князя, заливавшагося смѣхомъ. Долго попрекала старушка Франца, какъ она его называла, за его кощунственный, по ея мнѣнію, поступокъ.

Отъ Голицыныхъ Мейеръ поступилъ къ моему дѣду и тутъ-то началась его широкая разносторонняя дѣятельность, которую онъ тѣмъ легче могъ проявить, что находилъ полное сочувствіе и поддержку какъ со стороны дѣда, такъ равно и его брата и совладѣльца Ивана Васильевича.

Мейеръ зналъ прекрасно механику, сельское хозяйство, садоводство и огородничество, онъ хорошо чертилъ и рисовалъ. Въ Моховской библіотекѣ до сихъ поръ сохраняется рисованный имъ атласъ полевыхъ растеній, встрѣчающихся въ Новосильскомъ уѣздѣ, съ ихъ ботаническими названіями.

Слѣдя постоянно за тѣмъ, что дѣлалось на Западѣ, онъ много читалъ, собралъ большую библіотеку и оставилъ нѣсколько написанныхъ имъ научныхъ работъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, основаннаго Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, отцомъ усмирителя возстанія въ литовскихъ губерніяхъ. Спеціальныя занятія по сельскому хозяйству не мѣшали Мейеру интересоваться искусствомъ и литературою. Шиллеръ и Гете были его настольными книгами. Онъ пріобрѣталъ англійскія гравюры и былъ большимъ поклонникомъ Гогарда. Жилъ онъ въ началѣ парка въ отдѣльномъ построенномъ для него домѣ, при которомъ имѣ-

лись всѣ хозяйственныя постройки: баня, ледникъ, погребъ и огороды. Я очень любилъ заходить къ нему съ отцомъ. Въ его комнатахъ было много интереснаго: тамъ стояли разные станки и верстаки, а также всевозможныя модели разныхъ сельскохозяйственныхъ построекъ, машинъ и орудій въ маленькомъ видѣ. На окнахъ сушились всевозможныя сѣмена, а на столахъ и стульяхъ лежали большіе фоліанты съ рисунками различныхъ древесныхъ породъ и кустарниковъ. Стѣны въ комнатахъ были уставлены полками съ книгами. Мейеръ любилъ животныхъ и у него постоянно въ домѣ бывали собачки и кошки, которыхъ онъ въ свободныя минуты обучалъ разнымъ фокусамъ.

Когда я бывалъ у него, онъ всегда призывалъ своихъ четвероногихъ воспитанниковъ и заставлялъ ихъ показывать свое искусство. Собачки весело подбрехивали, прыгали на заднихъ лапкахъ, перескакивали черезъ палку и проскакивали черезъ небольшой обручъ. Кошка тоже умѣла служить и ходить на заднихъ лапкахъ и мирно жила съ собаками. Меня Мейеръ баловалъ, дѣлая мнѣ разныя игрушки.

Когда мы пріѣхали въ Моховое послѣ Крымской войны, онъ подарилъ мнѣ нарисованный имъ въ натуральную величину портретъ генерала Пелисье, который ворочалъ глазами.

Не знаю насколько мой Пелисье былъ похожъ на настоящаго, но видъ онъ имѣлъ внушительный, въ особенности когда крутилъ глазами.

Мейеръ, проживъ у насъ болѣе 40 лѣтъ, у насъ же и скончался; онъ похороненъ въ оградѣ Моховской церкви, съ правой стороны, подъ большимъ деревомъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей: дочерей и сына, но подъ старость лѣтъ, когда всѣ его дѣти были уже взрослыми, а дочери замужемъ, онъ разошелся съ женой, какъ онъ говорилъ: «изъ-за куска мыла», и потомъ жилъ одинъ. Изъ его семьи я помню его сына, служившаго штатнымъ смотрителемъ какого-то уѣзднаго училища. Никто изъ его дѣтей не унаслѣдовалъ отъ него ни его ума, ни его талантливости.

Всегда бодрый и веселый, онъ вносилъ оживленіе повсюду, гдѣ только появлялся. По праздникамъ и каждое воскресенье онъ обѣдалъ у насъ, и обѣды эти проходили особенно весело, благодаря его разсказамъ и неисчерпаемому запасу анекдотовъ, которые онъ умѣлъ передавать съ особеннымъ юморомъ.

По воскресеньямъ пріѣзжалъ къ обѣду и завѣдующій коннымъ заводомъ въ сосѣднемъ съ Моховымъ другимъ нашимъ имѣніемъ, Паньковымъ, англичанинъ Егоръ Ивановичъ Гипсенъ.

Это былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый и полный, съ гладко выбритымъ, лоснящимся, словно лакированнымъ,

лицомъ и коротко остриженными волосами, онъ былъ мало разговорчивъ, но обладалъ прекраснымъ аппетитомъ.

Францъ Христіановичъ не любилъ Гипсена и никогда не садился рядомъ съ нимъ за столомъ, увѣряя, что онъ чавкаетъ при ѣдѣ, какъ свинья, и тѣмъ лишаетъ его аппетита.

Въ описываемое мною время Мейеру было уже за 80 лѣтъ и онъ вскорѣ умеръ отъ старческой гангрены.

Къ этому же времени относятся наши ежегоднія торжественныя поѣздки въ Паньково, остатокъ прежнихъ барскихъ традицій. Поѣздки эти совершались слѣдующимъ образомъ: туда отправлялись впередъ слуги съ провизіей и посудой и заказывали къ нашему пріѣзду обѣдню съ панихидой по погребеннымъ въ Паньковской церкви предкамъ.

Въ назначенный для отъѣзда день вставали раньше обыкновеннаго, пили раньше чай и затѣмъ въ нѣсколькихъ экипажахъ отправлялись въ путь. Пріѣхавъ въ Паньково, прежде всего, заходили въ церковь, гдѣ уже насъ ожидалъ Гипсенъ и священникъ, отецъ Петръ, добродушный, скромный человѣкъ, всегда краснѣвшій и конфузившійся, когда съ нимъ заговаривалъ мой дѣдъ или отецъ. Отстоявъ обѣдню и панихиду, мы отправлялись въ экономію, къ дому Гипсена, откуда, отдохнувъ немного, шли въ манежъ конскаго завода, въ передней части котораго была устроена на возвышеніи ложа, въ ней къ нашему пріѣзду ставились кресла и стулья и украшали ее коврами. Устроивъ насъ въ ложѣ, Гипсенъ спускался въ манежъ и становился внизу около ложи. По данному имъ знаку начиналась выводка лошадей. Сначала выводили жеребцовъ заводчиковъ, затѣмъ матокъ, за ними молодежь, взятую уже для выѣздки. Егоръ Ивановичъ и старшій конюхъ разсказывали при этомъ родословную каждой лошади, сообщали ея лѣта, и если это была кобыла, то какимъ жеребцомъ она была крыта. Послѣ этого осмотра находящихся на конюшенномъ содержаніи лошадей, ходили смотрѣть жеребятъ, загоняемыхъ для этого на какой-нибудь дворъ или на загороженный пригонъ за коннымъ дворомъ. Осмотръ конскаго завода занималъ обыкновенно нѣсколько часовъ времени, послѣ чего шли въ старинный Паньковскій садъ, гдѣ на островѣ среди небольшого пруда былъ приготовленъ обѣдъ, стояли накрытые столы и около корзинъ съ провизіей и посудой хлопотали слуги. Пообѣдавъ и погулявъ по саду, мы пускались въ обратный путь.

Иногда устраивались пикники гдѣ-нибудь въ лѣсахъ, а иногда катанья на плоскодонныхъ плашкотахъ на рѣкѣ.

Для этихъ катаній плашкоты убирались коврами и зеленью.

Мы, дѣти, очень любили эти почти всегда неожиданныя для насъ parties de plaisir.

Поѣдемъ, бывало, послѣ обѣда кататься въ нѣсколькихъ экипажахъ и вотъ вдругъ на какой-нибудь лѣсной полянѣ увидимъ разложенные ковры, а посрединѣ на бѣлой скатерти самоваръ, фрукты, печенья, разныя сладости и неизмѣннаго въ этихъ случаяхъ буфетчика Илью Сикритыча, съ его помощниками. Илья Сикритычъ былъ въ своемъ родѣ интересный типъ. Отецъ его, родомъ венгерецъ, служилъ кучеромъ еще у моего прадѣда. Въ Екатерининское время была мода на кучеровъ венгерцовъ, умѣвшихъ важно возсѣдать въ напудренныхъ парикахъ и въ расшитыхъ галунами камзолахъ на высокихъ козлахъ барскихъ колымагъ, украшенныхъ особыми покрывалами съ большими кистями и бахромой.

Плѣнившись одною изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, онъ женился на ней и тѣмъ самымъ навсегда связалъ себя съ Россіей. Отъ этого брака у него было три сына и нѣсколько дочерей. Старшій его сынъ, Иванъ Сикритычъ, былъ женатъ на племянницѣ моей няни, Аннушкѣ, горничной моей матери, а самъ служилъ камердинеромъ моего отца. Онъ представлялъ собою полную противоположность со своимъ братомъ Ильей; всегда веселый и очень добродушный, онъ никогда не сердился и не ворчалъ. Я его очень любилъ, въ особенности меня связывала съ нимъ наша общая страсть къ животнымъ. Онъ былъ большимъ любителемъ собакъ и птицъ, которыхъ не только постоянно держалъ въ своей комнатѣ, но дарилъ и мнѣ. Въ особенности памятны мнѣ чижики, которыхъ онъ подарилъ мнѣ нѣсколько штукъ. Они скоро становились ручными и летали въ дѣтской на свободѣ, но благодаря этому и кончали жизнь часто трагически къ моему великому огорченію.

Одинъ изъ нихъ какъ-то утонулъ въ лоханкѣ съ водой, другихъ же въ концѣ-концовъ съѣла кошка.

Мой отецъ очень любилъ шотландскихъ терьеровъ и они не переводились у насъ въ домѣ, забота о нихъ лежала на обязанности Ивана Сикритыча, который ихъ кормилъ, купалъ и когда мы бывали въ городѣ, то и водилъ гулять. Одно изъ любимыхъ нашихъ съ нимъ удовольствій было устраивать травлю крысъ или мышей. Когда Ивану удавалось поймать въ мышеловку здоровую крысу, (за которыми онъ усердно охотился и въ которыхъ недостатка не было ни въ старомъ Моховскомъ домѣ, ни въ тогдашнихъ городскихъ квартирахъ), онъ непремѣнно сообщалъ мнѣ объ этомъ и я бѣжалъ смотрѣть, какъ наша любимица Недли будетъ ее ловить. Для этого мы въ деревнѣ отправлялись на террасу дома, а въ городѣ или во дворъ, или въ буфетную.

Недли очень любила и самостоятельно охотиться на крысъ и мышей, въ особенности полевыхъ, которыхъ она вырывала изъ ихъ норокъ. Я помню, какъ Иванъ однажды, со слезами на глазахъ, сообщилъ мнѣ о кончинѣ Недли, утонувшей въ помойной ямѣ, куда вѣроятно она попала, увлекшись охотой за крысами, приходившими по ночамъ лакомиться всякими объѣдками около этой ямы.

Иванъ Сикритычъ кончилъ свою жизнь отчасти вслѣдствіе своей любви къ животнымъ: будучи сильно боленъ, онъ услыхалъ ночью, что во дворѣ въ неурочное время, кудахтаютъ и волнуются куры; думая, что къ нимъ забрался хорекъ, вскочилъ съ постели и, невзирая на бывшій у него жаръ, полуодѣтый выскочилъ на дворъ. Это было въ началѣ весны, стояла еще очень свѣжая и сырая погода. Найдя на дворѣ курятникъ открытымъ и куръ выпущенными, онъ сталъ загонять ихъ и конечно еще больше простудился и скончался черезъ нѣсколько дней. Это былъ одинъ изъ тѣхъ хорошихъ, простыхъ людей, которые сохраняютъ до старости дѣтски чистую душу и безконечную доброту.

Не таковъ былъ его братъ, Илья Сикритычъ, котораго кто-то изъ знакомыхъ очень мѣтко прозвалъ «le proconsul du buffet». Онъ дѣйствительно своимъ деспотическимъ характеромъ напоминалъ римскаго проконсула.

Находясь въ молодыхъ годахъ въ обученіи у камердинера дѣдушки, Петра Вительича, обращавшагося съ нимъ весьма сурово и жестоко, онъ самъ ожесточился и характеромъ сталъ напоминать своего учителя. Насъ, дѣтей, онъ часто пробиралъ, при чемъ проборки эти постоянно начинались словами: «Это сударь, или сударыня, къ стыду вашему относится, сейчасъ пойду доложу Сарѣ Ивановнѣ» или: «очень хорошо вы дѣлаете, такъ-то всегда хорошіе господа поступаютъ, вотъ я все генералу разскажу».

Доставалось намъ больше отъ него за то, что когда онъ, бывало, накроетъ столъ къ обѣду или ужину, мы съ Линочкой или Колей Кротковыми что-нибудь стащимъ со стола, не дожидаясь прихода взрослыхъ, или кусокъ хлѣба, или, если это бывало вечеромъ, немного ягодъ. Не успѣемъ мы бывало отскочить отъ стола, какъ дверь въ переднюю пріоткрывается и оттуда показывается поднятая вверхъ рука Ильи Сикритыча, съ грозящимъ указательнымъ пальцемъ и слышатся слова: «Хорошо, хорошо, сударь, вы дѣлаете, все разскажу... такъ всегда господа поступаютъ, вѣдь это къ стыду вашему относится...», послѣ чего дверь грозно захлопывалась, а мы спѣшили убраться. Эту руку Сикритыча съ грозящимъ перстомъ мы сравнивали съ рукой, явившейся во время пира Вальтассару и написавшей на стѣнѣ дворца зло-

вѣщія слова: такою же казалось намъ неожиданно появляющаяся десница проконсула, который, очевидно зная наши проказы, подкарауливалъ насъ за дверьми. Впрочемъ, я не помню, чтобы онъ когда-либо привелъ свою угрозу въ исполненіе и пожаловался на насъ.

Большой антагонизмъ существовалъ между Сикритычемъ и дѣвичьей. Онъ въ особенности обострился послѣ того, какъ его сватовство къ одной изъ горничныхъ было отвергнуто послѣдней. Послѣ этого отказа Сикритычъ всталъ уже въ явно враждебныя отношенія не только къ непосредственной виновницѣ понесеннаго имъ афронта, но и ко всему женскому персоналу дѣвичьей, такъ что послѣдній частенько являлся съ жалобами къ моей матери на тѣ оскорбленія и дерзкія выходки, которыя позволялъ себѣ по отношенію къ нимъ бѣдовый проконсулъ, онъ даже моей матери отвѣчалъ иногда очень рѣзко и вызывающе. Непрерывная вражда и его выходки противъ женской прислуги до нѣкоторой степени прекратились только послѣ того, какъ онъ повѣнчался съ одной новосильской мѣщанкой.

Но кто больше всего выводилъ проконсула изъ себя и приводилъ его въ неистовый гнѣвъ, такъ это заходившіе въ усадьбу и на барскій дворъ проѣзжіе цыгане и цыганки. Цыганки, видя стремительно выскакивающаго на нихъ изъ дома Сикритыча, начинали съ того, что старались его задобрить, говоря ему, что онъ счастливый, будетъ богатъ, и предлагая ему погадать, но онъ, не слушая ихъ сладкихъ рѣчей, гналъ ихъ прочь, жестикулируя первымъ попавшимся подъ руку оружіемъ, въ видѣ лопаты, кочерги или метлы, называя ихъ при этомъ: «гадинами и фараоновымъ племенемъ». Негодуя на такой неистовый пріемъ, цыганки, тѣмъ не менѣе, поспѣшно уходили, демонстративно размахивая руками, словно крыльями подъ своими большими платками и предсказывая ему всякія несчастья и скорую смерть, но Сикритычъ былъ выше всякихъ суевѣрій и предразсудковъ и не придавалъ никакого значенія предсказаніямъ этихъ гадинъ, какъ онъ ихъ называлъ.

Не менѣе изобилующія всякими эпитетами стычки происходили у него и съ ямщиками на почтовыхъ станціяхъ во время нашихъ поѣздокъ изъ Мохового въ Москву.

Отецъ его дожилъ до глубокой старости, ему было 105 лѣтъ, когда онъ умеръ; послѣдніе годы своей жизни онъ совсѣмъ ослѣпъ. его иногда приводили къ намъ въ домъ, принимала его обыкновенно няня Мароа Никаноровна въ дѣвичьей, гдѣ его усаживали на стулъ и, угощали чаемъ съ булками и вареньемъ. Это былъ высокій сгорбленный старикъ съ поразительно бѣлымъ лицомъ

и совершенно бѣлыми волосами и такой же бѣлой бородой. Одеждой ему служилъ ваточный халатъ, одѣтый прямо на бѣлье. Въ немъ меня особенно поражала эта бѣлизна.

Въ это время изъ сосѣдей бывалъ у насъ Писаревъ. Въ описываемое мною время Дмитрій Ивановичъ Писаревъ былъ еще студентомъ, а сестры его совсѣмъ молодыми дѣвицами, изъ нихъ Екатерина Ивановна была даже еще только подросткомъ.

Иногда Дмитрій Ивановичъ съ Вѣрой Ивановной и съ ихъ кузиной, Раисой, пріѣзжали къ намъ верхомъ. Впослѣдствіи между Дмитріемъ Ивановичемъ и этой Раисой завязался романъ: онъ влюбился въ Раису, но та, кажется обнадеживъ его, вышла замужъ за другого, это сильно подѣйствовало на молодого Писарева, устроившаго своему сопернику на какой-то желѣзнодорожней станціи большую сцену ревности.

Въ это же время пріѣхалъ въ свое имѣніе, Чебышовку, находящееся рядомъ съ Моховымъ, молодой помѣщикъ Федоръ Николаевичъ Бордуковъ. Это былъ красивый, статный гвардейскій офицеръ, который иногда пріѣзжалъ къ обѣднѣ въ нашу Моховскую церковь, съ лакеемъ негромъ, предметомъ удивленія и соблазна для Моховскихъ мужиковъ и бабъ, которые, вмѣсто того чтобъ молиться, все время глазѣли и дивились на арапа.

Однимъ изъ памятныхъ событій этого времени былъ пріѣздъ въ Моховое тульскаго архіерея Алексія. Это былъ рослый и полный мужчина, съ румянымъ, дышащимъ здоровьемъ красивымъ лицомъ, съ окладистой темной бородой и бѣлыми выхоленными руками, въ одной ихъ которыхъ онъ постоянно перебиралъ четки. Одѣтъ онъ былъ въ нарядную муарантиковую рясу, а на шеѣ имѣлъ красивую панагію, усыпанную драгоцѣнными каменьями; съ нимъ пріѣхала цѣлая свита. Къ его пріѣзду съѣхалось въ Моховое много священниковъ, и меня очень удивляло, что они, завидя архіерея, становились передъ нимъ на колѣни даже среди двора. Обычай этотъ, теперь отмѣненный, въ описываемое мною время былъ еще въ полной силѣ, равнымъ образомъ никто изъ священниковъ не садился передъ нимъ, даже когда онъ имъ это разрѣшалъ или приказывалъ. Онъ пробылъ у насъ болѣе сутокъ. Ему такъ понравились великолѣпные овощи, которыми его угощали, что послѣ обѣда онъ попросилъ дѣдушку Ивана Васильевича показать ему садъ и огородъ, и дѣдушка самъ пошелъ съ нимъ. Когда онъ сидѣлъ потомъ въ гостиной, къ нему приходили священники, которые при входѣ клали передъ нимъ земные поклоны и со смиреннымъ видомъ становились поодаль у дверей. Приходилъ и нашъ Моховской священникъ, старикъ о. Іоаннъ Алферьевъ, и тоже кланялся архіерею въ ноги.

Поговоривъ съ нимъ Алексій, приказалъ о. Іоанну сѣсть, но тотъ не сѣлъ, а также, какъ и остальные священники, отошелъ въ сторону и всталъ около дверей съ почтительнымъ видомъ, а Алексій, которому очевидно нравилось это смиреніе, обратясь съ веселой улыбкой къ дѣдушкѣ сказалъ:—«Вотъ, ваше превосходительство, какой у васъ непослушный попъ и архіерея даже не хочетъ слушать».—Тѣмъ не менѣе, было видно, что почтительная скромность о. Іоанна вмѣнялась ему въ заслугу.

На монаха Алексій совсѣмъ не походилъ, своей здоровой и жизнерадостной наружностью онъ скорѣе напоминалъ старорусскаго боярина временъ московскихъ царей, чѣмъ отрекшагося отъ радостей міра инока, да кажется и на дѣлѣ это было такъ и онъ умѣлъ цѣнить не только хорошія овощи и вкусно приготовленный обѣдъ, но и женскія прелести, за что и былъ потомъ переведенъ въ Симферополь.

Дѣдушка Иванъ Васильевичъ былъ человѣкомъ очень набожнымъ и равно, какъ и мой отецъ, много дѣлалъ для нашихъ двухъ церквей: Паньковской, выстроенной еще прадѣдомъ Іосифомъ Федоровичемъ и Моховской, построенной дѣдомъ и его братомъ Николаемъ Васильевичемъ, отцомъ моего отца. Бывая каждый праздничный день у обѣдни, Иванъ Васильевичъ всегда становился рядомъ съ клиросомъ, на которомъ помѣщались пѣвчіе и дьячки, и строго слѣдилъ за правильностью богослуженія и церковнаго пѣнія. Церковный причтъ въ тѣ времена состоялъ кромѣ священника и дьякона еще изъ дьячка и пономаря. Моховской пономарь любилъ выпивать и ему вѣроятно съ похмелья случалось путаться во время службы, начиная невпопадъ пѣть или читать не то, что слѣдуетъ. Тогда дѣдушка, знавшій хорошо службу, сейчасъ же его останавливалъ, толкая въ бокъ своей палкой. Въ храмовые праздники служба совершалась съ особенной торжественностью: въ эти дни пріѣзжали къ отцу Іоанну сосѣдніе священники со своими дьяконами и служили соборно всѣ вмѣстѣ, а по окончаніи службы приходили къ намъ въ домъ, гдѣ послѣ молебна ихъ угощали пирогами, виноградным виномъ и чаемъ: священниковъ и дьяконовъ въ столовой, а дьячковъ и пономарей въ буфетѣ, послѣднимъ подносилась тамъ и водка.

Въ эти дни послѣ обѣдни происходило на площади передъ церковью и угощеніе крестьянъ. На длинныхъ столахъ, устроенныхъ изъ настланныхъ на деревянные козлы досокъ, становились миски съ пирогами, варенымъ мясомъ, разными пряниками и баранками, а также боченки съ водкой и брагой, которую тогда варили еще дома. Угощеніемъ завѣдывали бурмистръ, старосты, главный конторщикъ съ писарями и ключникъ. Крестьяне чинно

подходили къ столамъ, выпивали полагающіяся порціи водки или браги, закусывали мясомъ и пирогами и, раскланявшись съ бурмистромъ и старшимъ конторщикомъ, отходили въ сторону. За мужиками подходили къ столамъ женщины и ребятишки. Бабы тоже выпивали порцію водки, при чемъ поили ею и дѣтей, давая даже маленькимъ ребятамъ, которыхъ держали на рукахъ, не взирая на дѣлаемыя ими гримасы, «для того, чтобы пріучить ихъ», какъ онѣ говорили. Бабамъ и ребятамъ, кромѣ мяса и пироговъ, раздавали еще и сладости, пряники, баранки и орѣхи, при чемъ угощавшее ихъ начальство въ лицѣ бурмистра, старостъ и конторщиковъ, не пропускало случая побалагурить съ ними и выразить нѣкоторымъ изъ нихъ свое особое благоволеніе. Мужики пили и закусывали степенно, бабы же и дѣвки громко болтали, пересмѣивались съ угощавшими, оставаясь дольше мужчинъ около столовъ и уходили, затянувъ какую-нибудь пѣсню съ лихимъ присвистомъ, и съ особаго рода аккомпанементомъ на губахъ. Это угощеніе крестьянъ совершалось еще нѣсколько лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права и прекратилось, сколько мнѣ помнится, только въ началѣ 70-хъ годовъ.

Незамѣтно пролетѣли года ранняго дѣтства и подошла пора начала серьезнаго ученія, къ которому я совершенно не былъ подготовленъ.

До начала ученія съ учителями, я учился «понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь», съ матерью, съ Анной Карловной, и съ отцомъ, но съ послѣднимъ занятія были урывками, такъ какъ онъ часто бывалъ или занятъ, или въ разъѣздахъ.

Первымъ моимъ учителемъ былъ Петръ Алексѣевичъ Григорьевъ, очень симпатичный молодой человѣкъ, студентъ Петербургскаго университета, удаленный изъ него вслѣдствіе начавшихся уже тогда студенческихъ безпорядковъ. Къ сожалѣнію Петръ Алексѣевичъ оставался у насъ очень недолго. Черезъ годъ онъ рѣшилъ ѣхать кончать свое образованіе въ Гейдельбергскій университетъ; окончивъ тамъ, онъ вернулся въ Россію, сдалъ надлежащіе экзамены и получилъ мѣсто адъюнктъ-профессора химіи въ открывшейся 17 ноября 1865 года Петровской Земледѣльческой Академіи подъ Москвой.

Затѣмъ поступилъ къ намъ Дмитрій Васильевичъ Аверкіевъ, извѣстный потомъ литераторъ и драматургъ, пробывшій у насъ

всего только нѣсколько мѣсяцевъ. Въ его уходѣ отъ насъ отчасти виноватъ былъ я. Онъ поступилъ къ намъ весной, когда мы были еще въ Москвѣ и уѣхалъ съ нами въ деревню; здѣсь при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ оказалось, что многіе его взгляды и манеры шокировали мою мать и Анну Карловну, которая еще была у насъ при моемъ братѣ. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ свои взгляды, но тогда, какъ большинство молодежи того времени, не былъ чуждъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ идей.

Однажды я не исполнилъ какого-то приказанія Анны Карловны и миссъ Джонсъ, а не послушался я ихъ потому, что Дмитрій Васильевичъ сказалъ мнѣ, что это пустяки и что нечего слушать женщинъ. Въ этотъ же злополучный день произошелъ еще другой случай: мы пошли купаться въ купальню, я тогда еще не умѣлъ плавать, а чанъ въ купальнѣ былъ настолько глубокъ, что я не доставалъ до его дна ногами, а потому, когда онъ бывалъ полонъ, я боялся купаться и барахтался въ водѣ, держась за лѣстницу, которая вела въ воду. Въ этотъ день я хотѣлъ продѣлать то же самое, но Дмитрій Васильевичъ заявилъ, что я долженъ научиться плавать, и толкнулъ меня отъ лѣстницы прямо въ середину чана. Я очень перепугался и чуть было не захлебнулся. Выбравшись кое-какъ изъ чана, я рѣшилъ пожаловаться матери. Вернувшись домой, я засталъ цѣлую грозу, которая готовилась разразиться надо мной: мое ослушаніе Аннѣ Карловнѣ и Сарѣ Ивановнѣ дошло до свѣдѣнія матери и дѣло приняло настолько серьезный оборотъ, что было рѣшено меня высѣчь. Когда я былъ призванъ къ отвѣту и увидѣлъ, что мое дѣло плохо, я, не задумываясь, свалилъ всю вину на Аверкіева, заявивъ, что это онъ сказалъ мнѣ не слушаться Анны Карловны и миссъ Джонсъ и кстати же разсказалъ какъ онъ меня нынче при купаніи чуть не утопилъ, столкнувъ меня въ наполненный доверху чанъ. Сообщеніе мое о посягательствѣ Аверкіева на авторитетъ дамскаго персонала, возымѣло свое дѣйствіе: предназначавшаяся мнѣ экзекуція была отмѣнена и гроза, висѣвшая надъ моей головой, перемѣнила свое направленіе и не замедлила разразиться надъ Дмитріемъ Васильевичемъ.

Хотя мы пришли съ купанья почти передъ самымъ обѣдомъ, тѣмъ не менѣе объясненіе между Аверкіевымъ и моей матерью успѣло состояться до обѣда. Что именно было говорено между ними—не знаю, но, вѣроятно, главнымъ рѣшающимъ пунктомъ конфликта былъ задѣтый Аверкіевымъ женскій авторитетъ. Въ результатѣ получилось, что Дмитрій Васильевичъ не вышелъ къ обѣду и на слѣдующій день уѣхалъ отъ насъ, чему въ душѣ я былъ очень радъ, имѣя въ перспективѣ провести цѣлое лѣто

безъ учителя, такъ какъ отлично зналъ, что достать такового въ деревнѣ не такъ-то легко, и, дѣйствительно, я не ошибся въ расчетахъ: слѣдующій учитель Василій Ивановичъ Шемякинъ пріѣхалъ къ намъ только осенью. Онъ тоже не только былъ исключенъ изъ Петербургскаго университета, вслѣдствіе бывшихъ безпорядковъ, но былъ даже высланъ изъ Петербурга и находился подъ надзоромъ полиціи.

Это, впрочемъ, не помѣшало Шемякину поступить черезъ нѣкоторое время на государственную службу, стать близкимъ лицомъ къ Побѣдоносцеву, дослужиться до генеральскихъ чиновъ, жениться на родственницѣ о. Іоанна Кронштадтскаго, стать членомъ Русскаго собранія и занять мѣсто главнаго завѣдующаго церковно-приходскими школами. Вотъ какъ время мѣняетъ людей.

Съ поступленіемъ къ намъ Шемякина для меня начался совершенно новый періодъ жизни. Его пребываніе у насъ совпало для меня съ тою важной въ жизни человѣка эпохой какъ въ психическомъ, такъ и физіологическомъ отношеніи, когда мальчикъ изъ ребенка становится отрокомъ, а затѣмъ юношей. Времени пребыванія у насъ Шемякина я обязанъ и многому хорошему, но и многому дурному. Я потому говорю «времени его пребыванія», а не лично Шемякину, что онъ, какъ личность, мало вліялъ на меня. Это былъ человѣкъ невыдержанный и желчный, онъ не умѣлъ ни развить во мнѣ любви къ ученію, ни заложить въ моемъ духовномъ мірѣ тѣхъ твердыхъ началъ, которыя дали бы мнѣ возможность строить на нихъ мою дальнѣйшую жизнь и которыя могли бы служить мнѣ путеводнымъ маякомъ среди будущихъ житейскихъ бурь.

Не принимая во вниманіе моего предшествовавшаго ученія à bâtons rompus, Василій Ивановичъ сразу, что называется, насѣлъ на меня. За уроками онъ кричалъ, бранился, жаловался матери и для того, чтобы заставить меня лучше учиться, сталъ меня запирать по цѣлымъ днямъ въ занимаемыхъ мною съ нимъ комнатахъ, образной и портретной; такое своего рода одиночное заключеніе примѣнялось имъ въ отношеніи меня и въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ какъ на прогулку съ нимъ, меня никуда не выпускали: я цѣлыми мѣсяцами не видѣлъ ни моихъ родителей, ни брата. Мнѣ приносили отдѣльно въ нашу комнату чай, затѣмъ обѣдъ и вечеромъ вновь чай. Самъ Шемякинъ со мной не сидѣлъ.

Благодаря такому методу воспитанія, я былъ отдаленъ отъ родителей и иныхъ лицъ своего круга и наоборотъ сближался съ лакейской и дѣвичьей, гдѣ искалъ утѣшенія въ моемъ печальномъ положеніи. Это тѣмъ болѣе было для меня удобно, что въ нашей

московской квартирѣ буфетъ и дѣвичья были рядомъ съ нашими комнатами. Старушка няня, лакеи, нашъ поваръ Степанъ и старушка прачка Александра Николаевна были въ тѣ тяжелые дни шемякинскаго ига моими истинными друзьями. Марѳа Никаноровна услаждала мое заключеніе разными лакомствами, поваръ Степанъ, приходившій по вечерамъ посидѣть въ буфетной и поиграть тамъ въ шашки, разсказывалъ всевозможныя городскія новости, слышанныя имъ утромъ въ лавкахъ, а черезъ домашнюю прислугу я зналъ все, что дѣлается у насъ дома: кто у насъ былъ изъ гостей и куда ѣздили мои мать и отецъ. Бывало, какъ только Василій Ивановичъ куда-нибудь уйдетъ, что случалось очень часто, я сейчасъ же отправляюсь въ буфетную или къ нянѣ и вмѣсто того, чтобы рѣшать скучнѣйшія задачи или писать латинскіе переводы, проводилъ время въ интересной для меня бесѣдѣ съ простодушными и добрыми людьми, узнавая разныя новости или разговаривая съ ними о деревнѣ и быломъ житьѣ-бытьѣ.

Временемъ моего заточенія я пользовался также для чтенія многихъ книгъ, въ томъ числѣ и такихъ, которыя мнѣ читать не разрѣшалось. Этимъ, впрочемъ, я занимался больше въ Моховомъ, имѣя тамъ подъ рукой большую библіотеку, изъ которой и бралъ книги, припрятывая ихъ въ потайномъ ящикѣ стариннаго письменнаго стола, стоящаго въ портретной, за которымъ я обыкновенно и занимался. Благодаря созданному Шемякинымъ режиму, я такъ ловко научился его обманывать, что за всю многолѣтнюю его бытность у насъ, онъ ни разу не поймалъ меня. Такимъ образомъ я прочелъ большинство романовъ Вальтеръ-Скотта, Купера, «Декамеронъ» Бокаччіо и разсказы Поль де-Кока.

Надо замѣтить, что я не ко всѣмъ научнымъ предметамъ относился одинаково враждебно. Не любилъ я, главнымъ образомъ, классическихъ языковъ, математики и русской грамматики,— естественными же науками, географіей и исторіей занимался всегда охотно и съ большимъ интересомъ.

Шемякинъ пробылъ у насъ три или четыре года, я его откровенно не любилъ и въ душѣ называлъ ужаснымъ человѣкомъ, при чемъ почему-то названіе это всегда давалъ ему по-французски: cet homme terrible! Онъ подготовлялъ меня въ пятый классъ гимназіи, но въ пятый классъ я не попалъ, а поступилъ въ четвертый классъ 4-й же Московской гимназіи на Покровкѣ. Съ моимъ поступленіемъ въ гимназію окончилась и педагогическая дѣятельность у насъ Василія Ивановича, вскорѣ уѣхавшаго отъ насъ. Не любя его, я всегда радовался, когда онъ попадалъ впросакъ. Помню какъ разъ въ первое время его поступленія къ намъ,

онъ пошелъ осматривать со мной Кремль. Побывавъ около Царь-Пушки и осмотрѣвъ Царь-Колоколъ, мы направились къ Спасскимъ воротамъ, чтобы выйти на Красную площадь къ Василію Блаженному. Проходя подъ этими воротами, всѣ должны были снимать шапки, а кто не исполнялъ этого обычая, того стоящій на караулѣ солдатъ безъ церемоніи хваталъ за воротъ и заставлялъ, ставъ на колѣни, класть извѣстное число, назначенное начальствомъ, земныхъ поклоновъ. Даже проѣзжавшихъ на лошадяхъ останавливали, заставляя выходить изъ экипажа и класть поклоны.

По своему обыкновенію Шемякинъ шагалъ впереди меня и, такъ какъ мысли его всегда гдѣ-то витали, то онъ, конечно, не снимая шапки, прошелъ ворота, не обративъ даже вниманія на предупрежденіе какой-то встрѣчной старушки, крикнувшей ему: «Чего шапку-то не снимаешь, грѣхъ тебѣ будетъ!» Идя за нимъ и хорошо зная этотъ московскій обычай, я снялъ шапку и не безъ злорадства ждалъ, что будетъ дальше. Не успѣлъ мой менторъ выйти со своимъ важнымъ видомъ изъ-подъ воротъ, какъ стоящій около нихъ часовой, сбивъ съ его головы шапку, схватилъ его безъ дальнѣйшихъ церемоній за шиворотъ и грознымъ голосомъ повелѣлъ стать на колѣни и класть поклоны.

Это происходило подъ весну и на улицахъ былъ уже не снѣгъ, а разъѣзженная грязь, перемѣшанная со снѣгомъ. Василій Ивановичъ совершенно растерялся, а я въ душѣ ликовалъ, видя такое униженіе моего мучителя, какимъ я его считалъ. Послѣ довольно долгихъ переговоровъ, въ продолженіе которыхъ солдатъ не выпускалъ изъ рукъ его ворота, наконецъ, вѣроятно благодаря данному Василіемъ Ивановичемъ выкупу, онъ отпустилъ его.

Консерваторами и правыми мои родители никогда не были, ихъ скорѣе можно было назвать прогрессистами. Свободомысліе коснулось меня, проникнувъ, если можно такъ выразиться, прямо черезъ воздухъ, которымъ я дышалъ. Когда извѣстнаго рода идеи начинаютъ развиваться въ массахъ, остановить это развитіе бываетъ невозможно, ибо распространеніе ихъ идетъ стихійно. Это своего рода токъ безпроволочнаго телеграфа, отражающійся на мозгу черезъ пространство.

Этотъ свободолюбивый духъ и заставилъ меня сразу не взлюбить гимназію, съ ея казенщиной и, главное, съ какимъ-то начавшимся тогда полицейски-сыскнымъ режимомъ, введеннымъ учрежденіемъ классныхъ наставниковъ, на обязанности которыхъ лежало не только слѣдить за воспитанниками въ стѣнахъ заве-

денія, но наблюдать за ихъ поведеніемъ на улицахъ и даже дома, а также слѣдить, чтобы они посѣщали по праздникамъ церкви.

Изъ учителей, о которыхъ я сохранилъ самое лучшее воспоминаніе были: Ипполитъ Николаевичъ Павловъ и французъ m-r Дюмушель. Павловъ былъ сыномъ извѣстнаго профессора Павлова. Мать его, урожденная Янишъ, была очень талантливая поэтесса и писательница. Ипполитъ Николаевичъ унаслѣдовалъ отъ родителей ихъ даровитость, но какъ это часто случается, будучи человѣкомъ богато одареннымъ и талантливымъ, онъ въ то же время былъ непрактиченъ и не умѣлъ воспользоваться своими дарованіями, почему и провелъ всю жизнь въ борьбѣ съ нуждой.

Какъ Павловъ, такъ равно и Дюмушель, составляли какъ бы исключеніе среди остальныхъ учителей. Они представляли собою живыхъ людей въ безжизненной чиновничьей средѣ и вѣроятно значительно превосходили среду эту какъ своимъ образованіемъ, такъ равно и своими этическими взглядами.

Занимаясь съ Павловымъ одно время русскимъ языкомъ и латынью, я сблизился съ нимъ и потомъ бывалъ у него, какъ знакомый. Въ это время посѣщалъ его и бывшій его ученикъ Нестеровъ, сынъ кавказскаго генерала, и еще одинъ гимназистъ послѣдняго класса Черницовъ. Мы любили слушать разговоры Павлова о литературѣ, съ цитатами изъ авторовъ, и его декламацію стиховъ.

Теперь въ современномъ обществѣ любовь къ стихамъ какъ-то упала, но въ то время всѣ наши чувства искали выраженія въ стихахъ, музыка рѳмъ какъ бы дополняла воспринимаемыя впечатлѣнія. Познакомившись съ Нестеровымъ, веселымъ и остроумнымъ южаниномъ, я довольно часто вмѣсто того, чтобы итти въ гимназію, заходилъ къ нему. Онъ былъ студентъ и жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, и мы проводили съ нимъ время въ различныхъ интересныхъ разговорахъ и спорахъ. Вообще я долженъ сказать, что къ гимназическимъ моимъ занятіямъ я относился всегда очень недобросовѣстно, хотя и получалъ по большей части хорошія отмѣтки, благодаря всевозможнымъ ухищреніямъ, состоящимъ въ разнаго рода шпаргалкахъ, писавшихся на бумажкахъ, на широкихъ бортахъ оловянныхъ чернильницъ, вдѣланныхъ въ партахъ, а также на манжетахъ рукавовъ и на ладоняхъ рукъ. Духъ гимназіи былъ таковъ, что совершенно не располагалъ къ серьезному добросовѣстному ученію, а наоборотъ къ ничего недѣланью и къ всевозможнымъ выходкамъ, имѣющимъ цѣлью изводить учителей, это считалось своего рода удалью и героизмомъ.

На нѣкоторыхъ учителей были сочинены стихи, такъ на двухъ математиковъ Малинина и Буренина, изъ которыхъ первый былъ толстый и круглый, а второй худой, какъ скелетъ, было сочинено четверостишіе:

«Малининъ въ халатѣ
Равенъ Буренину въ квадратѣ,
А Малининъ въ шубѣ
Равняется Буренину въ кубѣ».

Когда же кто-то распространилъ слухъ, что у Буренина умерла любимая имъ женщина, то передъ его приходомъ въ классъ стали рисовать мѣломъ по стѣнамъ, на доскѣ и даже на его пюпитрѣ надгробные памятники.

Ходить на улицѣ въ штатскомъ платьѣ и курить папиросы считалось извѣстнаго рода шикомъ, и я очень часто этимъ занимался, при чемъ однажды, встрѣтившись съ инспекторомъ Флеровымъ, сдѣлалъ видъ, что его не знаю и нахальнѣйшимъ образомъ прошелъ мимо, не поклонившись ему, но «вербный херувимъ», какъ мы его называли, узналъ меня и на слѣдующій день въ гимназіи задалъ мнѣ здоровую гонку, объявивъ, что въ слѣдующій разъ отошлетъ меня въ гимназическій карцеръ съ городовымъ.

Не знаю, что бы сталось со мной, если бы я продолжалъ мои занятія въ гимназіи, но случай помогъ мнѣ ее покинуть. Заболѣвъ на второй годъ моего въ ней пребыванія, мнѣ пришлось довольно долго не посѣщать ея и, сидя дома, я занялся живописью и притомъ такъ успѣшно, что по совѣту моего учителя рисованія, Николая Васильевича Хотькова и сенатора Александра Ивановича Казначеева было рѣшено подготовить меня за лѣто въ Московскую школу живописи, ваянія и зодчества и, если осенью меня туда примутъ, то взять изъ гимназіи. Александръ Ивановичъ Казначеевъ, выведшій на артистическую карьеру Айвазовскаго и Лагоріо, служа тогда сенаторомъ въ Москвѣ, состоялъ предсѣдателемъ того художественнаго общества, которое открыло и содержало Московскую школу живописи, помѣщавшуюся тогда, какъ и теперь, въ своемъ домѣ на Мясницкой, противъ главнаго почтамта. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Казначеевъ возилъ меня въ эту школу на открытіе бывшей тамъ выставки, которую онъ, какъ предсѣдатель, показывалъ пріѣхавшему на открытіе князю Владимиру Андреевичу Долгорукову, тогдашнему московскому генералъ-губернатору, которому онъ меня представилъ, какъ своего племянника.

Это было въ первый разъ, что мнѣ пришлось быть на такомъ

оффиціальномъ пріемѣ и я помню, что вся обстановка его, блестящіе мундиры и ордена собравшихся произвели на меня сильное впечатлѣніе, и я, вѣроятно, болѣе разсматривалъ присутствующихъ московскихъ сановниковъ, чѣмъ картины, ибо рѣшительно не помню ни одной изъ нихъ, кромѣ большого образа Александра Невскаго, который тогда писалъ академикъ Мокрицкій, инспекторъ школы, и смотрѣть который всѣ ходили въ его мастерскую, помѣщавшуюся въ отдѣльномъ домѣ во дворѣ школьнаго зданія. Онъ былъ очень любезный человѣкъ и большой почитатель Карла Павловича Брюлова, о которомъ постоянно вспоминалъ и имя котораго то и дѣло произносилъ.

Другой профессоръ живописи Московской школы, Зарянко, извѣстный портретистъ, былъ тогда въ Петербургѣ, куда былъ вызванъ для писанія царскихъ портретовъ. Онъ былъ прекрасный рисовальщикъ и очень хорошій художникъ, работавшій чрезвычайно законченно. Его манера по своей необычайной законченности напоминала манеру нѣмецкаго художника Деннера, двѣ картины котораго, головы старушекъ, находятся въ нашемъ Эрмитажѣ. Зарянко почти исключительно писалъ портреты и перспективныя картины. Что касается Мокрицкаго, то послѣдній, какъ художникъ, былъ неважный и ограничивался писаніемъ преимущественно образовъ.

Остановлюсь здѣсь немного на моихъ воспоминаніяхъ о Казначеевѣ, этомъ добрѣйшемъ и милѣйшемъ человѣкѣ, сохранившемъ до глубокой старости юношескую отзывчивость ума и сердца. Онъ, равно какъ и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, былъ товарищемъ моего дѣда Ивана Васильевича. Они втроемъ совершали походы 12 и 14 гг. и остались друзьями до конца жизни, хотя по своей натурѣ и характерамъ были совершенно различными людьми. Болѣе выдержаннымъ и спокойнымъ между ними былъ мой дѣдъ. Казначеевъ же былъ наиболѣе увлекающимся изъ нихъ, пылкимъ и экспансивнымъ. Смолоду онъ очень любилъ прекрасный полъ и пользуясь заслуженной взаимностью съ честью служилъ Купидону и Кипридѣ, что, впрочемъ, не мѣшало ему исполнять и свои гражданскія обязанности. Честно пройдя жизненный путь, онъ до старости сохранилъ пылкость своего сердца и отзывчивость ко всему прекрасному и высокому. Я помню, какъ во время своихъ пріѣздовъ къ моему дѣду, вспоминая прошлое, онъ начиналъ восторженно декламировать оды Державина или цѣлые монологи изъ озеровскаго Дмитрія Донского. Имѣя очень большой кругъ знакомства и, кромѣ того, занимая разныя почетныя должности, Казначеевъ проводилъ большую часть дня въ разъѣздахъ по Москвѣ, при чемъ, такъ

какъ ему приходилось бывать почти одновременно въ однихъ мѣстахъ, какъ частному человѣку или доброму знакомому, а въ другихъ, какъ лицу оффиціальному, то дабы не заѣзжать лишній разъ домой, онъ имѣлъ обыкновеніе поверхъ форменнаго фрака со звѣздами и орденами, надѣвать сюртукъ, изъ-подъ котораго всегда виднѣлись предательскіе хвостики фрака. Пріѣзжая къ добрымъ знакомымъ, онъ входилъ къ нимъ въ сюртукѣ, а поѣхавъ отъ нихъ на какое-нибудь оффиціальное торжество, снимая шубу или шинель, оставлялъ своему выѣздному лакею и свой сюртукъ, являясь на торжество или пріемъ въ форменномъ фракѣ и при орденахъ.

Въ занимаемой имъ квартирѣ все дышало простотой и полнымъ отсутствіемъ роскоши и единственнымъ ея украшеніемъ были картины Айвазовскаго, который по мѣрѣ развитія своего таланта подносилъ ихъ своему бывшему благодѣтелю, онъ никогда не забывалъ Казначеева и постоянно посѣщалъ его, бывая въ Москвѣ.

Дома Александръ Ивановичъ принималъ своихъ гостей, сидя въ креслѣ Николаевскаго времени, за открытымъ ломбернымъ столомъ, стоящимъ посреди комнаты, раскладывая пассьянсы, куря папиросу. Онъ рѣдко бывалъ дома и потому его квартира имѣла какой-то нежилой видъ и ея отличительной чертой было полное отсутствіе комфорта и уютности, зато всякій приходящій къ нему съ какой-нибудь просьбой или ходатайствомъ могъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ къ себѣ живое сочувствіе.

Съ легкой руки Александра Ивановича Казначеева я, проработавъ все лѣто съ Николаемъ Васильевичемъ Хотьковымъ, который ѣздилъ съ нами въ деревню, осенью 1871 г., сдавъ испытательный экзаменъ по рисованію, поступилъ въ гипсовый фигурный классъ Московской школы живописи, ваянія и зодчества. Мое поступленіе въ эту школу было рѣшающимъ событіемъ моей жизни, давъ ей то направленіе и принявъ ее въ то русло, по которому она должна была протекать до конца, невзирая на препятствія и затрудненія, создаваемыя различными обстоятельствами и случайностями жизни.

Тотъ день, когда, снявъ ненавистную мнѣ гимназическую форму, я въ штатскомъ платьѣ поѣхалъ въ гимназію, чтобы взять изъ гимназической канцеляріи мои документы, былъ поистинѣ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни.

Н. Шатиловъ.

Изъ текущей литературы.

I Папа, Бисмаркъ и Вильгельмъ.

(Изъ итальянской печати).

Для надеждъ и чаяній, питаемыхъ въ настоящее время, въ связи съ войною, руководящими кругами католическаго міра, весьма характерна статья епископа Пьяццы Армерины, монсиньора Маріо Стурцо, посвященная вопросу о «психологіи военныхъ моментовъ» [1]). Авторъ устанавливаетъ, что войны обязательно, непремѣнно и неизбѣжно «ведутъ къ религіи», «возвращаютъ къ религіи», потому что... «заставляютъ думать, заставляютъ молчать предразсудки и оставляютъ свободное поле разуму»?!... А такъ какъ религія, въ качествѣ «функціи» не только «личной и интимной, но и соціальной и публичной», является самымъ могучимъ, всѣ остальные превосходящимъ, факторомъ «индивидуальнаго и соціальнаго благосостоянія—относительнаго и абсолютнаго, преходящаго и перманетнаго, нынѣшняго и будущаго». то тѣ, на которыхъ лежитъ забота объ этомъ благѣ, конечно, должны приложить старанія къ тому, чтобы вызванный войною возвратъ къ вѣрѣ былъ надлежащимъ образомъ направленъ и использованъ. «Завтра — предрекаетъ монсиньоръ Стурцо — Европа увидитъ торжественно и прочно утвердившимся начало справедливости, стоящей на стражѣ права народовъ. Но то не будетъ началомъ новой эры, если религія, возродившая языческій міръ, не будетъ поставлена въ условія, которыя дадутъ ей возможность еще разъ возродить Европу, угрожающую возвратиться къ язычеству. Никакая побѣда не будетъ, во-истину, освободительной и прочной, если не соединитъ вмѣстѣ оба вѣщихъ слова: *религію* и *отечество*»... Въ какія условія должна быть поставлена религія, чтобы выполнить свою миссію,—это каждому

[1]) «Psicologia dei momenti bellici» въ послѣднихъ двухъ книгахъ ноябрь и декабрь 1915) журнала: «Rivista Internacionale di scienze ociali e discipline ausiliarie».

правовѣрному католику само собою понятно: должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій католической церкви, ея глава долженъ быть освобожденъ изъ плѣна, святѣйшему престолу должна быть возвращена та независимость, которую онъ потерялъ 45 лѣтъ тому назадъ. Недаромъ нѣмецкая, въ особенности баварская, печать уже мѣсяца три тому назадъ начала угрожать Италіи возбужденіемъ заново заглохнувшаго было «римскаго вопроса»... и превращеніемъ его изъ вопроса итальянскаго въ международный. Недаромъ самъ папа въ послѣднемъ собраніи кардиналовъ 6 (19) декабря 1915 г. выступилъ съ аллокуціей, въ которой обычныя жалобы на невозможность юридическаго положенія, созданнаго для главы католической церкви дѣйствующимъ итальянскимъ «закономъ о гарантіяхъ» (13 мая 1871 г.), подкрѣплялись ссылкой на испытанныя, будто бы, папою въ текущую войну стѣсненія, грубо нарушившія его суверенныя права и прерогативы [1]). Понятно, что отсюда, хотя бы и осторожно, съ недомолвками дѣлался соотвѣтствующій выводъ. «Если мы разсмотримъ,—сказалъ Бенедиктъ XV въ своей аллокуціи,—тѣ неудобства, которыя вытекли изъ европейскаго конфликта для католической церкви и апостолическаго престола, то всякій увидитъ, въ какой мѣрѣ они важны и насколько оскорбительны для достоинства верховнаго первосвященника... Правда, у правящихъ Италіей не оказалось недостатка въ добромъ стремленіи къ устраненію неудобствъ, но именно это обстоятельство ясно показываетъ, что положеніе верховнаго первосвященника зависитъ отъ гражданскихъ властей и что, съ перемѣною людей и обстоятельствъ, можетъ также перемѣниться и ухудшиться это положеніе. Ни одинъ разумный человѣкъ не сможетъ утверждать, что положеніе, въ такой мѣрѣ необезпеченное и столь зависящее отъ чужого произвола, есть именно то, которое приличествуетъ святому престолу». Въ переводѣ на понятный языкъ это значило: итальянскій законъ 1871 г. долженъ быть замѣненъ соотвѣтствующимъ международнымъ актомъ; положеніе папы должно быть интернаціонализовано... И теперь уже не секретъ, что въ ватиканскихъ кругахъ идетъ усиленная работа, имѣющая задачей, опираясь на центральныя державы, использовать соотвѣтствующимъ образомъ грядущій мирный конгрессъ, добившись съ этой цѣлью участія въ немъ святого отца...

Конечно, вопросъ объ интернаціонализаціи юридическаго положенія папы имѣетъ уже свою исторію, равно какъ не въ пер-

---

[1]) Въ дѣйствительности ни малѣйшаго *фактическаго* основанія для такихъ ссылокъ не было.

вый разъ Германія трактуетъ римскій вопросъ, какъ мѣру воздѣйствія на Италію, и не въ первый же разъ Ватиканъ пытается при помощи Германіи возвратить себѣ утраченное въ 1870 году. Извѣстный государствовѣдъ Томмазо Моска въ послѣдней своей статьѣ [1]) весьма кстати напоминаетъ, что начало, положенное въ основу закона 1871 г., *мадзиніанскаго* происхожденія. Учредительное собраніе римской республики 1849 г., бывшей, какъ извѣстно, опытомъ практическаго осуществленія мадзиніанскихъ идей, признавъ свѣтскую власть папы юридически и фактически уничтоженной, въ то же время внесло въ выработанную имъ конституцію статью восьмую, которая гласила: «Глава католической церкви получитъ отъ республики всѣ гарантіи, необходимыя ему для независимаго осуществленія своей духовной власти» [2]). «Тогда же депутатомъ Филопанти было предложено, чтобы гарантіи были установлены по соглашенію съ другими католическими державами»,—но предложеніе это успѣха не имѣло. Рѣшительнымъ противникомъ интернаціональныхъ гарантій въ отношеніяхъ между папою и итальянскимъ государствомъ оказался позже и Кавуръ. По крайней мѣрѣ, на относящемся къ началу 1861 г. докладѣ о предложеніяхъ, которыя предполагалось сдѣлать папѣ, противъ пункта: «въ случаѣ затрудненій можно было бы также обратиться къ гарантіи католическихъ державъ» сохранилась помѣтка Кавура: «принимаю добрыя услуги, посредничество, но не могу допустить гарантіи, ни другихъ подобныхъ узъ, которыя могли бы дать предлогъ для конфликтовъ и иностраннаго вмѣшательства». Гораздо болѣе, даже слишкомъ, податливыми оказались итальянскіе государственные люди, которымъ десять лѣтъ спустя пришлось противъ своей воли, подъ страхомъ революціи, завершить объединеніе Италіи присоединеніемъ Рима. Изъ доклада, сдѣланнаго Бонги въ засѣданіи палаты 16 января 1871 г., итальянская передовая демократія съ ужасомъ и негодованіемъ узнала, что правительство 7 сентября 1870, т.-е. за двѣ недѣли до взятія Рима (20 сент.), разослало своимъ представителямъ за границей циркуляръ, которымъ оповѣщало о томъ, что «Италія готова вступить въ соглашеніе съ другими державами относительно условій, которыя должны быть сообща установлены въ видахъ обезпеченія независимости духовной власти папы». Если Италія избѣжала той страшной опасности,

---

[1]) Tommaso Mosca: «Della intanqibilita sostanzionale e permanente della legge delle quarentigie» въ журналѣ «Nuova Antologia», 1 gennaio 1916.

[2]) Fac-simile этой, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательной конституціи дано въ превосходно изданной богатой иллюстраціями и цѣнными документами, работѣ G. Leti: La Rivoluzione e la Republica Romana (1848—1849) F. Vallardi, Roma, 1913, Lire 18.

которая обрушилась бы на нее, если бы намѣренія правительства осуществились, то случилось это единственно потому, что, какъ видно изъ того же доклада, державы отнеслись очень холодно къ предложенію Италіи и, не отвергая переговоровъ, не проявляли въ то же время никакой охоты вступить въ нихъ, давая ясно понять, что предпочли бы остаться въ сторонѣ, предоставивъ всецѣло Италіи честь разрѣшенія вопроса, да за одно уже и... отвѣтственность за него... О силѣ впечатлѣнія, произведеннаго этимъ разоблаченіемъ на палату, можно судить по тому общему одобренію, которымъ былъ встрѣченъ внесенный тутъ же депутатомъ Мордини порядокъ дня, гласившій: «Палата заявляетъ, что принципы и постановленія, содержащіеся въ настоящемъ законѣ (о гарантіяхъ), не должны быть предметомъ международныхъ договоровъ». Докладчикъ Бонги и министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти Веноста поторопились успокоить палату разъяснивъ, что никакой международный договоръ все равно не можетъ воспріять силу, если онъ не получилъ ратификаціи парламента. И палата утвердила законъ безъ всякой спеціальной оговорки. Любопытно мнѣніе объ этомъ законѣ, высказанное четыре года спустя желѣзнымъ канцлеромъ. Моска цитируетъ слѣдующій разсказъ Луиджи Луццатти о разговорѣ, происшедшемъ въ его присутствіи въ 1875 г., въ Берлинѣ, между Бисмаркомъ и Марко Минегетти: «Князь Бисмаркъ, еще взволнованный своей жестокой борьбою противъ римской церкви, пожаловался на законъ о гарантіяхъ. Титанъ, который умѣлъ, казалось, орудовать молотомъ бога Тора, сказалъ Минегетти: *вашъ законъ о гарантіяхъ сдѣлалъ папу неприкосновеннымъ и неуязвимымъ, такъ какъ онъ сталъ теперь только верховной духовной властью; если бы существовала еще его свѣтская власть, то появленіе одного нѣмецкаго военнаго судна въ Чивитавеккіи сразу сдѣлало бы его ручнымъ и внушило бы ему самыя кроткія намѣренія въ отношеніи Германіи*»...

Вопросъ объ интернаціональныхъ гарантіяхъ для независимости папской духовной власти, столь волновавшій и тревоживший итальянскую демократію, очень мало интересовалъ въ ту пору самого папу. Тогда и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій еще послѣ того Ватиканъ стоялъ на полномъ отрицаніи совершившагося 20 сентября 1870 г. (взятіе Рима итальянцами) и не мирился на меньшемъ, какъ на изгнаніи «узурпаторовъ» изъ вѣчнаго города и на возстановленіи папскаго престола во всей полнотѣ его духовной и *свѣтской* власти. Вся политика Ватикана долго была ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти кар-

динала Альярди, маркизъ Крисполто Крисполти огласилъ въ римскомъ «Messaggero» нѣсколько любопытныхъ писемъ покойнаго, имѣющихъ прямое отношеніе къ одной изъ такихъ попытокъ, въ которой видную, хотя и пассивную, роль пришлось сыграть Вильгельму II. О самомъ, въ высшей степени характерномъ, трагикомическомъ эпизодѣ, котораго нѣкоторыя изъ этихъ писемъ касаются, Крисполти на этотъ разъ упоминаетъ вкратцѣ и мимоходомъ, но мы имѣемъ объ этомъ эпизодѣ другой, его же подробный разсказъ, изложенный въ ранѣе изданномъ капитальномъ трудѣ [1]), изобилующемъ секретными документами, разоблачающими закулисную сторону политики папы Льва XIII. Упорно и настойчиво стремясь къ осуществленію своего средневѣковаго идеала, Левъ XIII старается всѣми зависящими отъ него средствами воздѣйствовать на германское правительство, вовлечь его въ сферу своихъ интересовъ, заручиться его сочувствіемъ, наконецъ, обезпечить себѣ его содѣйствіе въ дѣлѣ возстановленія свѣтской власти святѣйшаго престола. Посылая въ 1887 г. кардинала Галимберти въ качествѣ своего представителя на юбилей Вильгельма I, папа снабжаетъ его инструкціей, въ которой, между прочимъ, читаемъ: «Въ разговорѣ, который онъ (Галимберти) будетъ имѣть съ княземъ Бисмаркомъ, кромѣ вышеуказаннаго предмета (вопроса о культуркампфѣ), должно будетъ ловко позондировать его во-1-хъ, въ отношеніи умѣстности и выгодности папскаго представительства въ Берлинѣ, во-2-хъ, какого онъ мнѣнія относительно Италіи, а также расположенъ ли онъ, когда и какъ, возстановить папу въ его свѣтскихъ правахъ». Въ замѣткахъ, сдѣланныхъ Галимберти для доклада папѣ относительно результатовъ его миссіи, мы находимъ рядъ въ высшей степени знаменательныхъ заявленій, сдѣланныхъ ему Бисмаркомъ и почти дословно имъ записанныхъ. Въ разговорѣ о тройственномъ союзѣ Бисмаркъ заявилъ, что «если бы Италія дала Римъ папѣ, то онъ Бисмаркъ былъ бы чрезвычайно счастливъ, такъ какъ съ прекращеніемъ раздора Италія стала бы болѣе сильной, *если бы же онъ увидѣлъ, что Италія склоняется къ республиканскому образу правленія, а потому и къ Франціи, то онъ оказалъ бы также содѣйствіе возвращенію неаполитанскаго короля*». И далѣе: «На мои замѣчанія о тяжеломъ положеніи папства, о демонстраціяхъ, которыя вызвало бы появленіе папы внѣ стѣнъ Ватикана, о противуположныхъ началахъ церкви и государства и о неизбѣжности поэтому коллизій, онъ мнѣ

[1]) Crispolto Crispolti e Guido Aureli: «La politica di Leone XIII da Luigi Galimberti a Mariano Rampola su documenti inediti».—Bontempeli e Invernizzi, Editori, Roma.

отвѣтилъ: «*понимаю, что безъ территоріи нѣтъ истинной независимости, но* chaque jour a son travail»..... Годъ спустя, тотъ же Галимберти снова ѣдетъ въ Берлинъ представителемъ папы, но уже на похороны Вильгельма I. Въ необычайно обширной инструкціи, преподанной кардиналу, ему поручается прежде всего побесѣдовать съ великимъ канцлеромъ «о религіозномъ вопросѣ въ Германіи и о римскомъ вопросѣ, говоря о первомъ въ силу полномочія, полученнаго въ Римѣ, *а о второмъ—какъ будто бы отъ себя лично*»...Въ другомъ же мѣстѣ той же инструкціи читаемъ: «Въ подходящій моментъ Галимберти выдвинетъ также ту чрезвычайно серьезную опасность, *которой подвергся бы папа въ Римѣ, еслибы Италія ввязалась въ какую-нибудь войну*. При посредствѣ такихъ и аналогичныхъ соображеній онъ постарается вызвать со стороны князя ясныя заявленія о томъ, какъ онъ и Германія будутъ себя вести относительно Италіи и папства въ случаѣ, когда сила событій поставитъ на очередь римскій вопросъ. При удобномъ случаѣ онъ (Галимберти) дастъ также понять, что чрезчуръ интимное сближеніе Германіи съ Италіей, обратившей его во вредъ папству, въ немалой мѣрѣ подорвало довѣріе святого отца и что побудить послѣдняго вернуть это довѣріе могъ бы только ясно и опредѣленно выраженный княземъ взглядъ на ту позицію, которую заняла бы Германія въ отношеніи римскаго вопроса въ томъ случаѣ, когда наступилъ бы моментъ для его рѣшенія». И вотъ, что пишетъ Галимберти въ своемъ дневникѣ-отчетѣ о томъ, какъ онъ выполнилъ возложенное на него порученіе: «Что касается римскаго вопроса, то я не преминулъ предложить его (Бисмарка) вниманію тѣ замѣчанія, которыя Ваше Святѣйшество указало мнѣ въ своей инструкціи и напомнилъ ему о томъ порядкѣ идей, который онъ обнаружилъ мнѣ въ прошломъ году по тому же поводу. Да, сказалъ мнѣ Бисмаркъ,—вы правы, mais il faut savoir attendre. Возвращеніе Рима святому престолу въ данный моментъ вызвало бы въ Италіи революцію. Революція же въ Италіи привела бы къ паденію династіи и къ союзу итальянской республики съ французской. Этотъ союзъ не послужилъ бы на пользу ни святому престолу, ни сохраненію порядка и мира въ Европѣ». Высказавъ далѣе рядъ соображеній по вопросамъ международной политики, Бисмаркъ почти дословно повторилъ свое прошлогоднее заявленіе, а именно, что «если бы Италія стала республикой, то онъ первый явился бы защитникомъ свѣтской власти святого престола и, быть можетъ, также неаполитанскаго королевства». Это повтореніе даетъ основаніе предполагать, что Бисмаркъ дѣйствительно рѣшилъ въ случаѣ «республиканской опасности» возстановить свѣтскую власть папы и неаполитан-

ское королевство и, такимъ образомъ, покончить съ единой Италіей, тѣмъ болѣе, что и вообще онъ, какъ заявилъ въ дальнѣйшемъ ходѣ бесѣды, отнюдь «не противникъ свѣтской власти папы и не преминулъ бы содѣйствовать ея возстановленію, когда торжество консервативныхъ элементовъ обезпечило бы миръ Европѣ». Но,—повторилъ онъ,—il faut savoir attendre.

Ждать пришлось долго. Прошли трагическіе дни Фридриха, вступилъ на царство Вильгельмъ II, самъ Бисмаркъ сошелъ со сцены, а все еще приходилось ждать. Но вотъ сталъ на очередь вопросъ о посѣщеніи Вильгельмомъ II Рима. Ватиканъ было воспротивился, но потомъ рѣшено было использовать этотъ случай въ интересахъ церкви. Вильгельмъ не только охотно принялъ приглашеніе посѣтить Ватиканъ, но и тѣ условія, которыми оно было обставлено, какъ, напр., то, что Ватиканъ онъ долженъ посѣтить ранѣе какихъ-нибудь оффиціальныхъ пріемовъ и представленій въ Квириналѣ и пріѣхать онъ долженъ не въ каретѣ итальянскаго двора, а въ спеціально привезенной изъ Берлина, при лакеяхъ въ прусскихъ ливреяхъ и т. п. Въ то же время Ватиканъ былъ, повидимому, предупрежденъ (Гербертомъ Бисмаркомъ черезъ Галимберти), что при этомъ визитѣ не предоплагается вести никакихъ политическихъ разговоровъ вообще, касающихся же римскаго вопроса—тѣмъ паче. Но Левъ XIII и его совѣтники, игнорируя это предупрежденіе, выработали свой секретный планъ дѣйствій, который по ихъ предположеніямъ долженъ былъ дать отличные результаты.

За нѣсколько дней до визита Вильгельма, кардиналъ Альярди, въ ту пору секретарь по чрезвычайнымъ дѣламъ церкви, писалъ находившемуся въ Вѣнѣ кардиналу Галимберти, что, посѣтивъ св. отца, нашелъ его спокойнымъ за исходъ визита и увѣреннымъ, что ему удастся «произвести на молодого императора глубокое впечатлѣніе, которое тотъ долженъ бы сохранить на всю жизнь». Это впечатлѣніе предполагалось произвести, главнымъ образомъ, во время интимнаго политическаго разговора съ глазу на глазъ, въ виду чего и установленъ былъ церемоніалъ, согласно которому, по прибытіи императора, онъ вмѣстѣ съ папою удаляется въ папскіе покои, а затѣмъ уже по окончаніи ихъ разговора туда же имѣютъ быть введены и представлены папѣ принцъ Генрихъ, братъ императора, и графъ Гербертъ Бисмаркъ. Криспи, имѣвшій въ Ватиканѣ свою превосходную тайную полицію, державшую его въ курсѣ не только всего совершавшагося, но замышлявшагося тамъ, своевременно узналъ о предполагавшемся политическомъ разговорѣ и рѣшилъ, во что бы то ни стало, помѣшать ему. Онъ пре-

дупредилъ о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ Вильгельма и въ то же время вошелъ въ соотвѣтствующее соглашеніе съ Гербертомъ Бисмаркомъ и принцемъ Генрихомъ. Предупрежденіе, полученное Вильгельмомъ, очевидно его взволновало. При входѣ въ пріемную папы онъ не могъ скрыть отъ окружающихъ нервнаго подергиванія мускуловъ лица. При переходѣ въ секретную пріемную онъ выпустилъ изъ рукъ золотую табакерку, предназначавшуюся въ подарокъ папѣ. Когда же навстрѣчу ему изъ своихъ аппартаментовъ вышелъ папа и они обнялись, то изъ непроизвольно разжавшейся лѣвой руки императора полетѣла на полъ его каска. Но, именно, это явное волненіе царственнаго гостя окрылила еще болѣе надеждами папскій антуражъ. Наступила, наконецъ, долго жданная минута: папа и императоръ удалились въ частный кабинетъ папы, и монсиньеръ Делла Волпе закрылъ за ними дверь... Но не успѣло пройти и четверти часа, какъ въ секретной пріемной папы появился Генрихъ Прусскій, между тѣмъ какъ было условлено, что онъ прибудетъ на полчаса позже императора. Сейчасъ же вслѣдъ за принцемъ прибылъ Гербертъ Бисмаркъ и, какъ бы подавая условленный сигналъ, вдругъ, отвѣчая на какой-то вопросъ, заговорилъ такъ громко, что долженъ былъ быть услышанъ въ кабинетѣ. Въ ту же минуту принцъ Генрихъ выразилъ желаніе быть допущеннымъ къ его святѣйшеству. Не допускающій возраженія тонъ принца смутилъ монсиньора Делла Волпе, но у него все-таки хватило рѣшимости заявить принцу, что онъ лишенъ возможности выполнить желаніе Его Высочества раньше, чѣмъ будетъ окончена бесѣда папы съ императоромъ. «Королевскій прусскій принцъ не ожидаетъ въ передней»! — свирѣпо бросилъ ему гр. Бисмаркъ. Окончательно растерявшійся монсиньоръ пріоткрылъ дверь въ кабинетъ... Послышался голосъ папы, приказывающій закрыть ее, но раньше, чѣмъ Делла Волпе успѣлъ выполнить приказаніе, Гербертъ Бисмаркъ, къ величайшему изумленію всѣхъ присутствовавшихъ, рѣзкимъ движеніемъ выдвинулся впередъ, задержалъ начавшую уже было закрываться дверь, пропустилъ, даже вѣрнѣе, втолкнулъ въ кабинетъ принца и... дверь была закрыта... Нѣсколько минутъ спустя она снова раскрылась и Гербертъ Бисмаркъ въ свою очередь былъ введенъ въ кабинетъ и представленъ папѣ. Еще нѣсколько минутъ спустя Вильгельмъ, наспѣхъ и довольно грубо представивъ папѣ свою свиту, удалился изъ папскихъ покоевъ. Императоръ былъ мраченъ, но за то Гербертъ Бисмаркъ сіялъ, а скрывшійся въ свою опочивальню Левъ XIII, не выдержавъ удара, расплакался... Нѣсколько дней спустя кардиналъ Альярди писалъ кардиналу

Галимберти въ Вѣну: «Итакъ иллюзія о реставраціи и при помощи Германіи разлетѣлась... Полагаю, что не вздумаютъ строить другого воздушнаго замка на Австріи, но было бы еще большей опасностью, если бы взоры обратились къ Франціи или Россіи, которые обслуживаются хорошей дипломатіей и даютъ много обѣщаній на счетъ отдаленнаго будущаго,—обѣщаній, которыя, естественно, стоятъ имъ очень мало»... Пессимизмъ кардинала былъ скоро оправданъ исторіей.

Одиннадцать лѣтъ спустя послѣ только что описанной неудачи, Льву XIII снова представился удобный, какъ ему казалось, случай поставить во всей полнотѣ римскій вопросъ,—почти точно такой же случай, какой, какъ полагаютъ ватиканскіе круги, представляется нынѣ Бенедикту XV: я имѣю въ виду созванную въ 1899 г. по почину Россіи первую гаагскую мирную конференцію. Получивъ приглашеніе Россіи принять участіе въ конференціи, Левъ XIII рѣшилъ поднять на ней римскій вопросъ, хотя и не имѣвшій прямого отношенія къ задачамъ конференціи. Само собою разумѣется, что Италія воспротивилась не только постановкѣ этого вопроса, но и самому участію папы въ конференціи. Теперь очень кстати будетъ напомнить тѣ основанія, въ силу которыхъ тогда признавалось неумѣстнымъ участіе святѣйшаго отца. Вотъ, что писалъ тогда извѣстный проф. международнаго права Доменико Цаникелли: «Какою была бы практическая цѣнность международной конференціи, въ которой вмѣстѣ съ уполномоченными государей и государствъ засѣдали бы и рѣшали бы вопросы представители власти, имѣющей характеръ не политическій, а религіозный? Намъ кажется, что этимъ ослаблена была бы не только практическая цѣнность, но и моральная важность конференціи, и получили бы право протестовать противъ нея всѣ либерально мыслящіе гражданскаго міра. Италія, воспротивившись подобному вмѣшательству, когда въ папѣ хотѣли бы видѣть территоріальнаго суверена,—выставивъ на видъ опасность, присущую приглашенію, хотя бы оно обращено было только къ главѣ католической церкви,—поступивъ такъ, Италія проявитъ не антирелигіозный духъ и не сектанскую нетерпимость, а дастъ доказательство того, что она понимаетъ и умѣетъ слѣдовать политическимъ традиціямъ своего ризоржименто и всегда оставаться достойною ихъ»...

Протестъ Италіи возымѣлъ свое дѣйствіе и представителю святѣйшаго престола не пришлось участвовать въ первой гаагской мирной конференціи...

Гр. Шрейдеръ.

II. Нѣсколько чертъ изъ жизни Лео Мекелина.

Начиная съ перваго сейма 1863 г. вплоть до послѣдней сессіи 1913 г. Лео Мекелинъ стоялъ въ центрѣ политической жизни Финляндіи. Ни одинъ законопроектъ не оставался внѣ кругозора его государственнаго ума и такъ или иначе получалъ его санкцію или подвергался его критикѣ. На его долю выпало счастье провести реформу сейма, замѣнивъ сословное его устройство однопалатной системой и расширивъ избирательное право такъ, что ни одна европейская страна не обладаетъ столь справедливымъ и демократическимъ избирательнымъ закономъ. Лео Мекелинъ же былъ первымъ предсѣдателемъ конституціоннаго сената, т.-е. занималъ постъ, отвѣчающій положенію премьеръ-министра въ другихъ государствахъ.

Въ лицѣ Лео Мекелина аггрессивная политика Россіи, направленная противъ свободныхъ учрежденій Финляндіи, встрѣчала наиболѣе дѣятельнаго противника. Когда гр. Л. Ф. Гейденъ вздумалъ путемъ простой кодификаціи основныхъ законовъ свести автономію Финляндіи на-нѣтъ, Мекелинъ парализовалъ это покушеніе указаніемъ на всю незаконность подобнаго акта. Когда комитетъ Бунге, весною 1893 г., закончилъ свои работы по этому вопросу, то у Александра III уже возникли сомнѣнія въ цѣлесообразности этихъ мѣръ, и проектъ Гейдена явился ударомъ по водѣ. Болѣе тяжелой оказалась борьба съ Н. И. Бобриковымъ и В. К. Плеве, въ 1903 г. Мекелинъ даже былъ высланъ изъ страны административнымъ порядкомъ, но на помощь пришла общеполитическая конъюнктура, такъ что черезъ два года высылки Мекелинъ могъ вернуться настоящимъ тріумфаторомъ и вѣнчать свою дѣятельность реформой сейма и возстановленіемъ правового порядка въ Финляндіи. Мекелинъ боролся не только какъ политикъ и ораторъ, но и печатнымъ словомъ, посылая свои статьи въ прогрессивные органы главныхъ европейскихъ странъ. Въ Россіи Мекелинъ неоднократно выступалъ въ «Вѣстникѣ Европы». Иногда его полемическія статьи выростали въ цѣлые трактаты, которые были переведены на многіе языки, прежде всего на русскій, такъ какъ имѣли цѣлью вліянія на общественное мнѣніе Россіи. Такъ по поводу кодификаціонной затѣи гр. Гейдена была выпущена брошюра Мекелина «Противорѣчитъ ли правовое положеніе Финляндіи интересамъ Россіи?» (1890), а въ 1899 г. въ отвѣтъ на оффиціозное посланіе «Le manifeste impériale du 3 février 1899 et la Finlande», появившееся анонимно, но составленное подъ руководствомъ Побѣдоносцева для оправданія финляндской политики русскаго правительства

въ глазахъ Европы, Мекелинъ разослалъ всѣмъ вліятельнымъ политическимъ дѣятелямъ брошюру «Réponse à la brochure officielle „le manifeste impériale“». Наконецъ, когда Столыпинъ открылъ свой походъ противъ гарантированныхъ въ 1905 г. правовыхъ нормъ Финляндіи, Мекелинъ издалъ солидныя изслѣдованія «Къ вопросу объ упорядоченіи правовыхъ отношеній Россіи и Финляндіи» (1909) и «Русскій законъ отъ 17 (30) іюня 1910 г.».

Въ шовинистической русской печати Мекелинъ всегда изображался какъ ярый врагъ Россіи, только и мечтавшій о томъ, какъ бы вернуть Финляндію къ прежнему союзу съ Швеціей, и въ этомъ же духѣ были написаны некрологи въ январѣ 1914 г. Появившаяся къ концу прошлаго года біографія Т. Рейна [1]) безусловно опровергаетъ руссофобство Мекелина. Его отецъ былъ преподавателемъ при кадетскомъ корпусѣ въ Фредриксгамнѣ и среди многихъ другихъ предметовъ обучалъ и русскому языку. Изъ родительскаго дома Лео Мекелинъ вывезъ рѣдкое, не только въ Финляндіи, знаніе языковъ, въ томъ числѣ и русскаго. Въ сеймахъ 70-хъ годовъ Мекелинъ боролся за проведеніе закона о воинской повинности, такъ какъ считалъ финляндцевъ обязанными самимъ защищать свою страну въ случаѣ вражескаго нападенія и участвовать въ общей оборонѣ Имперіи бокъ-о-бокъ съ русскими войсками, какъ это и было въ турецкой кампаніи 1878—79 г.г. Участіе Финляндіи только въ военныхъ расходахъ Имперіи, какъ это было введено съ 1905 г., Мекелинъ считалъ глубоко ненормальнымъ явленіемъ. Другой вопросъ, за который всю жизнь ратовалъ Мекелинъ, касался кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи и точнаго разграниченія имперскаго законодательства при условіи нормированія послѣдняго въ пріемлемыхъ для обѣихъ сторонъ формахъ. Къ сожалѣнію, ни стремленія Мекелина къ сохраненію воинской повинности финляндцевъ, ни указанія его на необходимость нормировать юридическое положеніе Финляндіи не встрѣтили должнаго вниманія со стороны русскаго правительства, а въ результатѣ получились сугубо вредныя тренія между отдѣльными частями государственнаго организма и то положеніе, въ которомъ Финляндія очутилась въ нынѣшнюю войну, не имѣя возможности принять дѣятельное участіе въ міровой борьбѣ.

Лео Мекелинъ заботился и о томъ, чтобы сближеніе Финляндіи съ Россіей происходило на почвѣ общекультурныхъ интересовъ. Яркой иллюстраціей къ тому, какъ русская политика, демонстративно выставляющая своей цѣлью единеніе окраинъ

[1]) Leo Mechelin. Teckning af Th. Rein. Helsingfors 1915.

съ имперіей, на самомъ дѣлѣ своими антикультурными пріемами отталкивала ихъ отъ русскаго народа, служитъ эпизодъ о предполагавшихся лекціяхъ П. Д. Боборыкина о русской литературѣ въ Гельсингфорсѣ. Когда всѣ предварительные переговоры, которые Мекелинъ велъ черезъ редактора «Русскихъ Вѣдомостей» В. Ю. Скалона, были закончены, манифестъ отъ 3 февраля 1899 г., покушавшійся на законодательныя права сейма, разрушилъ возможность выполненія этого плана. Изъ архива редакціи «Голоса Минувшаго» я имѣю возможность воспроизвести въ переводѣ съ французскаго письмо Мекелина отъ 5 марта 1899 г., написанное В. Ю. Скалону по поводу неудавшагося проекта.

«Давно уже я обязанъ былъ вамъ написать относительно проекта пригласить г. Боборыкина прочесть въ Гельсингфорсѣ лекціи о русской литературѣ. Пожалуйста, простите это запозданіе, искренне меня огорчающее. Могу, однако, указать на нѣкоторыя смягчающія обстоятельства, которыя вы, можетъ быть, примите во вниманіе.

«Я представлялъ себѣ, что нужно гарантировать успѣхъ лекцій, заручившись подписью нѣсколькихъ сотенъ лицъ. Слишкомъ занятый, чтобы приняться за это самому, я поручилъ это дѣло нѣсколькимъ изъ моихъ молодыхъ друзей. Уже начали дѣйствовать въ этомъ духѣ и успѣхъ не замедлилъ бы сказаться, если бы можно было продолжать дѣло. Но вотъ появился манифестъ отъ 3/15 февраля, который возмутилъ насъ всѣхъ. Вы знаете, какъ мы здѣсь, въ Финляндіи, дорожимъ нашими основными законами, сохраненными миромъ 1809 г. Гарантіи, которыя эти законы предоставляли намъ до сихъ поръ, болѣе не существуютъ. Глубокая скорбь и весьма тяжелыя заботы охватили наши души. Думаютъ въ настоящее время только объ этомъ государственномъ переворотѣ, который такъ внезапно омрачилъ будущность страны, ея спокойствіе, ея увѣренность. Нужно ли вамъ еще сказать, что среди этого переполоха проектъ лекцій г. Боборыкина не можетъ быть съ успѣхомъ осуществленъ? Аудиторія была бы слишкомъ малочисленна, такъ какъ литературные вопросы въ настоящее время не могутъ привлекать вниманіе публики.

«Я долженъ былъ извѣстить васъ тотчасъ же, когда былъ совершенъ государственный переворотъ, такъ какъ я могъ бы предвидѣть, что придется отложить данный проектъ. Но моя семья повержена въ печаль. Моя свекровь, которую я любилъ какъ собственную мать, скончалась. Этотъ ударъ отвлекъ остатокъ моихъ мыслей. Итакъ, вы знаете теперь причину моего долгаго молчанія. Надѣюсь, вы меня простите!

«Будьте любезны передать г. Боборыкину, что я былъ бы весьма счастливъ, если бы можно было разсчитывать на него осенью. Я всегда держусь того мнѣнія, что для насъ было бы весьма желательно установить прочное сближеніе между нами и представителями либеральныхъ идей въ Россіи».

Патріотизмъ Мекелина сочетался съ не менѣе пламеннымъ космополитизмомъ, и финляндскій вопросъ былъ для него лишь одной изъ проблемъ государственнаго права. Въ 1873 г. Мекелинъ представилъ диссертацію на полученіе каѳедры государственнаго права при гельсингфорскомъ университетѣ. Темой ея служилъ вопросъ о государственныхъ союзахъ и государственныхъ уніяхъ, имѣющій, конечно, непосредственное отношеніе къ правовому положенію Финляндіи. Но въ день защиты этой диссертаціи Мекелинъ произнесъ рѣчь о международныхъ судилищахъ, гдѣ развивалъ идею о необходимости бороться съ войной, какъ способомъ рѣшать международные споры. До конца своихъ дней Мекелинъ остался неутомимымъ борцомъ пацифизма, и еще въ маѣ 1913 г. прогрессивные дѣятели русскаго общества, собравшіеся въ Москвѣ на съѣздѣ «Мира», чествовали Мекелина банкетомъ, на которомъ привѣтственное слово было произнесено княземъ П. Д. Долгоруковымъ.

Кромѣ вышеназванной біографіи вышли въ печати и праздничныя рѣчи Мекелина—тѣ, которыя оказались записанными его собственной рукой. Такъ какъ каждая рѣчь снабжена краткимъ введеніемъ о томъ, по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ она была произнесена, то и эта книга [1]) является важнымъ пособіемъ для новѣйшей исторіи Финляндіи. Дополненіемъ къ ней послужитъ изданіе рѣчей Мекелина, сказанныхъ въ сеймѣ, которое готовится къ печати. Вообще, изученіе финляндскаго вопроса за послѣднія 50 лѣтъ немыслимо безъ тщательнаго ознакомленія съ дѣятельностью Мекелина, и чѣмъ больше будетъ собрано матеріаловъ для освѣщенія его личности, тѣмъ болѣе станетъ очевиднымъ, что мнимый руссофобъ и мнимый сепаратистъ на самомъ дѣлѣ былъ искреннимъ другомъ Россіи и честнымъ борцомъ за лучшіе идеалы человѣчества. Эти идеалы онъ созерцалъ черезъ призму патріотизма, и такую же любовь къ родинѣ, являющуюся въ то же время и любовью къ человѣчеству, Мекелинъ завѣщалъ потомству. На пѣвческомъ праздникѣ, устроенномъ въ 1892 г. въ Обу Обществомъ народнаго просвѣщенія, Мекелинъ произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ,

---

[1]) Valda tal af L. Mechelin. Högtids- och minnestal. Utgifna af R. F. v. Willebrand. 1915. (Избранныя рѣчи Л. Мекелина. Праздничныя и погребальныя рѣчи. Изданныя Р. Ф. фонъ-Виллебрандомъ 1915).

сказалъ: «Любовь къ родинѣ не случайный гость въ домахъ Финляндіи, она живетъ неизмѣнно въ сердцахъ народа. Эта любовь внушала силу нашимъ предкамъ въ ихъ борьбѣ и трудахъ, она же поведетъ и грядущія поколѣнія къ дальнѣйшимъ побѣдамъ и подвигамъ. Къ побѣдамъ, да, но не къ такимъ, которыя причиняютъ другимъ пораженіе и разрушеніе; нѣтъ, наши побѣды должны быть побѣдами земледѣлія надъ морозомъ болотъ и безплодіемъ пустыни, побѣдами просвѣщенія и нравственности надъ мракомъ и грубостью тамъ, гдѣ дѣти нашего народа еще одержимы ими. И наши подвиги не будутъ отмѣчаться брызгами крови на щитѣ, нѣтъ, они будутъ совершены на службѣ общественности, науки, искусства, всѣхъ кроткихъ и свѣтлыхъ силъ».

К. Тіандеръ.

III. Къ замѣткѣ проф. Г. В. Вульфа: «Послѣдніе мѣсяцы въ Варшавскомъ университетѣ» [1]).

Проф. Г. В. Вульфъ освѣтилъ въ своей замѣткѣ то тяжелое положеніе, которое создалось въ Варшавскомъ университетѣ послѣ 1905 года, и которое ощущалось какъ сознательными, такъ и безсознательными элементами русскаго студенчества. Ощущалъ его и авторъ замѣтки, какъ профессоръ, хотя въ этомъ отношеніи онъ былъ, повидимому, одинокъ въ средѣ своихъ коллегъ. Чуткій къ создавшемуся положенію, проф. Вульфъ сознательно тяготился имъ. Въ его замѣткѣ встрѣчается упоминаніе объ одномъ фактѣ, который освѣщенъ имъ только съ одной стороны. Это—избіеніе студента, въ которомъ потерпѣвшій усмотрѣлъ выраженіе враждебнаго отношенія польскаго населенія къ русскимъ студентамъ-семинаристамъ, наполнившимъ пустовавшій университетъ. Проф. Вульфъ прекрасно понималъ, что поляки не могли восторженно относиться къ русскимъ семинаристамъ, явившимся на смѣну польской молодежи, оставившей университетъ; но въ фактѣ избіенія профессоръ правильно видѣлъ простое проявленіе хулиганства, за которое польскій народъ не отвѣтственъ.

Но не такъ на дѣло посмотрѣла русская администрація въ Варшавѣ. Явившаяся на слѣдующій день въ частныя польскія учебныя заведенія, дѣтвора и молодежь неожиданно была распущена: по требованію полиціи школы были закрыты. Для общества это было страшной неожиданностью. Единственное пріобрѣтеніе польскаго народа послѣ 1905 г.—право учиться на род-

---

[1]) «Голосъ Минувшаго», 1915, № 12.

номъ языкѣ, пусть даже въ безправныхъ школахъ, было уничтожено однимъ росчеркомъ пера ген. Скалона, поспѣшившаго въ тотъ же день мотивировать свое распоряженіе тѣмъ, что кто-то избилъ русскаго студента,—фактъ, въ которомъ генералъ-губернаторъ усматривалъ проявленіе активнаго бойкота, фактъ, на который читатели польскихъ газетъ едва успѣли обратить вниманіе.

Ударъ былъ слишкомъ неожиданъ, чтобы скоро разобраться во всей его тяжести. Тысячи дѣтей были въ это утро выброшены на улицу, сотни преподавателей оказались не у дѣла, десятки съ трудомъ налаженныхъ учрежденій перестали функціонировать. Плакали дѣти, изгоняемые изъ родной школы; какъ ошпаренные бродили по опустѣвшимъ коридорамъ учителя, встревоженные, кромѣ всего прочаго, вопросомъ о кускѣ хлѣба; тяжелыя сцены разыгрывались въ семьяхъ, не знавшихъ какъ быть съ дѣтьми. И все это—изъ-за какой-то ночной брани, до которой никому не было дѣла!

Прошла томительная недѣля; директора закрытыхъ школъ собирались, совѣщались, пытаясь выработать какой-либо образъ дѣйствій для борьбы съ произволомъ, да такъ и не успѣли ничего выработать, какъ вдругъ школы были открыты! Ген. Скалонъ, кажется, узналъ, что свыше не одобряютъ его рѣшительности, и новымъ распоряженіемъ открылъ школы, неловко мотивируя послѣднее сдѣланнымъ будто бы заявленіемъ представителей польскихъ политическихъ партій, что послѣднія къ инкриминируемому факту не причастны. Но такого заявленія сдѣлано не было,—и въ этомъ вся неловкость. Впрочемъ, надо замѣтить, что броженіе началось и въ университетѣ: студенты были сконфужены такимъ оборотомъ дѣла и, не желая быть причиною гибели польскихъ школъ, протестовали. Трогательная наивность тогдашняго русскаго варшавскаго студента прекрасно изображена проф. Вульфомъ.

Неудачный опытъ ген. Скалона (запявшагося вслѣдъ за тѣмъ предупредительнымъ срытіемъ крѣпостныхъ укрѣпленій вокругъ Варшавы) не повторялся болѣе. Зато существованіе польскихъ школъ систематически отравлялось инспекціей, представители которой были частыми гостями этихъ учебныхъ заведеній. Преподаваніе исторіи и географіи было запрещено полякамъ и передано «лицамъ русскаго происхожденія». Польскіе спеціалисты остались не у дѣла, ихъ замѣнили кандидаты на судебныя должности, сдавшіе учительскій экзаменъ,—потому что русскихъ спеціалистовъ трудно было найти въ Варшавѣ. Надзоръ инспекціи выражался въ наблюденіи, чтобы польскія безправныя школы

неуклонно слѣдовали въ программѣ русскимъ казеннымъ гимназіямъ. Въ правахъ отказывалось, обязанности налагались. Помощники окружныхъ инспекторовъ являлись на уроки, вмѣшивались въ преподаваніе, въ книгѣ посѣщеній критиковали учителей и дѣлали замѣчаніе лицамъ, часто старше и опытнѣе этихъ ревизоровъ, иногда—своимъ бывшимъ учителямъ по казенной школѣ. «Разъяснить» учителя, т.-е. лишить его права преподаванія, выставить какое-нибудь требованіе, идущее вразрѣзъ съ самымъ фактомъ существованія польской школы, напр., вести классные журналы на русскомъ языкѣ,—было самое разлюбезное дѣло.

Многія невзгоды польской школы были освѣщаемы въ корреспонденціяхъ Н. А. Дубровскаго въ газетахъ «Рѣчь» и «Школа и жизнь». Но о многомъ пришлось г. Дубровскому умалчивать, чтобы, при желаніи пользы, не нанести вреда польскимъ школамъ, не навлечь на нихъ гнѣва мѣстныхъ юпитеровъ. Впрочемъ, въ 1912 г., самъ г. Дубровскій, преподававшій русскій яз. и исторію, былъ «разъясненъ»—въ отместку за неуважительные отзывы.

Послѣ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго польскія школы получили нѣкоторыя права; преподаваніе исторіи и географіи возвращено было польскимъ учителямъ и стало вестись по-польски. Однако, инспекція нѣкоторое время не желала считаться и съ волей Верховнаго Главнокомандующаго и гнула свою линію. Пришлось аппеллировать [1]).

Огорчительно было и то, что чуткихъ русскихъ людей, которые бы понимали положеніе дѣла такъ, какъ проф. Вульфъ, было мало въ Царствѣ Польскомъ; большинство, устремлявшееся туда, за карьерой, чувствовали себя тамъ весьма легко и свободно.

В. Фишеръ.

[1]) Всѣ эти факты находили своевременное освѣщеніе въ русской печати, но не были еще собраны въ одну картину. Польская школа въ 1905—1915 гг. ждетъ еще своего историка.

Критика и библіографія.

«Россія, Царьградъ и проливы. Матеріалы и извлеченія». Подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. Стрѣльцова. Книгоиздательство «Прометей» Н. Н. Михайлова, Петроградъ, 1915. 134 стр., цѣна 1 р. 50 коп.

Книга Р. Стрѣльцова есть хрестоматія, посвященная вопросу о Константинополѣ, Босфорѣ и Дарданеллахъ.

Не довольствуясь международными трактатами и другими документами, опредѣляющими международное положеніе проливовъ; не довольствуясь также извлеченіями изъ различныхъ проектовъ, касающихся проливовъ, Стрѣльцовъ включилъ въ свою хрестоматію «общую характеристику» и «исторію» проливовъ и Константинополя, составленныя тоже посредствомъ выдержекъ изъ различныхъ книгъ. Такимъ образомъ въ его небольшой книгѣ, помимо предисловія, имѣется четыре особыхъ отдѣла.

Первый отдѣлъ—«общая характеристика» намъ представляется совершенно лишнимъ. Тутъ всего на 6 страницахъ помѣщено 4 общихъ статьи о Константинополѣ и проливахъ. «Внѣшній видъ» и «общая картина» Константинополя хорошо извѣстны и врядъ ли нужны читателю подобной книги, а если нужны, то нельзя было довольствоваться двумя безцвѣтными отрывками по двѣ страницы изъ случайной анонимной книги о Константинополѣ, насчитывающей 30-лѣтній возрастъ, и изъ столь же случайной полуанонимной и еще болѣе устарѣлой статьи В. К. (В. Корша?) изъ «Вѣстника Европы» за 1878 г. Еще менѣе нужны миніатюрныя, по нѣсколько строкъ, описанія Босфора и Дарданеллъ,—вмѣстѣ меньше страницы.

Другой отдѣлъ, посвященный историческому обзору вопроса, тоже вызываетъ на серьезныя возраженія. На 42 страницахъ онъ даетъ 20 отрывковъ о различныхъ моментахъ въ

исторіи проливовъ. Эти отрывки написаны весьма различными авторами,—отъ Карамзина до новѣйшихъ историковъ и юристовъ, съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, въ различномъ тонѣ, и подобраны въ хронологическомъ порядкѣ описываемыхъ событій. Въ результатѣ получается неизбѣжное отсутствіе единства, неполнота и крайняя непослѣдовательность. Книга Стрѣльцова врядъ ли что-нибудь потеряла бы, если бы составитель просто выкинулъ весь историческій отдѣлъ, и навѣрно много выиграла бы, если бы онъ замѣнилъ его, хотя бы и компилятивнымъ, но цѣльнымъ историческимъ очеркомъ. Но разъ Стрѣльцовъ предпочелъ составлять обзоръ исторіи проливовъ посредствомъ выдержекъ изъ разныхъ авторовъ, то нужно было быть послѣдовательнымъ, и по историческимъ вопросамъ, по которымъ имѣется два или болѣе различныхъ мнѣній, сообщить ихъ читателю всѣ, чтобы онъ могъ самостоятельно разобраться въ нихъ. Именно этого Стрѣльцовъ не сдѣлалъ. Такъ напр. на уникіаръ Скемссійскій договоръ существуютъ два взгляда. По обычному взгляду этотъ договоръ открывалъ проливы для русскихъ военныхъ судовъ, закрывая ихъ для иностранныхъ,—и въ духѣ этого взгляда изложенъ договоръ въ хрестоматіи Стрѣльцова. Но русская дипломатія въ свое время давала иное толкованіе договору, а именно, что онъ безусловно закрываетъ проливы для всѣхъ одинаково. Это толкованіе недавно (1911 г.) нашло защитника въ лицѣ Б. Нольде (см. сборникъ его статей: «Внѣшняя политика» Петроградъ, 1915), и хотя аргументація Нольде не производитъ особенно убѣдительнаго впечатлѣнія, но все же Стрѣльцовъ совершенно напрасно не ознакомилъ читателей своей книги съ мнѣніемъ такого серьезнаго изслѣдователя, какъ Б. Нольде

Гораздо большую цѣну имѣетъ третій отдѣлъ, состоящій изъ различныхъ мнѣній выдающихся русскихъ писателей о задачахъ Россіи по отношенію къ проливамъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ цѣлой скалой самыхъ разнообразныхъ мнѣній: для однихъ лучше всего оставить Константинополь и проливы въ турецкихъ рукахъ (В. А. Жуковскій); для другихъ захватъ въ свою власть и проливовъ, и Ѳракіи, и всей Малой Азіи есть настоятельная политическая задача Россіи (Аркгуръ). Между этими крайностями лежитъ рядъ промежуточныхъ мнѣній, продиктованныхъ иногда исключительно стратегическими соображеніями (А. Н. Куропаткинъ), иногда славянофильскими мечтами о будущей всеславянской федераціи подъ русской гегемоніей (Н. Я. Данилевскій) и т. д. Нерѣдко авторы различныхъ отрывковъ полемизируютъ другъ съ другомъ,—и тѣмъ лучше освѣщаютъ вопросъ.

Но чрезмѣрное стремленіе къ экономіи мѣста заставляетъ Стрѣльцова двавать произведенія нѣкоторыхъ авторовъ въ слишкомъ отрывочномъ видѣ, не всегда даже отмѣчая точками пропуски. Иногда это можетъ привести къ недоразумѣніямъ. Прочитавъ на страницѣ 82 въ статьѣ Достоевскаго (изъ Дневника Писателя), полемизирующаго съ Н. Я. Данилевскимъ, яркую и характерную цитату изъ послѣдняго, и узнавъ изъ подстрочнаго примѣчанія Стрѣльцова, что оспариваемая статья Данилевскаго напечатана выше, читатель будетъ вѣроятно приведенъ въ смущеніе, когда не найдетъ въ ней какъ разъ приведеннаго Достоевскимъ любопытнаго въ устахъ славянофила мнѣнія, что на нѣкоторое время необходимо поддержать существованіе Турціи. Вообще полемика Достоевскаго съ Данилевскимъ о Константинополѣ не можетъ быть вполнѣ понятна тому, кто ознакомится съ мнѣніями этого послѣдняго лишь по отрывкамъ, приведеннымъ у Стрѣльцова.

Далѣе мы не можемъ не указать на пропускъ нѣкоторыхъ мнѣній, которыя должны бы найти мѣсто у Стрѣльцова. Не безъ удивленія не находимъ мы у него интересной статьи И. С. Аксакова «Гдѣ границы государственному росту Россіи?» (1884, перепечатана въ Собраніи сочиненій Аксакова, т. II), въ которой Аксаковъ съ гордостью заявляетъ, что мы когда-то перелѣзли черезъ Уралъ, а теперь лѣземъ черезъ Кавказъ, «взяли Батумъ и Карсъ, и поползли по азіатскому берегу, и будемъ ползти, пока не сядемъ верхомъ на проливахъ, чѣмъ и пріобрѣтемъ себѣ, наконецъ, естественную границу, не нарушая къ тому же ничьихъ законныхъ правъ: тутъ южная стѣна нашего русскаго государственнаго дома».

Не находимъ мы у Стрѣльцова и мнѣнія Н. Г. Чернышевскаго, что Россія не имѣетъ ни малѣйшей нужды ни въ Константинополѣ, ни въ проливахъ. Правда, мнѣніе это, высказанное въ 1863 г. въ статьѣ о книгѣ Кинглека, посвященной восточной войнѣ, въ свое время не было опубликовано и увидѣло свѣтъ лишь въ 1906 г. въ X т. Собранія сочиненій Чернышевскаго; правда и то, что оно недостаточно полно разработано и недостаточно мотивировано, но вѣдь помѣщаетъ же Стрѣльцовъ (и совершенно основательно) мнѣніе В. А. Жуковскаго, высказанное даже не въ печати, а въ частномъ письмѣ, и совсѣмъ обойти мнѣніе такого крупнаго представителя русской общественной мысли, какъ Чернышевскій, Стрѣльцовъ не имѣлъ основаній,—особенно въ виду того, что наши писатели радикальнаго лагеря слишкомъ рѣдко имѣли случай высказываться по данному вопросу.

Мы жалѣемъ также объ отсутствіи статьи С. Н. Южакова,

напечатанной въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ 1885 г. (№ 3), въ которой авторъ настаиваетъ на возстановленіи принциповъ Ункіаръ-Скелессійскаго договора.

Въ 1913 г., совсѣмъ незадолго до великой міровой войны, была напечатана книжка И. Балашева «О политикѣ Россіи въ послѣдніе вѣка и предстоящихъ ей задачахъ». Авторъ требуетъ немедленнаго (въ моментъ выхода въ свѣтъ книги) военнаго занятія «проливовъ», какъ воротъ, ведущихъ въ нашъ домъ, и настаиваетъ на томъ, что эта задача «представляется безусловной необходимостью» для Россіи. Брошюра Балашева цѣнна своею документированностью, обстоятельностью своей мотивировки, но всего болѣе тѣмъ, что за авторомъ стояли весьма вліятельные круги, выражавшіе недовольство уклончивостью и нерѣшительностью по ихъ мнѣнію политики Сазонова. Извлеченія изъ этой брошюры были бы вполнѣ умѣстны въ книгѣ Стрѣльцова, но, конечно, мы не имѣемъ права упрекать его за ихъ отсутствіе, такъ какъ брошюра Балашева была напечатана въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, въ продажу не поступала, и, вѣроятно, Стрѣльцову осталась совершенно неизвѣстной.

Но мы считаемъ себя въ правѣ признать крупнымъ недостаткомъ сборника Стрѣльцова то, что онъ ограничился исключительно мнѣніями, высказанными въ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. Съ 1906 г. у насъ существуетъ государственная Дума, и какъ бы мы ни относились къ ея политическому значенію, мы не можемъ игнорировать того богатаго матеріала, который собранъ въ безконечномъ рядѣ томовъ ея стенографическихъ отчетовъ и приложеній къ нимъ. Тутъ имѣется немало различныхъ, и часто весьма цѣнныхъ, мнѣній и по восточному вопросу. Весьма интересно было бы встрѣтить въ книгѣ Стрѣльцова программу поддержанія существованія Турціи и, слѣдовательно, отказа отъ аннексіи Константинополя и проливовъ, развитую министромъ иностранныхъ дѣлъ Сазоновымъ въ 1912 г. Въ ней должно было бы занять свое мѣсто утвержденіе П. Н. Милюкова, высказанное 27 января 1915 г. отъ имени всей конституціонно-демократической партіи, что «пріобрѣтеніе проливовъ и Константинополя есть одна изъ главнѣйшихъ нашихъ національныхъ задачъ», и что ея осуществленіе «будетъ обезпечено, какъ дипломатическими такъ и военными средствами». Въ противовѣсъ этому мнѣнію нужно было бы привести мнѣнія А. Ф. Керенскаго, многократно отъ имени русской демократіи возражавшаго противъ какихъ бы то ни было аннексій.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги Стрѣльцова собраны дипломатическіе документы, касающіеся проливовъ.

В. Водовозовъ.

А. А. Корниловъ. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. Издательство «Огни». Петроградъ. 1915. Стр. 93+3 истор. карты. Цѣна 80 коп.

А. А. Корниловъ не впервые пишетъ на тему, касающуюся Польши. Его научнымъ дебютомъ была лѣтъ двадцать тому назадъ исторія крестьянской реформы именно въ Польшѣ, очеркъ, до сихъ поръ и чрезвычайно цѣнный по использованнымъ въ немъ матеріаламъ и въ то же время сохраняющій свой интересъ по выдвинутымъ въ немъ общимъ точкамъ зрѣнія. Вопросъ, ставшій предметомъ перваго издательскаго опыта, и взглядъ, установленный на него, оказался рѣшающимъ для пониманія А. А. Корниловымъ всей жизни Польши въ XIX вѣкѣ. Говоря его же словами: «на почвѣ, созданной (милютинской крестьянской) реформою, выросла современная демократическая Польша». Для него—польскія стремленія, поскольку онъ ихъ отмѣчаетъ, стоятъ вплоть до неудачи возстанія 1863 г., неизмѣнно на платформѣ «старинной шляхетской программы», требованіе политическаго возрожденія Польши въ историческихъ границахъ 1772 г. и пренебреженіе насущными соціальными интересами широкихъ народныхъ массъ—основныя черты этой программы. Такимъ образомъ, если выросла современная демократизующаяся Польша, то это отнюдь не является выполненіемъ затаенныхъ стремленій длиннаго ряда поколѣній поляковъ, а, какъ мы видѣли выше, она есть лишь результатъ «русской политики». Стройная схема, столь лестная для квалификаціи общественнаго значенія русской власти, грѣшитъ крупнѣйшимъ недостаткомъ, который бросается въ глаза при первомъ взглядѣ. Именно, авторъ съ щепетильною тщательностью обходитъ какъ ростъ демократическихъ идей въ польскомъ обществѣ, такъ и ту постепенную эволюцію всей соціальной структуры Царства Польскаго, которой не малозначительными факторами были правовыя нормы наполеоновскаго законодательства и экономическій фактъ развивающейся промышленности. Не заглядывая въ XVIII вѣкъ, мы въ самомъ началѣ XIX сталкиваемся съ ясно поставленными политическими требованіями безсословнаго государства и со столь же опредѣленными формулами крестьянской реформы, для которой § 4 конституціи 1807 г., а тѣмъ болѣе королевскій декретъ 21 декабря 1807 г. являлись малоудовлетворительными начинаніями. А. А. Корниловъ обходитъ полнымъ молчаніемъ это движеніе, захватившее и тревожный 1814 годъ, хотя оно такъ обстоятельно разработано покойнымъ Рембовскимъ. За то онъ, конечно, не преминулъ отмѣтить, что конституція 1815 г. «обезпечила въ Царствѣ Польскомъ шляхетскій режимъ», забывъ прибавить, что это былъ

моментъ полной побѣды (послѣ предшествовавшей борьбы) внутренней польской реакціи надъ польской же юной еще демократіей. И опять, когда рѣчь заходитъ объ эмиграціи 30-хъ и слѣд. годовъ, автору извѣстенъ только Hôtel Lambert, и, по непонятнымъ причинамъ, извѣстно столь вліятельное «демократическое общество». Послѣднее дѣлаетъ понятнымъ, что онъ не отмѣчаетъ и общаго лозунга этого общества, выдвинутаго въ его манифестѣ 1836 г.: «все для народа черезъ народъ», и того, существенно для него важнаго, что конкретная программа общества по крестьянскому вопросу сводилась къ требованію надѣленія землею не только сидящихъ на землѣ крестьянъ, но и безземельнаго сельскаго пролетаріата, къ требованію отчужденія земель при признаніи несправедливымъ вознаграждать за него землевладѣльцевъ (не говорю о такихъ крайнихъ теченіяхъ, какъ «Lud Polski», стоявшій за совершенную отмѣну частной поземельной собственности). Дабы судить о значеніи указанныхъ идей, приведу сужденіе историка крестьянскаго вопроса въ Польшѣ, которымъ онъ заключаетъ свои наблюденія надъ революціонными явленіями 1846 и 1848 г.г.: онъ утверждаетъ, что «взгляды Демократическаго общества на крестьянскій вопросъ нашли себѣ почву среди польскаго общества». Естественно, что, воспитанная длительнымъ прошлымъ, демократическая мысль поставила на очередь тотъ же вопросъ въ началѣ 1860-хъ гг., въ канунъ и въ годъ новаго возстанія. Таково коренное идейное значеніе той крестьянской программы, которую выдвинулъ революціонный Жондъ Народовый и лишь не зная генетическихъ моментовъ которой можно считать ее, подобно А. А. Корнилову, только средствомъ «достигнуть успѣха движенія» (возстанія). Хотя фіаско возстанія отняло у Жонда возможность провести реформу, это ничуть однако не умалило дѣятельности выдвинутыхъ имъ лозунговъ, считаться съ которыми побѣдоносной власти пришлось въ первую голову. И то, какъ была установлена программа реформъ, вопреки утвержденію А. А. Корнилова, опредѣлилось отнюдь не публицистическими выступленіями московскихъ славянофиловъ (отмѣчу, что, наврядъ ли питая большія симпатіи къ Муравьеву, авторъ признаетъ эти выступленія «теоретическимъ построеніемъ и обоснованіемъ» его политики), а опредѣлилось прокламаціонными актами Жонда. Эту тѣсную связь двухъ программъ признаютъ не только польскіе, но и нѣкоторые русскіе историки: В. И. Семевскій, напр., говоритъ объ особой энергіи, съ которою правительство провело реформу, «вынужденное декретомъ Польскаго революціоннаго правительства». Эта связь была и въ представленіи ближайшихъ дѣятелей реформы.

Одинъ изъ послѣднихъ, извѣстный читателямъ «Гол. Мин.», Венюковъ не можетъ отрицать того, что освобожденіе «походило.... на завоеванное оружіемъ повстанцевъ право». Если же въ данномъ случаѣ правительство такъ охотно подхватило польскій демократическій лозунгъ, то случилось это не только потому, что ему не приходилось опасаться русскаго дворянства, но прежде всего потому, что въ демократизаціи польскаго общества, производимой по нѣкоторому, внѣшне какъ бы правительственному почину, оно видѣло одно изъ подходящихъ средствъ для своихъ цѣлей. Это основа программы даже благороднѣйшаго изъ дѣятелей реформы, Н. А. Милютина. Именно въ своей всеподданнѣйшей запискѣ Милютинъ опредѣленно видитъ въ крестьянской реформѣ лишь средство, одну изъ «органическихъ мѣръ» «врачеванія общественныхъ недуговъ», и точно опредѣляетъ цѣль, которой она служитъ: «введенію новаго, консервативнаго элемента въ польское общество», что «должно нѣсколько укрощать или хотя сглаживать тѣ невоздержанные порывы, которые доселѣ постоянно парализовали всякое разумное управленіе въ краѣ». Мало того, только при условіи реформы Милютинъ видитъ возможность пойти дальше и въ той же запискѣ рисуетъ ту, пока еще сравнительно умѣренную, руссификаторскую программу, для проведенія которой реформа должна была дать опору: «необходимо», пишетъ онъ, «полное и безусловное соглашеніе ихъ (т.-е. польскихъ учрежденій) съ учрежденіями имперіи» (въ подлинникѣ курсивъ). Итакъ, вопреки А. А. Корнилову, и идейныя лозунги и фактическіе толчки къ проведенію реформы дала польская демократія, властью же руководили прежде всего постороннія реформѣ цѣли, и лишь въ интересахъ упроченія опредѣленнаго политическаго режима ею былъ произведенъ крупнѣйшій соціальный переворотъ.

Если мы и расходимся съ авторомъ въ этомъ существеннѣйшемъ для него и для насъ пунктѣ, то тѣмъ не менѣе ничто не мѣшаетъ признать извѣстное значеніе за его небольшимъ очеркомъ. А. А. Корниловъ многаго не использовалъ среди источниковъ, равнымъ образомъ ему, очевидно, мало извѣстенъ тотъ расцвѣтъ научной разработки польской исторіи новѣйшей эпохи (времени раздѣловъ и главнымъ образомъ—позднѣе), которымъ отмѣчены послѣдніе годы (кое-гдѣ можно указать у него на прямыя неточности), но, однако, принятый имъ во вниманіе матеріалъ обработанъ чрезвычайно содержательно и сжато (лучшая часть книги—характеристика политики послѣ возстанія 1863 г.), а общая точка зрѣнія, пусть спорная или даже неправильная, имѣетъ все-таки за собою извѣстную, хотя бы и подлежащую измѣненію, традицію.

С. Валкъ.

Materialy do sprawy polskiej. Królewstwo Polskye. Dokumenty hystoryczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Królewstwa Polskiego do Cesarstwa Rosyiskiego, wydali Maciej ks. Radziwill e dr. Bohdan Winiarski. Warszawa, 1915 г.

Почти наканунѣ вступленія нѣмцевъ въ Варшаву кн. Радзивиллъ и док. Богд. Винярскій выпустили очень интересный сборникъ матеріаловъ, характеризующихъ государственно-правовыя отношенія Царства Польскаго къ Россійской Имперіи. Необходимость въ такомъ сборникѣ уже давно чувствовалась, такъ какъ разбросанность документовъ по разнымъ оффиціальнымъ изданіямъ въ значительной степени препятствовала и знакомству съ ними, и изученію ихъ. Благодаря этому, для большей части русскаго общества взаимоотношенія Польши и Россіи были своего рода «terra incognita». Настоящее изданіе только отчасти восполняетъ пробѣлъ, такъ какъ оно издано по-польски, и было бы желательно видѣть тѣ же документы и на русскомъ языкѣ, что особенно важно въ настоящее критическое время польско-русскихъ и вообще польскихъ отношеній. Издатели совершенно правильно поступили, давъ въ своей книгѣ текстъ польской конституціи 3 мая 1791 г., которая несомнѣнно оказала вліяніе и на конституцію Великаго Герцогства Варшавскаго—1807 г., и на конституцію Царства Польскаго—1815 года. Затѣмъ ими данъ рядъ документовъ, характеризующихъ настроеніе русскаго правительства по отношенію къ Польшѣ въ теченіе 1813—1815 г. и приведены также международные трактаты относительно судебъ Польши (договоры Россіи съ Австріей, Пруссіей и Саксоніей и Вѣнскій трактатъ въ своей послѣдней редакціи).

Наконецъ, въ послѣдней части собраны документы, безъ изученія которыхъ невозможно знакомство съ государственно-правовымъ положеніемъ Польши въ XIX вѣкѣ. Особенно важны въ этомъ отношеніи рѣчи Александра на сеймахъ 1818 и 1820 г.г. Время Николая I представлено манифестомъ при вступленіи на престолъ царства Польскаго и рядомъ правительственныхъ декларацій, подтверждавшихъ автономію царства Польскаго. Приведены также и нѣкоторые правительственные документы, опубликованные во время возстанія 1830—1831 г.г. Среди нихъ «Органическіе Статуты Царства Польскаго» занимаютъ первое мѣсто, подтверждавшіе также особность отъ Россіи Царства Польскаго. Затѣмъ, издатели опубликовали манифестъ Александра II отъ 26 марта 1861 г., которымъ было положено начало дальнѣйшему сокращенію автономіи Царства Польскаго, указъ объ амнистіи и рескрипты на имя намѣстника Царства Польскаго, вел. кн. Константина Николаевича, и воззваніе вел. кн. Николая

Николаевича. Конечно, это изданіе можно было бы значительно увеличить новыми документами, въ особенности для эпохи Александра II и слѣдующаго за нимъ времени, но и въ настоящемъ видѣ его слѣдуетъ привѣтствовать и пожелать скорѣйшаго его появленія въ переводѣ на русскій языкъ.

Вл. Пичета.

К. В. Харламповичъ. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I, Казань 1914 г. Стр. XXIV+878+LXVI.

Вопросъ о малороссійскомъ (украинскомъ) вліяніи на великорусское общество въ XVII и XVIII в.в. не вызываетъ никакихъ сомнѣній въ исторической научной литературѣ. Ученые находятъ это вліяніе огромнымъ и разностороннимъ.

Не смотря на это, К. В. Харламповичъ рѣшилъ пересмотрѣть этотъ вопросъ заново.

Авторъ собралъ обширный матеріалъ. Весь трудъ его, поэтому, разсчитанъ на три тома. Первый и второй томы являются подготовительными. Рѣшенію вопроса о вліяніи малороссовъ на великоруссовъ будетъ посвященъ третій томъ. Въ немъ авторъ предполагаетъ опредѣлить степень этого вліянія въ разныхъ областяхъ культурной жизни, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи: что было благомъ, что зломъ?

Второй томъ будетъ имѣть библіографическое значеніе. Онъ долженъ заключать въ себѣ «перечень учено-литературныхъ, печатныхъ и рукописныхъ трудовъ» малороссовъ, поработавшихъ для великорусской культуры.

Что касается перваго тома, о которомъ идетъ рѣчь и который уже вышелъ въ свѣтъ, то онъ такъ же, какъ и второй томъ, имѣетъ, по выраженію автора, служебное значеніе. К. В. Харламповичъ задался цѣлью дать, по возможности, исчерпывающій списокъ лицъ изъ Западной Руси и Украины, появлявшихся по разнымъ поводамъ въ Великороссіи. Въ большинствѣ случаевъ, эти люди мало извѣстны или совсѣмъ неизвѣстны. Часто кромѣ имени, случайно попавшаго въ оффиціальный документъ, о нихъ ничего не сохранилось. Имена ихъ важны для статистики посѣщеній малороссами Великороссіи, не больше. Для читателя, несомнѣнно, было бы удобнѣе, если бы авторъ попытался свести ихъ въ таблицы по мѣсту выхода, по профессіямъ, по мѣсту разселенія и пр. Въ настоящее же время требуется извѣстное усиліе и значительная затрата времени для того, чтобы разобраться въ массѣ матеріала, который даетъ г. Харламповичъ. Общіе заголовки, по которымъ сгруппированы пришлецы, помогаютъ только отчасти.

Несмотря на массу использованнаго матеріала, какъ печат-

наго, такъ и рукописнаго, списокъ, конечно, не можетъ считаться полнымъ и, вѣроятно, будетъ пополняться. Но для составленія его г. Харламповичъ положилъ такой колосальный трудъ и использовалъ такъ много матеріала, что въ будущемъ результаты его работы по составленію списка врядъ ли подвергнутся какимъ-нибудь существеннымъ измѣненіямъ.

Для своего труда г. Харламповичъ избралъ эпиграфомъ слова академика Пекарскаго о необходимости для окончательныхъ выводовъ собранія массы положительныхъ и неподлежащихъ сомнѣнію свѣдѣній. Кажется, г. Харламповичъ понялъ слова покойнаго академика слишкомъ ужъ буквально. Благодаря этому, матеріалъ въ его трудѣ не различается по важности и значенію: самое важное стоитъ наряду со второстепеннымъ, сомнительнымъ или даже неимѣющимъ серьезнаго значенія. Благодаря этому, книга загромождена. Это врядъ ли принесетъ существенную пользу г. Харламповичу и другимъ изслѣдователямъ, когда имъ придется дѣлать научные выводы изъ собранныхъ авторомъ фактовъ.

Книга г. Харламповича распадается на три отдѣла, по тѣмъ періодамъ, на которые онъ дѣлитъ исторію вліянія Малороссіи на Великороссію: I—отъ средины XVI в. до соединенія Малороссіи съ Великороссіей; II—отъ 1653 до 1700 г, и III—отъ 1700 по 1762-й годъ. Книга, такимъ образомъ, доведена до Екатерины II, въ царствованіе которой малорусское вліяніе, какъ самостоятельное, утратило свое значеніе для русской церковной жизни. Каждому періоду предшествуетъ общій очеркъ, составленный на основаніи широкаго изученія матеріаловъ и научной литературы; затѣмъ идетъ обзоръ дѣятелей—малороссовъ и бѣлоруссовъ по ихъ, такъ сказать, профессіямъ: школьные и литературные дѣятели, архіереи, монахи, бѣлое духовенство, просители милостыни, пѣвчіе и т. д. Матеріалъ громадный.

Первые слѣды вліянія южной Руси на сѣверную относятся къ XIV—XVI в. Къ этому времени «міръ великорусскій» съ одной стороны и «міръ малорускій и бѣлорусскій» съ другой, настолько уже обособились, что стали выступать какъ чужіе, враждебные другъ къ другу. Этому способствовала, главнымъ образомъ, ихъ политическая судьба. Они были раздѣлены между различными, враждовавшими государствами. Немалую роль при этомъ играли также и отношенія религіозныя (унія). Полнаго разобщенія все же не было. По мнѣнію г. Харламповича, чувство племеннаго родства и единства вѣры никогда не исчезало. Кіевъ для великоруссовъ всегда служилъ притягательнымъ религіознымъ мѣстомъ. Это побуждало великоруссовъ къ паломничеству.

О выходцахъ изъ Кіева на сѣверъ имѣются свѣдѣнія съ XV в. Въ серединѣ XVI в. мы встрѣчаемся съ интереснымъ фактомъ пріѣзда въ Москву каменецъ-подольскаго уроженца—іеродіакона Исаіи. Пріѣздъ его въ 1561 г. находился въ связи съ литературно-національнымъ оживленіемъ въ Западной Руси и на Украинѣ. Исаія пріѣзжалъ получить изъ царской библіотеки Библію на славянскомъ языкѣ. Имѣлось въ виду напечатать ее въ Литвѣ. Исаію арестовали въ Москвѣ, посадили въ тюрьму. Въ заключеніи онъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Хотя онъ былъ затѣмъ освобожденъ, но вернуться на родину, повидимому, ему не удалось.

Начиная съ XVI в., особенно со времени религіозной уніи, смутнаго времени и казацкихъ войнъ количество выходцевъ изъ Украины и Западной Руси въ Москву все болѣе и болѣе увеличивалось. Это были, главнымъ образомъ, монахи, которые или совсѣмъ переселялись въ московскіе монастыри или приходили въ Москву за милостыней. Послѣ введенія въ Литвѣ и на Украинѣ религіозной уніи выходцевъ оттуда въ Москвѣ стали заподозрѣвать въ склонности къ католичеству. Ихъ стали даже перекрещивать. Подобныя стѣснительныя мѣры противъ выходцевъ изъ Западной Руси и Украины широко примѣнялись при патріархѣ Филаретѣ. Мнѣніе г. Харламповича о благожелательномъ будто бы отношеніи патріарха къ этимъ выходцамъ не можетъ считаться серьезно обоснованнымъ (стр. 21).

Нельзя не признать также рискованнымъ утвержденіе, будто въ сношеніяхъ своихъ съ Москвой «митр. Іовъ выступалъ, какъ человѣкъ, ясно сознававшій очередныя крупнѣйшія задачи русской политики, какъ усердный проводникъ въ сознаніе московскаго правительства идеи національнаго и церковнаго объединенія и какъ агентъ по выполненію политическихъ порученій этого правительства» (стр. 27). Здѣсь сказано больше того, что позволяютъ факты. Митр. Іовъ, дѣйствительно, заговаривалъ о подданствѣ Москвѣ, но далеко не былъ тѣмъ, кѣмъ рисуетъ его г. Харламповичъ.

Нельзя согласиться также съ авторомъ и относительно Петра Могилы. Г. Харламповичъ оспариваетъ мнѣніе ученыхъ, видѣвшихъ въ Могилѣ представителя польской культуры, общественности и государственности, тяготѣвшаго, естественно, къ Польшѣ. Г. Харламповичъ утверждаетъ, что «своими симпатіями Могила тяготѣлъ къ Москвѣ» (стр. 50). Въ этомъ случаѣ авторъ отступаетъ отъ своего принципа основывать мнѣніе на массѣ фактовъ и ограничивается только соображеніями и разсужденіями.

Третья глава труда г. Харламповича посвящена сношеніямъ Малороссіи съ Москвой по вопросу о церковно-административ-

номъ подчиненіи московскому патріарху. Вопросъ не новый. Въ исторіи литературы онъ освѣщался и раньше (Карповъ, Терновскій, г. Эйнгорнъ). К. В. Харламповичъ дѣлаетъ нѣкоторыя критическія замѣчанія,но существеннаго вноситъ мало. Оппозиціи митрополита Сильвестра Косова, который, какъ извѣстно, являлся противникомъ соединенія Украины съ Россіей, К. В. Харламповичъ придаетъ болѣе личный характеръ и старается найти объясненіе и оправданіе дѣйствій кіевскаго митрополита въ мотивахъ скорѣй личнаго свойства (стр. 162). Мнѣ кажется это невѣрнымъ. Центръ оппозиціи митрополита Косова и всего высшаго кіевскаго духовенства лежалъ въ мотивахъ политическихъ, государственныхъ. Въ 1620 г. была возобновлена православная іерархія на Украинѣ. Дѣло это было чисто народнымъ. Оно совершилось помимо правительства и вопреки его волѣ и желанію. Стремленіе польскаго правительства бороться противъ православной іерархіи успѣха не имѣло. Правительство поэтому постаралось подчинить іерархію государству другимъ путемъ. Въ 1632 г. были изданы «статьи для успокоенія русскаго народа» и затѣмъ проведенъ на митрополичій кіевскій престолъ Петръ Могила, вѣрный приверженецъ польскаго государства. Съ этого времени высшая православная іерархія сдѣлалась не только союзникомъ, но и слугой государства. Благодаря этому, высшее духовенство разошлось съ народными массами и низшимъ духовенствомъ. Оппозиція послѣднихъ олицетворялась въ борьбѣ Исаіи Копинскаго противъ Могилы и выражалась въ усиленіи сепаратистическихъ стремленій на Украинѣ и въ увеличеніи случаевъ массового перехода монаховъ въ Москву (монахи густинскаго и монахини ладинскаго монастыря). Вопросъ о соединеніи съ Москвой былъ, поэтому, рѣшенъ помимо участія высшаго духовенства. Съ этой точки зрѣнія, понятна и оппозиція митрополита Сильвестра Косова и всего высшаго украинскаго духовенства. Они остались приверженцами Польши.

Соединеніе Украины съ Москвой послужило толчкомъ къ болѣе сильному культурному вліянію южной Руси на сѣверную. Расцвѣтомъ этого вліянія нужно считать вторую половину XVII и первую половину XVIII в. Со второй половины XVIII в. вліяніе это слабѣетъ. Упадокъ малороссійскаго вліянія становится замѣтнымъ уже при Елизаветѣ Петровнѣ, но съ особой силой онъ проявляется при Екатеринѣ II. Причину этого г. Харламповичъ видитъ, съ одной стороны, въ общемъ поднятіи уровня просвѣщенія великорусскаго духовенства, а съ другой въ недружелюбномъ отношеніи императрицы Екатерины II къ Малороссіи и малорусскому духовенству. Въ лицѣ представителей этого духо-

венства Екатерина II, какъ извѣстно, встрѣтила наиболѣе дѣятельное и упорное сопротивленіе мѣрамъ ея, направленнымъ къ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ (Арсеній Мацѣевичъ).

Мы, не можемъ останавливаться на другихъ отдѣльныхъ мнѣніяхъ г. Харламповича. Будемъ ожидать окончанія его капитальнаго труда, который, вѣроятно, освѣтитъ всесторонне вопросъ, поставленный авторомъ. Трудъ г. Харламповича явится, несомнѣнно, большимъ и цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу. Объ этомъ можно уже судить и по вышедшему въ свѣтъ подготовительному первому тому.

Ник. Василенко.

Сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова. Редакція и примѣчанія *Е. А. Ляцкаго.* Издательство «Огни». Т. I. Петроградъ. 1915. VIII+666 стр. Ц. 3 руб.

Семья Аксаковыхъ, это замѣчательное культурное «дворянское гнѣздо», до сихъ поръ еще не изучена во всей полнотѣ своего общественно-историческаго значенія—какъ и во всемъ объемѣ сохранившихся документальныхъ матеріаловъ. Правда, нельзя сказать, чтобы наша исторіографія мало занималась Аксаковыми; многое уже сдѣлано. (Вспомнимъ, напримѣръ, недавно, въ 1913 г., изданный «Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой», весьма цѣнный для характеристики не только семьи Аксаковыхъ, но и русской общественности поры Севастопольской кампаніи). Но и многое ждетъ еще спеціальнаго изученія.

Сочиненія главы семейства, высокоталантливаго лѣтописца «Семейной Хроники», давно собраны въ печати въ большой полнотѣ, но до послѣдняго времени все еще не дождались критическаго изданія. Въ 1912 г. оно начато было П. Е. Щеголевымъ, и выпущенный въ свѣтъ томъ съ «Дѣтскими годами» сразу наглядно показалъ, какъ полезенъ и настоятеленъ редакторскій пересмотръ литературнаго наслѣдія С. Т. Аксакова. Но на одномъ томѣ это изданіе и оборвалось. Переписка же его никогда не была издана отдѣльно, ни даже зарегистрована полностью въ библіографіи. Сочиненія Ивана Серг. Аксакова были изданы дважды въ семи томахъ, а его письма—въ четырехъ выпускахъ, и это было прекраснымъ памятникомъ его неутомимой дѣятельности; но все его литературное наслѣдіе этими двумя сводами не было исчерпано. Письма Ивана Сергѣевича все продолжали и продолжаютъ появляться въ журналахъ и сборникахъ. Еще менѣе полно представленъ въ печати Константинъ Аксаковъ. Когда-то И. С. Аксаковъ задумалъ издать сочиненія брата; онъ предполагалъ вмѣстить ихъ въ шесть томовъ, но успѣлъ издать,

съ большими паузами, всего только три тома; многія работы Константина Сергѣевича сюда не попали, не говоря уже объ его обширной перепискѣ. Правда, въ 1909 г. въ Москвѣ былъ выпущенъ небольшой сборникъ стихотвореній К. С. Аксакова, въ 1911 г. въ Петербургѣ книгоиздательствомъ «Огни» изданы отдѣльно его «Воспоминанія студентства», а въ 1912 г. вышла цѣлая книга о немъ С. А. Венгерова: «Передовой боецъ славянофильства», въ которой перепечатана брошюра «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя» и данъ довольно полный библіографическій указатель произведеній К. С. Аксакова и литературы о немъ. Но все это не могло, конечно, замѣнить полнаго собранія сочиненій. Оно—на очереди, и въ его отсутствіи есть несправедливость и пробѣлъ, разъ имѣются полныя собранія сочиненій Ивана Аксакова, Кирѣевскаго, Хомякова, Самарина. Восполнить этотъ пробѣлъ задумало книгоиздательство «Огни».

Въ предисловіи къ первому тому редакторъ, къ сожалѣнію, не излагаетъ плана всего изданія; опредѣленно не сказано, сколько предполагается томовъ, что ждетъ насъ во второмъ томѣ, будетъ ли напечатана переписка и проч. Мы узнаемъ, однако, что «племянница автора, Ольга Григорьевна Аксакова, взяла на себя обязанность закончить намѣченное болѣе 50 лѣтъ тому назадъ изданіе сочиненій Константина Сергѣевича, обнародовавъ по подлиннымъ рукописямъ все, не вошедшее въ составъ трехъ томовъ прежняго изданія». Надо, значитъ, надѣяться, что въ итогѣ мы получимъ полное собраніе сочиненій и писемъ «передового бойца славянофильства». Предоставленныя О. Г. Аксаковой бумаги семейнаго архива сразу обогатили изданіе Константина Аксакова. «Многія произведенія его, читаемъ мы въ предисловіи редактора,—появляются въ настоящемъ изданіи впервые, иныя представлены въ болѣе полной и болѣе совершенной редакціи; подлинныя рукописи и записныя тетради дали возможность установить точную хронологію большинства произведеній и выяснить ихъ отношеніе къ опредѣленнымъ лицамъ». Такимъ образомъ, литературное творчество К. С. Аксакова предстанетъ передъ нами въ наибольшей полнотѣ и точности.

Для перваго тома редакторомъ взято какъ разъ то, чего не было въ трехъ томахъ прежняго собранія 1861—1875—1880 г.г.,—поэтическія произведенія. Впервые здѣсь появляется нѣсколько десятковъ стихотвореній, нѣсколько разсказовъ, водевиль «Почтовая карета», «Сказка о Вадимѣ». Въ концѣ тома даны варіанты изъ рукописей и печатныхъ изданій, а также примѣчанія, составленныя Е. А. Ляцкимъ. Ему же принадлежитъ и небольшая вступительная статья. Въ ней высказано нѣсколько справедли-

выхъ и мѣткихъ сужденій. «Произведенія К. С. Аксакова, собранныя въ настоящемъ томѣ, пишетъ Е. А Ляцкій,—ищутъ читателя-друга. Къ нимъ нельзя подходить ни съ равнодушіемъ скептика, ни съ критической требовательностью, воспитанной на классическихъ образцахъ. Къ нимъ не приложимы обычныя мѣрки художественныхъ опредѣленій, но было бы несправедливо и непростительно считать ихъ только прозаическими, лишенными поэтическаго очарованія. Въ нихъ есть нѣчто, сообщающее мысли крылья мечтательнаго порыва». «Тѣ, кто не бѣжитъ отъ прошлаго, кто умѣетъ связывать его съ мечтами о будущемъ, какъ два крыла современности, найдутъ въ его сочиненіяхъ своеобразную поэзію, говорящую о глубокихъ движеніяхъ души, о высокихъ помыслахъ, о нѣжномъ и отзывчивомъ сердцѣ». «Сердце его приросло къ усадебному быту, весьма близкому къ истокамъ народной жизни, но критическая мысль уносила его далеко впередъ. Она была стремительна и порывиста, но не настолько сильна, чтобы заставить его повернуть свою жизнь, въ другое, неуготованное русло». Нельзя не согласиться съ этой общей характеристикой К. С. Аксакова.

Н. Пиксановъ.

Русскіе Пропилеи. Томъ 3. Писанія И. С. Тургенева, не включенныя въ собраніе его сочиненій. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Изданіе М. и С. Собашниковыхъ. М. 1916, стр. 350. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Приближается уже столѣтіе со дня рожденія И. С. Тургенева, однако, нельзя сказать, чтобы его литературное наслѣдство было приведено хоть въ сколько-нибудь удовлетворительное состояніе. Существующія изданія сочиненій Тургенева очень далеки отъ полноты. Про изданіе Глазунова, прекрасное по внѣшности и недорогое, достаточно сказать, что въ него не включено все, написанное Тургеневымъ въ стихотворной формѣ: конечно, такое изданіе не имѣетъ никакого права именоваться «полнымъ собраніемъ сочиненій». Значительно полнѣе изданіе «Нивы», но все-таки очень многаго изъ написаннаго Тургеневымъ не хватаетъ и въ немъ. Въ вышедшемъ новомъ томѣ «Русскихъ Пропилеевъ» М. О. Гершензонъ собралъ тѣ писанія Тургенева, которыя «по своему характеру имѣютъ право быть включенными въ собраніе его сочиненій», но на дѣлѣ не попали туда. Изъ художественныхъ произведеній Тургенева мы находимъ въ новомъ изданіи юношескую драму «Стено» (см. «Голосъ Минувшаго» 1913 г., № 8), шуточный разсказъ «Похожденія подпоручика Бубнова», стихотворенія въ прозѣ «Порогъ» и «Съ кѣмъ спорить?», разсказъ «Ко-

нецъ», продиктованный по-французски больнымъ писателемъ г-жѣ Віардо и переведенный на русскій языкъ Григоровичемъ, и нѣсколько стихотвореній, главнымъ образомъ, переводныхъ. Въ прозаическомъ отдѣлѣ дано значительное количество разнохарактерныхъ статей и замѣтокъ Тургенева, отпечатанныхъ имъ въ разное время. Изъ нихъ наиболѣе значительны по объему корреспонденціи о франко-прусской войнѣ и французская статья объ Александрѣ III; то и другое уже было недавно перепечатано. Все, помѣщенное въ сборникѣ, редакторъ снабдилъ обстоятельными примѣчаніями. Сборникъ, составленный г. Гершензономъ, цѣненъ для всѣхъ, желающихъ имѣть болѣе полное представленіе о томъ, что написано Тургеневымъ. Изъ тѣхъ 86-ти произведеній, которыя вошли въ книгу, очень многія до сихъ поръ были почти недоступны для читателей, такъ какъ были разсѣяны по различнымъ мало распространеннымъ изданіямъ. Насколько полнымъ является собраніе писаній Тургенева, сдѣланное г. Гершензономъ? Самъ редакторъ признаетъ, что у него должны быть пропуски. Прежде всего, война, затруднившая всѣ сношенія съ заграницею, не дала возможности розыскать нѣкоторыя статьи Тургенева, находящіяся во французскихъ изданіяхъ. Есть и кое-какіе другіе пропуски. Такъ, г. Гершензонъ оставилъ безъ вниманія статейку Тургенева «О русскихъ св. мѣстахъ»; это—рецензія на книгу Андрея Муравьева «Путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ», разросшаяся до довольно значительныхъ размѣровъ. О напечатаніи ея самъ Тургеневъ узналъ почти черезъ 40 лѣтъ и называлъ эту свою пробу пера «совершенно ребяческимъ упражненіемъ»; такъ оно и есть, но тѣмъ не менѣе это—первое печатное произведеніе Тургенева (1836). Свѣдѣнія о ней имѣются въ указателѣ Агафонова, которымъ пользовался г. Гершензонъ. Отсутствуетъ въ сборникѣ положенное на музыку стихотвореніе Тургенева «Не для меня твой голосъ милый», значащееся въ каталогѣ Тургеневской выставки 1909 года. Въ томъ же каталогѣ можно найти указаніе на рукописное стихотвореніе Тургенева въ альбомъ Боткиной, начинающееся словами: «Альбомчикъ Вашъ перебирая...» На нашъ взглядъ, слѣдовало бы перепечатать—лучше всего въ приложеніи—четыре разсказа Тургенева, опубликованные Л. Ф. Нелидовой («Вѣстникъ Европы» 1909. Перепечатаны въ книжкѣ—«Неизданныя произведенія И. С. Тургенева». Казань, 1911). Правда, это не «писанія» Тургенева, а только его устные разсказы, записанные потомъ другимъ лицомъ, но даже и въ такой передачѣ какимъ ароматомъ чисто-тургеневской поэзіи проникнуто хотя бы стихотвореніе въ прозѣ «Молодая Надежда»!

Г. Гершензонъ сознательно опускаетъ поэму «Попъ», считая, что она принадлежитъ не Тургеневу, а М. Н. Лонгинову. Поэма эта была издана въ 1887 г. въ Женевѣ Элпидинымъ съ именемъ Тургенева; Тургеневу приписываетъ ее и редакторъ «Перваго собранія писемъ И. С. Тургенева», Гаевскій (см. стр. 382, примѣчаніе). Мы не беремся рѣшать вопроса объ авторствѣ Тургенева, но во всякомъ случаѣ, утвержденіе г. Гершензона, что самъ Тургеневъ въ одномъ письмѣ приписываетъ эту поэму Лонгинову, не совсѣмъ убѣдительно: въ этомъ письмѣ говорится, что Лонгиновъ—авторъ «Попа...» Здѣсь какъ будто дѣло идетъ о другомъ произведеніи, самое заглавіе котораго уже было нецензурно. Не было ли чего-нибудь подобнаго у Лонгинова, весьма плодовитаго по части порнографическаго творчества?

Не можемъ не отмѣтить еще, что стихотвореніе «Изъ поэмы, преданной сожженію» напечатано редакторомъ явно по случайному недосмотру. Г. Гершензонъ взялъ его изъ «Сборника лучшихъ произведеній русской поэзіи» Щербины, но не могъ дознаться, по его словамъ, откуда Щербина заимствовалъ этотъ отрывокъ. Однако, это стихотвореніе печатается во всѣхъ изданіяхъ «Записокъ Охотника» въ качествѣ эпиграфа къ очерку «Лѣсъ и степь».

Вѣроятно, кромѣ замѣченныхъ нами въ новомъ изданіи пропусковъ, будутъ указаны и другіе. Это не мѣшаетъ тому, что сборникъ г. Гершензона будетъ оставаться книгой необходимой для всѣхъ, изучающихъ Тургенева, до тѣхъ поръ, пока появится дѣйствительно полное собраніе его сочиненій.

М. Клевенскій.

Бесѣды. Сборникъ Общества Исторіи Литературы въ Москвѣ. I. Москва 1915 г.; стр. IV+222+98; Ц. 2 р.

Сборникъ «Бесѣды» подкупаетъ читателя тѣмъ, что является результатомъ коллективной работы симпатичнаго по цѣлямъ Общества Исторіи Литературы. Общество возникло въ Москвѣ въ 1911 г. въ цѣляхъ объединенія работниковъ въ области литературы русской и всеобщей и имѣетъ преемственную связь со студенческимъ кружкомъ исторіи всеобщей литературы, работавшимъ въ Московскомъ университетѣ съ 1908 г.

Къ первому сборнику «Бесѣдъ», являющемуся какъ-бы отчетомъ за четырехлѣтіе существованія общества, приложены любопытные матеріалы: списки докладовъ и подробные протоколы засѣданій общества. Эти документы просматриваются съ живѣйшимъ интересомъ и лишній разъ подтверждаютъ, что единеніе на почвѣ научной работы всегда плодотворно сказывается на результатахъ ея. Мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ мимоходомъ

брошенныхъ мыслей, замѣчаній теоретическаго и методологическаго характера, и въ этихъ случайныхъ замѣчаніяхъ цѣлый рядъ темъ, указаній направленія для дальнѣйшей разработки того или другого вопроса. Темы, стоявшія на обсужденіи въ засѣданіяхъ общества, обнаруживаютъ большую ширину его интересовъ.

Въ качествѣ докладовъ предлагались спеціальныя изслѣдованія по исторіи древней литературы, работы, стоящія на грани историческаго и этнографическаго изученія, даже чисто этнографическаго характера; нѣсколько докладовъ было посвящено западно-европейской литературѣ. И какой-нибудь вопросъ изъ житійной письменности возбуждаетъ въ засѣданіяхъ общества оживленные дебаты и обсужденія, заставляетъ высказываться людей, казалось бы, далеко стоящихъ отъ палеографическихъ изысканій спеціалиста. Въ этой совмѣстной работѣ, неожиданномъ обнаруженіи точекъ соприкосновенія разобщенныхъ спеціалистовъ—значеніе общества, и можно только привѣтствовать появленіе перваго выпуска его трудовъ. Редакторы сборника (М. Н. Сперанскій, М. Н. Розановъ, В. Ѳ. Ржига, Е. Г. Браунъ и Н. П. Сидоровъ) хорошо сдѣлали, что приложили къ сборнику протоколы и списки докладовъ: безъ этого сборникъ потерялъ бы очень многое. Наиболѣе цѣнные доклады, читавшіеся въ собраніяхъ общества, еще раньше выхода «Бесѣдъ» появились на страницахъ періодическихъ изданій, спеціальныхъ и обще-историческихъ; часть ихъ опубликована самостоятельно или вошла въ составъ той или другой книги.

Въ «Бесѣдахъ» даны впервые появляющіеся въ печати доклады изъ оставшихся неопубликованными ранѣе, и приходится отмѣтить, что, по сравненію съ протоколами, они создаютъ впечатлѣніе отъ общества болѣе блѣдное. Самое разнообразіе темъ здѣсь отдаетъ какой-то случайностью, и не чувствуется того живого единенія, которое замѣтно по протоколамъ. Въ сборникѣ нѣтъ центра, нѣтъ «гвоздя». Здѣсь и старая юбилейная рѣчь о Грановскомъ, сказанная Н. П. Сидоровымъ въ одномъ изъ засѣданій, посвященномъ памяти историка. Здѣсь и статья С. Шувалова по поводу появленія давнишней книги—академическаго изд. сочиненій Лермонтова; коротенькая замѣтка М. Сперанскаго о рисункахъ Гоголя; «библіографическая справка» В. Филиппова—«Мольеръ въ Россіи XVIII в.»; личныя впечатлѣнія туристки о современныхъ мистеріяхъ въ австрійскомъ мѣстечкѣ Эрлѣ. Все это не отличается ни значительностью, ни новизною. А отъ перваго тома трудовъ, какъ отъ перваго № журнала, ждешь большаго, чѣмъ механическое собраніе статей, и хорошо, что

протоколы договариваютъ то, чего не даетъ самый сборникъ. Изъ статей болѣе общаго характера надо отмѣтить интересныя по темѣ статьи Б. Лукьяновскаго, выясняющаго отношенія Пушкина и Гоголя, и И. Розанова по модному вопросу о вліяніи (вліяніе П. Вяземскаго на Пушкина). Г. Лукьяновскій пересматриваетъ вопросъ о дружбѣ Гоголя съ Пушкинымъ и, вслѣдъ за Валер. Брюсовымъ, считаетъ распространенное въ литературѣ мнѣніе о большой близости двухъ писателей преувеличеннымъ. Г. Розановъ, отмѣчая цѣлый рядъ заимствованій Пушкина и подражаній его кн. П. Вяземскому, частью указанныхъ въ литературѣ, частью указываемыхъ впервые, пытается систематизировать вліяніе, оказанное на Пушкина его старшимъ современникомъ. Г. Розановъ различаетъ вліяніе въ такихъ четырехъ формахъ: 1) переработка, 2) соревнованіе, 3) самостоятельная разработка (заимствована только точка отправленія) и 4) оспариваніе—вліяніе по контрасту.

Указанная схема не удовлетворитъ изслѣдователей взаимодѣйствія другихъ писателей и слѣдовательно мало проясняетъ теоретическій вопросъ о вліяніяхъ, и для спеціальной темы о зависимости Пушкина отъ Вяземскаго даетъ немного, такъ какъ авторъ оперируетъ съ такими сближеніями текста, какъ сопоставленія отдѣльныхъ словъ, эпитетовъ и проч. Даже ходячая острота съ усѣченнымъ именемъ Вальтеръ-Скотта въ эпиграммѣ Пушкина поставлена г. Розановымъ въ счетъ вліянія Вяземскаго.

Въ составъ сборника входятъ еще статьи Б. Ярхо объ одномъ провансальскомъ поэтѣ-крестьянинѣ, Г. Малицкаго о старческомъ обликѣ св. Георгія въ русской народной сказкѣ и легендѣ и два большихъ очерка Ю. Соколова о Нарѣжномъ. Въ послѣдней работѣ выясняется зависимость Нарѣжнаго отъ малорусской литературной традиціи, и нѣкоторыя сопоставленія и наблюденія углубляютъ вопросъ, уже намѣченный въ литературѣ о писателѣ. Любопытны также параллели изъ сочиненій Нарѣжнаго и Гоголя, уясняющія нѣкоторые источники произведеній послѣдняго, но и на это уже дѣлались неоднократно указанія въ литературѣ о Гоголѣ.

Изъ статей болѣе спеціальныхъ интересны отмѣченныя выше—статья С. Шувалова и «библіографическая справка» В. Филиппова. Г. Шуваловъ касается вопроса о текстѣ лермонтовскаго Демона, вопроса сложнаго и разрѣшеннаго неудачно редакторомъ послѣдняго академическаго изданія. Авторъ убѣдительными сопоставленіями и соображеніями доказываетъ, что окончательнымъ текстомъ Демона надо считать текстъ 2-го изд. поэмы, появившагося въ Карлсруэ въ 1857 г. Цѣнность библіографической работы

г. Филиппова о Мольерѣ въ Россіи XVIII в. очень умалена тѣмъ, что въ поле своего зрѣнія авторъ включилъ только переводы и постановки комедій Мольера на сценѣ, а болѣе кропотливый вопросъ о подражаніяхъ и передѣлкахъ остался въ сторонѣ. Для изслѣдованія вопроса объ усвоеніи мольеровскаго театра, его идей и сценарія еще большее значеніе, чѣмъ переводы, имѣютъ передѣлки и подражанія, такъ какъ мольеровская струя въ творчествѣ русскихъ писателей комедій XVIII в. была значительнымъ элементомъ и сказывалась именно въ формѣ подражаній и передѣлокъ, какъ это было, напр., у Сумарокова.

В. Міяковскій.

Ивановъ-Разумникъ. Сочиненія. Т. V. Пушкинъ и Бѣлинскій. 1916. Стр. 371. Ц. 1 р. 50 к.

Книга не оправдываетъ заглавія. Правда, въ ней есть и о Пушкинѣ, и о Бѣлинскомъ, но есть и о Державинѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ. Предисловіе стремится придать всѣмъ статьямъ внутреннее единство, но читатель его не чувствуетъ. Здѣсь просто собраны статьи, печатавшіяся ранѣе, по отдѣльнымъ вопросамъ. Болѣе цѣльное впечатлѣніе производятъ статьи о Бѣлинскомъ, занимающія почти половину книги. Это—полезный «путеводитель» по Бѣлинскому. Авторъ прослѣдилъ подробно философскія блужданія Бѣлинскаго, попутно указывая и объясняя всѣ промахи критика, зависѣвшіе отъ извѣстной его склонности доводить до крайности каждую мысль и приносить въ жертву овладѣвшей имъ отвлеченной идеѣ свои эстетическія влеченія, вытекавшія изъ непосредственнаго чутья. Послѣ того подробнаго изображенія духовной жизни Бѣлинскаго, которое дано въ извѣстной книгѣ Пыпина, г. Иванову-Разумнику пришлось только подтвердить выработанныя положенія разборомъ отдѣльныхъ статей Бѣлинскаго, что онъ и произвелъ весьма удовлетворительно.

Влад. Фишеръ.

Вернонъ Ли. Италія. Театръ и музыка. Переводъ Урениусъ подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Муратова. Москва. К-во М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Лежащая передъ нами книга—сборникъ, составившійся изъ драмы Вернонъ Ли «Аріадна въ Мантуѣ» и четырехъ статей изъ ея «Этюдовъ о XVIII в.» (Studies of the eighteenth Century 1880), а именно: «Комедія масокъ», «Гольдони», «Карло Гоцци» и «Музыкальная жизнь въ XVIII в.». Если книга должна дать представленіе не о талантѣ писательницы, а о «театрѣ и музыкѣ» Италіи, то было бы цѣлесообразнѣе замѣнить драму «Аріадна» хотя бы

этюдомъ о «Метастазіо и оперѣ», явленіи, для XVIII в. столь же важномъ, какъ комедіи Гольдони и Гоцци.

Какъ и первый сборникъ статей Вернонъ Ли (Италія. Избранныя страницы. Genius loci) этотъ второй входитъ въ озоглавленное «Страны, вѣка и народы» собраніе книгъ, долженствующихъ— по словамъ редакціи—«замѣнить читателю и туристу интереснаго и общительнаго собесѣдника, напоминающаго имъ безъ педантизма то, что всѣмъ должно бы быть извѣстно, но что такъ часто бываетъ забыто». Обвинять автора этихъ очерковъ въ «педантизмѣ» не приходится, «собесѣдникъ» онъ безусловно весьма «общительный» и, если угодно, «интересный» (хотя это дѣло вкуса), но собесѣдникъ весьма неосновательный. Беллетристъ по манерѣ письма, онъ съ фактами и обращается, какъ беллетристъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

На стр. 102 Гольдони читаетъ «ужасныя комедіи Маккьявелли» (на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ объ одной только, о «Мандрагорѣ»). На стр. 159 г. «оба Гоцци изливаютъ на него эпиграммы» (тогда какъ Гаспаро Гоцци былъ его сторонникомъ, помѣстилъ въ Gazzetta Veneta въ №№ 5, 45, 86 похвальные отзывы о его комедіяхъ «Rusteghi» и «Casa Nova» и стихи Вольтера въ честь Гольдони). На той же страницѣ оказывается, комедія «Одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ карнавала» ставилась въ театрѣ Сантъ-Анджело (тогда какъ Гольдони давно порвалъ съ Медебакомъ и давно перешелъ въ театръ Вендрамина: «Санъ-Лука»). Противорѣчитъ фактамъ и утвержденіе о «смѣлости» реформатора сцены Гольдони (122) и квалификація его комедій, какъ «комедіи движенія» (а «не комедія характеровъ и типовъ», не «сатира», стр. 126).

На недоразумѣніяхъ построенъ и «силуэтъ» Карло Гоцци. Изображать его какимъ-то Гофманомъ XVIII в. (какъ это раньше сдѣлалъ уже П. Мюссэ), мечтателемъ, игнорировавшимъ реальный міръ и жившимъ всецѣло въ царствѣ мечты и духовъ, потому, что онъ самъ такимъ изобразилъ себя въ своихъ Memorie inutili, разумѣется, нельзя, и во всякомъ случаѣ слѣдовало бы подчеркнуть, что этотъ «не отъ міра сего» человѣкъ прекрасно умѣлъ устраивать свои матеріальныя дѣла (умеръ владѣльцемъ четырехъ домовъ), всегда осторожно взвѣшивалъ, когда можно и когда опасно печатать то или другое произведеніе (Marfisa bizzarra) и порой игралъ видную и притомъ некрасивую роль въ дѣлахъ весьма и весьма «отъ міра сего» (скандальная исторія, героями которой были онъ, Гратароль и актриса Риччи). Слѣдовало бы обрисовать подробнѣе его отрицательное отношеніе къ революціи и демократіи, которое однако не помѣшало ему объявить себя ихъ сторонникомъ, когда въ Венеціи палъ старый поря-

докъ, (слова «свобода и равенство» передъ памфлетомъ противъ Гратароль и т. п.), рекомендуя вмѣстѣ съ тѣмъ, когда послѣдній былъ возстановленъ, своимъ родственникамъ почитать «власть и церковь» (см. его завѣщаніе). Если бы авторъ выяснилъ должнымъ образомъ общественно-политическую позицію Гоцци, то не пришлось бы приписать ему недоумѣнную мысль, «зачѣмъ онъ откапалъ и возстановилъ развѣнчанную Commedia dell'arte». (166). Въ своемъ стремленіи изобразить гр. К. Гоцци какимъ-то человѣкомъ-легендой, авторъ заходитъ такъ далеко, что по его мнѣнію никто такъ и не зналъ и не помнилъ, когда онъ умеръ (199). А вотъ въ вышедшей въ 1806 г. книгѣ Москини Della letteratura veneziana del sec. XVIII сказано: «онъ умеръ 4 апрѣля 1806 г.», а въ хранящемся въ Museo Correr въ Венеціи Diario Чиконьи говорится и о томъ, гдѣ онъ погребенъ...

Этюды Вернонъ Ли обладаютъ, правда, достоинствами беллетристическими, но хорошо ли относиться по-беллетристически къ явленіямъ, подлежащимъ научному изученію?

Если эти очерки и сами по себѣ богаты ошибками, то и переводчикъ съ своей стороны поусердствовалъ, чтобы дѣло не обошлось безъ недоразумѣній, порою весьма прискорбныхъ.

Разсказавъ о томъ, что Гольдони школьникомъ читалъ «ужасныя комедіи Макіьявелли», Вернонъ Ли поясняетъ, откуда онъ «ихъ» получилъ—innocently furnished as a consolation by on unsuspecting old canon, т-.е. онѣ были ему доставлены по простотѣ душевной ради утѣхи однимъ старымъ наивнымъ каноникомъ, а переводчикъ переводитъ: «комедій, невинно укрытыхъ отъ глазъ наставниковъ какимъ-нибудь ветхимъ томомъ догматики» (!!) (Гольдони читалъ комедію Макіьявелли не въ коллежѣ Гисліери, а дома во время каникулъ, см. Гольдони: Memoires 110 и предисловіе его къ VIII т. изд. Pasquali 1761). А на стр. 181, по волѣ переводчика, Гольдони «видывалъ каналы не только Венеціи, но и Голландіи» (!), гдѣ, какъ извѣстно, онъ никогда не былъ, хотя и бралъ охотно сюжеты и героевъ изъ голландской жизни, напр. въ Medico Ollandese, въ J mercanti (въ оригиналѣ сказано: если бы онъ ихъ видѣлъ).

Издана книга хорошо.

В. Фриче.

Максъ Вундтъ. Греческое міровоззрѣніе. Перев. съ нѣмецкаго *Ф. Д. Капелюша.* Подъ редакціей *М. И. Шварца.* Петрогр. Изд-во «Огни». 1916. VIII—166 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Въ подлинникѣ небольшая книжка Макса Вундта, которому принадлежитъ крупный трудъ по исторіи греческой этики (Ge-

schichte der griechischen Ethik. Leipz. 1908—10, 2 т.) и котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ Вильгельмомъ Вундтомъ, входитъ въ составъ коллекціи «Aus Natur und Geisteswelt»,—собраніе научно-популярныхъ очерковъ по различнымъ отраслямъ знанія. Это въ сущности исторія философской мысли грековъ, но не въ ея деталяхъ: авторъ не желалъ увеличивать «многочисленные абрисы греческой философіи» еще однимъ, новымъ; онъ хочетъ лишь «постичь греческое міровоззрѣніе въ его внутреннемъ единствѣ»; онъ имѣетъ въ виду обрисовать только основныя, «типическія идеи греческаго міровоззрѣнія и только типическія формы ихъ развитія». Его изложеніе имѣетъ цѣлью сдѣлать яснымъ, что «типическія формы міровоззрѣнія вообще были уже выработаны греками, и, лишь видоизмѣняемыя въ отдѣльныхъ своихъ чертахъ, онѣ снова и снова являются человѣчеству. Греки не только предвосхитили существенныя формы всей позднѣйшей культуры, выявивъ ихъ въ простыхъ очертаніяхъ, но также и въ области философскаго творчества они указали пути, которыми суждено было идти человѣчеству» (Предисловіе).

М. Вундтъ освѣщаетъ греческую мысль по отдѣльнымъ проблемамъ: I. «Природа», II. «Богъ», III. «Назначеніе человѣка» (самая большая изъ главъ, трактуетъ преимущественно объ этическихъ проблемахъ), IV. «Общество», V. «Искусство». Послѣдняя (VI) глава: «Греческое и христіанское міровоззрѣніе» въ началѣ резюмируетъ предшествующее изложеніе, общій характеръ греческаго міровоззрѣнія и главные фазисы, чрезъ которые оно прошло, отмѣчая три ступени: міровоззрѣніе миѳологическое—періодъ, когда «субъектъ всецѣло принесенъ былъ въ жертву объективному», индивидуализмъ и ту ступень развитія, которая порождена Сократомъ и представлена послѣ-Сократовской философіей, главнымъ образомъ Платономъ и Аристотелемъ. Центральнымъ процессомъ всего развитія М. Вундтъ считаетъ «образованіе индивидуальности» (въ русск. перев. «образованіе индивида», стр. 146; въ подлинникѣ—«die Ausbildung der Individualität»). «Всѣ отдѣльныя теченія міросозерцанія третьей эпохи», говоритъ онъ (стр. 153 сл.), «объединяются общимъ глубокимъ стремленіемъ остановить порожденное индивидуализмомъ разложеніе жизни, создавъ новыя жизненныя цѣнности. Въ опредѣленномъ смыслѣ третья эпоха знаменуетъ собою возвратъ къ первой, поскольку она также стремится подчинить отдѣльную личность всеобщей нормѣ и надъ всей жизнью возвысить единый, ненарушимый законъ. Но простой возвратъ къ первоначальному состоянію былъ немыслимъ», и «третья эпоха, которой дано было переработать индивидуализмъ въ собственномъ духѣ, представляетъ

по отношенію къ первой нѣчто глубоко-новое и самобытное. Она является какъ бы сліяніемъ двухъ эпохъ; она старается возстановить заново на вершинѣ индивидуализма то, что когда-то было достояніемъ первой эпохи и что было разрушено индивидуализмомъ». Въ заключеніе М. Вундтъ касается отношенія христіанства къ греческому міровоззрѣнію. Въ настоящее время все болѣе и болѣе устанавливается связь христіанства съ эллинствомъ. На эту точку зрѣнія становится и М. Вундтъ. «Навстрѣчу христіанству», говоритъ онъ, «шли изъ нѣдръ греческой жизни родственныя теченія; и христіанству надо было только признать ихъ, чтобы совершенно слиться съ греческимъ духомъ. Никогда христіанство не могло бы такъ быстро распространиться среди грековъ, если бы навстрѣчу ему не шло глубокое броженіе въ нѣдрахъ греческой жизни. Противоположность христіанства и античнаго міра, такимъ образомъ, не можетъ считаться полной: она ограничивается сферой индивидуализма, этой второй ступенью греческаго міросозерцанія. Индивидуализмомъ проникнута наивная жизнь античнаго міра, и въ отношеніи къ ней христіанство является полной противоположностью. Но зато христіанство нашло могучаго союзника въ духовной культурѣ третьей ступени развитія»... (стр. 152—3). «Христіанство оказывается въ дѣйствительности послѣднимъ и высшимъ созданіемъ духа античности»... (стр. 158).

Книжка М. Вундта написана легкимъ языкомъ, но для надлежащаго пониманія она требуетъ отъ читателя извѣстной подготовки, знакомства съ греческой философіей. Давать фактическихъ свѣдѣній она не имѣетъ въ виду и, какъ признаетъ самъ авторъ въ «Предисловіи», въ ней не соблюдается хронологическая послѣдовательность: о Сократѣ говорится послѣ Аристиппа и Эпикура (на стр. 74 сл.), объ этическомъ ученіи Платона—послѣ Аристотеля (стр. 90). Она отличается отвлеченнымъ характеромъ. А основная мысль М. Вундта о трехъ фазисахъ или ступеняхъ развитія греческаго міровоззрѣнія напоминаетъ извѣстную схему Гегеля съ ея тезисомъ, антитезисомъ и синтезисомъ: у М. Вундта одно воззрѣніе развиваясь «изживаетъ себя», на смѣну ему является другое, противоположное, которое въ свою очередь, дойдя до крайности, тоже «изживаетъ себя» и наступаетъ третій моментъ, какъ бы примиряющій или объединяющій предыдущіе два (см. особенно стр. 154, 155, 157). Но въ такую схему едва ли можно вложить исторію греческой философской мысли. Вообще для обыкновеннаго читателя не-спеціалиста книжка Вундта едва ли интересна, а спеціалисту она тоже ничего не дастъ.

Въ подлинникѣ въ книжкѣ М. Вундта имѣется небольшой

указатель и списокъ «литературы» вопроса; въ русскомъ изданіи этого нѣтъ. Самый переводъ въ общемъ свободенъ отъ крупныхъ недостатковъ, но не всегда точенъ.

В. Бузескулъ.

Корнилль. Пророки. Пять публичныхъ лекцій. Переводъ Д. Желоховцева подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. М. Никольскаго. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915 г. Ц. 75 к.

Имя кенигсбергскаго профессора К. Корнилля достаточно извѣстно на Западѣ. Питомецъ научно-критической школы нѣмецкаго богословія, этотъ ученый посвятилъ себя изслѣдованію литературной традиціи Ветхаго Завѣта. Не выступая въ роли новатора, Корнилль подвергъ тщательному пересмотру выводы своихъ предшественниковъ, стремясь объединить эти данныя въ болѣе или менѣе стройной и законченной системѣ. Крупнѣйшимъ результатомъ такой работы явилось то превосходное Einleitung in das Alte Testament, которое стяжало автору наибольшую извѣстность. Однако, было бы ошибкой судить о Корниллѣ только по этому труду, требующему отъ читателя весьма серьезной умственной дисциплины. Въ отличіе отъ распространеннаго типа нѣмецкаго гелертера, Корнилль сумѣлъ сохранить среди углубленныхъ кабинетныхъ занятій и достаточную широту кругозора, и свѣжесть непосредственнаго чувства, и способность согрѣвать даже непосвященныхъ огнемъ своего искренняго идейнаго одушевленія. Особенно ярко обнаружились эти свойства кенигсбергскаго ученаго въ его публичныхъ лекціяхъ по исторіи ветхозавѣтнаго пророчества, читанныхъ во Франкфуртѣ на Майнѣ для слушателей мѣстной Свободной Высшей Школы. Уступая настоятельнымъ просьбамъ аудиторіи, Корнилль, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшился напечатать свои лекціи. Несмотря на скромную оцѣнку ихъ со стороны самого автора, приходится признать его книжку однимъ изъ лучшихъ образцовъ научно-популярной литературы. Читатель, желающій ознакомиться съ основными выводами современнаго знанія въ области библейской исторіи, можетъ смѣло довѣриться лекціямъ Корнилля, счастливо сочетающимъ строгую научность содержанія съ простотой, живостью и подлиннымъ изяществомъ изложенія. Нѣтъ нужды пояснять, насколько умѣстнымъ является изданіе этой книжки на русскомъ языкѣ,—тамъ, гдѣ удручающее убожество отечественной и скудость переводной литературы поддерживаютъ даже среди образованнѣйшихъ людей самыя простодушныя представленія объ исторіи Ветхаго Завѣта.

Согласно съ мнѣніемъ крупнѣйшихъ спеціалистовъ, (ср.

Wellhausen, Prolegomena, 234. *Kuenen*, Historisch-Kritische Einleitung in die Bücher des A. Testaments. II, 5. *Robertson Smith*, The Prophets of Israel, 390 и др.), Корнилль строго различаетъ два ветхозавѣтныхъ понятія—ro'e прозорливецъ и nabî пророкъ. Реальное явленіе, обозначаемое послѣднимъ словомъ, онъ считаетъ чуждымъ первоначальной культурѣ Израиля. Первые пророки—nebiîm выступаютъ среди этого народа лишь въ пору ханаанскаго завоеванія, причемъ въ дѣятельности этихъ «бѣсноватыхъ», весьма напоминающихъ собою дервишей или шамановъ, ясно обнаруживаются черты ихъ чужеземнаго происхожденія. Въ этомъ тезисѣ Корнилля нѣтъ, въ сущности, ничего новаго. Еще *Reuss* отмѣчалъ въ проповѣди древнѣйшихъ nebiîm моменты специфическаго экстаза, вызываемаго порою искуственными пріемами: пляской, пѣніемъ, музыкой. (*Reuss*, Les prophètes I 28). Труды *Wellhausen'a*, (Prolegomena, 405 сл.) *Smend'a* (Lehrbuch der alttestamentlichen Religionsgeschichte, passim.), *Budde* (Die Religion des Volkes Israel, 87 сл.) окончательно выяснили вопросъ о пророкахъ этого типа. Въ настоящее время происхожденіе nebiîm Израиля отъ язычниковъ Палестины можно считать установленнымъ безповоротно. (Ср., напр., *Nowack*, Lehrbuch der hebräischen Archeologie, II, 131). Конечно, такой выводъ долженъ явиться горестнымъ открытіемъ для тѣхъ, кто до сихъ поръ привыкъ видѣть въ религіи Ветхаго Завѣта самобытное достояніе избраннаго народа, во всей полнотѣ своей завѣщанное Израилю искони вѣковъ и лишь закрѣпленное законами Моисея. Но критическая наука рѣшительно отстраняетъ отъ себя всякія предразсужденія. Повторяя въ своей сферѣ дѣло Коперника, она «ставитъ на голову» всю ветхозавѣтную традицію. Самый культъ Ягве («разящаго», «бога грозы»—см. *Wellhausen*, Skizzen, III, 77, 170), она считаетъ заимствованнымъ евреями отъ пастушескаго племени кенитянъ, обитавшаго около Синая (см. *Budde*, О. с. 40.). Древнѣйшія извѣстія о Моисеѣ она относитъ ко времени, отдѣленному отъ легендарнаго законодателя пространствомъ въ 500 лѣтъ. Наконецъ,—и это самое важное—въ пророкахъ она видитъ отнюдь не истолкователей и защитниковъ существующаго закона, а его родоначальниковъ и творцовъ. *Пророки старше закона.* Въ этомъ положеніи—Архимедова точка опоры для современной библейской науки.

«Нѣтъ надобности протестовать противъ признанія въ религіи Израиля наличія нѣкоторыхъ чужеземныхъ элементовъ», примирительно замѣчаетъ Корнилль: «такое признаніе не только не унижаетъ ея, но, напротивъ, свидѣтельствуетъ о величайшей ея жизненной силѣ и побѣдоносной способности къ ассимиля-

ціи. Въ духовномъ отношеніи Израиль напоминаетъ сказочнаго царя Мидаса, который превращалъ въ золото все, къ чему ни прикасался»... На примѣрѣ ветхозавѣтнаго пророчества, отъ грубыхъ формъ религіознаго изступленія возвысившагося до величественнѣйшей теодицеи, нашъ авторъ пытается доказать справедливость такой оцѣнки. Къ сожалѣнію, руководящій методъ Корнилля страдаетъ слишкомъ явной односторонностью. Изображая судьбы пророчества на общемъ фонѣ развитія религіи Ветхаго Завѣта, онъ разсматриваетъ весь этотъ процессъ подъ угломъ чисто-идеалистическаго міросозерцанія. Отъ монолатріи—къ монотеизму, отъ національныхъ идеаловъ—къ общечеловѣческому братству, отъ бога грозы, «сильнаго на горахъ», къ всеобъемлющему началу любви и правды—таковы крайніе термины эволюціи, которая его интересуетъ. Конкретные моменты исторіи пророчества—для него лишь отдѣльныя ступени восходящей лѣстницы, въ изображеніи которыхъ порою почти совершенно отсутствуетъ реальная историческая основа. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ такихъ эфемерно-идеалистическихъ построеній можетъ служить данная Корниллемъ характеристика Амоса. Въ лицѣ этого проповѣдника изъ Θекои нашъ авторъ видитъ только «воплощеніе нравственнаго закона» (стр. 53). Убѣжденіе Амоса въ неизбѣжности суда надъ Израилемъ и гибели избраннаго народа онъ отнюдь не хочетъ признать плодомъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній. Амосъ для него носитель идеи высшей справедливости: во имя этого начала и громитъ онъ проклятіями народъ Израиля, забывшій своего Ягве и предавшійся нечестію. Столь упрощенное пониманіе дѣятельности Амоса вызываетъ самыя рѣшительныя возраженія по существу. Нельзя, прежде всего, игнорировать настоятельныя напоминанія самого пророка, что онъ лишь *пастухъ*. Невозможно забывать далѣе, что защищаемый имъ ягвизмъ былъ исконной религіей *кочевниковъ-кенитянъ*: не даромъ, уже нѣсколько столѣтій послѣ Амоса, потомки этихъ кенитянъ *рехавиты* селились вдали отъ городовъ, гнушались вина и ненавидѣли земледѣліе (см. Іер. 35. I, Хрон. 2,5. ср. Budde, Das nomadische Ideal. Preuss. Iahrb. B. 85, 1896, S. 57 сл.). Въ родной средѣ Амоса должны были свято храниться завѣты суровой вѣры древнихъ номадовъ, и съ тѣмъ большей тревогой смотрѣлъ пастухъ θекойскій на расцвѣтъ новой культуры, къ которой переходили его соотечественники въ Палестинѣ. Онъ понималъ, что осѣдлость въ узкихъ предѣлахъ завоеванныхъ областей грозитъ погубить скотоводство, что жизнь въ городахъ ведетъ къ раздѣленію труда и соціальному неравенству, что образованіе государственнаго единства расчленяетъ

однородное нѣкогда общество на правителей и подданныхъ и создастъ небывалое налоговое бремя... Возставая противъ этихъ явленій, онъ защищалъ, въ сущности, отживающія формы хозяйственнаго, соціальнаго и политическаго быта. Но, грозя гибелью царству Израильскому, этотъ пастухъ наносилъ тѣмъ самымъ смертельный ударъ идеѣ мѣстнаго и національнаго божества-покровителя. Въ актѣ суда надъ своимъ народомъ Ягве Амоса возвышался на степень общечеловѣческаго начала.

Справедливость требуетъ замѣтить, впрочемъ, что соціальныя основы исторіи Израиля еще ждутъ своего изслѣдователя. Попытки въ этомъ направленіи со стороны отдѣльныхъ авторовъ, какъ, напр., *Бера* съ его прекрасными очерками классовой борьбы у древнихъ евреевъ (см. Neue Zeit, XI Jahrg. I B.) остаются, къ сожалѣнію, слишкомъ изолированными. Такимъ образомъ указанная нами односторонность Корнилля является недостаткомъ, присущимъ, болѣе или менѣе, всей богословской наукѣ Запада. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, невниманіе нашего автора къ реальнымъ факторамъ ветхозавѣтной исторіи идетъ уже черезчуръ далеко. Трудно понять, напримѣръ, почему такъ слабо освѣщенъ въ его лекціяхъ вопросъ объ отношеніи пророковъ къ государству,—въ частности объ ихъ политическомъ міросозерцаніи. Какъ извѣстно, на почвѣ этой проблемы въ средѣ спеціалистовъ обозначились весьма опредѣленныя разногласія. Нѣкоторые авторы, какъ напр., Ренанъ, готовы были видѣть въ nebiîm Израиля принципіальныхъ противниковъ правительственной власти—едва ли не анархистовъ. Въ настоящее время, въ особенности, послѣ исчерпывающаго изслѣдованія Вельгаузеномъ знаменитой рѣчи Самуила противъ царской власти (I кн. Сам. гл. 8. *Wellhausen*, Prolegomena, 258), можно считать такой взглядъ окончательно опровергнутымъ. Во всякомъ случаѣ, отмѣченный нами пробѣлъ въ книжкѣ Корнилля слѣдуетъ признать весьма существеннымъ.

Но будемъ благодарны ей и за то, что она даетъ. А даетъ она, несомнѣнно, много. Процессъ денаціонализаціи и денатурализаціи религіи Ветхаго Завѣта представленъ Корниллемъ чрезвычайно стройно и убѣдительно. Изображеніе важнѣйшихъ моментовъ этого процесса—какъ, напр. законодательства 621 г. съ его послѣдствіями или зарожденія іудаизма въ плѣну вавилонскомъ—плѣняетъ рѣдкой четкостью и прозрачной глубиной. Въ удивительной ясности изложенія сказывается то самообладаніе лекторской мысли, которое дается лишь полнѣйшимъ господствомъ надъ предметомъ. Наконецъ, тѣ страницы книги Корнилля, гдѣ рисуются величественныя тѣни Амоса, Іереміи, Исаіи, гдѣ

передаются чувства, вызываемыя чтеніемъ Второисаіи или книги Іоны, трогаютъ читателя благороднымъ одушевленіемъ и мягкимъ, задушевнымъ лиризмомъ.

Привѣтствуя русское изданіе лекцій Корнилля, мы увѣренно предсказываемъ ему достойный пріемъ со стороны читателей—въ особенности же среди лицъ, стремящихся къ самообразованію. Къ сожалѣнію, переводъ этой книги не свободенъ отъ существенныхъ недостатковъ. «Богатые... ежедневно заклали откормленнаго теленка...» (49) «Любовь, которая долготерпитъ и милосердствуетъ»... (62) «Онъ самъ сдѣлалъ для насъ нелегкимъ быть къ нему справедливымъ»... (63) «Грозной грозовой тучей»... (75) «Всѣ готовы были дать одурачить себя голосомъ языческихъ сиренъ»... (78) «Онѣ пришлись не по вкусу парѣ какихъ-то ненормальныхъ мечтателей».... (87) «Культъ небеснымъ свѣтиламъ»... (90) «Эстетически-поэтическія достоинства»... (94) «Одинъ изъ другихъ пророковъ»... (125) «Второисаія взвинтилъ эти ожиданія до головокружительной высоты»... (185) «Іудей страстно желалъ послѣдняго, какъ крайней цѣли своихъ пламенныхъ желаній»... (194—195). «Когда хотятъ поднять на смѣхъ Ветхій Завѣтъ... дешевой насмѣшкой, то не находятъ ничего болѣе подходящаго»... (202). Такими фразами и выраженіями испещрены страницы русскаго изданія лекцій Корнилля. Обиліе этихъ шероховатостей сообщаетъ переводу отпечатокъ недопустимой неряшливости. А, между тѣмъ, какъ хорошъ самый оригиналъ!

Владиміръ Потемкинъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Баччи, Э.** Безъ начала и конца. М. Ц. 1 р. 2) **Венгеровъ, С. проф.** Критико-біографич. словарь русск. писателей и ученыхъ. 2-е изд. Т. III. Вып. 4. (Куликовъ-Монсе). П. Ц. 2 р. 3) **Водовозовъ, В.** По Сербской Македоніи. Путев. замѣтки. П. 4) **Воинова, Дандурова, А.** Ника. Романъ. Ч. I. Ц. 1 р. Борисоглѣбскъ. 5) **Въ помощь плѣннымъ русскимъ воинамъ.** Литер. сборникъ подъ ред. Н. Давыдова и Н. Телешова. М. Ц. 2 р. 50 к. 6) **Дарскій, Д.** «Радость земли». Изслѣд. лирики Фета. М. Из-во К. Некрасова. Ц. 2 р. 7) **Записки декабриста И. Горбачевскаго.** Библ. мемуаровъ. Вып. II. К-во «Задруга». М. Ц. 2 р. 8) **Ивановъ. Е.** Такъ вотъ она любовь! М. Ц. 1 р. 50 к. 9) **Извѣстія Гл. Ком. по снабж. арміи.** № 13 и 14. Всероссійск. Земск. и Гор. Союзъ. 10) **Кабановъ, Н.** Учебникъ—атласъ анатоміи. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 4 р. 50 к. 11) **Калидаса** драмы. Пер. К. Бальмонта съ вступ. очер. С. Ольденбурга. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 75 к. 12) **Ковалевскій, М.** Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. М. К-во К. Некрасова. Ц. 50 к. 13) **Красноярскій обл. военно-промышленный комитетъ.** 14) **Кропоткинъ, П.** О войнѣ. Съ послѣсл. В. Бурцева. М. Скл. изд. к-во «Задруга». Ц. 40 к. 15) **Линниченко, И.** Патріархальные градоправители. Одесса. 16) **Масперо, Г.**

Ассирія. М. К-во М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 1 р. 25 к. 17) **Матеріалы по исторіи библіотековѣдѣнія въ Россіи.** (Библ. Сб. Т. II. Вып. 1). Изд. Библ. О-ва. 18) **Новиковъ, И.** Изд. Русск. Библ. О-ва. 18) **Новиковъ, И.** Изъ жизни духа. Романъ. Из-во К. Некрасова. Ц. 1 р. 80 к. Изд. 2-е. 19) **Памяти Н. И. Срезневскаго.** Кн. 1. П. Ц. 2 р. 50 к. 20) **Письма старообрядч. дѣятелей.** Собр. П. Власовъ. Вып. I. Ц. 60 к. М. 21) **Пушкинистъ.** Ист.-лит. сбор. Подъ ред. С. Венгерова. II. П. Ц. 1 р. 75 к. 22) Сборникъ т. XVIII. Вып. 1. Въ пам. отеч. войны 1812 г. Дѣйствія Ниж. Губ. Уч. А. К. 23) **Семеновъ, Л.** Изъ воспоминаній о проф. С. Соловьевѣ. Харьковъ. 24) **Труды** Тульск. губ. Уч. Арх. Ком. Кн. II. Ц. 2 р. 50 к.

Письма въ редакцію.

I.

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Имѣю честь покорнѣйше просить Васъ не отказать дать мѣсто въ одномъ изъ ближайшихъ № редактируемаго Вами журнала нижеслѣдующему моему заявленію.

Въ № 10 «Голоса Минувшаго» за 1915 годъ подъ заглавіемъ «Мелочи прошлаго» появилась замѣтка за подписью П. Юдина, посвященная воспоминаніямъ о бывшемъ Московскомъ Губернскомъ Предводителѣ Дворянства В. И. Ершовѣ. Въ этой замѣткѣ, между прочимъ, говорится: «Чтобы оказать ему (Ершову) нравственную и матеріальную поддержку, Московское Дворянство выбрало его своимъ Предводителемъ, обезпечивъ ежегодной выдачей на представительство въ 20 тыс. рублей».

Въ интересахъ истины считаю своимъ долгомъ заявить, что покойный В. И. Ершовъ состоялъ Подольскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства съ 1884 г. по 1890 г. и Московскимъ Губернскимъ Предводителемъ съ 1890 г. по 1892 г. и что за весь этотъ періодъ времени ни въ денежныхъ отчетахъ, ни въ журналахъ Дворянскихъ и Депутатскихъ Собраній никакихъ слѣдовъ объ ассигнованіи ему какихъ-либо денежныхъ суммъ не содержится. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что г. Юдинъ, сообщая о вышеуказанномъ пособіи В. И. Ершову со стороны Московскаго Дворянства, былъ введенъ въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями или слухами.

Примите увѣреніе въ совершенномъ мосмъ почтеніи.

Московскій Губернскій Предводитель Дворянства *Базилевскій*

Марта, 11 дня 1916 г.

II.

М. Г.

Въ мартовской книгѣ литературно-историческаго ежемѣсячника «Наша Старина» г. М. А. Капустянскимъ сообщается «стихотвореніе неизвѣстнаго автора, ходившее по рукамъ въ рукописи среди интеллигентной публики въ началѣ Крымской кампаніи» и озаглавленное «Посланіе государю Николаю Павловичу». Редакція напечатала этотъ «подлинникъ», помѣченный датой «3 марта 1853 г.», съ «нѣкоторыми незначительными сокращеніями, объясняемыми цензурными условіями».

Между тѣмъ, «Посланіе государю Николаю Павловичу», или вѣрнѣе, «Къ русскому царю»—извѣстное стихотвореніе П. Л. Лаврова, напечатанное въ *очень* распространенномъ журналѣ «Былое» (1907, кн. 2) и относящееся, какъ это видно изъ содержанія, къ 1855 г. «Незначительныя сокращенія, объясняемыя цензурными условіями», на которыя ссылается редакція «Нашей Старины», въ дѣйствительности довольно значительны—около 50 строкъ: они относятся преимущественно къ Англіи, бывшей въ 1855 г. въ числѣ воюющихъ съ Россіей державъ. Въ «Быломъ» стихотвореніе Лаврова было напечатано безъ купюръ.

П. Степанова.

154 93

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ

82.2
23

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ